

Б. Е. ИЛЛЕРИЦКИЙ

Революционная
историческая
мысль
в РОССИИ

В.Е. ИЛЛЕРИЦКИЙ

*Революционная
историческая
мысль
в РОССИИ*

(Домарксистский период)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
МОСКВА 1974

1 ФС
И 4

*Главная редакция
социально-экономической литературы*

И $\frac{10604-259}{004(01)-74}$ 86-75

© Издательство «Мысль». 1974

Введение

Героическая и самоотверженная борьба революционных сил России против самодержавно-крепостнического строя имела своей органической частью разоблачение принципов, теорий и взглядов, дававших идейную санкцию этому строю и восхвалявших его не только в настоящем, но и в прошлом. Идейная борьба обычно предшествовала революционной практике, теоретически ее обосновывала.

Революционная практика предшественников пролетарских революционеров в России давно и закономерно привлекает внимание советских ученых, она получила отражение в ряде исследований. Идейная же борьба деятелей освободительного движения изучена неравномерно. Менее других аспектов этой важной темы исследована революционная историческая мысль, разрушавшая каноны и догмы дворянской и буржуазной историографии.

За годы Советской власти были изданы работы, посвященные отдельным виднейшим представителям революционной исторической мысли — А. Н. Радищеву, В. Г. Белинскому, А. И. Герцену, Н. Г. Чернышевскому, Н. А. Добролюбову. Сама постановка проблемы принадлежит к числу важных заслуг советской исторической науки.

Настало время для обобщенной характеристики революционной исторической мысли в России.

Столь сложная задача выдвигает перед исследователем ряд новых и важных теоретических проблем, которые лишь отчасти затрагивались в предшествующих работах. Это прежде всего определение специфики исторической мысли сравнительно с общественной мыслью, выявление своеобразного содержания революционной исторической

мысли, периодизация революционной исторической мысли, определение особенностей каждого из этапов ее развития, качественного своеобразия революционной исторической мысли в индивидуальном творчестве ее виднейших представителей.

Разработка названных проблем — задача нашего исследования в целом. Во вводной его части они будут рассмотрены в самой общей форме в целях определения содержания предлагаемой монографии, ее структуры и особенностей.

Историческая мысль неразрывно связана с общественной мыслью, она всегда являлась ее важным слагаемым элементом. Историческая мысль имеет целью осмыслить исторический опыт того или другого народа — в этом заключается ее специфическое содержание и особенность. Но своими итогами в осмыслении исторического прошлого она всегда обращалась к современности, к разрешению злободневных общественно-политических задач, и в этом отношении она органически связана с общественной мыслью и обогащает ее содержание. Роднит их также и форма выражения — историческая мысль, как и общественная мысль в целом довольно часто отражается в публицистических произведениях, авторами которых выступают идеологи тех или иных общественных групп.

Что касается революционной исторической мысли, то в самом ее определении раскрывается ее особенность, заключающаяся в том, что ее выразителями выступили революционеры, идеологи освободительного движения в России, обращавшиеся к историческому опыту и опиравшиеся на него в целях революционной борьбы с самодержавием, революционного обновления России. Революционная историческая мысль — воюющая мысль. Для нее характерно использование исторического опыта для практики революционной борьбы, для определения тех исторических перспектив, будущего страны, во имя которого велась сама революционная борьба.

При таком понимании революционной исторической мысли выявляется ее отличие от академической профессиональной исторической науки. Правда, у них имеется такая общность, как предмет изучения — историческое прошлое. Но в понимании прошлого, в отборе актуальных проблем, в характере их осмысления на первый план выступают черты различия и даже противоположности,

когда речь идет об официально-монархической историографии или либерально-буржуазной исторической науке. По отношению к последним революционная историческая мысль выступает с позиций критики и разоблачения, видя в них идеологическое оружие враждебных классов.

Вместе с тем революционная историческая мысль отличалась и от демократической исторической мысли 50—70-х годов XIX в. Она возвышается над ней своей принципиальностью, последовательностью в отстаивании интересов народных масс, обосновании неизбежности и необходимости революционных средств борьбы. Представители революционной исторической мысли, как идеологи передового общественного движения, обычно выступали в авангарде демократически настроенных деятелей, занимали самые передовые позиции в теории, разрешали вопросы истории с наибольшей глубиной и революционной целеустремленностью. Это касается прежде всего самых выдающихся представителей домарксистской революционной исторической мысли в России — Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, достигших наиболее значительных результатов в познании истории с революционно-демократических позиций и вдохновлявших плеяду демократически настроенных деятелей, в том числе и профессиональных историков.

Характернейшей чертой революционной исторической мысли являлось то, что ее виднейшие представители выступали новаторами в разрешении проблем истории, в постановке актуальных вопросов, порожденных их временем, в толковании уже изучавшихся ранее проблем. С этим связана и та особенность революционной исторической мысли, что сферой ее проявления были прежде и более всего общие вопросы истории, логика исторического процесса, выявление его закономерностей, социологические проблемы, теоретические оценки, а не детальное исследование тех или иных конкретных вопросов истории, что являлось обычно сферой деятельности профессиональных историков.

Более того, представители революционной исторической мысли могли опираться — и часто делали это — на фактический материал и результаты конкретных исследований профессиональных историков. Но давали им свое толкование, перерабатывали их в соответствии с собственными теоретическими принципами, ставили их

на службу революционному разрешению проблем современности и определению перспектив исторического развития страны с революционных позиций.

Применительно к конкретным проблемам истории выделялось и другое отличие представителей революционной исторической мысли от профессиональных историков — это отсутствие «исторической дистанции» в отборе материала, столь характерной для дворянских и буржуазных историков, тяготение, напротив, к проблемам нового и новейшего времени, теснее связанным с актуальными, прежде всего политическими, вопросами современности, осуждение намеренного ухода «в глубь веков». Нельзя не отметить в этой связи значительного сходства в подходе революционных деятелей к истории с марксистским к ней отношением, хотя до утверждения марксизма не было последовательно научного истолкования исторического процесса.

В сложном процессе жадных исканий правильной революционной теории, о которых В. И. Ленин писал в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и которые начались с 40-х годов прошлого века¹, важным элементом были исторические воззрения деятелей освободительного движения домарксистского периода.

Органическая связь революционной исторической мысли с освободительным движением в России дает основание распространить ленинскую периодизацию последнего на периодизацию революционной исторической мысли в нашей стране. До утверждения марксизма в России она знала два этапа в своем развитии: дворянский и буржуазно-демократический, разночинский. Ее зачинателем выступил первый русский революционер А. Н. Радищев, еще не опиравшийся на оформившееся освободительное движение. Продолжателями Радищева явились дворянские революционеры — декабристы, А. И. Герцен и Н. П. Огарев. В. Г. Белинский был, по определению В. И. Ленина, «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении»², он сформулировал исходные принципы революционно-демократического истолкования исторического процесса. Н. Г. Чернышевский же и Н. А. Добролюбов со-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 7—8.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

вместно с плеядой своих единомышленников и последователей наиболее полно развили и обосновали революционно-демократические принципы истолкования исторического процесса, создали самостоятельное направление в русской историографии. К числу представителей этого направления следует отнести А. И. Герцена и Н. П. Огарева, сумевших к тому времени преодолеть в основном ограниченность дворянской революционности и подняться на высоты революционного демократизма. В этот период они внесли значительный вклад в развитие революционной исторической мысли в России.

Закрывают процесс ее развития в домарксистский период революционные народники. Оценка их вклада в развитие революционной исторической мысли сложнее. Наряду с некоторым снижением теоретического уровня воззрений сравнительно с такими корифеями, как Чернышевский и Добролюбов, революционные народники сумели внести определенный вклад в разработку ряда историко-социологических проблем и обнаружили особенности своих взглядов в освещении конкретных проблем отечественной и всеобщей истории.

В изучении революционной исторической мысли имеется возможность опереться на определенную историографическую основу.

Известно, что буржуазные ученые, преимущественно литературоведы, ограничивались изучением общественной мысли, трактуя ее или как «сознание русской интеллигенции» и представляя последнюю в качестве внеклассовой и внесловной группы (Р. В. Иванов-Разумник), или же растворяя общественную мысль в культуре (П. Н. Милюков). Естественно, что они при этом полностью игнорировали революционную историческую мысль. Это с особенной отчетливостью проявилось в раннем труде П. Н. Милюкова «Главные течения русской исторической мысли» (1897), в котором автор не считал необходимым выделить революционную историческую мысль и представить ее в качестве самостоятельного течения.

В тех же редких случаях, когда буржуазные исследователи не могли полностью игнорировать исторических работ революционных деятелей, они толковали выраженные в них идеи в русле буржуазных историко-социоло-

гических теорий, чем искажали их подлинное существо. Так, М. В. Ключков считал И. А. Добролюбова предшественником В. О. Ключевского в понимании задач исторической науки³.

Впервые марксистские принципы к изучению историко-социологических воззрений революционных деятелей России были применены Г. В. Плехановым.

Многочисленные работы Г. В. Плеханова о крупнейших представителях русской революционной демократии⁴, проникнутые глубоким уважением к ним, раскрывают с марксистских позиций характер и особенности их деятельности и воззрений, защищают их наследство от искажений со стороны реакционных, либерально-буржуазных и народнических историков русской общественной мысли. Г. В. Плеханов справедливо рассматривал историко-социологические взгляды демократических деятелей как важную сторону их мировоззрения и во многом правильно раскрывал содержание этих взглядов.

Однако ограниченный круг источников, бывших в распоряжении Плеханова, недостаточно последовательное применение им марксистской методологии к анализу этих вопросов, а впоследствии и меньшевистские взгляды не позволили ему вполне успешно справиться с задачей изучения исторических воззрений крупнейших деятелей революционной России. Он допускал недооценку степени зрелости и самостоятельности социологических воззрений революционных деятелей, а также материалистических тенденций в их исторических взглядах.

Последовательно научная методология в изучении всех проблем истории освободительного движения в России и его идеологии дана в трудах В. И. Ленина. Этим проблемам Ленин уделил много внимания в своих классических произведениях «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «От какого

³ Вступительный очерк М. В. Ключкова. — *И. А. Добролюбов*. Полн. собр. соч. Под ред. Е. В. Аничкова, т. VI. Пг., [б/г], стр. 12.

⁴ Наиболее важными из них являются четыре статьи о Чернышевском, напечатанные в сборнике «Социал-демократ» (1890—1892); статьи «Белинский и разумная действительность» (1897), «В. Г. Белинский» (1908); «Герцен-эмигрант» (1910), «Герцен и крепостное право» (1911), «Философские взгляды Герцена» (1912); книга «Н. Г. Чернышевский» (1910) и статьи: «Еще о Чернышевском» (1910), «Н. Г. Чернышевский в Сибири» (1913); «Добролюбов и Островский» (1911).

наследства мы отказываемся», в серии статей, написанных в 1911 г. в связи с 50-летним юбилеем крестьянской реформы, в особенности в статье «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция», в таких работах, как «Памяти Герцена», «О национальной гордости великороссов» и многих других.

В. И. Ленин раскрыл истоки революционной борьбы в России, показал ее классовую сущность, определил ее этапы и место каждого выдающегося деятеля в истории российского освободительного движения.

В трудах В. И. Ленина дана оценка воззрений А. Н. Радищева, декабристов, впервые выдвинуто и глубоко раскрыто определение дворянской революционности, ее специфических особенностей и черт классовой ограниченности, сформулированы и применены к конкретному материалу научные критерии в изучении всех этапов освободительного движения в России.

В истории революционного движения в России до утверждения в ней марксизма В. И. Ленин особое внимание уделил его более зрелому — разночинскому этапу как этапу борьбы демократических сил России за интересы крестьянства. В трудах В. И. Ленина содержится исчерпывающий анализ политической программы русской революционной демократии как боевой программы народной, крестьянской революции. В. И. Ленин дал глубокую и разностороннюю оценку демократической идеологии, раскрыл подлинный смысл теоретических исканий революционеров-демократов как исканий правильной революционной теории, которые завершились впоследствии утверждением марксизма в России.

В. И. Ленин отмечал высокий теоретический уровень воззрений идеологов демократического движения в России, выделяя среди них А. И. Герцена и в особенности Н. Г. Чернышевского. Подчеркивая, что эволюция взглядов идеологов русской революционной демократии совершалась в направлении к историческому материализму, Ленин указывал, что Герцен «остановился перед — историческим материализмом»⁵, в то время как в воззрениях Чернышевского уже содержался и «зачаток исторического материализма»⁶. В. И. Ленин отметил и историческую

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 58.

ограниченность взглядов этих революционных деятелей в России, черты утопизма в их воззрениях.

Однако указания В. И. Ленина не сразу были осмыслены советскими учеными во всем их истинном значении и глубоко научном содержании. Историко-социологические воззрения революционных деятелей России стали предметом самостоятельного изучения сравнительно поздно и первоначально рассматривались, как правило, в общих работах, посвященных их мировоззрению в целом. Так, в юбилейной литературе, изданной в 1928 г. в связи со 100-летием со дня рождения Н. Г. Чернышевского, его историко-социологические воззрения были рассмотрены в книге Ю. М. Стеклова⁷ и получили неправильную оценку в качестве материалистических, что было связано с неверной общей оценкой Стекловым мировоззрения Н. Г. Чернышевского как по существу марксистского.

Историк-марксист М. Н. Покровский в том же юбилейном году посвятил историческим взглядам Н. Г. Чернышевского специальную статью⁸, справедливо характеризовал их как самостоятельную и важную сторону мировоззрения великого русского демократа, но его общая оценка Н. Г. Чернышевского как историка страдала противоречивостью, сочетала признание его взглядов на историю и как материалистических, и как идеалистических.

В работах советских исследователей, изданных до середины 30-х годов и посвященных общей оценке мировоззрения выдающихся революционных деятелей России или специально касавшихся их историко-социологических взглядов, например в книгах И. Д. Шахназарова⁹ и В. Полянского¹⁰, допускались те или иные ошибки, отражавшие слабые стороны процесса становления советской исторической науки на исходном этапе ее развития: абстрактный социологизм, непреодоленные элементы упрощенчества в определении социальных истоков воз-

⁷ Ю. М. Стеков. Н. Г. Чернышевский, т. I—II. М., 1928.

⁸ М. Н. Покровский. Н. Г. Чернышевский как историк. — «Историк-марксист», 1928, № 8.

⁹ И. Д. Шахназаров. Русское революционное просветительство в борьбе с буржуазной и дворянской историографией. М.—Л., 1934.

¹⁰ В. Полянский (П. И. Лебедев). Н. И. Добролюбов. М., 1933.

зрений революционных демократов, переоценка внешних идейных влияний и т. п.

Более значительные результаты в интересующем нас направлении были достигнуты в последующий период, начиная с середины 30-х годов, после того как известные постановления партии и правительства об исторической науке поставили перед советскими историками задачу глубокого изучения конкретных проблем. Важнейшее значение в этот период стало придаваться раскрытию социального содержания и революционной направленности деятельности идеологов освободительного движения в России, определению их вклада в развитие передовой общественной мысли, и в частности революционной исторической мысли. В этот период была опубликована серия статей, посвященных историческим взглядам выдающихся представителей революционного движения в России¹¹.

Однако достигнутые успехи не исключали и существенных недостатков. В некоторых работах имелись рецидивы допускаявшихся ранее ошибок¹², но вместе с тем обнаруживались и другие методологические изъяны и слабые стороны. Они проявились в идеализации воззрений революционных деятелей прошлого, в сглаживании присущих им противоречий, подтягивании их взглядов к марксизму, модернизации тех условий, в которых протекала деятельность идеологов революционного движения в России, в изоляции их идейного развития от воздействия передовой общественной мысли Западной Европы. Эти ошибочные положения в наибольшей мере были свойственны В. Баскакову, Д. И. Чеснокову, В. С. Кружкову, С. А. Покровскому¹³, характеризовавшим общее миро-

¹¹ А. Л. Шапиро. Вопросы русской истории в произведениях Чернышевского. — «Н. Г. Чернышевский» (1889—1939), [сб.]. Саратов, 1939; В. Е. Иллерицкий. Исторические взгляды В. Г. Белинского. — «Вопросы истории», 1948, № 7; Э. Виленская. Исторические взгляды А. Н. Радищева. — «Вопросы истории», 1949, № 9; С. Волк. Исторические взгляды декабристов. — «Вопросы истории», 1950, № 12; В. Е. Иллерицкий. Исторические взгляды А. И. Герцена. — «Вопросы истории», 1952, № 10.

¹² К таким работам следует отнести, например, статью А. В. Предтеченского «Исторические воззрения Добролюбова» («Известия АН СССР». Отдел общих наук, 1936, № 1—2).

¹³ В. Баскаков. Социологические воззрения В. Г. Белинского. М., 1948; его же. Мирозозрение Н. Г. Чернышевского. М., 1956;

воззрение и социологические взгляды революционных деятелей.

Начиная с середины 50-х годов отмеченные ошибки стали успешно преодолеваются. Важнейшее значение в этом отношении имели широко развернувшаяся работа по преодолению в общественных науках догматизма и начетничества, более глубокое усвоение ленинских оценок тех исторических проблем, в трактовке которых допускались отступления от истины.

В исследованиях по интересующей нас тематике проявились и новые тенденции, свидетельствующие о достижениях советской исторической науки на новом этапе ее развития. Разработка исторических воззрений идеологов революционного движения в России поднялась на более высокую — монографическую ступень. Была создана серия книг об исторических взглядах революционных деятелей, в которых основательно, на более широкой источниковедческой базе ставились и разрешались проблемы избранной темы¹⁴.

Не все из этих монографий равноценны. В некоторых из них, относящихся к более раннему периоду, в определенной мере отражались недостатки, отмеченные выше, неодинаково в них и профессиональное мастерство авторов. Но в целом советские историки проделали значительную работу, обогатив новую проблематику историографическую литературу.

Однако достигнутые успехи не могут скрыть имеющихся пробелов. Не все проблемы изучены в достаточной мере. Не подведены итоги изучения исторических взглядов А. Н. Радищева. Нет специальных работ об исторических взглядах петрашевцев, Н. П. Огарева, Н. В. Шелгунова, крайне слабо изучены исторические взгляды революционных народников. Не прослежена преемственность в обогащении традиций революционной историче-

Д. И. Чесноков. Мировоззрение Герцена. М., 1948; *В. С. Кружков.* Мировоззрение Н. А. Добролюбова. М., 1950; *С. А. Покровский.* Политические и правовые взгляды Чернышевского и Добролюбова. М., 1952.

¹⁴ *В. Е. Иллерицкий.* Исторические взгляды В. Г. Белинского. М., 1953; *Н. Пирумова.* Исторические взгляды А. И. Герцена. М., 1956; *С. С. Волк.* Исторические взгляды декабристов. Л., 1958; *В. Е. Иллерицкий.* История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963. Содержание этих работ будет рассматриваться в последующих главах монографии в соответствии с их тематикой.

ской мысли. Последняя все еще представлена разрозненными звеньями. Недостаточно раскрыто своеобразие способов и форм выражения исторических воззрений в произведениях революционных деятелей.

Поэтому революционная историческая мысль продолжает нуждаться в систематическом и целенаправленном обобщающем исследовании. Необходимо заполнить имеющиеся проблемы в ее изучении, соединить разрозненные звенья предшествующих исследований на частные темы в единую цепь. На этой основе следует попытаться создать исследование, посвященное развитию революционной исторической мысли в целом — со времени ее зарождения в России в последней четверти XVIII в. и до возникновения и распространения марксизма в нашей стране, т. е. до 80-х годов прошлого века.

Научный анализ революционной исторической мысли может быть осуществлен только на основе марксистско-ленинской методологии. Это обязывает исследователя раскрыть тезис о том, что революционная историческая мысль генетически связана с марксистской историографией, поскольку она идейно готовила почву для ее утверждения, но вместе с тем показать и различие в их классовой основе и теоретическом уровне. Тем самым будет установлено подлинное место революционной исторической мысли в процессе поступательного развития исторической науки в России, показано, что в домарксистский период она отражала чаяния и стремления угнетенных трудящихся масс, была тесно связана с их революционной борьбой за социальное освобождение. Это определяло особое место революционной исторической мысли в познании истории, ее вклад в развитие исторической науки России до утверждения в ней марксизма.

При подготовке книги автором были проанализированы произведения революционных деятелей, посвященные вопросам истории или содержащие в той или иной форме оценки исторических явлений. Комплекс таких источников весьма обширен и в своей совокупности вполне обеспечивает возможность всестороннего изучения исторических воззрений представителей революционной мысли в России.

Исследователи, работы которых были рассмотрены в историографическом обзоре, своими разысканиями по-

степенно обогащали источниковедческую основу для изучения воззрений революционных деятелей и совершенствовали методы их анализа. Однако исследовательский опыт в этом направлении не получил должного обобщения. Между тем необходимость специального изучения особенностей источников, раскрывающих исторические воззрения революционных деятелей, не подлежит сомнению.

Решение такой задачи тем более важно, что отдельные буржуазные исследователи (М. В. Ключков, Е. В. Аничков) пытались обосновать свою недооценку необходимости самостоятельного изучения исторических взглядов революционеров-демократов ссылкой на то, что демократические деятели якобы не имели работ, которые следует рассматривать в качестве исторических в собственном смысле этого определения и что они как публицисты будто бы ограничивались лишь эпизодическими высказываниями по вопросам истории. В соответствии с этими ошибочными заключениями демократическим деятелям приписывалось отсутствие сложившейся системы исторических воззрений.

Даже некоторые советские историки, в известной мере осознававшие значение изучения исторических взглядов революционных деятелей, не сумели, однако, правильно разрешить этой задачи, поскольку не поняли своеобразия произведений этих выдающихся мыслителей как источников для изучения их исторических воззрений.

К числу таких историков относился Н. Л. Рубинштейн, который в своей книге «Русская историография» обосновывал тезис, согласно которому попытка раскрытия системы исторических воззрений Чернышевского не может быть успешной, потому что его роль якобы «состояла не в создании новой концепции русской истории в целом, а в том, что он подверг критической оценке ряд важных проблем русской истории и учил критическому подходу к явлениям исторического прошлого»¹⁵. Кроме того, Н. Л. Рубинштейн утверждал, что «Чернышевский по вопросам русской истории выступал не как самостоятельный исследователь, а откликался на вопросы, поднятые перед ним современностью и отраженные в исто-

¹⁵ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., 1941, стр. 370.

рической литературе. Из критики этой литературы он обыкновенно и исходил»¹⁶.

Форма произведений Чернышевского скрыла от Н. Л. Рубинштейна их подлинное содержание и значение. Поэтому Н. Л. Рубинштейн исходил из предположения о возможности предъявления Чернышевскому тех же требований, которым должны отвечать историки-профессионалы, представители академической исторической науки. Все это помешало Н. Л. Рубинштейну правильно решить вопрос о действительном характере исторических взглядов великого русского демократа и даже привело его к некоторым противоречиям. Так, например, непонятно, как мог Чернышевский «подвергнуть критической оценке ряд важных проблем русской истории», учить «критическому подходу к явлениям исторического прошлого», если не имел системы сложившихся революционно-демократических воззрений на историю, своей исторической концепции, если не был способен самостоятельно изучить и осмыслить те исторические проблемы, в оценке которых он не соглашался с современными ему историками?

Бесспорно, что Чернышевский и Добролюбов, как и другие выдающиеся революционные деятели, не были историками-профессионалами, не посвящали своей жизни историческим исследованиям, не занимались специально изысканием и накоплением источников. Но столь же бесспорны неиссякаемый интерес, проявлявшийся ими к изучению истории, и то весьма значительное внимание, которое они уделяли в своих произведениях исторической тематике. Подход к изучению этой тематики, метод анализа исторических явлений и характер их освещения имел у революционных деятелей, как мы убедимся, свои особенности сравнительно с представителями дворянско-буржуазной историографии. Но каковы бы ни были эти особенности, разработка проблем требовала от идеологов революционного движения обширных и разносторонних конкретных познаний в области истории, хорошего знания известных в их время исторических источников, умения анализировать их содержание и самостоятельно оценивать исторические события и явления, тщательно продуманных теоретических выводов, характеризующих с революционных позиций движущие силы и закономер-

¹⁶ Там же.

ности исторического процесса и составляющих основу оригинальной системы исторических взглядов.

Определим в общей форме группы источников, раскрывающих исторические воззрения революционных деятелей, отметим их важнейшие особенности и укажем, какие группы источников преобладали у идеологов освободительного движения на различных его этапах.

Преимущественной формой выражения воззрений А. Н. Радищева, в том числе и его исторических взглядов, были художественно-повествовательные («Путешествие из Петербурга в Москву») и поэтические (поэма «Вольность») произведения.

Для декабристов важнейшими в этом отношении были их программные документы политического характера типа «Русской правды» П. И. Пестеля и «Конституции» Никиты Муравьева. Но декабристам же принадлежат и философские, экономические трактаты, произведения на исторические темы, статьи, рецензии.

Последняя группа источников характерна и для деятелей демократического движения, начиная с В. Г. Белинского и кончая революционными народниками.

Наиболее важное значение для раскрытия воззрений революционных деятелей как системы взглядов на историю имели, конечно, исторические труды в различных формах — обобщающие работы, статьи на исторические темы, рецензии на труды историков-профессионалов, заметки на исторические темы.

Обобщающих произведений, посвященных проблемам истории, у революционных деятелей было сравнительно мало. Наиболее типична среди них работа А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России» (1851), раскрывающая тему на широком фоне истории России и Западной Европы, начиная с древнейших времен и кончая первой половиной XIX в. К числу таких же работ может быть отнесена серия рецензий Н. А. Добролюбова на многотомный труд Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого», получившая общее наименование «Первые годы царствования Петра I» и переросшая по своему характеру в обобщающий труд по истории России.

Наиболее многочисленную группу произведений революционных деятелей, посвященных исторической тематике, составляют рецензии на исторические труды рус-

ских и западноевропейских историков, а также на сборники документов, мемуарные произведения, на учебные пособия и руководства. При этом отбор работ для рецензирования отнюдь не обуславливался у идеологов освободительного движения простым стремлением откликнуться на те или иные новинки книжного рынка, но подчинялся определенным политическим и научным интересам.

Преобладание рецензий в литературном наследстве революционных деятелей не было случайным. Монографические исследования, лекционные курсы и другие труды по истории академического типа могли издаваться преимущественно историками-профессионалами, представителями университетской исторической науки, разделявшими официально-монархическую идеологию, или буржуазными историками, воззрения которых хотя подчас и содержали в себе оппозиционные элементы по отношению к этой идеологии, но оставались по своим коренным принципам приемлемыми для господствующих классов. Революционные же деятели находили другие формы выражения своих исторических взглядов, которые в большей мере соответствовали их интересам. В журнальных статьях, в рецензиях на издававшиеся в их время исторические работы они не ограничивались оценкой содержания последних, но одновременно излагали свое понимание рассматриваемых событий. Рецензии давали идеологам освободительного движения возможность быстро откликнуться на новые явления в исторической науке, незамедлительно возражать своим противникам, опровергать враждебные воззрения, защищать и обосновывать собственные убеждения и вместе с тем в наиболее доступной для широких кругов читателей форме пропагандировать свои исторические взгляды.

Форма журнальных выступлений по вопросам истории, как и по всем другим вопросам, была для революционных деятелей не навязанной обстоятельством необходимости, а свободно избранным и предпочтительным перед всеми другими возможными в их время способом общения с читателями. Публикация статей в журналах давала идеологам демократического движения возможность непосредственного обращения к передовому читателю, была средством оказания помощи такому читателю в выработке прогрессивных взглядов на исто-

рию, а также средством активного участия в развитии передовой исторической науки своего времени. Такая форма общения революционных деятелей с читателями преобладала на втором этапе развития освободительного движения в России, когда идеологи демократического движения стремились всемерно распространить свои революционные взгляды в целях идейной подготовки народной революции.

Большое значение для выяснения исторических воззрений деятелей демократического движения имеет исследование литературно-критических статей. Не следует забывать, что В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов и Д. И. Писарев, а также в значительной мере и Н. Г. Чернышевский были авторитетными литературными критиками в тех журналах, которые они редактировали или были основными сотрудниками. В этих статьях они затрагивали и историческую тематику или посвящали ей в той или иной связи обширные экскурсы, без рассмотрения которых невозможно понимание исторических воззрений названных деятелей, особенно по вопросам истории культурной и идейной жизни русского общества XIX в.

Для изучения революционной исторической мысли определенное значение имеют письма революционных деятелей, их дневники, мемуары, а также показания на следствиях, хотя последние требуют, конечно, внимательного критического анализа. Письма хорошо дополняют сведения об исторических воззрениях революционных деятелей, получаемые в результате разбора их опубликованных произведений, и особенно ценны тем, что содержат идеи и мысли, которые их авторы излагали, не оглядываясь на цензуру.

Важную группу источников, наиболее полно раскрывающих исторические воззрения демократических деятелей в их «неурезанном виде», составляют бесцензурные произведения, прежде всего произведения А. И. Герцена и Н. П. Огарева, изданные Вольной русской типографией. В этих работах открыто, с агитационной и научной целью затрагивались такие проблемы недавнего прошлого и современности, которые невозможно было освещать в произведениях, издаваемых в России. В этом смысле данные работы являются ценным дополнением, а иногда и средством расшифровки подцензурных произведений,

публиковавшихся революционными деятелями в самой России.

Необходимо иметь в виду подпольные произведения, революционные прокламации Н. Г. Чернышевского («Барским крестьянам»), петрашевцев, серии прокламаций 60-х годов, авторами которых были Н. П. Огарев, М. И. Михайлов, Н. Серно-Соловьевич, Н. В. Шелгунов. В этих прокламациях разоблачалась реакционная политика самодержавного правительства не только в настоящем, но и в прошлом. Огромная ценность этих произведений в их агитационном характере, непосредственном обращении не только к демократически настроенной интеллигенции, но в ряде случаев (на втором этапе освободительного движения в России) и к народным массам. Однако следует учитывать, что далеко не все из них получили массовое распространение, а некоторые вообще не дошли до читателя и потому не оказали общественного воздействия в свое время.

Однако названные источники требуют особых приемов их изучения. Следует учитывать и определять принадлежность различного вида источников к тому или иному этапу развития освободительного движения в России, сознавать подцензурный характер большинства произведений революционных деятелей и знать особенности их «эзоповского языка». Необходимо также учитывать в ряде случаев и эпизодичность суждений революционных деятелей по вопросам истории, что обязывает сопоставлять их с другими высказываниями, принимать во внимание публицистический характер многих работ революционных деятелей, а также считаться с эволюцией воззрений идеологов революционного движения в России.

Эти в общем виде сформулированные важнейшие особенности источников, раскрывающих исторические взгляды революционных деятелей России домарксистского периода, будут на конкретном материале охарактеризованы в последующих главах нашей монографии при рассмотрении соответствующих вопросов.

**А. Н. Радищев — зачинатель
революционной исторической мысли
в России**

Александр Николаевич Радищев был современником переломной эпохи в мировой истории — эпохи крушения устоев феодально-крепостнической системы и утверждения буржуазных отношений. 70—90-е годы XVIII в. — период окончательного оформления и развития революционных убеждений Радищева — были временем невиданной ранее концентрации выдающихся событий: крупнейшей в истории России Крестьянской войны под водительством Емельяна Пугачева, войны за независимость в Северной Америке 1776—1783 гг., Великой французской революции 1789—1794 гг.

А. Н. Радищев, чутко отражая в своих воззрениях и творчестве особенности этой эпохи, выступил первым в России революционером и зачинателем революционной мысли.

Мировоззрение Радищева к настоящему времени изучено советскими исследователями достаточно основательно и разносторонне. Многие важнейшие проблемы при этом получили единодушное разрешение, некоторые же из них остаются дискуссионными и нуждаются в дополнительном изучении¹.

К числу несомненных выводов советских исследователей следует отнести прежде всего оценку Радищева как первого русского революционера-республиканца, положившего начало революционной мысли в России. С этим связана критика советскими учеными работ П. Н. Милю-

¹ Дискуссии вокруг идейного наследия Радищева неоднократно вспыхивали как в дореволюционной, так и в советской литературе. Обобщенная сводка этих дискуссий дана в книге Ю. Ф. Карякина и Е. Г. Плимака «Запретная мысль обретает свободу» (М., 1966).

кова, «веховцев» и других представителей буржуазной историографии, в которых убеждения Радищева оцениваются как либеральные.

Не вызывают к настоящему времени существенных разногласий и выводы советских ученых об истоках революционных убеждений Радищева. Они справедливо усматривают их прежде всего в особенностях переломной эпохи, во влияниях на Радищева социальных катаклизмов в России и в Западной Европе, а также в воздействии на него идей революционного просветительства и демократизма наиболее радикальных представителей французских энциклопедистов. Отмечалось в литературе и восприятие Радищевым идей современных ему русских просветителей — С. Е. Десницкого, Я. П. Козельского и др.

Что же касается чрезвычайно важного вопроса о характере революционности Радищева, то он еще не получил среди советских исследователей единодушного разрешения. Одни из них склонны рассматривать Радищева предшественником революционеров-демократов в России и даже революционным демократом своего времени (Г. П. Макогоненко, М. А. Горбунов), другие же — предшественником дворянских революционеров (М. В. Нечкина, Э. С. Виленская, С. С. Волк).

В нашу задачу не входит подробное рассмотрение этого вопроса, однако нам представляется, что его сложность значительно преувеличивается потому, что исследователи добиваются однозначного решения данного вопроса. Несомненно, что Радищев — первый русский революционер — исторически является предшественником дворянских революционеров — декабристов. Однако в условиях своей бурной эпохи он мог высказывать — и действительно высказал — глубокие идеи (о роли народных масс в истории, надежды на народную, крестьянскую революцию в России), предвосхитив в некоторых отношениях русских революционеров-демократов XIX в.

Вместе с тем в деятельности и воззрениях Радищева были и такие особенности, которые отличали его не только от революционеров-демократов XIX в., но и от его непосредственных продолжателей — декабристов. Хотя он не был одиноким в своих революционных убеждениях, но еще не мог опереться на деятельность революционных организаций, на революционное движение даже

в той его первоначальной стадии, которая была позднее представлена декабристами, т. е. на революционную практику в самой России. Этим объясняются не всегда отчетливая постановка вопросов революционной теории, не вполне последовательное их разрешение, известная противоречивость его воззрений, даже при учете эволюции последних, некоторая абстрактность его теоретических выводов. Высказывая мысли, созвучные с убеждениями революционеров-демократов XIX в., Радищев вместе с тем был чужд идеям утопического социализма, игравшим столь важную роль в мировоззрении и деятельности идеологов демократического движения в России XIX в. Революционный опыт декабристов, петрашевцев, достижения философской мысли первой половины XIX в., прежде всего диалектика Гегеля, — все это обогатило передовую общественную мысль в России лишь впоследствии.

Великая заслуга Радищева перед освободительным движением в России заключалась в том, что он был начинателем революционной мысли, первым революционером в нашей стране, и потому нет нужды ни искусственно преувеличивать его деятельность, ни антиисторически оценивать характер и содержание его революционных убеждений. Заслуга Радищева выражается прежде всего и главным образом в его глубоко новаторском подходе ко всем актуальным вопросам своего времени, к проблемам истории России, к определению перспектив исторического развития своей родины. Истоки же этого новаторства — в его революционных, антисамодержавных и антикрепостнических убеждениях. Радищеву принадлежит также почин смелой пропаганды своих революционных воззрений, о чем свидетельствует издание им своего замечательнейшего произведения — «Путешествие из Петербурга в Москву».

Значение Радищева, таким образом, состоит в том, что он выступил основоположником революционных традиций в истории русской общественной мысли, первым стал решать философские, социологические и исторические вопросы с антикрепостнических, антисамодержавных позиций.

Наконец, Радищев — пленник и жертва самодержавия — навсегда остался вдохновителем всех последующих поколений революционных борцов в России.

Изучение различных сторон революционного мировоззрения Радищева в советское время имеет свою историю. Первоначально — и это вполне закономерно — наиболее пристально исследовались социально-политические воззрения Радищева в связи с анализом его важнейших произведений². В 40—50-х годах XX в., особенно в связи с 200-летием со дня рождения А. Н. Радищева, широко отмечавшимся в 1949 г., стали внимательно изучаться его философские, экономические, социологические и исторические взгляды (работы Г. П. Макогоненко, М. А. Горбунова, Е. В. Приказчиковой, Л. Б. Светлова, Э. С. Виленской и др.)³. Разноречивость выводов этих авторов вызвала длительную и острую дискуссию о месте Радищева в истории освободительного движения в России и характере его революционности на страницах журнала «Вопросы философии» (1955—1958 гг.).

Не вдаваясь в детальный анализ обширной литературы о Радищеве, подчеркнем, что важной заслугой советских ученых в этот период была первоначальная разработка исторических воззрений А. Н. Радищева, прежде не привлекавших внимания исследователей, чем обеднялось представление о подлинном содержании и богатстве многогранного мировоззрения зачинателя революционной мысли в России.

Первой работой об исторических взглядах была статья Э. С. Виленской⁴. Сама постановка вопроса о необходимости специального изучения исторических взглядов А. Н. Радищева как важной стороны его революционного мировоззрения была несомненной заслугой автора. Э. С. Виленская внимательно исследовала литературное наследство А. Н. Радищева, в том числе и неизданные в тот период материалы (например, его рукопись «О подушном сборе»)⁵, очертила круг интересов Радищева в области истории, много внимания уделила раскрытию

² В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования. М.—Пг., 1923.

³ См. характеристику точек зрения названных авторов в упомянутой работе Ю. Ф. Карякина и Е. Г. Плимака.

⁴ Э. Виленская. Исторические взгляды А. Н. Радищева. — «Вопросы истории», 1949, № 9.

⁵ Архив ЛОИИ АН СССР. Собрание А. Р. Воронцова. Позднее рукопись была опубликована в третьем томе сочинений А. Н. Радищева.

революционного содержания его исторических идей, установила их связь с общей системой социально-политических и философских воззрений Радищева.

Однако в первой статье об исторических воззрениях А. Н. Радищева не могли не обнаружиться и некоторые недостатки. Так, Виленская рассматривала А. Н. Радищева в качестве революционера-демократа⁶. Она не показала всей сложности его социально-политических воззрений, их эволюцию, нашедшую отражение в исторических взглядах революционного мыслителя, не показала влияния Радищева на декабристов, продолжателей его дела, недостаточно раскрыла представления Радищева по вопросам истории России.

Последующие исследователи исторических взглядов Радищева восполнили эти пробелы, расширили круг проблем, привлекавших его внимание. Так, Б. Б. Кафенгауз рассмотрел взгляды Радищева на историю России⁷; в специальном разделе «Очерков истории исторической науки в СССР», написанном М. А. Алпатовым и Б. Б. Кафенгаузом, впервые уделено значительное внимание вопросам всеобщей истории в освещении Радищева. Нельзя не отметить при этом характерное для времени издания (1955 г.) первого тома «Очерков истории исторической науки в СССР» необоснованное противопоставление А. Н. Радищева французским просветителям⁸.

Отмеченная крайность была преодолена в книге Л. В. Черепнина «Русская историография до XIX века» (1957), в которой были более полно раскрыты взгляды Радищева на историю России и вместе с тем отмечены некоторые черты противоречивости в воззрениях Радищева.

В последние годы изданы работы, обстоятельно рас-

⁶ Этой же оценки Э. Виленская придерживалась и в статье в «Исторических записках» (1950, т. 34). В дальнейшем она изменила свою точку зрения, назвав Радищева дворянским революционером (Э. Виленская. О спорных вопросах и методах изучения идейного наследия А. Н. Радищева. — «Вопросы философии», 1956, № 5, стр. 163—174).

⁷ Б. Б. Кафенгауз. А. Н. Радищев об истории России (Доклад на юбилейной сессии Отделений истории и философии, литературы и языка АН СССР 6 сентября 1949 г.). — «Ученые записки МГУ», вып. 156. М., 1952, стр. 66—80.

⁸ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 1. М., 1955, стр. 228.

крывающие социологические взгляды Радищева⁹. Однако они, как нам представляется, не всегда отчетливо выделяются из его социально-политических воззрений.

Тем не менее полностью удовлетвориться достигнутым в изучении исторических взглядов Радищева еще нет оснований.

Даже в таком обобщающем труде, как «Очерки истории исторической науки в СССР», не показана должным образом связь идей Радищева с последующим развитием революционной исторической мысли в России. Остается недостаточно раскрытым место исторических взглядов Радищева в общей системе его революционных воззрений.

Наконец, в имеющейся литературе не подчеркивается тот важный вывод, что для Радищева как зачинателя революционной исторической мысли первостепенное значение приобретала разработка социологических проблем, задача же освещения конкретных событий истории играла второстепенную роль и не заняла большого места в его литературном наследстве.

Советские исследователи убедительно доказали, что завершение оформления революционных убеждений Радищева, нашедших наиболее яркое отражение в «Путешествии из Петербурга в Москву», происходило на протяжении 80-х годов XVIII в., свое же первоначальное выражение они получили в оде «Вольность». Важно при этом подчеркнуть значение исторического опыта, осмысленного Радищевым с революционных позиций, в формировании его передового мировоззрения.

В традициях своего времени Радищев обратился в оде «Вольность» к античной истории — истории падения республиканского Рима и утверждения деспотизма в императорском Риме. Уже этот опыт дал возможность Радищеву сформулировать его известный «социологический закон» о борьбе противоположных начал — «вольности» и «самовластия».

Однако борьба этих начал, по убеждению Радищева, отнюдь не ограничивалась античным миром. Социологический закон о борьбе противоположных начал приобретал у него значение универсального, потому что он подтверждался всей последующей историей человечества, и

⁹ «История философии в СССР», т. 2. М., 1968, стр. 103—113.

прежде всего новейшей для Радищева историей — опытом английской революции XVII в. и войны за независимость в Северной Америке 1776—1783 гг., которая победоносно завершилась ко времени написания оды «Вольность» (1782—1783 гг.). Такой вывод свидетельствовал одновременно и о стихийно-диалектическом подходе Радищева к общественному развитию, и о его новаторстве в истолковании истории человечества.

Обосновывая свой вывод, Радищев опирался не только на исторический опыт, революционно истолкованный им, но и на явления современности, более всего на процессы и события, протекавшие в России его времени, резкое обострение социальных противоречий в стране, создавших угрозу самодержавно-крепостническому строю в годы мощной Крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева.

Все сказанное не избавляло, однако, воззрений Радищева от противоречивости, неизбежной для зачинателя революционной мысли в России. Его суждения о борьбе противоположных начал в общественном развитии могут быть истолкованы — и действительно так толковались рядом исследователей — как выражение «теории круговорота», так как борьба свободы и самовластия неизменно приводила сначала к утверждению одного начала, а затем к его смене противоположным. Только внимательное изучение эволюции мировоззрения Радищева, его трактовки всех важнейших политических и историко-социологических проблем приводит к выводу, что в понимании Радищевым общественного развития все более определено проявлялась тенденция истолкования этого развития в качестве поступательно-прогрессивного, приводящего в конечном итоге к торжеству свободы над самовластием, и в этом сущность исторического оптимизма Радищева.

А. Н. Радищев впервые поднялся до вывода о необходимости насильственного, революционного уничтожения самодержавно-крепостнического строя и стремился дать этому выводу развернутое историко-социологическое обоснование.

Самодержавно-крепостнический строй в России представлял собой вопиющее противоречие идеям «естественного права» и «общественного договора», получившим во времена Радищева широкое распространение не только в Западной Европе, но и в кругах передовой интеллиген-

ции в России. «Крестьянин в законе мертв», — заявлял Радищев (*P., I, 305*)¹⁰. Он был полностью лишен своего важнейшего естественного права на свободу, совершенно лишался гражданских прав и какого-либо участия в политической жизни страны. Крестьяне «походят на чело- века, — отмечал Радищев, — одним токмо видом, в про- чем обременены тяжестью своих оков, лишены всех благ, исключены из всего наследия человека, угнетены, уни- жены, презренны», «им позволено только расти, потом умирать», они уподоблены «тяглому скоту» (*P., I, 216*).

Крестьян угнетают помещики — «звери алчные», «пьявицы ненасытные», они лишают крестьян всяких че- ловеческих прав. Интересы крестьян и помещиков непри- миримы, борьба крестьян за освобождение неизбежна, и она должна быть доведена до их полного освобождения. Радищев отстаивает право крестьян на свободу, подчер- кивает справедливость их борьбы за освобождение. И с этой целью он опять-таки обращается к теориям «естественного права» и «общественного договора» как теориям, обосновывающим право народа на борьбу про- тив тех социальных сил и правителей, которые нарушили естественные права народа, изменили общественному до- говору. В революционной трактовке этих теорий Радищев не только следовал за самыми радикальными мыслите- лями Франции, но и впервые применял эти теории к кон- кретным условиям крепостнической России, преодолевая реформистские иллюзии большинства русских просвети- телей своего времени и собственные либеральные колеба- ния.

В органической связи с революционными выводами Радищева о борьбе угнетенных за освобождение находи- лась трактовка им кардинальной социологической про- блемы о роли народных масс в истории. Угнетенные на- родные массы сами своей борьбой должны добиться освобождения — делал вывод Радищев. Этот вывод, обращенный к будущему, он опять-таки мог сделать лишь на основе исторического опыта, притом опыта не столько России, знавшей одни стихийные народные возмущения, которые неизменно подавлялись, но главным образом на

¹⁰ Здесь и далее цит. по: *А. Н. Радищев. Полн. собр. соч. в 3-х томах. М., 1938—1951* (*P.*, т. — римская цифра, стр. — арабская цифра).

основе опыта тех стран Западной Европы и Америки, где борьба народных масс сопровождалась победой революционных движений, в которых они выступали решающей силой. Это был опыт, как мы отмечали, английской революции XVII в., Североамериканской войны за независимость 1776—1783 гг. и в еще большей мере опыт самой радикальной революции, начавшейся во Франции в 1789 г., в тот год, когда печаталась знаменитая книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

Известно, что роль народных масс в истории признавалась Радищевым и в других проявлениях. Народные массы в представлении Радищева — основная сила в хозяйственной жизни. В оде «Вольность» Радищев говорил от имени народа:

Покрыв я море кораблями,
Устроил пристань в берегах,
Дабы сокровища торгам
Текли с избытком в городах (*Р., I, 6*).

В таком понимании роли народных масс в истории, несомненно, выразились материалистические догадки в историко-социологических воззрениях Радищева. Однако его наибольшая заслуга заключалась в революционном истолковании этой проблемы в смысле обоснования права народа на революционную борьбу и в применении этого вывода к условиям крепостнической России.

Правда, Радищев, будучи трезвым мыслителем, отчетливо сознавал, что в его время еще не созрели условия для народного восстания. Применительно к перспективе народной революции в России он говорил: «И не мечта сие. . . я зрю сквозь целое столетие» (*Р., I, 368—369*), пророчески предсказывая ее неизбежность. Радищев сделал вывод, основанный на глубоком понимании социальных противоречий крепостнической России, о том, что «свободы. . . ожидать должно. . . от самой тяжести порабощения» (*Р., I, 362*). Радищев впервые в истории России задумался над тем, как превратить стихийные крестьянские бунты в народную революцию. Именно поэтому Екатерина II назвала Радищева «бунтовщиком хуже Пугачева».

Радищев, веря в великое будущее народа, не сомневался в том, что в своей революционной борьбе он будет возглавлен «великими мужами», выдвинувшимися из его среды. В дальнейшем «великие мужи» возглавили бы де-

мократическое государство, созданное в результате победы народной революции, выступили бы выразителями передовой культуры. Скоро бы исторгнулись из среды народных масс «великие мужи, для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены» (*Р., I, 368*).

Таким образом, с проблемой роли народных масс в истории была неразрывно связана другая важная историко-социологическая проблема — о роли личности в истории, которая получила у Радищева также самое радикальное истолкование в условиях России его времени.

Данная проблема была связана с размышлениями Радищева и о тех силах, которые пробудят сознание народа, политически просветят его и тем самым подготовят к участию в будущей революционной борьбе. Во времена Радищева это были отдельные передовые представители дворянства и узкий слой демократически настроенной интеллигенции¹¹. Именно к ним обращался Радищев в своем выдающемся революционном произведении «Путешествие из Петербурга в Москву».

Наконец, та же самая проблема имела и свой исторический аспект, содержала обобщение Радищевым исторического опыта. Она раскрывала понимание русским революционным мыслителем роли великих деятелей всемирной истории. Однако эта сторона рассматриваемой проблемы получила достаточно подробное освещение в литературе¹², и потому мы коснемся ее лишь в самой общей форме для того, чтобы показать, насколько глубоко осмысливался Радищевым исторический опыт и в этом отношении.

Радищев преодолел традиции современной ему дворянской историографии, сводившей историю исключительно к деяниям венценосцев. К числу великих Радищев в отличие от дворянских историков не только русских, но

¹¹ В России времени Радищева демократические элементы были более значительными и настроения, им свойственные, более распространенными, чем ранее предполагалось советскими исследователями. В этом убеждают основательные работы последнего времени, например исследование М. М. Штранге (*М. М. Штранге. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М., 1965*).

¹² «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 1. М., 1955; «История философии в СССР», т. 2. М., 1968; *Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX в. М., 1957*.

и западноевропейских относил только тех государственных деятелей, которые способствовали общественному прогрессу, а также предшественников передовой науки и культуры, таких, как Галилей, Ньютон, Ломоносов. Такие же ранее прославлявшиеся деятели, как Александр Македонский, Нерон, Людовик XV, не заслуживали, по мнению Радищева, наименования великих и отличались лишь своей жестокостью и произволом. Наконец, Радищев считал выдающимися историческими деятелями и вождями народных движений, что было уже подлинным поваторством революционера. Так, в качестве великого деятеля мировой истории он рассматривал Степана Разина.

Необходимо подчеркнуть что, по мнению Радищева, даже те из венценосцев, прославлявшиеся дворянскими историками, которые имели основание именоваться великими, никогда не пользовались своей властью для утверждения вольности, а, напротив, подавляли ее. К их числу Радищев относил, как известно, и Петра I. Ведь глубокое обобщение Радищева, согласно которому «нет и до скончания мира примера, может быть, не будет», чтобы царь поступился властью для «вольности» (Р., I, 151), было высказано им именно в связи с оценкой деятельности Петра I.

Важно отметить также, что Радищев сознавал обусловленность деятельности выдающихся личностей рядом объективных исторических обстоятельств, благоприятствовавших или, напротив, препятствовавших осуществлению их стремлений. В этом также проявились материалистические догадки Радищева в понимании истории.

Подобные догадки высказывались Радищевым и по другим вопросам — при объяснении роли географической среды, земледелия, развития ремесла и торговли в общественном прогрессе. Правда, эти догадки были еще довольно смутными и зачастую повторялись Радищевым вслед за французскими и некоторыми ранее его выступавшими русскими просветителями, например С. Е. Десницким, И. А. Третьяковым. Вместе с тем необходимо подчеркнуть не только существенное отличие историко-социологических воззрений первого русского революционного мыслителя от взглядов его русских современников, но и превосходство над воззрениями большинства радикальных французских просветителей.

Известно, например, какое значительное влияние оказал на Радищева французский энциклопедист Рейналь — один из ближайших сотрудников Дени Дидро. Между тем Рейналь признавал совершенно неизбежным утверждение частной собственности, считал ее незыблемой и вечной при всех условиях, полагая, что и свободы нет там, где нет собственности, в чем выразилась буржуазная ограниченность воззрений одного из наиболее радикальных представителей французского Просвещения. Радищев же считал, что утверждение собственности, в частности собственности на землю, было величайшим злом в истории человечества, источником всех несчастий людей. Именно стремление к обладанию собственностью привело, по мнению Радищева, к тому, что «возгорелась в сердце человеческом ненасытная сия и омерзительная страсть к богатствам, которая, яко пламень все пожирающий, усиливается, получая пищу» (*Р., I, 383*).

Нельзя не отметить и другого глубокого различия в воззрениях радикальных французских энциклопедистов — Дидро и Рейналя, с одной стороны, и русского революционного мыслителя — с другой. Первые глубоко сомневались в будущем России, не видели в ней сил, способных обеспечить ее прогрессивное развитие, поскольку отмечали отсутствие в России «третьего сословия» и не верили в созидательные силы закрепощенного русского крестьянства. В противоположность им Радищев отличался историческим оптимизмом и связывал надежды на прогрессивное развитие своей родины с пробуждением политического сознания и революционной инициативы у добивавшихся освобождения от крепостничества крестьянских масс.

Радищев отчетливо сознавал, что история России может быть правильно понята лишь в связи с историей человечества, как ее органическая часть. С другой стороны, в самой истории человечества наиболее поучительными и обогащающими исторический опыт передовых деятелей России были ее переломные периоды — периоды взрывов социальной борьбы, революционных бурь, сметающих основы отживших общественных отношений. Отсюда обостренное внимание Радищева (которое в другой связи уже отмечалось нами выше) к изучению революционного опыта прошлого и настоящего.

Будучи широко образованным человеком, Радищев

знакомился со всеобщей историей не только по литературе, но и по первоисточникам. Это в особенности касалось античности, яркую характеристику которой мы находим в оде «Вольность».

Средние века не получили у Радищева развернутой характеристики, но в отличие от французских просветителей он не рассматривал этот период лишь как время исторического регресса. Демократическая направленность воззрений Радищева обуславливала тот факт, что в центре его внимания находились процессы, характеризующие положение народных масс. Средневековье было для Радищева временем господства крепостничества в Европе, решительно им осуждаемого. Он восторженно приветствовал все движения в Европе, ломавшие крепостнические отношения, и вместе с тем проницательно отмечал их незавершенность в том смысле, что они не принесли подлинной свободы народным массам. Именно поэтому Радищев, высоко ценивший прогрессивное значение английской революции середины XVII в. и одобрявший казнь Карла I, осуждал утверждение диктатуры Кромвеля, а затем половинчатость «славной революции» 1688 г., сохранившей многие феодальные пережитки.

Еще более внимательно изучил Радищев переломные события нового времени, которые в сущности совпадали с его современностью. Из них он выделял, как отмечалось, войну североамериканских колоний за независимость 1776—1783 гг. Но Радищев был далек от иллюзий в оценке того общественного строя, который установился в Северной Америке в результате победоносной войны за независимость. И опять-таки критерием в оценке этих отношений у Радищева было положение народных масс, применительно к Америке положение угнетенного коренного населения ее — индейцев, а также негров. Он отказывался признать блаженной страну, «где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова» (*Р., I, 317*).

Несомненно, наиболее внимательно наблюдал Радищев за развитием событий во Франции в годы развернувшейся там революции. Он не мог по цензурным соображениям открыто выразить одобрение революционным событиям, но ряд его высказываний в бесцензурных произведениях, в частности в письмах, свидетельствует о том,

что Радищев восхищался революционными доблестями французского народа, высоко ценил деятельность наиболее радикальных вождей революции, изучал характер новых общественных отношений, утверждавшихся в революционную эпоху, ее государственные учреждения и юридические акты.

Радищев внимательно анализировал революционные события на Западе прежде всего потому, что считал неизбежным использование их опыта в России. Изучение этих событий помогало Радищеву проникнуть сквозь «завесу времени» и прозревать неизбежность ломки самодержавно-крепостнического строя в своей стране. Однако для этого необходимо было не только вскрывать общие закономерности в историческом развитии народов, но и понять особенности исторического развития своего народа, своеобразие отечественной истории. Естественно поэтому, что Радищев должен был наиболее внимательно изучать историю своей родины, глубоко осмыслить ее исторический опыт, извлекая из них необходимые уроки.

И в данном случае даже еще в большей мере, чем в отношении западноевропейской истории, у Радищева выявлялся особый подход к изучению истории России, который с его времени стал характерным для всех революционных деятелей нашей страны. В центре их внимания были те процессы и события русской истории, которые помогали им дать историческое обоснование своим революционным убеждениям, революционной программе.

Радищев был превосходно знаком с важнейшими для его времени источниками и сочинениями по истории России. Известно, что он внимательно изучил «Историю Российскую» В. Н. Татищева, которая была не только достаточно обширным для своего времени обобщающим трудом, но и сводом почти всех известных в первой половине XVIII в. источников русской истории. Радищев сделал немало выписок из «Истории» Татищева по интересовавшим его вопросам.

Несомненно, что Радищев знал и другой, еще более обширный труд по истории России — «Историю Российскую» М. М. Щербатова, который издавался на протяжении жизни Радищева.

Но столь же несомненно, что Радищев не мог разделять ни идеализацию истории самодержавно-крепостнической России Татищевым, ни ту же идеализацию с от-

тёмком олигархической оппозиционности, свойственную князю М. М. Щербатову. Радищев решительно осуждал также политическую направленность «историографических забав» самой Екатерины II, прославлявшей монархические начала в прошлом для их утверждения в настоящем.

Выступая убежденным врагом самодержавного строя, утвердившего, по убеждению Радищева, ненавистные крепостнические отношения в России и всей своей силой охранявшего их, он, естественно, ставил перед собой вопрос о том, как возникло самодержавие в России. С этим вопросом оказался связанным антинорманизм Радищева. Как известно, основоположником антинорманизма в русской исторической науке был М. В. Ломоносов. Но у последнего он не носил политического характера, не был связан с отрицанием монархических начал, в то время как Радищева можно рассматривать основоположником революционного антинорманизма.

Радищев полагал, что единовластие было глубоко чуждо славянам, в древности жившим родовым строем и управлявшимся вечевыми собраниями. Единовластие было насильственно навязано славянам завоевателями-варягами, утверждал Радищев. Рюрик выступил в качестве «похитителя» народной свободы. Со времени Рюрика в России начинается тот же процесс борьбы вольности с самовластием, который знали в прошлом и европейские народы. Эта борьба продолжалась на протяжении веков. Ее олицетворяли, с одной стороны, киевские, затем владимирские и, наконец, московские князья, а с другой — вечевые города Новгород, Псков, Вятка. Эта борьба завершилась подчинением Москве Новгорода при Иване III и тем самым сокрушением последнего оплота вечевого строя. Иван IV, заявлял Радищев, «истребил остатки вольности новгородской» (*Р., III, 41*). В «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев рисует мрачную картину падения новгородской вольности, выступив основоположником романтической идеализации вечевого строя, которая с тех пор станет одной из характернейших особенностей воззрений большинства представителей революционной исторической мысли в России XIX в.

Но идеализация Радищевым вечевого строя у славян не только объясняла его трактовку прошлого России, но и являлась определяющей в его убеждении, что эти нача-

ла на новой основе, в новых исторических условиях возродятся в будущем.

Идеализация Радищевым древности имела и другую причину: в те далекие времена не было в России крепостнических отношений. Они утвердились после утраты народом политической свободы, после длительного процесса расхищения земельной собственности крестьян помещиками — главными виновниками крепостничества в России. И в этом отношении истолкование истории России было связано у Радищева с его революционными взглядами, с обоснованием прав крестьянства на освобождение, с требованием вернуть им свободу и землю, похищенную дворянством. В той же связи находится и доказательство Радищева, также получившее у него историческое обоснование, того вывода, что дворянство, являясь привилегированным, давно уже превратилось в бесполезное сословие.

Однако при подобной направленности воззрений Радищева его нельзя упрекнуть в антиисторизме. Он умел ценить положительные действия и тех властителей, которых он в других отношениях осуждал. Так, Иван III, уничтоживший вечевой строй в Новгороде, способствовал освобождению России от татарского ига, что отмечалось Радищевым в качестве его выдающейся заслуги. Иван Грозный, свирепо осуществлявший политику опричнины, которую решительно осуждал Радищев, завел первую в России типографию, добился успехов в просвещении и военном устройстве (*Р., III, 33*), начал борьбу за выход к Балтийскому морю, т. е. выступил в этом отношении предшественником Петра I, а «покорением царства Казанского и Астраханского возбудил государственные силы...» (*Р., III, 41*). Многие из этих оценок в их существе в дальнейшем повторяют декабристы, В. Г. Белинский и другие революционные деятели России.

Своеобразную оценку дал Радищев личности и деятельности Петра I.

В «Письме к другу, жительствующему в Тобольске», написанном в связи с открытием памятника Петру I в Петербурге (1782), Радищев дает высокую оценку преобразованиям Петра I, заявляет о том, что он с полным основанием заслужил наименование Великого, поскольку одержал победу над шведами, был «учредителем» русской армии и флота, «обновителем и просветителем» Рос-

сии, мужем необыкновенным, давшим «стремление столь обширной громаде».

Одновременно Радищев отмечал двойственное отношение современников к деятельности Петра I, одни из которых были его опорой, другие же были его затаившимися врагами. Но главное в оценке Радищева заключается в том, что он в соответствии со своими революционными убеждениями не мог одобрять деспотизма Петра I. Для него Петр был властным самодержцем, «который истребил последние признаки дикой вольности своего отечества. Он мертв, а мертвому льстити невозможно! И я скажу, что мог бы Петр славнее быть, вознесясь сам и вознеся отечество свое, утверждая вольность частную» (*Р., I, 149—151*).

В центре внимания первого русского революционера, как уже отмечалось, всегда находилась деятельность народных масс, а не венценосцев, в чем заключалось самое существенное отличие исторических воззрений Радищева от воззрений дворянских историков В. Н. Татищева и М. М. Щербатова.

Радищев высоко ценил деятельность народных масс в освоении колоссальных восточных пространств России, о чем он писал в своей исторической работе «Повествование о приобретении Сибири». Радищев здесь впервые после Ломоносова высказывает интересную и глубокую мысль о значении народной колонизации в освоении Сибири, в чем, по его мнению, с особой силой в условиях России выявилась роль народных масс в истории. Радищев утверждает, что освоение Сибири было следствием усилий «частных людей», тем самым отвергая, как и Ломоносов, вывод дворянского историка Миллера, отводившего эту роль царской администрации¹³.

Радищев, воздавая должное Ермаку и донским казакам, начавшим осуществлять присоединение Сибири к России, вместе с тем отмечал, что после Ермака дальнейшее расширение русских владений в Сибири и освоение ее земель уже было связано с деятельностью «всех участвовавших в произведенных после его завоевания Сибири, даже до самыя Америки». И далее Радищев с гордостью определяет те замечательные качества народного характера русских людей, которые обеспечили

¹³ В. Г. Мирзов. *Историография Сибири*. М., 1970, стр. 113—123.

им эти выдающиеся успехи: «Но здесь имеем случай отдать справедливость народному характеру. Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ Российский...» (*Р.*, II, 146—147).

Радищев отмечал решающую роль народных масс в спасении национальной независимости, в борьбе с такими сильными внешними врагами, как татары и польско-шведские интервенты в начале XVII в. Однако более всего ценил Радищев историческую инициативу народных масс, проявленную ими в антикрепостнических движениях. Особо он выделял вождей этих движений. Степана Разина, как мы уже отмечали, Радищев относил к деятелям мировой истории.

Глубокий интерес к народным антикрепостническим движениям свидетельствовал о том, что Радищев приближался к пониманию социальных противоречий как движущего начала истории.

Что касается послепетровского периода русской истории, то Радищев высказывался лишь по отдельным эпизодам данного времени, например о деятельности выходца из народных масс великого ученого М. В. Ломоносова. Характерно, однако, что, подчеркивая заслуги Ломоносова, Радищев отмечал его политический индифферентизм, упрекал Ломоносова за восхваление в одах русских царей — Петра I и Елизаветы (*Р.*, I, 388). Радищев в этом отношении противопоставлял Ломоносову выдающегося американского ученого В. Франклина, связавшего свою судьбу с молодой американской республикой, завоевавшей независимость в борьбе с Англией.

Таким образом, Радищев выступил зачинателем революционной исторической мысли в России, основоположником многих ее славных традиций. Радищев первым в России оценил ход всемирной и русской истории с антимонархических и антикрепостнических, революционных позиций, что нашло свое выражение в новаторском подходе к освещению хода истории, ее движущих сил и закономерностей, в оригинальной трактовке крупнейших событий, раскрывающих переломные этапы развития всего человечества. Стремясь использовать всемирно-исторический опыт для революционного обновления России, Ра-

дищев особенно пристально изучал революционные события прошлого и современности.

Новый взгляд на историю позволил Радищеву понять решающую роль народных масс в истории, во многом верно и глубоко оценить значение исторических деятелей, высказать мысли о противоречивом характере общественного развития как исторической закономерности.

В понимании отечественной истории Радищев выступил основоположником революционного антинорманизма, обличителем пороков самодержавно-крепостнического строя.

Осмысливая исторический опыт человечества и своей родины, Радищев пришел к прозорливому выводу о неизбежности социального и политического освобождения народных масс в результате их революционной борьбы, предсказал неизбежность победы народной революции в России, выступил основоположником революционных традиций в истолковании отечественной истории, которые продолжались, развивались и углублялись последующими поколениями революционных борцов — декабристами и революционерами-демократами.

Основные черты исторических воззрений декабристов

Дореволюционные буржуазные и народнические историки М. В. Довнар-Запольский и В. И. Семевский, заложившие основы декабриствоведения, не выделяли исторических воззрений декабристов в качестве самостоятельной темы исследования. Более того, судя по разрозненным замечаниям в трудах этих авторов¹, они считали декабристов дилетантами, которые обращались к проблемам истории лишь в публицистических произведениях и преследовали агитационные цели.

И в советской историографии изучение исторических воззрений декабристов далеко не сразу стало темой самостоятельного исследования. Так, в книге Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» (1941) не нашлось места для декабристов. Лишь в 1950 г., когда отмечалось 125-летие восстания декабристов, впервые появилась статья С. С. Волка, посвященная их историческим взглядам².

Однако в примечании редакции журнала к статье С. С. Волка справедливо отмечалась ее неполнота — отсутствие материалов о взглядах декабристов на вопросы всеобщей истории и то, что в статье «не вскрыты различные течения внутри декабристской историографии»³.

В 1955 г. в первом томе «Очерков истории исторической науки в СССР» историческим взглядам декабристов был уделен специальный раздел главы VII, написанный

¹ М. Довнар-Запольский. Идеалы декабристов. СПб., 1907; В. Семевский. Общественные и политические идеи декабристов. СПб., 1909.

² С. Волк. Исторические взгляды декабристов. — «Вопросы истории», 1950, № 12.

³ «Вопросы истории», 1950, № 12, стр. 26 (от редакции).

А. В. Предтеченским. Но материал, привлеченный автором, оказался даже более ограниченным сравнительно со статьей С. С. Волка. Не представляли новизны и выводы автора. Так же как и С. С. Волк, он не осветил вопросов всеобщей истории, что в «Очерках истории исторической науки», согласно их замыслу, было особенно необходимо. Не связал автор исторических воззрений декабристов ни с предшествующим, ни с последующим развитием революционной исторической мысли в России, что также было обязательным для такого издания, как «Очерки».

В 1956 г. со статьей об исторических взглядах декабристов выступил Б. Б. Кафенгауз⁴. В этой статье содержится некоторый новый материал, касающийся характеристики исторических взглядов отдельных декабристов — Н. Тургенева, Никиты Муравьева, А. О. Корниловича, К. Ф. Рылеева, братьев Николая и Александра Бестужевых. Однако структура статьи, состоящей из разрозненных очерков, посвященных лишь названным декабристам, не позволила автору представить исторические взгляды дворянских революционеров в качестве сложившейся системы воззрений, показать их эволюцию. В оценке же существа исторических взглядов декабристов Б. Б. Кафенгауз дает мало нового сравнительно со статьей С. С. Волка.

В 1958 г. вышла из печати капитальная монография С. С. Волка «Исторические взгляды декабристов». В ней дана обстоятельная историографическая справка по рассмотренным вопросам, отмечено своеобразие привлеченных источников, показан процесс формирования мировоззрения декабристов, раскрыты теоретические основы исторических взглядов декабристов, их социологические воззрения. В монографии впервые характеризуются представления декабристов по вопросам всеобщей истории, начиная с древнейших времен и до нового времени включительно. Наиболее подробно С. С. Волк рассматривает взгляды декабристов на основные проблемы отечественной истории в их хронологической последовательности, начиная с легенды о призвании варягов и кончая вопросами истории самого декабристского движения.

Однако, по нашему мнению, отдельные вопросы столь обширной темы не получили в работе С. С. Волка долж-

⁴ Б. Б. Кафенгауз. Об исторических взглядах декабристов. — «Доклады и сообщения Института истории АН СССР», 1956, вып. 10.

ного освещения. Так, проблемная структура монографии С. С. Волка не позволила ему раскрыть исторические воззрения декабристов в их развитии. Не смог также автор выделить с достаточной определенностью течения в декабристской историографии, а также оценить индивидуальные особенности исторических взглядов наиболее выдающихся деятелей и теоретиков декабристского движения. Можно было бы больше сказать и об истоках декабристской исторической мысли и ее влиянии на последующее развитие революционной мысли в России.

Рассматривая исторические взгляды декабристов, подчеркивая их преемственность по отношению к воззрениям А. Н. Радищева, следует отметить и качественно новые особенности, обусловленные тем, что декабристы уже представляли начальный этап освободительного движения в России.

Эпоха декабристов существенно отличалась от времени деятельности А. Н. Радищева. В России первой четверти XIX в. углубился кризис феодально-крепостнической системы, еще более обострились социальные противоречия. Отечественная война 1812 г., поставившая вопрос о государственном и национальном существовании России, заставила лучших представителей передового дворянства глубоко задуматься над злободневными проблемами настоящего и будущего развития страны. Этому способствовало и обогащение исторического опыта будущих декабристов в результате заграничных походов русской армии. В итоге были созданы предпосылки для организации сначала кружков оппозиционно настроенной офицерской молодежи, а затем и для образования тайных обществ. Все эти процессы в конечном итоге завершились возникновением качественно нового исторического явления — освободительного движения, направленного против господствующей самодержавно-крепостнической системы в России, которого не было и еще не могло быть во времена А. Н. Радищева.

В нашу задачу не входит детальный анализ процесса развития декабристского движения и его идеологии. Эти проблемы к настоящему времени основательно изучены специалистами, получили многостороннее освещение в монографических исследованиях, особенно в обобщающем труде М. В. Нечкиной «Движение декабристов» (1955).

Тем не менее важно подчеркнуть, что в первой половине XIX в. идеологические процессы в России развивались в острой борьбе между старым и новым — официально-монархической идеологией и прогрессивной идеологией передовых представителей дворянства, часть которых впоследствии выступила с оружием в руках против самодержавия. Это были, по определению В. И. Ленина, «дворянские революционеры», которые разработали свою политическую программу, получившую разностороннее — философское, экономическое, правовое, а также историческое — обоснование.

Дворянская революционность — качественно новое явление общественной жизни России первой половины XIX в. — отличалась сложностью и противоречивостью, вытекавшими из ее классовой природы, знала свою эволюцию, этапы развития.

Не задаваясь целью всесторонне раскрыть многообразный процесс развития дворянской революционности, определим функцию исторической мысли дворянских революционеров в развернувшейся в период декабристского движения идеологической борьбе, попытаемся показать на историографическом материале, как проявилась в этой борьбе дворянская революционность со всеми присущими ей прогрессивными особенностями и чертами классовой ограниченности.

Но предварительно рассмотрим, в каких условиях формировались исторические взгляды декабристов, против каких воззрений они направлялись и в какой историографической ситуации развивались.

Известно, что подавляющее большинство участников декабристского движения — выходцы из среды образованных дворян — питали особое пристрастие к исторической науке. В этом выразилась особенность времени формирования воззрений дворянских революционеров, когда социальные катаклизмы в Западной Европе в конце XVIII в. — крушение феодально-абсолютистского режима во Франции, ломка феодальных отношений в странах Западной Европы — завершились утверждением диктатуры Наполеона, развязавшего завоевательные войны. Захватническая политика Наполеона, его стремление утвердить мировое господство буржуазной Франции породили героическую эпопею Отечественной войны 1812 г., которая в конечном итоге завершилась крушением наполеонов-

ской империи и освобождением европейских народов. Все эти процессы требовали исторического объяснения.

Отечественная война 1812 г. высоко подняла национальное самосознание русского народа, она необычайно расширила и углубила интерес к истории России, раскрывавшей многовековые процессы созревания и укрепления тех сил в нашей стране, которые сокрушили могущество Наполеона. Это явилось важнейшей причиной того, что историческая наука оказалась в центре внимания широких общественных кругов, заняла особое место, оказавшись «фавориткой» среди других наук.

Тот исключительный общественный резонанс, приобретенный «Историей государства Российского» Н. М. Карамзина, первые восемь томов которой были изданы всего через шесть лет после 1812 г., был бы совершенно немыслим вне условий высокого подъема патриотических чувств, сопровождавшего победоносное завершение напряженной борьбы с наполеоновской Францией.

Многие из декабристов получили блестящее домашнее или лицейское образование, в котором видное место занимали исторические знания. Но традиции классического образования, господствовавшие в тот период, объясняли то, что будущие декабристы приобретали широкие познания преимущественно в области античной истории. Изучение же новейшей отечественной и тем более всемирной истории было в значительной мере результатом их самостоятельных усилий.

Однако интерес представителей передовой дворянской молодежи к отечественной истории развивался отнюдь не в русле официально-монархической историографии. Известно, например, что Н. Муравьев решительно выступал против основного тезиса Н. М. Карамзина «история принадлежит царям», противопоставив ему свой вывод: «история принадлежит народам».

Свободолюбивый и оппозиционный по отношению к самодержавию характер политических воззрений будущих декабристов объяснял их особый подход к истории, обусловливал ее разностороннее изучение. Свои коренные политические требования — уничтожение самодержавия и крепостничества в России — дворянские революционеры рассматривали как выражение назревших потребностей исторического развития страны, а воплощение этих требований в жизнь — как условие прогресса

родины, ее процветания в будущем. Но такие выводы могли быть только результатом глубокого и всестороннего осмысления отечественной и всемирной истории. Эти выводы составляли существо самостоятельной и самой передовой в условиях России первой четверти XIX в. исторической концепции, призванной теоретически обосновать политическую программу дворянских революционеров.

С течением времени круг исторических интересов дворянских революционеров все более расширялся и в центре их внимания оказывались события новейшего времени, тесно связанные с актуальными вопросами современности, в чем выразилась одна из примечательных особенностей эволюции исторических взглядов декабристов.

Декабристы видели задачу исторической науки в том, чтобы она обнаружила скрытые закономерности исторического развития, от нее ждали указаний на истоки развернувшихся грандиозных событий и объяснения смысла совершавшихся крутых общественных перемен. С наблюдаемыми изменениями во всей Европе дворянские революционеры ставили в связь и те радикальные общественно-политические преобразования, за которые они боролись в России.

«История нужна не только для любопытства и умозрений, — заявлял декабрист Лунин, — но путеводит нас в высокой области политики»⁵.

Интерес к исторической науке не только был широко распространен в среде будущих декабристов, но отдельные из них уделяли специальное внимание ее изучению. Обширными познаниями в области истории обладали идеологи декабристского движения П. И. Пестель и Никита Муравьев. Н. А. Бестужев носил официальное звание «историографа российского флота», А. О. Корнилович написал ряд ценных работ по истории России XVII—XVIII вв., В. Д. Сухоруков создал обширный труд по истории Войска Донского. Глубокий интерес к истории проявляли Н. И. Тургенев, М. С. Лунин, К. Ф. Рылеев и многие другие декабристы. Развивая традиции своего революционного предшественника А. Н. Радищева, внимательно и критически изучая современную историогра-

⁵ М. С. Лунин. Сочинения и письма. Пг., 1923, стр. 82.

фию — русскую и западноевропейскую, декабристы внесли значительный вклад в развитие передовой исторической мысли в России⁶.

Передовой характер исторических взглядов декабристов объяснялся прежде всего тем, что они основывались на самой глубокой для их времени трактовке коренных теоретических проблем исторической науки. В истолковании исторического процесса, его закономерностей и движущих сил идеологи декабристского движения опирались на лучшие достижения философско-исторической мысли Западной Европы, главным образом на социологические обобщения французских просветителей, на выводы их наиболее радикальных представителей — Руссо, Мабли, Рейналя. Они использовали также достижения в этой области Радищева, самостоятельно освоившего и переработавшего применительно к русским условиям воззрения французских просветителей.

«Путешествие из Петербурга в Москву», важнейшее произведение А. Н. Радищева, за создание которого он расплатился ссылкой, было хорошо известно декабристам. Об этом показали на следствии В. И. Штейнгель, В. К. Кюхельбекер, Н. А. Бестужев. Работы А. Н. Радищева были обнаружены при обысках в библиотеках многих декабристов. Чтение произведений Радищева зафиксировано в дневниках и записках ряда участников декабристского движения⁷. Следует учитывать и то, что некоторые из них намеренно не признавались в ходе следствия в чтении запрещенных работ Радищева, хотя в действительности внимательно их изучали.

Но дело не ограничивается лишь знакомством с произведениями Радищева, гораздо важнее другое — общность антисамодержавной и антикрепостнической позиции, которая определяла в решающей мере сходство и

⁶ Те из декабристов, которые наиболее пристально изучали историю и были по существу историками-профессионалами, высказывали глубокие суждения о разработке источниковедческой основы исторической науки. Так, А. О. Корнилович уделял большое внимание определению достоверности исторических источников, настаивал на их критической оценке, требовал учета того, кем и при каких обстоятельствах они создавались («Сын Отечества», 1823, ч. 87, № 28, стр. 133).

⁷ Об этом см. в книге Л. Б. Светлова «А. Н. Радищев» (М., 1958, стр. 286—288).

подчас полное тождество в трактовке изучавшихся исторических проблем Радищевым и декабристами.

Однако историческая концепция декабристов, являясь продолжением и развитием революционной концепции А. Н. Радищева, не могла не отличаться и существенно важными новыми особенностями. Она основывалась на теоретическом обобщении нового исторического опыта — опыта первой четверти XIX в., разрабатывалась идеологами начавшегося в России освободительного движения, была результатом усилий обширного коллектива единомышленников, в сфере внимания которых, естественно, оказался и значительно более широкий круг проблем всемирной и отечественной истории. Разработка этих проблем была у декабристов теснее и органичнее связана с революционной практикой их времени.

Конечно, в понимании исторического процесса декабристы еще оставались подобно Радищеву идеалистами. Раскрыть материальные основы общественного развития они были не в состоянии. Развитие идей, разума, духовное совершенствование человечества представлялись им источником общественного прогресса, критерий разумности являлся для них решающим при оценке исторических явлений и событий. Однако революционная трактовка важнейших теоретических проблем, касавшихся объяснения характера исторического прогресса, коренным образом отличала рационализм декабристов в понимании общественного развития от рационализма представителей дворянской историографии. В этом легко убедиться на примере истолкования декабристами распространенной и в их время теории «естественного права».

Применяя критерий разумности к общественным отношениям, идеологи декабристского движения считали разумным все то, что не противоречит «человеческой природе», соответствует «естественным правам» человека. Среди этих «естественных прав» важнейшим они считали право каждого человека на свободу как неременное условие его счастья и благоденствия. Поэтому общественные отношения, которые препятствовали свободе людей, рассматривались дворянскими революционерами как неразумные, подлежащие изменению, не останавливаясь перед насилием. На основании теории «естественного права» декабристы вслед за Радищевым считали

неразумными крепостническими отношениями, закабальвавшие в России миллионы крестьян, а также самодержавный строй, охранявший крепостничество, и призывали к их революционному уничтожению.

Радикальный характер общественно-политических и исторических воззрений декабристов выражался также и в трактовке ими другой не менее распространенной в их время теории «общественного договора», созданной Ж.-Ж. Руссо. Согласно этой теории, столь же идеалистической, как и теория «естественного права», люди по взаимному согласию избирают соответствующие их интересам общественные отношения, формы правления и учреждения. Такая теория создавала иллюзию, как глубоко замечал В. И. Ленин, «будто общественные отношения строятся людьми сознательно»⁸. В соответствии с трактовкой этой теории декабристами она приобретала у них революционный смысл, провозглашая государство и законы результатом человеческих деяний, а не божественным установлением, как внушали идеологи господствующих классов. Согласно представлениям декабристов, народ признавался высшим судьей в оценке достоинств и недостатков того или иного государственного строя, народу давалось право на уничтожение угнетающих его режимов и на установление новых государственных порядков, соответствующих интересам народа. И эта теория использовалась декабристами, как в свое время и Радищевым, для обоснования необходимости уничтожения самодержавия в России.

Передовой характер историко-социологических взглядов декабристов обнаруживался и в том, что они находились на уровне высших достижений философско-исторической мысли своего времени в понимании истории как закономерного процесса, в признании идеи исторического прогресса, некоторой роли экономических факторов, а также роли народа в истории. Не следует забывать, что мировоззрение декабристов складывалось в тот период, когда в Западной Европе философско-историческая мысль начинала обогащаться идеями Шеллинга, Гегеля, Сен-Симона и французских историков периода Реставрации да и в России уже формировалась буржуазная историография в лице, например, И. Г. Эверса.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 136.

Рассматривая вопрос о закономерности исторического процесса, декабрист Д. И. Завалишин заявлял: «Нет сомнения, что история должна управляться такими же непреложными законами, какими управляются явления мира вещественного в своих проявлениях в пространстве. Без этого всякое изучение истории было бы бесплодно»⁹. Н. И. Кутузов также утверждал: «. . . мир нравственный, подобно естественному, должен иметь свои законы»¹⁰.

Декабристы при этом не сомневались в поступательном характере исторического развития, усматривая в этом важнейшую закономерность истории, и полагали, что «все движется вперед и, следовательно, что есть — подлежит переменам»¹¹. Исторический оптимизм, убеждение в победе прогрессивных сил над всем тем, что мешает торжеству передового, разумного в общественном развитии, — замечательная особенность мировоззрения декабристов как революционных деятелей.

Идеи относительно закономерности исторического процесса и его прогрессивно-поступательного характера связывали декабристов, как уже отмечалось, в значительной мере с философско-исторической мыслью XVIII в. Но они развивали и такие идеи, которые получили свою углубленную разработку уже в исторической науке XIX в., — прежде всего о роли социально-экономических факторов в общественном развитии и новых задачах передовой исторической мысли, вытекающих из признания их значения. Эти идеи были внешне сходны с идеями либерально-буржуазной историографии Западной Европы первой четверти прошлого века. Но в самом подходе к разрешению теоретических проблем исторической науки заключалось коренное различие — декабристы разрешали их не с реформистских, а с революционных позиций.

Дворянские революционеры ставили перед собой задачу преобразования не только политического, но также экономического и социального строя России. Поэтому понятен их интерес к социально-экономическим вопросам при разрешении исторических проблем. Такие вопросы рассматривались, например, в известном сочинении

⁹ Д. И. Завалишин. Записки декабриста. М., 1905, стр. 321.

¹⁰ Н. И. Кутузов. О причинах благоденствия и величия народов. — «Сын Отечества», 1820, т. 60, стр. 161.

¹¹ «Воспоминания Бестужевых». М.—Л., 1951, стр. 257.

Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов», в работах А. О. Корниловича об экономическом развитии России в XVII в. Н. И. Тургенев, опираясь на всемирно-исторический опыт, заявлял: «Государства древние процветали силою, духом народным. Государства новейшие не могут наслаждаться ни силою, ни благосостоянием, ни свободою без устройства внутреннего, в котором по нынешнему состоянию народов хозяйство государственное занимает неоспоримое первое место»¹². А. О. Корнилович упрекал современных ему историков в одностороннем увлечении политической историей, в игнорировании изучения экономического развития России.

М. С. Лунин справедливо полагал, что «заниматься политическим устройством государства, прежде чем обеспечить социальное могущество, это — венчать здание, у которого нет фундамента»¹³. Рассматривая свободу крестьян в качестве залога экономического процветания страны и главнейшего условия ее могущества, декабристы считали первостепенным разрешение вопроса о крепостном праве.

Дворянские революционеры проявляли интерес к происхождению сословий в России, различий между ними, отмечали социальные противоречия современного им общества и выражали сочувствие борьбе угнетенных с угнетателями. Даже умеренно настроенный декабрист Н. И. Кутузов указывал на то, что «поручать власть одному сословию, значит сообщать ему все средства угнетать другие»¹⁴. Что же касается П. И. Пестеля, то он решительно выступал против «аристократии богатств» и связанного с ней «угнетения беднейших классов людей». Пестель приветствовал неодолимое стремление угнетенных избавиться от «нетерпимого ига аристократов и богачей»¹⁵.

Усилению внимания декабристов к социально-экономической проблематике кроме отмеченных нами важней-

¹² «Дневники и письма Н. И. Тургенева», т. III. Пг., 1921, стр. 120.

¹³ М. Лунин. Взгляд на дела Польши 1840 г. — «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. III. М., 1951, стр. 180.

¹⁴ Н. И. Кутузов. О причинах благоденствия и величия народов. — «Сын Отечества», 1820, т. 60, стр. 146.

¹⁵ П. И. Пестель. Русская правда. — «Восстание декабристов», т. VII. М., 1958, стр. 189.

ших причин, несомненно, способствовало и знакомство некоторых из них с современной буржуазной историографией Западной Европы, в частности с ранними трудами Гизо, Минье, Тьерри.

Все отмеченные особенности историко-социологических воззрений декабристов свидетельствуют о наличии у них некоторых материалистических догадок в понимании истории, которые, однако, были выражены еще довольно слабо и не нарушали в целом идеалистической трактовки исторического процесса.

Декабристы своеобразно разрешали и один из коренных вопросов исторической науки — вопрос о роли народных масс в истории. В его разрешении обнаружились не только сильные, но и слабые стороны политических и исторических взглядов дворянских революционеров.

Декабристы не сводили историю к описанию политических событий и деятелей. Напротив, в таком ее ограничении они видели основной признак и главный недостаток официальной историографии, прежде всего трудов ее крупнейшего представителя первой четверти XIX в. Н. М. Карамзина. Н. А. Бестужев глубоко замечал: «До сих пор история писала только о царях и героях. . . о народе, его нуждах, его счастье или бедствиях мы ничего не ведали,» и потому наружный блеск дворов мы принимали за истинное счастье государств . . .но ныне требуют иных сведений: нынешний только век понял, что сила государств составляет из народа, что его благоденствие есть богатство государственное. . .»¹⁶

Освещая историю той или иной страны, декабристы стремились показать судьбы народных масс, признавали их решающую роль в борьбе за сохранение национальной независимости, отмечали и некоторые факты борьбы народных масс за социальное освобождение. Однако в оценке деятельности народных масс в среде декабристов не было единодушия, они не проявляли при этом необходимой последовательности, что отражало слабые стороны их политических взглядов как дворянских революционеров, которые были, по словам В. И. Ленина, страшно далеки от народа¹⁷. В силу этого многие декабристы были склонны не замечать самостоятельного значения

¹⁶ Н. А. Бестужев. Статьи и письма. М.—Л., 1933, стр. 93.

¹⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261.

народных масс в истории. Напротив, некоторые из них подчеркивали невежество и политическую неразвитость народных масс, проявления бунтарства в народных движениях, признавая на этом основании необходимость сохранения политической инициативы за передовыми представителями дворянства. В целом же следует сделать вывод о том, что в разрешении коренной историко-социологической проблемы — роли народных масс в истории, декабристы сделали шаг назад сравнительно с Радищевым. Обратной стороной недооценки роли народных масс в истории у декабристов являлось преувеличенное представление о роли выдающихся деятелей в истории.

Дворянские революционеры высказывали суждения о враждебности и борьбе классов в современной им России и странах Западной Европы. «Мне казалось, — писал Пестель во время следствия, — что главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массами народными и аристокрациями всякого рода, как на богатстве, так и на правах наследственных основанными»¹⁸. Н. Тургенев применительно к крепостнической России своего времени писал о «ненависти одного класса к другому»¹⁹ — ненависти угнетенных крепостных крестьян к помещикам.

Подобно французским историкам периода Реставрации декабристы еще не могли научно объяснить происхождения классов, не имели ясного представления о различии между сословиями и классами, но и столь несовершенное признание значения сословной борьбы, внимание к ее проявлениям в истории свидетельствовало о движении вперед исторической мысли дворянских революционеров, о том, что они пролагали новые пути в исторической науке.

Декабристы были разносторонне образованными людьми, они усердно изучали все эпохи всемирной истории и ее выдающиеся события, в особенности же явления новой истории европейских народов. Изучение всемирной истории помогало декабристам осмыслить закономерности исторического процесса, служило более глубокому постижению отечественной истории, неразрывно связанной, по их справедливому мнению, со всеобщей, облег-

¹⁸ «Восстание декабристов», т. IV. М., 1927, стр. 91.

¹⁹ Н. И. Тургенев. Опыт теории налогов. М., 1937, стр. 135.

чало понимание перспектив исторического развития России в свете всемирно-исторического опыта.

Изучая древнюю историю, декабристы в своем большинстве идеализировали, как и Радищев, Древнюю Грецию и республиканский Рим, желая этим подчеркнуть преимущества республиканского строя перед монархией и выразить свою ненависть к деспотизму. П. И. Пестель вспоминал «блаженные времена Греции, когда она состояла из республик» и сравнивал «величественную славу Рима во дни республики с плачевным ее уделом под управлением императоров»²⁰. Однако некоторые декабристы были менее склонны идеализировать древнюю историю, отмечали пороки рабовладельческого строя. В. Кюхельбекер писал, что «большая часть Эллады находилась в самом жесточайшем рабстве»²¹, а Н. Муравьев указывал на социальное неравенство в Древнем Риме, где «одно состояние стало располагать имуществом и кровью всех прочих состояний»²².

Декабристы решительно осуждали засилье католической церкви, ужасы инквизиции, господство схоластики и мракобесия в мрачные столетия средневековой Западной Европы. По мнению К. Ф. Рылеева, написавшего специальный очерк «Причины падения власти пап», духовенство и папство были повинны в невероятных извержениях, при помощи которых они пытались «удержать народ в почтении к себе». Создав инквизицию, они ввергли народ «в глубочайшие суеверия, безумства и закосленные предрассудки... зная, что на сем только основывалась их власть»²³. Очагами свободы в тот период оставались только, по мнению Рылеева, средневековые города-республики, социально-политический строй которых многими декабристами идеализировался. Характерно, что к народным движениям средневековой эпохи, например к Жакерии во Франции, декабристы относились отрицательно, и в этом выразилась классовая ограниченность их идеологии.

Дворянские революционеры высоко ценили период Возрождения, считая его началом новой эпохи в миро-

²⁰ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 91.

²¹ В. Кюхельбекер. Европейские письма. — «Невский зритель», 1820, ч. II, апрель, стр. 42, 43.

²² «Литературное наследство», 1954, т. 59, стр. 588.

²³ К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч. М.—Л., 1934, стр. 368.

вой истории, показателем торжества разума над суевением и предрассудками.

С особым вниманием изучали декабристы историю новейшего времени — революции в Нидерландах, в Англии и Великую французскую революцию, в которых видели переломные события мировой истории, оказавшие влияние на все человечество. Наиболее высоко оценивали декабристы революцию во Франции в конце XVIII в. По словам А. В. Поджио, 1789 год был для Европы «осветительной и изгоняющей мрак молнией». В результате революции во Франции, а затем во многих странах Европы «началась ломка всего старого, отжившего, неприменимого к обновляющемуся обществу»²⁴. Под влиянием революции, полагал Рылеев, началась великая «борьба народов с царями»²⁵.

Но и в оценке Великой французской революции проявилась классовая ограниченность дворянских революционеров. Подавляющее большинство из них решительно осуждало якобинский террор как «крайность» революции, как выражение «своеволия черни», приведшего к излишнему кровопролитию.

Из современных событий дворянские революционеры выделяли национально-освободительные движения в Южной Европе — Италии и Греции и «военные революции», направленные против феодально-клерикальных режимов в Испании и Португалии. Тактика «военных революций» оказала, как известно, влияние на выработку тактики борьбы декабристов против самодержавия и крепостничества в России.

Однако при всей значительности интереса деятелей декабристского движения к всемирной истории и к современным событиям в Европе основное внимание они уделяли историческим судьбам России, изучению отечественной истории, уроки которой имели наибольшую важность для обоснования борьбы с самодержавно-крепостническим строем. Не случайно большинство работ декабристов, посвященных исторической тематике, затрагивали вопросы русской истории. Многие положения программных документов декабристского движения — «Русской правды» Пестеля и «Конституции» Никиты

²⁴ А. В. Поджио. Записки декабриста. М.—Л., 1930, стр. 43.

²⁵ К. Ф. Рылеев. Полн. собр. соч., стр. 412.

Муравьева отразили глубокое внимание их создателей к отечественным историческим традициям.

В изучении отечественной истории с особой силой обнаружилась политическая заостренность исторических оценок декабристов, революционно-патриотический характер их исторических взглядов и направленность их выводов против официальной историографии.

Никита Муравьев, внимательно изучавший «Историю государства Российского» Карамзина и сличивший ее с первоисточниками, опровергал основной вывод реакционной концепции историка, согласно которому история России сводилась к истории самодержавной власти, рассматривавшейся им в качестве единственной движущей силы общественного развития. В противоположность такому выводу Н. Муравьев утверждал, что история должна изучать развитие народа и с этих позиций следует заново написать всю русскую историю²⁶.

В решительной и последовательной, все более расширявшейся и углублявшейся критике декабристами официально-охранительной концепции Карамзина заключалась важная заслуга дворянских революционеров перед передовой русской исторической наукой. Эта критика исключила широкое воздействие реакционной концепции Карамзина на его современников. Интересно отметить, что в критике Карамзина декабристы смыкались с выводами своего современника — передового польского историка И. Лелевеля.

Исходя из революционных политических убеждений, опираясь на самостоятельное понимание исторического процесса и хода всемирной истории, декабристы разработали оригинальную и самую передовую для их времени концепцию русской истории, осветив все ее важнейшие эпохи и наиболее выдающиеся события.

Рассматривая вопрос о возникновении государственности в России и «начале Руси», декабристы решительно выступали против «норманской теории». Они продолжили в этом отношении традиции М. В. Ломоносова и в особенности своего идейного предшественника А. Н. Радищева. Они отрицали вымыслы о добровольном призвании славянскими племенами варягов. С наибольшей глубиной и яркостью антинорманистские убеждения де-

²⁶ «Литературное наследство», 1954, т. 59, стр. 582.

кабристов высказал М. С. Лунин. «Добровольное подданство своим врагам, — писал он, — утверждают на свидетельстве монаха, писавшего в конце XI века. Очевидно, что добрый инок, по простоте или из собственных выгод, обновил одну из сказок, которые потомкам Рюрика нужно было распространить, чтобы склонить умы на свою сторону и придать законность своему владычеству». Продолжая свое высказывание, Лунин раскрыл в духе революционного антинорманизма причины того, почему борьба с «норманской теорией» продолжала сохранять свою актуальность и в его время: «... сказку о добровольном подданстве многие поддерживают и в наше время для выгод правительства, которое всегда ищет опоры во мнении народном»²⁷. Этот вывод Лунина непосредственно направлялся против выводов Н. М. Карамзина.

Исходной формой государственности у славян, как и у других народов, декабристы считали вслед за Радищевым народовластие в форме вечевого строя в Киевской Руси, в Новгороде и Пскове и других славянских землях. Эти «городские республики», строй которых напоминал декабристам свободные города-республики средневековой Европы, ими крайне идеализировались. А. Бестужев, например, полагал, что в Новгороде «простой или черный народ пользовался одинаковыми правами с прочими сословиями». Он утверждал также, что существовал закон, запрещавший посадникам и тысяцким присутствовать на вече, «дабы уничтожить влияние власти» на его решения²⁸. В действительности же боярские феодальные республики не были воплощением ни социального равенства, ни народовластия. Однако в идеализации вечевых порядков Новгорода и Пскова декабристами проявлялась их ненависть к деспотизму, искоренившему свободу народа.

Вместе с тем суждения декабристов о народовластии направлялись ими против выводов официальных историков, отрицавших способность народных масс к самоуправлению. Так, Н. Муравьев решительно опровергал мнение официальных историков, согласно которому «русский народ не способен, подобно другим, сам распоря-

²⁷ М. С. Лунин. Сочинения и письма, стр. 23.

²⁸ А. Бестужев. Соч., т. III, ч. VII. СПб., 1847, стр. 161, 167.

жаться своими делами»²⁹. Тем не менее представления декабристов о народовластии в древней Руси, как и общий их вывод о том, что включение Новгорода и Пскова в состав Русского централизованного государства было вредным, являлись ошибочными. Однако этот вывод оказался весьма живучим и даже в известной мере традиционным для последующей революционной исторической мысли в России. Он был воспринят А. И. Герценом и в особенности Н. П. Огаревым.

Вообще декабристы были склонны идеализировать древнюю Русь. Они полагали, что вечевое управление было не только в Новгороде и Пскове, но длительное время сохранялось в Киеве, Владимире, Москве и благодаря ему Русь в те времена значительно опережала Запад. Так, по мнению А. О. Корниловича, Париж и Лондон выглядели глухими захолустьями сравнительно с Киевом. «В то время, как варварство помрачало Европу и одни схоластические споры занимали западных христиан, — отмечал А. О. Корнилович, — Платон, Аристотель, Геродот, Фукидид, Гомер, Пиндар находили почитателей на Востоке»³⁰.

Вслед за виднейшими русскими историками XVIII — начала XIX в. декабристы подчеркивали вред княжеских междоусобиц и считали их причиной утраты могущества Киевской Руси, ослабления народных сил, что сыграло трагическую роль в период татаро-монгольских завоеваний. Однако зло раздробленности Руси, согласно идеалистическому представлению М. С. Лунина, происходило от «размножения Рюрикова дома» и «ложной политики» князя Владимира I³¹.

Признавая колоссальный вред татаро-монгольских завоеваний для Руси, Н. Муравьев подчеркивал, что русский народ «был избран оплотом Европы против кочующих народов»³² и совершил подвиг всемирно-исторического значения.

В оценке процесса образования централизованного государства в России среди декабристов не было един-

²⁹ Н. Муравьев. Примечания к разбору Донесения следственной комиссии. — «Библиотека декабристов», вып. 5. М., 1907, стр. XIV.

³⁰ А. Корнилович. Известия об успехах промышленности в России. — «Северный архив», 1823, ч. 5, стр. 39.

³¹ М. С. Лунин. Сочинения и письма, стр. 79—80.

³² Н. Дружинин. Н. Муравьев. М., 1933, стр. 102.

ства. Большинство из них не видели прогрессивного характера этого процесса и относились к нему отрицательно главным образом потому, что он сочетался с усилением самодержавной власти.

Отдельные декабристы, например Н. Тургенев и М. Лунин, признавали важное значение сплочения русских земель в единое государство и в этой связи положительно оценивали деятельность Ивана III. Н. Тургенев рассматривал царствование Ивана III как «счастливую эпоху для независимости и внешнего величия России, благодетельную даже для России, по причине уничтожения уделов»³³. Лунин же проникательно отметил роль народных масс в борьбе за восстановление национальной независимости, в ходе которой возродилось единство русских земель. «Не слабостью монголов и не происками князей освободилась Россия, — писал он. — Крайность бед, достигнув высшей степени, пробудила дух народный, без которого не совершается коренных переворотов»³⁴.

Значительно больше единодушия обнаружили декабристы в осуждении жестокого правления Ивана Грозного. Однако в отличие от Карамзина дворянские революционеры осуждали Ивана IV не столько за личные отрицательные качества, сколько за то, что Грозный являлся для них воплощением ненавистного принципа самодержавной власти, олицетворением деспотизма.

Тем не менее отдельные декабристы — В. Сухоруков, Н. Бестужев, А. Корнилович, больше других занимавшиеся русской историей, отмечали положительные стороны политики Ивана IV: присоединение Сибири, Казани и Астрахани, созыв первых земских соборов, поощрение просвещения, начало книгопечатания.

Декабристы решительно опровергали ложные мнения официальных дворянских историков, в особенности Карамзина, о добровольном подчинении крестьян крепостной зависимости. Виновниками установления крепостного права они, как и Радищев, считали дворян, помещиков, опиравшихся на содействие государственной власти. Выступая против претензий помещиков на признание их власти над крестьянами законной, Н. Муравьев с пафо-

³³ «Дневники и письма Н. И. Тургенева», т. III, стр. 123.

³⁴ М. С. Лунин. Сочинения и письма, стр. 79.

сом вопрошал: «Ежели это право законное, что же беззаконное?»³⁵ Отвергали декабристы и ссылки на «бродяжничество» крестьян как причину их закрепощения. Однако некоторые из декабристов отрицали исконность свободного землевладения крестьян в древней Руси. Та же классовая ограниченность помешала декабристам признать неизбежность и прогрессивный характер крестьянских возмущений. Только отдельные из них, например В. Д. Сухоруков, поднимались до оправдания крестьянских восстаний, в частности восстания под предводительством Степана Разина³⁶.

Но все декабристы единодушно прославляли величие подвигов народных масс в борьбе за национальную независимость. К. Ф. Рылеев в «Думах» называл Дмитрия Донского, возглавившего борьбу с татаро-монгольскими завоевателями на Куликовом поле, и Дмитрия Пожарского — вождя народного ополчения в 1612 г. — народными героями.

Одними из первых в русской историографии декабристы обратили внимание на деятельность Боярской думы и земских соборов, рассматривая их в качестве своеобразных представительных учреждений, ограничивавших самодержавную власть. Они подчеркивали факт избрания земскими соборами таких царей, как Борис Годунов и Михаил Романов, получивших власть от народа. Отсюда они делали вывод о праве народа на лишение власти тех царей, которые превращали ее в орудие деспотического насилия над народом.

Особое место в исторических взглядах декабристов занимала оценка деятельности Петра I. Выражая настроения многих декабристов, А. Бестужев восклицал: «Какое сердце не бьется восторгом при имени Велико-го!»³⁷ В среде декабристов интерес к осуществленным Петром I преобразованиям был исключительным, в целом они оценивали их положительно. Задолго до представителей профессиональной исторической науки дека-

³⁵ Н. Муравьев. Ответ сочинителю о защите прав дворян на владение крестьянами. — «Чтения в обществе истории и древностей российских», кн. 3. (Записки 1818). М., 1859, стр. 44.

³⁶ [В. Д. Сухоруков]. Историческое описание Земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903 (1-е изд. 1867 г.).

³⁷ А. Бестужев. Торжественное заседание Академии Российской. — «Соревнователь просвещения», 1821, ч. XIII, стр. 307.

бристы развивали мысль о закономерности преобразований Петра I.

Более других занимался изучением времени петровских реформ А. О. Корнилович, восторженно отзывавшийся о личных качествах Петра I и высоко ценивший его преобразование. Корнилович вместе с тем одним из первых в русской историографии подчеркнул историческую подготовленность реформ Петра I, завещанных всей русской историей XVII в., заявляя, что деятельность Алексея Михайловича подготовила «Россию к тому величию, на которое воздвигнул ее Петр»³⁸, отметил назревание предпосылок реформ, особенно экономических. Он полагал, что «XVII век в истории нашего отечества едва ли не столь же важен, как более блестящий XVIII»³⁹. Другие декабристы также отмечали заслуги Петра I в преобразовании армии, содействии торговле, подъеме культуры, а некоторые из них склонны были даже считать себя деятелями, призванными завершить дело Петра I. Нельзя не отметить идеализации Петра I, у некоторых декабристов чрезмерной (например, у Корниловича). Однако в их среде раздавались и критические замечания в адрес Петра I. Так, В. Штейнгель осуждал его неумеренные заимствования из-за границы. «Перенимая науки и вообще все полезное, — писал Штейнгель, — неприметно стали перенимать мелочные обыкновения, бесполезное и, наконец, даже вредное»⁴⁰. М. А. Фонвизин должен был признать, что «пытки и казни служили средством нашего славного преобразователя»⁴¹. Не поднимаясь до понимания социальной сущности реформ Петра I, отдельные декабристы все же отмечали, что эти реформы осуществлялись на основе усиления угнетения народа, положение которого совершенно не изменилось к лучшему. Тот же М. Фонвизин обвинял Петра I в том, что он ничего не сделал для освобождения крестьян от крепостной зависимости. «Бесправное боль-

³⁸ А. Корнилович. Известия об успехах промышленности. — «Северный архив», 1823, ч. 5, стр. 38.

³⁹ «Декабристы и их время», т. II, [сб.]. М., 1932, стр. 336.

⁴⁰ В. Штейнгель. Записки касательно составления и самого похода Санкт-Петербургского ополчения, ч. I. СПб., 1814, стр. 6.

⁴¹ М. Фонвизин. Обозрение проявлений политической жизни в России. — «Общественное движение в России в первую половину XIX в.», [сб.], т. I. СПб., 1907, стр. 11.

шинство — простолюдины, — замечал он, — остались в тех же нищих избах и в том же бесправном положении, что и до Петра»⁴².

Оценивая послепетровский период русской истории, декабристы гневно осуждали губительную «бироновщину» и засилье иностранцев в России на протяжении нескольких десятилетий XVIII в. Преемниками и продолжателями декабристов в оценке послепетровского периода выступали петрашевцы и революционеры-демократы.

Дворянские революционеры срывали маску либерализма с Екатерины II, обвиняя ее в закреплении украинского крестьянства и в дальнейшем усилении крепостничества в России. Пламенным единомышленником декабристов в этом отношении выступал великий русский поэт А. С. Пушкин.

Если некоторые декабристы, проявляя свою классовую ограниченность, вместе с бароном Штейнгелем видели в восстании под предводительством Емельяна Пугачева «отвратительный эпизод из царствования Екатерины II»⁴³, то отдельные из них обнаружили значительно более правильное понимание истоков и характера этого мощного крестьянского движения. Так, А. Поджио справедливо полагал, что «пугачевы вызываются тем общественным строем, в котором вырабатываются все подобные личности», т. е. считал движение Пугачева порождением крепостного строя, а самого Пугачева называл «гражданином-разбойником»⁴⁴.

Декабристы одобряли проекты ограничения самодержавной власти и крепостного права, относящиеся к XVIII в., и в авторах этих проектов Д. И. Фонвизине и Н. И. Панине иногда усматривали своих предшественников.

Значительный интерес проявили дворянские революционеры к дворцовым переворотам как специфической черте истории России XVIII в. М. Фонвизин полагал, что в ходе этих переворотов «гвардия, как преторианцы римские, располагала тронном». Он, в частности, достаточно верно описал действия заговорщиков 11 марта 1801 г.

⁴² Там же, стр. 10.

⁴³ В. Штейнгель. Записки. — «Общественное движение в России в первой половине XIX в.», т. I. СПб., 1905, стр. 423—424.

⁴⁴ А. В. Поджио. Записки декабриста, стр. 81, 80.

и сожалел, что «вожди заговора мало заботились об упразднении в России самодержавия и о ее благе»⁴⁵. Н. Муравьев знал об участии Александра I в заговоре против отца и разоблачал мнимый либерализм молодого императора. После убийства Павла I, писал он, «из заговорщиков, желавшие только перемены государя, были награждены, искавшие прочного устройства — отдалены навек»⁴⁶.

С особым вниманием отнеслись декабристы к освещению Отечественной войны 1812 г. Пламенные патриоты приняли самое деятельное участие в грозных событиях 1812 г. Они же впоследствии выступили и в качестве первых историков этой войны. Военно-исторической тематике декабристы вообще уделяли самое пристальное внимание, и в этом проявилась своеобразная особенность их исторических взглядов.

Обобщая личные наблюдения, а также богатейший боевой опыт русских армий, разбивших Наполеона, декабристы создали ценные работы, раскрывающие историю Отечественной войны 1812 г. Вскоре после победоносного завершения войны, в 1815 г., Ф. Глинка написал «Рассуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года». Другие участники войны, примкнувшие к движению декабристов, — М. А. Фонвизин, В. И. Штейнгель, П. А. Муханов, В. С. Норов, М. Ф. Орлов, также посвятили свои труды истории Отечественной войны 1812 г.

Декабристы считали исторические уроки Отечественной войны 1812 г. глубоко поучительными как для русского народа, так и в особенности для народов Европы, спасенных героической русской армией от наполеоновского ига. М. Ф. Орлов справедливо полагал, что исход войны должен послужить грозным предостережением для всех врагов России, привести «в трепет всех тех, которые посмеют в пределах наших вести наступательную войну»⁴⁷.

⁴⁵ М. Фонвизин. Обзорение проявлений политической жизни в России. — «Общественное движение в России в первую половину XIX в.», [сб.], т. I, стр. 13, 50.

⁴⁶ Н. Муравьев. Указ. соч., — «Библиотека декабристов», вып. 5, стр. XX.

⁴⁷ М. Орлов. Письмо к Д. Бутурлину. — «Декабристы и их время», [сб.], т. I. М., 1928, стр. 203.

Декабристы считали Отечественную войну 1812 г. не войной генералов, не поединком между полководцами — Кутузовым и Наполеоном, а «народной войной», как называл ее Ф. Глинка. «Война народная, — писал он, — час от часу является в новом блеске. . . Тысячи поселян укрывались в лесах и, превратив серп и косу в оружие оборонительное, без искусства, одним мужеством отражают злодеев. Даже женщины сражаются»⁴⁸.

В своих работах об Отечественной войне 1812 г. декабристы выступали против иностранных военных историков, извращавших ее ход и дававших искаженную оценку ее исторических уроков. Так, В. С. Норов разоблачал «неосновательные речи, выдуманные завистью и врагами славы нашего оружия, что холод был причиной наших успехов!»⁴⁹. Декабристы восхищались не только мужеством, но и искусством русской армии, замечательным военным мастерством великого русского полководца М. И. Кутузова.

В исторических взглядах декабристов проявилась характерная особенность, свойственная воззрениям всех революционных деятелей, — неразрывная связь истории с современностью. Декабристы выступали не только историками минувших времен и событий прошлого, но и давали свою оценку тем событиям, участниками которых они являлись и которые, следовательно, были для них современностью. Эта особенность исторических взглядов декабристов обнаружилась в их работах по истории Отечественной войны 1812 г. Еще более определенно она выявилась в том, что дворянские революционеры оказались одними из первых историков самого декабристского движения.

Находясь в ссылке, многие из декабристов написали воспоминания о событиях 14 декабря 1825 г. в Петербурге, а также о событиях на Юге. Некоторые из этих воспоминаний были отправлены А. И. Герцену в Лондон и благодаря ему вскоре опубликованы⁵⁰. Виднейшие представители декабристского движения, дожившие до времени издания книги барона М. А. Корфа «Восшествие

⁴⁸ Ф. Глинка. Письма русского офицера. М., 1870, стр. 22.

⁴⁹ [В. Норов]. Записки о походах 1812—1813 годов, ч. I. СПб., 1834, стр. 134.

⁵⁰ См. V гл. этой книги.

на престол императора Николая I», написанной по заказу палача декабристов, вслед за Герценом и Огаревым приняли деятельное участие в разоблачении гнусных измышлений льстивого царедворца. Так, декабристы с возмущением отвергали вымысел о том, что причиной революционного движения, в котором они приняли участие, явились будто бы наносные иностранные влияния. Они настойчиво подчеркивали, что побуждения к преобразованиям в России целиком вытекали, как справедливо замечал Д. Завалишин, из «данного положения государства и общества»⁵¹, а вовсе не из чтения иностранных книг и не из посещения Европы. М. И. Муравьев-Апостол также подчеркивал: «Именно 1812 год, а вовсе не заграничный поход создал последующее общественное движение, которое было в своей сущности не заимствованным, не европейским, а чисто русским»⁵². О глубоких национальных корнях и прочных отечественных традициях русского освободительного движения ранее писали Н. Муравьев, П. Пестель и многие другие декабристы.

В многочисленных и весьма разнообразных по своему содержанию и форме работах декабристов мы находим ценнейшие сведения о развитии движения дворянских революционеров, о деятельности последовательно сменявшихся тайных обществ, об их программных документах, о декабристской идеологии и многих других вопросах, раскрывающих историю освободительного движения в России на его первом этапе. Создание таких работ декабристы рассматривали как выполнение своего долга перед погибшими товарищами, как завет последующим поколениям революционных борцов, как завершение своей героической борьбы с самодержавием и крепостничеством»⁵³.

⁵¹ «Записки декабриста Д. И. Завалишина». Изд. 2-е. СПб. (6/г), стр. 103.

⁵² В. Е. Якушин. М. И. Муравьев-Апостол. — «Русская старина», 1886, кн. 7, стр. 156.

⁵³ Специальной темой исследования являются исторические занятия декабристов в период сибирской ссылки. Н. Бестужев, М. Лунин, Н. Муравьев, А. Поджио и другие декабристы, находясь в ссылке, не изменили своих убеждений и с революционных позиций освещали исторические проблемы (об этом см. подробнее в гл. V). Одной из важных тем исторических занятий декабристов в этот период было изучение истории Сибири: не довольствуясь печатными материалами, они привлекали для этой цели и документы местных архи-

Декабристы оказали сильное воздействие на своих современников, в частности на развитие передовой исторической мысли в России. Ярким доказательством влияния исторических идей декабристов на передовых современников являются исторические взгляды великого русского поэта А. С. Пушкина. Всегда живо интересовавшийся отечественной историей и напряженно ее изучавший, А. С. Пушкин в своих оценках ее важнейших событий во многом следовал за декабристами, революционные идеи которых он в значительной мере разделял. Более того, Пушкин полнее и ярче отразил в своих произведениях некоторые существенные стороны исторической концепции деятелей декабристского движения, чем это сделали сами декабристы.

Известно, что Пушкин в своих замечательных «Заметках по русской истории XVIII века», написанных в 1822 г., в пору наибольшей близости с декабристами, последовательнее многих из них оценил двойственный характер деятельности Петра I — как великого преобразователя России и как деспота-крепостника. В тех же «Заметках» Пушкин более решительно разоблачал демагогический характер внутренней политики Екатерины II, лживость ее либерализма. В «Истории Пугачева» Пушкин, выступивший одним из первых исследователей истории крестьянских движений в России, полнее отразил и глубже многих декабристов оценил крестьянское восстание под руководством Емельяна Пугачева, порожденное, как он справедливо полагал, десятилетиями крепостнического угнетения и безудержного произвола помещиков⁵⁴.

Пропагандистом исторических воззрений декабристов, правда в их либеральной интерпретации, был оставшийся на свободе после восстания 14 декабря 1825 г. Николай Тургенев. В заграничный период своей деятельности он издал труд «Россия и русские» (1847), насы-

вов. Наиболее значительных результатов добились Н. А. Бестужев, Г. С. Батеньков, В. И. Штейнгель и Д. И. Завалишин, касавшиеся в своих произведениях и вопросов современной сибирской жизни. Но эта тема достаточно подробно освещена в монографии В. Г. Мирзоева «Историография Сибири» (М., 1970, стр. 187—214).

⁵⁴ Об исторических взглядах А. С. Пушкина см. *Л. В. Черепнин. Исторические взгляды классиков русской литературы*. М., 1968, гл. I.

щенный историческими материалами⁵⁵. Определенное влияние декабристских взглядов на историю испытал его брат Александр Тургенев, известный своими историческими работами и археографическими изысканиями.

Таким образом, обогатившийся исторический опыт во времена декабристов, более высокий теоретический уровень науки, участие в разработке исторических проблем целого коллектива привели к новым успехам в развитии революционной исторической мысли в России.

У радикально и умеренно настроенных деятелей декабристского движения имелись различия и в их исторических воззрениях. Но между политическими и историческими взглядами декабристов не было автоматического соответствия. Программные и тактические разногласия деятелей различных декабристских организаций слабее проявлялись в трактовке ими исторических проблем.

Декабристы более глубоко и последовательно сравнительно с Радищевым разрешали вопрос о прогрессивно-поступательном и закономерном характере исторического процесса, о роли в нем социально-экономических факторов, значительно шире и основательнее осветили проблемы всеобщей истории, в частности новейшей, включавшей и вопросы современности.

Особенно плодотворна была разработка дворянскими революционерами проблем истории России. Представления о вечевом строе славян как исконном и предшествующем утверждению самодержавия, критика норманизма, обнаружение его политических корней и реакционной сущности были существенным вкладом декабристов в изучение древнерусской истории. Деятели декабристского движения раскрыли социальные основы крепостничества, разоблачили крепостнические теории реакционных дворянских историков, выступили решительными противниками самодержавного деспотизма. Декабристы едва ли не первыми обратили внимание на сословно-представительные учреждения Русского государства XVI—XVII вв., раскрыли связь петровских преобразований с предшествующим периодом, показали историческое зна-

⁵⁵ См. *В. В. Пугачев. Исторические взгляды Н. И. Тургенева. — «Ученые записки Горьковского государственного университета», 1962, вып. 58.*

чение реформ Петра I, отметив и некоторые черты их ограниченности. Декабристы как пламенные патриоты высоко оценили героическую борьбу русского народа за национальную независимость, в особенности же подчеркивали историческое значение Отечественной войны 1812 г. Наконец, деятели первого этапа освободительной борьбы в России выступили одними из первых историков декабристского движения, указав на его истоки, важнейшие особенности и историческое значение. Тем самым декабристы связали историю с современностью, заложив одну из прочных традиций революционной исторической мысли в России.

Исторические взгляды дворянских революционеров содержали в себе черты классовой ограниченности, определившие недооценку декабристами самостоятельной роли народных масс в истории и обусловленную такой недооценкой неправильную трактовку ряда исторических событий. Тем не менее в целом передовые исторические идеи декабристов подрывали основы реакционной дворянской историографии и одновременно готовили почву и пролагали пути для последующих успехов революционной исторической мысли в России на ее новом, революционно-демократическом этапе.

**У истоков революционно-
демократической исторической мысли.
В. Г. Белинский**

Виссарион Григорьевич Белинский занимает почетное место в ряду выдающихся революционных деятелей и мыслителей русского народа.

Белинский жил, работал, боролся в период господства самодержавно-крепостнических порядков в России, в период злейшей николаевской реакции. В этих тяжелых условиях он воспринял традиции своих революционных предшественников — Радищева и декабристов, обогатил эти традиции и развил их дальше, выступил идейным вдохновителем Чернышевского и Добролюбова, разработавших программу крестьянской революции.

Историческое развитие России, ход классовой борьбы, интересы трудящихся масс выдвигали задачу революционного преобразования страны, уничтожения крепостничества и всех его порождений в социальной и политической жизни. Для обоснования революционной программы нужна была революционная теория. Белинский вместе с Герценом и петрашевцами был зачинателем героических исканий правильной революционной теории в России, и в этом заключается его великая историческая заслуга.

Задача выработки революционного мировоззрения требовала критического пересмотра многих кардинальных положений общественных наук того времени. Эту задачу, поставленную самой жизнью, с позиций революционного демократизма начал осуществлять Белинский.

В Белинском поразительно сочетались замечательные дарования. Он был гениальным литературным критиком, основоположником реалистической эстетики, блестящим публицистом, одним из корифеев русской мате-

риалистической философии, проницательным социологом. «Белинский, — по справедливому замечанию Н. Г. Чернышевского, — будучи значительнейшим из всех критиков, был и одним из замечательнейших наших ученых»¹. Многосторонняя, поистине энциклопедическая, новаторская деятельность Белинского была пронизана революционной целеустремленностью и подчинена решению коренных вопросов русской общественной жизни.

В. И. Ленин дал высокую оценку деятельности революционера-демократа Белинского, определил его место в истории освободительного движения в России: «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами. . . был еще при крепостном праве В. Г. Белинский»². В. И. Ленин решительно разоблачил идеологов контрреволюционной буржуазии — так называемых веховцев, которые, оплевывая демократические традиции русского освободительного движения, стремились представить Белинского и других революционеров-демократов как «идеологов интеллигенции», якобы оторванных от народных масс. Он подчеркнул, что классовой базой, которая породила революционно-демократическую идеологию, были настроения крепостных крестьян, протест и борьба народных масс против крепостничества, что Белинский в «Письме к Гоголю» выразил коренные интересы народных масс, сокровенные чаяния и настроения крепостных крестьян³. В. И. Ленин назвал этот исторический документ «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору»⁴.

В. И. Ленин вскрыл причины, обусловившие сложность процесса становления и развития мировоззрения Белинского, показал, что он занимает своеобразное положение как деятель, выступивший на рубеже двух периодов в истории русского освободительного движения и явившийся основоположником революционно-демократической идеологии. Вместе с тем В. И. Ленин рассматривал Белинского наряду с Герценом и Чернышевским в качестве предшественника русской революционной со-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III. М., 1947, стр. 277.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 169—170.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

циал-демократии⁵, указывая на связь великих русских революционных демократов с пролетарским этапом освободительного движения.

Руководствуясь работами В. И. Ленина, советские ученые добились заметных успехов в исследовании мировоззрения и деятельности Белинского.

Буржуазная историография искажала историю русской исторической науки, отрицала классовую борьбу в области идеологии, сознательно игнорировала революционную линию и традицию в русской историографии.

Первая попытка освещения с марксистских позиций социологических воззрений русских революционных демократов, в частности Белинского, была осуществлена Г. В. Плехановым. Он считал Белинского замечательным мыслителем, обладавшим «чутьем гениального социолога»⁶. Однако Плеханов не раскрыл классового существа русского революционного просветительства, его своеобразия сравнительно с западноевропейским, не оценил того решающего обстоятельства, что русские революционные демократы — и среди них Белинский — выступали выразителями чаяний и настроений угнетенных народных масс, защитниками интересов крестьянства России в его борьбе против крепостнического гнета.

Изучение собственно исторических воззрений В. Г. Белинского — заслуга советских исследователей. Но первая статья, специально посвященная историческим воззрениям В. Г. Белинского, появилась только в 1948 г.⁷, когда в нашей стране широко отмечалось 100-летие со дня смерти великого демократа.

Однако в журнальной статье могли быть отмечены лишь важнейшие вехи в развитии исторических взглядов Белинского. Более основательную разработку эта тема получила в нашей монографии, изданной в 1953 г.⁸ В книге рассмотрены такие вопросы, как формирование исторических взглядов В. Г. Белинского, освещение важ-

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 25; см. также: «В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в.», [сб.]. Л., 1969, стр. 29—32.

⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 167.

⁷ В. Е. Иллерицкий. Исторические взгляды В. Г. Белинского. — «Вопросы истории», 1948, № 7, стр. 3—26.

⁸ В. Е. Иллерицкий. Исторические взгляды В. Г. Белинского. М., 1953.

нейших этапов всеобщей истории и главное внимание уделено разработке В. Г. Белинским проблем истории России.

Нам представляется, что основные выводы этой книги сохраняют свое значение. Однако книга отражала определенный этап в развитии советской исторической науки и содержала типичные для того времени недостатки: преувеличение степени зрелости воззрений Белинского, определенную недооценку значения для великого русского демократа западноевропейского идейного и исторического опыта. В известной мере эти недостатки были преодолены в последующих работах автора⁹.

Основы исторической концепции русской революционной демократии были разработаны Белинским совместно с Герценом и петрашевцами в 40-х годах XIX в. Однако, прежде чем перейти к характеристике этого важнейшего периода в развитии исторических взглядов Белинского, следует в общих чертах осветить процесс формирования его исторических взглядов в 30-х годах и тем самым раскрыть возникновение новых особенностей в передовой исторической мысли в России сравнительно с воззрениями на историю декабристов.

Белинский прошел путь сложного идейно-политического развития, путь напряженных и страстных исканий правильной революционной теории. Он еще в начале 30-х годов воспринял основное в наследстве Радищева и декабристов — антикрепостническую сущность их взглядов. Однако в тот период Белинский, оставаясь просветителем, полагал, что освобождение крестьян от крепостничества может быть достигнуто путем распространения просвещения в народных массах.

Исторические взгляды Белинского находились в органической связи с политическими воззрениями. Уже в 30-х годах в воззрениях Белинского обозначилась тенденция к демократическому освещению исторических явлений.

Живой интерес к истории, и особенно к величественным событиям Отечественной войны 1812 г., Белинский обнаружил еще в детские годы. Он вспоминал впослед-

⁹ В. Е. Иллерицкий. История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963; «Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции», изд. 1-е. М., 1961, стр. 189—200; изд. 2-е. М., 1971, стр. 172—181.

ствии: «Мы, юноши нынешнего века, мы, бывшие младенцами, слышали от матерей наших не об Измаиле, не о Кагуле, не о Рымнике, а об двенадцатом годе, о Бородинской битве, о сожжении Москвы, о взятии Парижа» (Б., II, 9—10)¹⁰.

Изучение истории родной страны питало патриотические чувства юного Белинского. Значительное воздействие на развитие его исторических интересов оказала русская литература, особенно творчество А. С. Пушкина. Обширные познания по истории России и других стран Белинский черпал из чтения передового журнала 20—30-х годов «Московский телеграф» Н. Полевого¹¹.

Важным этапом в развитии мировоззрения Белинского, следовательно, и его исторических взглядов являлся десятилетний московский период его жизни (1829—1839 гг.). В 30-х годах главным очагом общественного движения становится Москва, и в первую очередь Московский университет с его студенческими кружками и их кипучей идейной жизнью¹². Живой обмен мнениями с лучшими представителями университетской молодежи содействовал интенсивному общему развитию будущего революционера-демократа, а также формированию его исторических взглядов. При этом в центре внимания Белинского и в студенческие годы оставалась отечественная история, чему способствовал ряд важнейших обстоятельств¹³.

Крупнейшие события истории России первой четверти XIX в. — победоносный исход Отечественной войны и восстание декабристов необычайно остро поставили вопрос о характере и особенностях русской истории, о роли народа в историческом процессе, усилили интерес к отечественной истории и подняли общественно-политическое значение исторической науки. Развитие исторической

¹⁰ Здесь и далее цит. по: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., в 13-ти томах. М., 1953—1956 (Б., т. — римская цифра, стр. — арабская цифра).

¹¹ Л. Е. Татаринова. Московский телеграф (1825—1834). М., 1959.

¹² Л. И. Насонкина. Московский университет после восстания декабристов. М., 1972.

¹³ Развитие исторических интересов молодого Белинского широко отражено в книге В. С. Нечаевой «В. Г. Белинский, начало жизненного пути и литературной деятельности. 1811—1830 годы», т. I (М., 1949).

мысли протекало в борьбе между прогрессивным и реакционным направлениями.

Не случайно после поражения восстания декабристов оформилась и старательно распространялась правительством теория «официальной народности». Усилиями Уварова, Погодина, Шевырева, Булгарина, Греча и многих других верных слуг самодержавия эта теория превратилась в идеологическое оружие реакции¹⁴.

Политически реакционные каноны официальной историографии, выдвинутые еще Карамзиным и затем обосновывавшиеся Погодиным и Шевыревым на основе идеалистической философии Шеллинга, встречали решительный протест у передовых людей России. После выдающихся исторических событий — Отечественной войны 1812 г. и героического подвига декабристов утверждения, что русский народ состоит из рабов, а историческое развитие страны определяется предначертаниями самодержавного правительства, расценивались как оскорбление национального достоинства.

Труд Карамзина подвергся критике еще со стороны декабристов и Пушкина. Не удовлетворил он Полевого и Каченовского. Однако, критикуя Карамзина, а затем расходясь во мнениях с Погодиным и Шевыревым, Полевой и Каченовский сами оказались неспособными на последовательную критику идеологов официальной народности¹⁵. Эту задачу начали осуществлять представители передовой части студенческой молодежи, среди которых вскоре выдвинулся Белинский как самый непримиримый враг теории «официальной народности».

К моменту исключения из университета в 1832 г. Белинский прошел уже суровую жизненную школу: он был участником разночинного литературного кружка — «11 нумера», написал антикрепостническую драму «Дмитрий Калинин», обнаружившую влияние идей «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева и французских просветителей. В конце 1833 г. Белинский вошел в кружок дворянской молодежи, возглавлявшийся Станкевичем. В этом кружке изучались исторические теории Гердера, Шеллинга, Гизо и Тьерри, но основное внимание

¹⁴ Подробнее см. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. М., 1955, стр. 317—325.

¹⁵ Об этом подробнее см. там же, стр. 331—338.

уделялось изучению русской истории. Представители передовой студенческой молодежи искали в истории ответы на вопросы о будущем России, о судьбах русского народа. При этом для Белинского было характерно самостоятельное освоение идей западноевропейских мыслителей.

Изучение процесса формирования исторических взглядов Белинского представляет особый интерес, так как он отражает всю сложность перехода освободительного движения в России от этапа дворянской революционности к революционности демократической.

Свое первоначальное выражение исторические взгляды Белинского получили в его произведении «Литературные мечтания» (1834). Уже в этом первом критическом произведении Белинского мы находим черты оригинальности и своеобразное понимание исторического процесса, свидетельствующие о критическом преодолении шеллингианства с его абстрактностью, чертами мистицизма и идеализацией прошлого, что исключало возможность раскрытия прогрессивно-поступательного развития человечества.

Историзм молодого Белинского отражал его неудовлетворенность абстрактными формулами, он был устремлен в будущее. По его мнению, «каждый народ, вследствие непреложного закона провидения, должен выражать своею жизнью одну какую-нибудь сторону жизни человечества» (*Б., I, 35*). Не удовлетворяясь этим, Белинский поставил вопрос об особенностях исторического развития отдельных народов, о причинах этих особенностей. Коренную из них — причину всех причин он усматривал во влиянии на развитие того или иного народа «климата и местности» (*Б., I, 35*).

Естественно, что история родной страны была более близка и известна Белинскому, чем история любой другой страны.

Наиболее значительное внимание он уделил реформам Петра I, высоко оценив их прогрессивный характер. История России давала ему основу для понимания особенностей развития русской литературы, раскрытие которых и составляло важнейшую задачу его «Литературных мечтаний».

Скромно называя себя в области истории «любителем», Белинский в своих ранних произведениях, как правило, воздерживался от прямой полемики по историче-

ским вопросам с Карамзиным, Погодиным и другими представителями официальной историографии. Однако это не означает отсутствия собственных позиций критика в понимании истории, — наоборот, уже тогда они были у него достаточно определены, о чем свидетельствуют эпизодические, но меткие историографические оценки, содержащиеся в «Литературных мечтаниях». Такова, например, оценка «Истории государства Российского» Карамзина, главный недостаток которой Белинский видел в стремлении ее автора к «ораторской шумихе», в неуместном желании быть наставительным, поучать там, где сами факты говорят за себя, в пристрастии к героям повествования, делающем честь сердцу автора, но не его уму» (Б., I, 60). О школе Каченовского Белинский отзывался сочувственно, полагая, что она опирается на «здравый смысл и глубокую ученость»; он отмечал увлечение ею молодых историков, объясняя это увлечение тем, что настоящее поколение чуждо «воспоминаний старины и предубеждений авторитетов» (Б., I, 88, прим.). Известно, что и сам Белинский в тот период испытал на себе влияние Каченовского.

Внимательно наблюдая за развитием русской исторической науки, Белинский интересовался и западноевропейской историографией, особенно французской, представленной трудами наиболее видных буржуазных ученых — Тьерри, Гизо и Минье. Он считал достоинством французских историков периода Реставрации их стремление выявить закономерности исторического развития, а также внимание к социальным проблемам.

Влиянием французской романтической историографии навеяны, очевидно, мысли Белинского о том, что историки должны стремиться точно передавать своеобразие изображаемых ими исторических явлений, «уловить дух народа и эпохи». Без соблюдения этого условия «сама история... жестоко грешит против исторической истины, если не выражает идеи жизни народа» (Б., I, 134, 135).

При всей идеалистической сути подобных рассуждений Белинский уже в 30-х годах сумел разглядеть некоторые существенные недостатки в работах представителей современной ему официальной историографии. Его не удовлетворяло прежде всего ограниченное, а иногда и примитивное понимание самого предмета исторической науки. Так, в рецензии 1835 г. на учебник всеобщей исто-

рии профессора Кайданова, автора большинства учебников по истории в 20—30-х годах XIX в., Белинский зло высмеивал его примитивный подход к определению истории как простого описания событий, совершавшихся в прошлом (*Б., I, 191*).

В некоторых высказываниях Белинский поднимался до понимания условий, способствовавших успешному развитию исторической науки. Он указывал на необходимость разработки новых материалов, расширяющих возможности исторического исследования, на важность критической оценки фактов, накопленных предшествующими историками, подчеркивал, что историк должен быть самостоятельным в своих суждениях о событиях и исторических деятелях прошлого, а также особенно в исторических обобщениях. Все эти мысли Белинский более подробно и глубоко развил в произведениях 40-х годов, определяя предмет и задачи исторической науки с позиций революционного демократизма.

Наконец, следует отметить, что уже в 30-х годах Белинский прекрасно понимал воспитательную роль преподавания истории как весьма важного фактора формирования общественных взглядов юного поколения. Поэтому он внимательно следил за вновь выходящей учебной литературой, отмечая удачные опыты, весьма редкие в его время, и решительно критикуя в своих рецензиях псевдонаучные и недобросовестно составленные учебные пособия. Так, в одном 1835 г. Белинский опубликовал свыше 20 рецензий на книги исторического содержания, среди которых значительную часть составляли рецензии на учебные издания.

Неудовлетворенность абстрактным пониманием исторического процесса, сознание отсутствия в тот период деятельной общественной силы в России, способной изменить самодержавно-крепостническую действительность, бесплодности ее мысленного отрицания, правогегельянские философские увлечения — все это обусловило, как известно, временные заблуждения Белинского — примирение с действительностью. Примирение это в свою очередь вызвало ряд серьезных ошибок в понимании истории России. Так, в своих «бородинских» статьях (1839) Белинский провозгласил, что ход русской истории является обратным по сравнению с европейской. Своеобразие русской истории он усматривал в том, что в России

«правительство всегда шло впереди», что царская власть была источником просвещения и потому в России революция невозможна.

Временные заблуждения Белинского отнюдь не привели его в лагерь официальной народности. В его воззрениях сохранялись черты гуманизма и просветительства, исключавшие подобную возможность. Примирение с действительностью не прервало его исканий исторической правды и путей прогрессивного развития России. Более того, именно в этот период углубилось понимание Белинским исторического процесса. Он поставил вопрос о раскрытии объективных законов исторического развития и о внутренней обусловленности последнего. Это позволило Белинскому подвергнуть критике рационалистические схемы исторического процесса французских просветителей, в частности теорию «общественного договора» Руссо, и вскоре мужественно признать свою ошибку в оценке роли самодержавия.

Решительный разрыв с примирительными настроениями, провозглашенный в письмах к Боткину в конце 1840 г., стал основой для перехода Белинского на позицию революционного демократизма, а в соответствии с этим дальнейшего углубления его историзма, обогащенного теперь идеей диалектического развития, идеей отрицания, что знаменовало начало наиболее значительного и важного этапа деятельности великого русского демократа.

Период 40-х годов в истории России ознаменован рядом новых явлений. В результате роста буржуазных отношений в стране углубился кризис феодально-крепостнической системы, расширилось крестьянское движение, усилилась дифференциация дворянства, окрепли буржуазные элементы, на арену общественной борьбы начали выступать отдельные разночинцы, оформлялось выражавшее интересы народных масс революционно-демократическое направление в общественной мысли.

Основным вопросом эпохи, вокруг которого шла борьба различных общественных направлений, был вопрос о крепостном праве. В более широком плане это был вопрос о будущем России. Острая постановка вопроса о будущем России в свою очередь расширила и углубила интерес к ее истории. «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, — писал Белинский, — чтобы оно объяснило

нам настоящее и намекнуло нам о нашем будущем» (Б., X, 18). Исторические вопросы получили особую политическую остроту и злободневность. «Наш век, — писал Белинский, — век по преимуществу исторический. Все думы, все вопросы наши и ответы на них, вся наша деятельность вырастает из исторической почвы и на исторической почве» (Б., IV, 518).

В развернувшейся в тот период борьбе между славянофилами и западниками Белинский выступил на стороне последних. Однако это не означало, что Белинский был типичным западником. Не следует забывать, что термин «западничество» вообще весьма условен. Лагерь западников объединял разнородные социальные элементы, что и нашло свое выражение в расхождениях между радикальным и либеральным крылом западников, выявившихся уже в середине 40-х годов.

Белинский боролся против славянофилов вместе с западниками, но в отличие от них он вел эту борьбу с позиций революционного демократизма. Для Белинского «западничество» было формой отрицания самодержавно-крепостнического строя, сочетавшейся с критикой западноевропейских буржуазных общественных отношений. Его революционный демократизм соединялся с утопическим социализмом, но последний не исключал в отличие от социалистов-утопистов Западной Европы признания революционных средств борьбы и роли народных масс как основного деятеля истории. Свообразие мировоззрения Белинского выразилось и в том, что с середины 40-х годов оно приобрело философско-материалистическую основу. Понятно поэтому, что Белинский не мог не разойтись с большинством западников, эволюционировавших в сторону буржуазного либерализма, превозносивших буржуазные отношения, отрицавших революционные средства борьбы, игнорировавших народные массы в качестве деятельной исторической силы и никогда не покидавших позиций идеализма. Лишь революционно настроенный А. И. Герцен оставался в рассматриваемый период наиболее идейно близким Белинскому.

Особенности революционно-демократического мировоззрения Белинского, его борьба в 40-х годах со славянофилами, а затем и с либеральным крылом «западников» нашли отражение в его исторических воззрениях. В результате напряженной идейной борьбы Белинский

выработал самостоятельное понимание исторического процесса, дал творческую разработку важнейших вопросов всеобщей истории и истории России.

Исключительное внимание стал уделять Белинский разработке теоретических основ исторической науки, отчетливо понимая, что «важность теоретических вопросов зависит от их отношения к действительности» (Б., X, 32). В этом направлении им был сделан значительный шаг вперед сравнительно с предшествующим периодом. Его историческая концепция приобретала все более определенно выраженный демократический и революционный характер, была тесно связана с неотложными задачами русского освободительного движения.

Хотя в понимании и объяснении истории Белинский остался в основном на идеалистических позициях, революционно-демократическая сущность его исторических воззрений возвышала Белинского над современными ему дворянскими и буржуазными историками России и Западной Европы.

Если в «Литературных мечтаниях» Белинского только намечалось понимание исторического процесса как закономерного и прогрессивного, то теперь оно стало теоретически обоснованным убеждением. Белинский указывал, что история становится наукой именно с того времени, когда исторический процесс начинает рассматриваться в качестве закономерного. «Отвергать возможность истории как науки, — заявлял Белинский, — значит отвергать в развитии общественности неизменные законы, и в судьбах человечества ничего не видеть, кроме бессмысленного произвола слепого случая» (Б., VIII, 277). Белинский в 40-х годах более глубоко и разносторонне овладел идеей прогрессивности исторического процесса.

Однако идея исторической закономерности во времена Белинского не была новой ни для европейской, ни для русской философской и исторической мысли. Эта идея до Белинского в Западной Европе развивалась Сен-Симоном, Фурье, затем историками периода Реставрации, а также выдающимся немецким философом Гегелем. Под влиянием названных мыслителей эта идея получила обоснование и у русских историков. Она нашла свое отражение в трудах близкого друга Белинского и весьма авторитетного для него историка — Т. Н. Грановского, а затем в трудах С. М. Соловьева. При первоначальной

формулировке данной идеи Белинский испытал влияние названных мыслителей и историков¹⁶. Но заслуга Белинского в своеобразном раскрытии этой идеи, в установлении связи ее с его революционно-демократическими устремлениями.

Историзм Гегеля был обращен к прошлому. Историческое развитие, по мнению Гегеля, завершается достижением такого идеального государственного строя, как прусская конституционная монархия, названная Белинским еще в начале 40-х годов «узеньким понятием» (Б., XII, 52).

Французские историки периода Реставрации венцом исторического развития считали буржуазную монархию, решительно отвергая закономерность пролетарской борьбы против буржуазии. Белинский же заявлял: «Горе государству, которое в руках капиталистов. Это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят» (Б., XII, 449). Русские историки из лагеря либеральных западников не шли дальше буржуазного конституционализма.

Историзм Белинского основывался на твердом убеждении в бесконечности прогресса человечества, неизбежности утверждения социалистического общества, несущего трудящимся массам справедливость и равенство. В рецензии 1844 г. на книгу Смарагдова «Руководство к познанию новой истории» Белинский писал: «Следя за судьбами человечества, мы в ряду исторических эпох его видим строгую, непрерываемую последовательность, так же как в событиях — живую, органическую связь» (Б., VIII, 282). В той же рецензии, дав характеристику своему веку в качестве «холодного и расчетливого, положительного и мануфактурного», т. е. определив его как век капиталистический, Белинский подчеркнул нелепость мысли о том, что «теперь развитие должно остановиться, потому что дошло до самой крайней степени и дальше идти не может. Нет предела развитию человечества,

¹⁶ Влияние Гегеля и великих социалистов-утопистов на философско-историческое воззрение русских революционеров-демократов начиная с Белинского разносторонне раскрывается в новейшем исследовании А. И. Володина «Гегель и русская социалистическая мысль в России XIX в.» (М., 1973).

и никогда человечество не скажет себе: «Стой, довольно, больше идти некуда!»» (Б., VIII, 283).

Вместе с тем глубина и содержательность понимания Белинским исторического процесса особенно подчеркивается его отчетливым представлением о национальных формах осуществления прогресса. Белинский никогда не страдал национальным нигилизмом, наоборот, он всегда боролся с ним. В конце своей жизни он писал: «Борьба человеческого с национальным есть не больше как риторическая фигура, но в действительности ее нет. Даже и тогда, когда прогресс одного народа совершается через заимствование у другого, он тем не менее совершается национально. Иначе нет прогресса» (Б., X, 29—30). Глубокое понимание этого вопроса определяло позицию Белинского в борьбе со славянофилами, пытавшимися оторвать Россию во имя «фантастической народности» от общечеловеческого прогресса, и с западниками — «фантастическими космополитами» (Б., X, 25), стремившимися растворить национальное в общечеловеческом и считавшими буржуазные общественные отношения идеалом для всего человечества и для России.

Важной особенностью воззрений Белинского было диалектическое понимание исторического прогресса как противоречивого и скачкообразного, раскрывающегося в борьбе между новым и старым. Такое понимание, связанное с революционно-демократическими устремлениями Белинского, служило средством обоснования неизбежности и правомерности революционных взрывов в истории, необходимости активного вмешательства в историческое развитие, оправданием борьбы народных масс за свое экономическое и социальное освобождение. Оно возвышало Белинского над декабристами и отличало его не только от буржуазных идеологов, но и от страдавших реформизмом социалистов-утопистов Западной Европы.

Переход Белинского на позицию революционного демократизма в теоретическом отношении был связан для него с овладением плодотворной философской идеей отрицания. Эта идея помогла Белинскому углубить понимание исторического развития народов в прошлом и установить перспективы этого развития в будущем. В письме к Боткину от 27—28 июня 1841 г. Белинский, раскрывая свое понимание социалистического общества как обще-

ства, в котором не будет ни богатых, ни бедных, ни царей, ни подданных, но будут братья, будут просто люди, указывал на пути достижения такого общества: «Смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови... Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов» (Б., XII, 51—52). Свои рассуждения он заключал следующими знаменательными словами: «Я все думал, что понимаю революцию — вздор — только начинаю понимать. Лучшего люди ничего не сделают». В другом письме к В. П. Боткину В. С. Белинский с не меньшей определенностью заявлял, что справедливый, т. е. социалистический, строй «утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснородушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов» (Б., XII, 105).

Подчеркивая роль отрицания в историческом прогрессе, Белинский пришел к следующему выводу: «Мрачный дух сомнения и отрицания как элемент, или лучше сказать, как сторона всецелого и вечного духа жизни, играет в движении великую роль, отрывая отдельные лица и целые массы от непосредственных и привычных положений и стремя их к новым и сознательным убеждениям» (Б., VI, 95). Отрицание открывает путь торжеству нового над старым. Оно (отрицание) наиболее полно проявляет себя в истории в периоды переломные и революционные. Именно диалектическая идея отрицания позволила Белинскому понять реакционную роль самодержавия и благодаря этому углубить свои антикрепостнические убеждения признанием необходимости борьбы с царским самодержавием как сильнейшим препятствием исторического прогресса России.

В письме к Боткину от 10—11 декабря 1840 г., в котором решительно провозглашался разрыв с примирительными настроениями, Белинский писал: «Конечно, наш китайско-византийский монархизм до Петра Великого имел свое значение, свою поэзию, словом, свою историческую закономерность; но из этого бедного и частного исторического момента сделать абсолютное право и применять его к нашему времени — фэй — неужели я говорил это? . . . должно было развить и идею отрицания, как исторического права не менее первого священ-

ного и без которого история человечества превратилась бы в стоячее и вонючее болото...» (Б., XI, 576).

Идея отрицания, утверждавшая борьбу нового со старым, закономерность и неизбежность победы возникающего нового над старым, отживающим, придавала особый характер историзму Белинского. Понимание им исторического процесса было глубоко своеобразным, хотя оно и не выходило еще за рамки идеализма, поскольку Белинский усматривал закономерность, прогрессивность и противоречивость исторического процесса прежде всего в борьбе старых и новых идей, разума и предрассудков, а не в развитии материальной основы общества — производительных сил. Но вместе с тем прогрессивность исторического развития ставилась Белинским в зависимость от того, как и в какой мере на том или ином историческом этапе удовлетворялись интересы народных масс. Он понимал, что полное удовлетворение интересов трудящихся масс в настоящем невозможно ввиду неравенства, нищеты и несправедливости, лишающих народ активного и самостоятельного творчества. Это заставило его страстно надеяться и верить в торжество справедливости в будущем, когда народные массы созреют для борьбы с угнетателями.

В понимании исторического процесса Белинский был глубоким и последовательным демократом и революционером, что проявилось в его историческом реализме и оптимизме, о которых В. И. Ленин писал как о своеобразной особенности революционного просветительства¹⁷.

Необходимо отметить, что Белинский мог испытать известное воздействие и со стороны Маркса и Энгельса, поскольку он был знаком с некоторыми их ранними произведениями, прежде всего со статьями, напечатанными в «Немецко-французских ежегодниках» за 1844 г. В этих ранних работах Маркс и Энгельс еще не пришли к выводу, сформулированным впоследствии в «Коммунистическом Манифесте». Однако критика молодым Марксом буржуазного государства и права, критика религии, установление ее корней в самой общественной жизни, характеристика различия ее форм в зависимости от различных исторических условий — все это могло оказать благотвор-

¹⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 532.

ное воздействие на углубление и конкретизацию понимания Белинским исторического процесса.

Не прошел бесследно для исторических воззрений Белинского и переход его в середине 40-х годов на позиции материализма. Так, в статьях и рецензиях Белинского, написанных в последние годы его жизни, мы находим отдельные глубокие материалистические догадки в объяснении исторического процесса. Если в работах предшествующего периода Белинский неоднократно высказывал мысль о зависимости истории того или иного народа от условий местности и климата, начав тем самым преодолевать характерное для домарксовской исторической мысли противопоставление истории природе, то теперь Белинский уже определенно подчеркивал равное значение материальных и духовных потребностей как движущих сил исторического развития. В своих статьях последних лет жизни Белинский высказывал материалистические догадки о том, что поведение людей и их деятельность вытекают из их потребностей, а потребности указываются самой действительностью. Эту мысль он отчетливо сформулировал в рецензии на учебник Смарагдова. «Историк должен показать, — писал Белинский, — что исходный пункт нравственного совершенства есть прежде всего материальная потребность и что материальная нужда есть великий рычаг нравственной деятельности. Если б человек не нуждался в пище, в одежде, в жилище, в удобствах жизни, он навсегда остался бы в животном состоянии» (Б., VIII, 287).

В известной рецензии на роман Э. Сю «Парижские тайны» Белинский сосредоточил внимание на имущественной основе неравенства в буржуазном обществе и выдвинул перед историками требование уделять внимание экономическим факторам. Важнейшее значение имеют его мысли о решающей роли в истории народных масс и о классовой борьбе. Однако в силу исторических условий того времени он не мог перейти на позиции исторического материализма, не мог понять решающей роли развития производительных сил в историческом процессе, не смог разработать теории классовой борьбы и был лишен возможности понять историческую миссию пролетариата. Оставаясь в понимании истории идеалистом, Белинский все острее ощущал неудовлетворенность тесными рамками идеализма.

Глубокое и оригинальное понимание Белинским исторического процесса обуславливало и новое понимание им задач исторической науки. Он требовал от нее освещения истории народа. «Приступая к истории какого-нибудь народа, — писал Белинский, — историк прежде всего должен отчетливо и определенно понимать значение этого народа, видеть его отношение к другим народам, степень, занимаемую им в человечестве, и важность его исторической роли» (Б., VII, 54). Политическая заостренность этого требования более отчетливо обнаруживается в другом высказывании Белинского — в рецензии на учебник Лоренца «Руководство к всеобщей истории» (1842). «В наше время слово — «всеобщая история», — писал Белинский, — налагает на автора огромные обязанности, потому что заставляет ожидать от него полной картины жизни народов, где, подобно искусно расположенным теням, должны занимать свое место: и религия, и искусство, и науки, и ремесла, и право, и подати, и войска, а не одни только войны да договоры. Политическая сторона должна быть только рамою истории, но не содержанием ее» (Б., VI, 101).

Суждения Белинского направлены против дворянской историографии. Не деятельность правящей верхушки должна стоять в центре внимания историка, а история самого народа — таково твердое убеждение великого демократа. Эта мысль высказана им и в рецензии на учебник Смарагдова «Руководство к познанию новой истории» (1844), в которой Белинский упрекает автора в том, что он, ограничиваясь политической историей, пошел «по избитой колее» (Б., VIII, 289).

Усиление революционно-демократических устремлений привело Белинского к убеждению, что народ является определяющей силой, а это в свою очередь изменило и его взгляд на роль личности в истории. Белинский выдвинул формулу, что личность без народа — призрак. Однако это не означало, что он совершенно перестал придавать значение роли личности в истории. Белинский только с особой силой начал подчеркивать ту мысль, что величие личности, ее сила определяются тем, в какой мере она отражает интересы народа, запросы исторического момента. Время диктует задачи личности, а не личность определяет по собственному произволу течение истории, писал Белинский в 1841 г.: «Каждый великий человек совершает дело

своего времени, решает современные ему вопросы, выражает свою деятельность духом того времени, в которое он родился и развивался» (Б., X, 31). В этом определении роли личности в истории еще явственно ощущались идеалистические элементы, но тем не менее Белинский уже близко подходил к правильному разрешению вопроса.

В великом человеке Белинский особенно ценил новаторство: «В гении не столько поражает находчивость нового, сколько смелость противопоставить его старому и произвести между ними борьбу на смерть» (Б., X, 31—32).

Ставя новые задачи перед исторической наукой, Белинский предъявлял очень высокие требования к историкам. «В том и заключается трудность условий исторического таланта, — писал он, — что в нем должны быть соединены строгое изучение фактов и материалов исторических, критический анализ, холодное беспристрастие с поэтическим воодушевлением и творческою способностью сочетать события, делая из них живую картину, где соблюдены все условия перспективы и светотени» (Б., VII, 52—53). Белинский считал необходимым добиваться в исторических трудах «единства содержания», без которого не будет «видно, как движется вперед человечество, в чем заключается его развитие», не будет раскрыта за внешней причинностью сменяющихся событий «внутренняя необходимость, дающая им глубокий внутренний смысл», правда, как идеалист в истории Белинский усматривал его в «диалектически развивающейся идее» (Б., VII, 53). Без этого решающего условия не может быть раскрыта прогрессивность исторического процесса, невозможно понимание событий в их взаимодействии, получится лишь бессвязное описание фактов. «Знание фактов, — указывал Белинский, — только потому и драгоценно, что в фактах скрывается идея, факты без идей — сор для голов и памяти» (Б., VIII, 276). «Всякая запутанность в истории происходит от неумения историка отличать важное и существенное эпохи от ее мелочных и пустых подробностей» (Б., VII, 56). А такое умение — результат философской вооруженности историка.

Оценивая исторические события, историк не может и не должен скрывать своих политических симпатий. Долг его — отвергать реакционное, приветствовать и защищать все прогрессивное. Несмотря на трудности подцензурной

печати, Белинский не упускал случая для заявлений подобного рода. Так, в рецензии на учебник Смагардова он писал об изучении новой истории Западной Европы, наполненной революционными событиями: «Новая история по преимуществу есть пробный камень всякого исторического таланта, в ней более, чем в древней и средней, должны обнаруживаться все симпатии, верования, все беспристрастие и вместе с тем весь энтузиазм, вся живая человеческая сторона историка». Последние слова не оставляют сомнения в смысле, вкладывавшемся в них Белинским. Он полагал, что историк должен не только излагать события, но и производить «суд над событиями» (Б., VIII, 271, 272). Белинский требовал от историка сознательной идейности в освещении истории с позиций защиты интересов народных масс.

В произведениях Белинского мы находим характеристики важнейших этапов и анализ главных проблем русской и всеобщей истории, оценки исторических событий и выдающихся общественных и государственных деятелей. Весь этот обширный материал, характеризующий энциклопедическую разносторонность исторических интересов Белинского, дает возможность достаточно полно изучить исторические взгляды великого революционного демократа в их конкретном содержании и вместе с тем понять основополагающее значение его деятельности для обоснования исходных теоретических принципов революционно-демократического истолкования истории.

Как уже отмечалось, интерес Белинского к тем или иным историческим вопросам определялся прежде всего условиями общественного развития России и задачами политической борьбы с идеологами антинародного самодержавно-помещичьего режима и эксплуататорских классов. Поэтому вполне естественно, что вопросы отечественной истории занимают наиболее значительное место в литературном наследстве Белинского. Однако он прекрасно понимал, что история России есть неотъемлемая часть всемирной истории, поэтому в интересах более глубокого изучения русского исторического процесса его необходимо сопоставлять с развитием других народов, рассматривать в тесной связи со всемирной историей.

Белинский отличался обширной эрудицией в области всеобщей истории. Он был знаком с важнейшими трудами

по всеобщей истории, общими курсами и учебными пособиями. Он внимательно изучал труды выдающегося историка-просветителя Т. Н. Грановского, создателя русской школы всеобщей истории. Белинскому были также известны труды иностранных историков — О. Тьерри, Ф. Гизо, Э. Гиббона, Л. Ранке и др. Некоторые из этих трудов получили критическую оценку в статьях Белинского. Кроме многочисленных указаний, содержащихся в его сочинениях и письмах, круг известной ему литературы и источников по вопросам всеобщей истории раскрывается в опубликованном описании библиотеки Белинского¹⁸.

Во времена Белинского изучение всеобщей истории в России еще только начинало приобретать научный характер, и ему приходилось подвергать самостоятельному анализу многие недостаточно изученные вопросы. Белинский при этом рассматривал в своих произведениях наиболее злободневные вопросы всеобщей истории, закладывая и в этой области основы революционно-демократической концепции, во многом превосходящей оценки и выводы петрашевцев, Герцена, Чернышевского и Добролюбова.

Белинский стремился раскрыть конкретное содержание отдельных периодов всеобщей истории. Он не довольствовался той абстрактной схемой саморазвития абсолютного духа, которая содержалась в «Философии истории» Гегеля. В соответствии со своим пониманием предмета исторической науки Белинский — в противоположность представителям дворянско-буржуазной историографии — не удовлетворялся также и тесными рамками политической истории. Изучая многообразие исторической жизни, он стремился понять отличительные черты исторического развития отдельных народов — особенности их общественного строя, нравов, литературы и искусства.

Белинский исходил из идеалистической периодизации всемирной истории. Период «младенчества» человечества представляли, по Белинскому, народы Востока, Египта, Древней Греции и Древнего Рима, период «юности» — народы средневековой Европы и период «возмужалости» — народы Европы в новое время.

Более подробно Белинский анализировал историю

¹⁸ «Литературное наследство», т. 55 («В. Г. Белинский»). М., 1948, стр. 431—572.

Древней Греции. Он тщательно изучал ее литературу, философию, искусство, был знаком и с другими источниками по истории античной Греции. «Литература греков, — писал Белинский, — в полном значении слова, была выражением их сознания, следовательно, всей их жизни: религиозной, гражданской, политической, умственной, нравственной, артистической, семейственной. История греческой литературы тесно и неразрывно связана с их государственною или политическою историею» (Б., V, 630).

История Древнего Рима была также предметом пристального изучения Белинского. Его историю, как и историю Древней Греции, Белинский воспринимал в соответствии со своими революционно-демократическими убеждениями. Поэтому вполне естественно, что свое внимание он преимущественно сосредоточил на истории республиканского Рима, в событиях и деятелях которой он видел воплощение идей гражданской свободы и патриотического служения отечеству. «В классически строгих традициях Римской республики»¹⁹ он находил богатый и яркий материал для того, чтобы, преодолевая цензурные рогатки, разоблачать реакционный деспотический режим самодержавия и проводить идею революционного освобождения народа.

При этом он идеализировал римское республиканское государственное устройство, как и древнегреческую демократию, не подчеркивал того решающего обстоятельства, что республиканский Рим, как и античная Греция, был рабовладельческим государством, что рабы — основная производительная масса населения — находились в бесправном положении и нещадно эксплуатировались, оставаясь за рамками демократических и гражданских свобод в Греции и Риме.

Республиканскую форму правления, демократизм и высокую общественную активность граждан Рима периода республики Белинский противопоставлял деспотизму римских императоров.

Белинский решительно осуждал агрессивную политику императорского Рима по отношению к другим народам, на безграничной эксплуатации которых основывалось его временное могущество. В подавлении народов, включенных силой оружия в состав Римской империи,

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 120.

Белинский усматривал одну из важнейших причин упадка Рима.

История Древнего Рима, по мнению Белинского, являлась своеобразным продолжением истории Греции, и, будучи последним звеном истории древнего мира, она в свою очередь создала предпосылки для перехода к новому этапу развития — средневековью, представлявшему уже «юность» человечества.

Интерес Белинского к истории средних веков был значительным. Он был знаком с важнейшей научной литературой по средневековой истории и следил за успехами в ее изучении, а также за популяризацией знаний по истории средневековья.

Белинский подчеркивал историческую неизбежность этого периода, указывая, что и в средние века зрели предпосылки для прогрессивного развития человечества. Но как просветитель и революционный демократ Белинский много внимания уделял критике мрачных сторон средневековья, решительно выступая против его идеализации реакционерами.

В своих замечаниях и характеристиках, посвященных средним векам, Белинский подчеркивал упадок просвещения и культуры сравнительно с древним миром, подавленность личности церковью, преследование свободной мысли, ужасы инквизиции, необузданное своеволие феодалов, полное бесправие угнетенных народных масс. В этом смысле Белинский оценивал средние века как эпоху «дикого невежества, кровавых войн, беспорядка и смещения» (Б., I, 345).

Критика Белинским мрачных сторон средневековья в конкретных условиях России 40-х годов XIX в. приобретала характер обличения самодержавно-крепостнического строя и выступления в защиту угнетенного народа.

Белинский рассматривал средневековье как период расцвета феодальных отношений. В статье «Древние российские стихотворения» (1841) Белинский писал: «Феодализм вышел из системы завоевания: целый народ двигался на завоевание другого народа; покорив его, основывался, делался оседлым на завоеванной земле... Завоеванный же народ, по праву завоевания, делался собственностью, рабом завоевателя, кроме, разумеется, людей высшего сословия, которым политика завоевателей предоставляла равные права, на условии покорности.

Из этого положения возникала борьба, результатом которой было разумное развитие. Завоеванный народ, питая ненависть к завоевателю, образовывал собою самостоятельный элемент государственной жизни, — и борьба не переставала ни на минуту» (Б., V, 345—346).

Взгляд Белинского на образование классов в Западной Европе в результате завоевания, конечно, неверен. Но он совершенно справедливо подчеркивал важную роль борьбы враждующих сословий в истории средневековой Западной Европы, приближаясь к пониманию ее значения как движущего начала исторического развития.

Белинский отмечал большую роль изучения античной истории и культуры, широко развернувшегося в эпоху Возрождения, для идеологической подготовки Реформации. «Изучение классической древности, — писал он, — преобразовало Европу, свергло тысячелетние оковы с ума человеческого, способствовало освобождению от инквизиции и тому подобных человеколюбивых и кротких мер к спасению душ. Законодательство римское заменило в новейшей Европе феодальную тиранию. . .» (Б., VI, 389).

Создание мощных централизованных государств Белинский считал прогрессивным явлением в истории средневековой Европы. Указывая на последствия крестовых походов, он отмечал ослабление авторитета римских пап, что было одним из условий усиления власти светских государств. Важнейшим фактором укрепления централизованных государств в Европе он считал победоносный исход борьбы королевской власти с децентрализаторскими стремлениями крупных феодалов. В создании централизованных государств и ликвидации феодальной раздробленности Белинский усматривал показатель перехода к истории нового времени.

Говоря о переходе от средневековья к новому времени — от «юности» человечества к его «возмужалости», Белинский указывал на крупнейшие исторические явления, подготовившие знаменательный перелом в истории человечества: «Рыцарство уже отжило свой век и падало, уступая развитию новой гражданственности, возвышению среднего сословия и городов. Открытие Америки, изобретение пороха и книгопечатания довершили падение первого и торжество второй. Средние века кончились — настал новый великий период жизни человечества» (Б., IV, 273).

Новая история, по мнению Белинского, «должна обнимать собою только время от конца XV века, или от открытия Америки, до конца XVIII века, или до французской революции, которая начинается собою новейшую историю, так же точно относящуюся к новой, как новая — к средней» (Б., VIII, 288).

Из всех периодов истории человечества этот период во времена Белинского был наименее изучен. Исключительное обилие самых разнообразных материалов находилось в резком несоответствии с почти полным отсутствием серьезных обобщающих трудов. В России изучение новой истории едва начиналось. Реакционные историки освещали эти события в духе официальной монархической идеологии. Положительная оценка революционных событий этого периода была невозможна из-за цензурных препятствий.

Белинский и на материале древней и средневековой истории проводил идею прогрессивности и противоречивости исторического процесса. Еще более обильный, яркий и общественно-актуальный материал давала ему история нового времени, которая была наполнена крупнейшими революционными событиями, влиявшими на общественно-политическое развитие стран Западной Европы, военными столкновениями, исход которых иногда решал судьбу многих народов, а также национально-освободительными движениями. В новое время деятельными участниками политической борьбы выступали народные массы, выдвигавшие требования об удовлетворении своих интересов.

Белинский не мог в своих статьях прямо и открыто давать оценку и развернутую характеристику революционных событий конца XVIII и начала XIX в., происшедших в Западной Европе. Поэтому при анализе взглядов Белинского на явления и события новой истории Европы ключом к пониманию подцензурных текстов могут служить его письма.

Наибольшее внимание Белинского среди событий истории нового времени привлекала буржуазная революция во Франции конца XVIII в., которую он рассматривал как закономерный итог предшествующего развития страны.

Белинский подчеркивал прогрессивное значение французской буржуазной революции, нанесшей сокрушительный удар феодализму. Ее деятели вызвали глубокую

симпатию Белинского. «В истории мои герои, — писал он, — разрушители старого — . . . Вольтер, энциклопедисты, террористы. . . Мне отраднее кощунства Вольтера, чем признание авторитета религии, общества, кого бы то ни было! Знаю, что средние века — великая эпоха. . . но мне приятнее XVIII век — эпоха падения религии: в средние века жгли на кострах еретиков, вольнодумцев, колдунов; в XVIII — рубили на гильотине головы аристократам, попам и другим врагам бога, разума и человечности» (Б., XII, 70). Для Белинского XVIII в. был временем ускоренного общественного развития: «Этот умнейший и величайший из всех веков был особенно страшен для средних веков» (Б., VII, 158).

Во французской буржуазной революции Белинский видел исторический пример того, как сокрушается революционным натиском народа феодально-крепостнический строй, и считал ее уроки глубоко поучительными для борьбы с самодержавием и крепостничеством в России. В отношении Белинского к революции во Франции конца XVIII в. со всей определенностью выявилась принципиальная противоположность его революционно-демократических убеждений взглядам как славянофилов, видевших в революционном движении показатель «гниения» Западной Европы, так и взглядам буржуазных либералов-западников, осуждавших революционные средства борьбы.

Понимая прогрессивное историческое значение буржуазной революции во Франции, подорвавшей устои феодализма в стране, Белинский был далек от идеализации ее результатов. Он видел, что буржуазия, сначала отдавшая власть Наполеону и затем временно оттесненная от власти при Бурбонах, вновь взяла ее в свои руки в результате революции 1830 г. и использовала свою власть для эксплуатации и порабощения народных масс, которые совершили и эту революцию.

Белинский не случайно при освещении событий нового времени уделял особое внимание истории Франции. Во Франции классовая борьба развертывалась в наиболее острых и открытых формах, оказывая сильнейшее влияние на общественно-политическое развитие других стран Европы.

Франция в период господства Наполеона стала очагом агрессии и войн в Европе. Белинский осветил в своих произведениях причины возвышения и катастрофического

падения Наполеона. Он гневно осуждал эгоизм Наполеона, его властолюбие и деспотизм, подчеркивал полный крах завоевательных планов Наполеона: «В самом деле, чего он хотел? Сделать Францию могущественнейшею землею в мире, чтоб, опираясь на ее порабощении, самому деспотически властвовать над всем миром, ругаясь над народным правом, и упрочить это владычество за своею династиею. А чего достиг он? — Разорения, обезлюдения и позора Франции, а себе — тюрьмы на бесплодной скале Атлантического океана» (Б., IX, 315).

Суждения Белинского о предательстве буржуазией интересов народа сложились на основе изучения им событий 1830 г. во Франции, когда буржуазия грубо обманула народ, совершивший революцию. Глубокую оценку революции 1830 г. Белинский дал в 1844 г. в рецензии на роман Э. Сю «Парижские тайны». К этому времени для Белинского было совершенно ясно, что плодами революции, совершенной народом, целиком воспользовалась французская буржуазия.

Белинский, оценивая июльские события 1830 г. в Париже, писал: «Королевскими повелениями в 1830 году была изменена французская хартия; рабочий класс в Париже был искусно приведен в волнение партией среднего сословия (*bourgeoisie*). Между народом и королевскими войсками завязалась борьба. В слепом и безумном самоотвержении народ не щадил себя, сражаясь за нарушение прав, которые несколько не делали его счастливее». Когда дело было кончено, буржуазные политиканы тотчас «повыползли из своих нор и по трупам ловко дошли до власти, оттерли от нее всяких честных людей и, загребая жар чужими руками, преблагополучно стали греться около него, рассуждая о нравственности. А народ, который в безумной ревности лил свою кровь... что же выиграл себе этот народ? — Увы! тотчас же после июльских происшествий этот бедный народ с ужасом увидел, что его положение не только не улучшилось, но значительно ухудшилось против прежнего». Великий демократ гневно заклеил предательство и лицемерие буржуазии, указывая: «А между тем вся эта историческая комедия была разыграна во имя народа и для блага народа!» (Б., VIII, 171).

В этой статье, содержащей глубокий анализ июльской революции 1830 г. и замечательной своим гневным пафо-

сом обличения предательского поведения буржуазных политиканов, с особой отчетливостью обнаружилась сила теоретической мысли Белинского и его натура страстного революционера-демократа.

Белинский дал меткую характеристику отношений между буржуазией и трудящимися, утвердившихся после революции 1830 г. Он разоблачил мнимое «равенство», которое превозносили идеологи буржуазии, чтобы прикрыть неприглядную эксплуататорскую сущность буржуазных отношений. «Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником (*proprietaire*) и капиталистом. . . но беда в том, — писал Белинский, — что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату. Этой платы бедному рабочему не всегда станет на дневную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства; а богатый собственник с этой платы берет 99 процентов на сто. . . Хорошо равенство! . . . Собственник. . . смотрит на работника в блузе и деревянных башмаках, как плантатор на негра. Правда, он не может его насильно заставить на себя работать; но он может не дать ему работы и заставить его умереть с голода» (*Б., VIII, 171—172*).

В своей критике капиталистических отношений Белинский, как известно, использовал разоблачение пороков буржуазного строя социалистами-утопистами Западной Европы. Он изучал воззрения великих социалистов-утопистов Сен-Симона и Фурье, а также был знаком с произведениями Этьена Кабе, Пьера Леру, Луи Блана. Однако Белинский стоял на голову выше этих социалистов-утопистов, будучи твердо убежденным в исторической неизбежности революционной ликвидации буржуазных отношений. Еще в начале 1841 г. он писал: «Вообще, все общественные основания нашего времени требуют строжайшего пересмотра и коренной перестройки, что и будет рано или поздно. Пора освободиться личности человеческой, и без того несчастной, от гнусных оков неразумной действительности» (*Б., VII, 13*).

Обобщая опыт революционной борьбы трудящихся, Белинский выражал твердую уверенность в том, что недалеко то время, когда пробудится политическое сознание народных масс, и они, учтя уроки прошлого, начнут борь-

бу не за интересы буржуазии, а за свои собственные — против буржуазии, их угнетающей.

С борьбой народных масс за свое освобождение Белинский связывал надежды на светлое будущее каждой страны и всего человечества. Характерно в этом отношении высказывание Белинского о французском народе в рецензии на роман Э. Сю «Парижские тайны»: «...искры добра еще не погасли во Франции — они только под пеплом и ждут благоприятного ветра, который превратил бы их в яркое и чистое пламя. Народ — дитя; но это дитя растет и обещает сделаться мужем, полным силы и разума. Горе научило его уму-разуму... Он уже не верит говорунам и фабрикантам законов и не станет больше проливать своей крови за слова... и за людей, которые любят его только тогда, когда им нужно загрести жар чужими руками... Он еще слаб, но он один хранит в себе огонь национальной жизни и свежий энтузиазм убеждения, погасший в слоях «образованного» общества» (Б., VIII, 173).

Таким образом, освещая основные этапы истории человечества и важнейшие вопросы всеобщей истории с позиций революционного демократизма, Белинский выступал как новатор, обогащавший русскую революционную историческую мысль, и настойчиво проводил идею решающей роли народных масс в истории.

Многовековая история России, полная испытаний для русского народа, находилась в центре внимания Белинского и получила наиболее разностороннее освещение в его произведениях. Глубокое изучение истории России помогало Белинскому понять, в чем заключались пережитки старины в настоящем, тормозящие прогрессивное развитие страны, и тем самым определить, с чем необходимо бороться; оно же помогало ему уяснить перспективы исторического развития России, указывая, за что необходимо бороться. Изучение истории русского народа раскрывало Белинскому свободолюбие трудящихся масс, их ненависть к угнетателям, героизм и самоотверженность народных масс в борьбе за свободу и национальную независимость, вселяло твердую уверенность в том, что эта борьба будет доведена до победоносного завершения.

В разработке Белинским вопросов русской истории с наибольшей отчетливостью и полнотой раскрылось по-

нимание им задач исторической науки и ее общественно-политического значения. На основе главным образом материала отечественной истории формулировались Белинским те основные теоретические положения революционно-демократической исторической концепции, которые мы рассматривали выше. Свои выводы из изучения истории России Белинский широко использовал в борьбе с официальной историографией, а также с историческими теориями славянофилов и либералов-западников. В разработке проблем русской истории прежде всего и в наибольшей мере обнаружился тот вклад, который внесен Белинским, продолжавшим традиции Радищева и декабристов, в развитие русской революционной исторической мысли.

Белинский справедливо был весьма невысокого мнения о степени изученности истории России в его время. В одной из рецензий 1841 г. он писал: «Русская история совершенно не разработана фактически и не озарена светом истинного уразумения в своем значении и характере» (*Б.*, V, 485). Белинский объяснял это прежде всего крайне недостаточным знанием основных источников русской истории. Подчеркивая, что без научно разработанной источниковедческой базы развитие русской исторической науки невозможно, он, например, указывал на необходимость научного издания летописей «с вариантами, примечаниями, комментариями, снимками» (*Б.*, IV, 302).

Не менее важную причину неудовлетворительного состояния русской исторической науки Белинский усматривал в том, что дворянская и оформлявшаяся в России его времени буржуазная историография страдали ограниченностью: русские историки не выходили за рамки политической истории, игнорируя изучение различных сторон жизни народа. «У нас до тех пор не будет удовлетворительной истории России, пока наши историки не примутся за составление частных историй по предметам. . . истории церкви, истории военного ремесла, нравов, торговли, промышленности, права, политики, финансовой системы и пр. Все эти предметы требуют отдельной и частной разработки, фактической, критической и философской, требуют и трактатов, и полных историй. Кроме того полезна разработка каждого важного события особо, как например, владычества татар, междоусобия, отдельных царствований и прочая» (*Б.*, VII, 51—52).

Важное значение придавал Белинский периодизации истории России. В его понимании периодизация должна была выражать руководящие идеи историка, а не сводиться к механическому разделению на произвольные периоды.

Наиболее общим делением истории России для Белинского являлось деление ее на допетровский и послепетровский периоды. Однако это не мешало Белинскому давать и более дробную периодизацию хронологически весьма обширного допетровского периода. Наиболее отчетливо свои суждения по данному вопросу он изложил в двух рецензиях: в 1841 г. в рецензии на книгу Ишимовой «История России в рассказах для детей» и в 1843 г. в рецензии на книгу Маркевича «История Малороссии». Белинский указывал на следующие периоды в истории допетровской Руси: древний, удельный, период татарского ига и начала централизации России, период укрепления Московского государства (*Б.*, VII, 56—58). При внешнем сходстве этой периодизации с периодизацией, которую давали современные Белинскому русские историки, она отличается тем, что Белинский наполнял ее особым содержанием.

Белинский решительно возражал против утверждений представителей официальной историографии и славянофилов о том, что Русское государство создано норманнами. Вопреки им Белинский определенно заявлял, что норманны «не оставили по себе никаких следов ни в языке, ни в обычаях, ни в общественном устройстве» (*Б.*, V, 94). Начало образования централизованного государства в России Белинский относил ко времени Ивана Калиты, а окончательное оформление — только к периоду Петра I. Правда, Белинский в ранних произведениях не обнаружил достаточного понимания научного и политического значения изучения древнего периода истории России. Он считал его маловажным и «баснословным». Неправ Белинский, конечно, и в вопросе о времени образования Русского государства. Он не осознал полностью историческое значение Древнерусского государства, что явилось своеобразной реакцией его, хотя и упрощенной, на чрезмерное увлечение древностью со стороны дворянских историков и славянофилов, которое вызывалось не столько научными интересами, сколько политическими реакционными мотивами и приводило к игнорированию изу-

чения новой истории России. «Наши «славянофилы» и «патриоты», — писал Белинский, — ограничиваются... пересыпанием из пустого в порожнее, рассматривая такие вопросы, как происхождение Руси, и решая их произвольными гипотезами... удивительно ли, что вместо истории они издают компиляции, да и те недоконченные» (Б., VII, 52). Белинский указывал на необходимость соблюдения исторической перспективы в трудах по истории и при оценке событий древней русской истории не упускал случая использовать их характеристику для того, чтобы подчеркнуть героизм народа в борьбе с внешними врагами — печенегами и половцами, а также для того, чтобы нанести удар по реакционным воззрениям своих политических противников. Так, опровергая мнение славянофилов о якобы исконной религиозности и мистицизме русского народа, Белинский ссылаясь на легкость искоренения язычества в Киевской Руси князем Владимиром при введении христианства (Б., V, 133). Белинский всегда подчеркивал, вплоть до его знаменитого письма к Гоголю, равнодушие русского народа к религии.

Возражая против механических параллелей между историей России и историей европейских стран, Белинский, однако, допускал в этом вопросе серьезные преувеличения и крайности, уводившие его от истины. Указывая на единство исторического развития человечества, Белинский вместе с тем подчеркивал существенное различие допетровской истории России сравнительно с историей народов Западной Европы. Так, он усматривал отличие удельной системы от феодальных отношений на Западе. Тем не менее его воззрения, часто обусловленные также и состоянием исторической науки, по своему внутреннему содержанию всегда направлялись против официальной историографии и славянофилов. Последние, подчеркивая противоположность между историческим развитием Запада и России, вкладывали в свои утверждения реакционный политический смысл. Феодализм в Западной Европе, полагали они, вырос из завоевания, положившего начало сословной борьбе. Она и определила все историческое развитие Западной Европы, которое привело ее к «гниению», в противоположность России, где «призвание варягов» определило мирный путь развития и утвердило в ней «благодатные» самодержавно-крепостнические устои. Белинский же видел в «борьбе разнородных эле-

ментов» в Западной Европе основу ее прогрессивного развития и полагал, что отсутствие такой борьбы в допетровской России наряду с последствиями татарского ига и изолированным существованием страны составляли основу косности и рутины, с которыми боролся Петр I. Что же касается конкретно удельного периода, то вражду между удельными князьями Белинский расценивал как исторически не только бесплодную, но и вредную. В этой вражде «не было разумного начала, и потому из нее не вышло важных результатов... история удельных междоусобий... бессмысленна и скучна» (Б., V, 129). Народ в борьбе между удельными князьями выступал лишь в качестве страдающей стороны. Этим Белинский хотел сказать, что там, где нет деятельного участия народа в историческом развитии, где попираются его интересы, там не может быть плодотворного развития. Демократический подход Белинского к оценке удельного периода нашел выражение и в том, что этот период интересовал его с точки зрения характеристики исторических корней крепостного права в России, борьбе с которым он посвятил всю свою жизнь. «Помещичье право, — писал Белинский, — было душой удельного периода» (Б., V, 56).

Борьба против татаро-монгольского ига, по мнению Белинского, способствовала объединению русских княжеств вокруг Москвы: «Татарский период был началом централизации древней Руси. Общее бедствие мало-помалу воспитало в русских чувство единокровности и единоверия; удельные княжества ослабевают по мере возвышения Москвы, счастливо выдерживающей свои споры с Рязанью и с Тверью. Великий князь постепенно становится из помещика государем, и самодержавие сменяет патриархально-помещичье право. Но под татарским игом нравы грубеют: вводится затворничество женщин, отшельничество семейной жизни... Застой и неподвижность, сделавшиеся с этого времени основным элементом исторической жизни старой Руси, тоже были следствием татарского ига» (Б., VII, 56—57). Белинский, глубоко задумывавшийся над причинами отсталости исторического развития России, в своих произведениях неоднократно возвращался к различным сторонам этой характеристики (Б., V, 129).

Оценка исторического значения татарского ига Белинским направлялась против Карамзина и оказалась по

объективному смыслу более глубокой, чем последующая трактовка этого периода Соловьевым. Формуле Карамзина «Москва обязана своим величием ханам» и недооценке роли народных масс Соловьевым Белинский противопоставил указание на решающую роль борьбы народных масс с татаро-монгольским игом, своей кровью завоевавших национальную независимость. В этой борьбе выковывались национальные качества русского народа — патриотическое воодушевление, героизм и храбрость. Он издевался над славянофилами, которые полагали, как писал иронически Белинский в одной из своих рецензий, что «битва при Калке, битва Донская, нашествие Литвы, наконец, вторжение в Россию полчищ сына судьбы не стоили нам ни капли крови, и мы отделались от них слезами, мы не дрались, а только плакали» (Б., IX, 212). Белинский отмечал, что русский народ в борьбе с иноземными нашествиями «закалил свои силы и создал свою государственность» (Б., VII, 56—57), значение которой Белинский видел прежде всего в том, что она обеспечила России национальную независимость и самостоятельность исторического развития.

Самостоятельную оценку дал Белинский присоединению Новгорода к Москве при Иване III. В отличие от Радищева и декабристов, видевших в этом акте насилие со стороны Ивана III, Белинский указывал, что, «если бы Москва допустила существование Новгорода — он пал бы сам собою и стал бы легкой добычей Польши или Швеции» (Б., V, 406). Белинский отказался также от характерной для дворянских революционеров романтической идеализации внутреннего строя Новгорода, подчеркивая отсутствие в нем народовластия и засилье боярско-купеческой верхушки.

Последующий период допетровской Руси Белинский характеризовал как период, который выражал собой «усилие русского племени стать государством, укрепиться в определенных гражданских формах» (Б., V, 486). Но стремление русского народа создать прочное государство не могло полностью осуществиться вследствие, как полагал Белинский, отсутствия в России внутренних условий для этого, отсутствия «борьбы разнородных элементов» — борьбы сословий или классовой борьбы, которая определила укрепление государственных начал в Западной Европе.

Раскрывая содержание данного периода, Белинский высказывал самостоятельные суждения, смело выступая против представителей официальной историографии. Так, он отвергал крайнюю переоценку Карамзиным деятельности Ивана III, не соглашался с мнением Полевого, который пошел в данном вопросе за Карамзиным и поставил Ивана III даже выше Петра I.

В рецензии на книгу Полевого «Русская история для первоначального чтения» Белинский отмечал, что психологические перемены, происшедшие в Иване IV, следует объяснять действием окружавшей его среды, стремлением членов Избранной рады подчинить себе царя, сопротивлением бояр начинаниям царя, не останавливавшихся перед прямыми изменами. Белинскому глубоко чуждо пристрастие Карамзина к боярской реакции. Он ценил Ивана IV за то, что тот имел характер сильный и могучий, «довершил уничтожение уделов и окончательно решил местный вопрос» (*Б., V, 96*), понимая под последним осуществление земской реформы.

Свою оценку деятельности Ивана IV Белинский углубил в 40-х годах. В рецензии на книгу Маркевича он писал: «Царствование Грозного было периодом окончательного формирования физиономии и духа старой Руси, а вместе с тем и началом отрицания того и другого. В лице Грозного выразилась идея этого отрицания, и неосновательно было бы думать, что дурное воспитание и смерть Анастасии сделали Грозного бичом Руси. По натуре своей Иоанн Грозный был великий человек, и для него возможны были только две роли — или Петра Великого, или Иоанна Грозного: для первой были непреодолимые преграды, заключавшиеся сколько в отчуждении Руси от Европы, столько и в хаотическом состоянии самой Европы — и внук Ивана III сделался не преобразователем России, а грозною карою восточной формы ее государственного быта» (*Б., VII, 57*). В рецензии на «Стихотворения Лермонтова» Белинский дал такую обобщенную оценку Ивана IV: «Это был своего рода великий человек, но только не во-время, слишком рано явившийся России, — пришедший в мир с призванием на великое дело и увидевший, что ему нет дела в мире» (*Б., IV, 505*). Оценки Белинского в известной мере предвосхитили оценку деятельности Ивана IV Кавелиным и Соловьевым, а возможно, и оказали на них влияние.

Приведенные оценки не означали идеализации Белинским деятельности Ивана IV. Он осуждал в произведениях 40-х годов жестокость Грозного, его массовые кровавые расправы, деспотический характер его правления.

Следующим этапом допетровского периода истории России, по терминологии дворянско-буржуазной историографии, было так называемое междуцарствие, или «смута», и времена первых Романовых. События этого этапа русской истории свидетельствовали, по мнению Белинского, о непрочности и незавершенности государственного порядка, созданного Иваном III и Иваном IV. Он считал, что эта незавершенность была прямым результатом изолированного от Западной Европы существования России. Белинский правильно подчеркивал, что Россия до Петра I рассматривалась на Западе или в качестве объекта завоевания, или в качестве противовеса Турции. Отсталость страны сковывала силы народа и ставила под угрозу независимость государства, примером чему была польско-шведская интервенция начала XVII в. Но силы народа и были тем залогом движения России вперед, которое свидетельствовало об ее способности к самостоятельному государственному развитию. О великом русском народе Белинский писал: «Дух народный всегда был велик и могущ, что доказывает и быстрая централизация Московского царства, и мамаевское побоище, и свержение татарского ига, и завоевание темного Казанского царства, и возрождение России, подобно фениксу, из собственного пепла в годину междуцарствия» (*Б.*, V, 134—135).

В характеристике событий начала XVII в. Белинский не касался крестьянского движения этого периода из-за цензурных препятствий, а также из-за полной его неизученности. Он сосредоточил свое внимание на событиях, связанных с борьбой за независимость страны, на оценке деятельности вождей народного движения. Белинский с восхищением отзывался о деятельности Минина, называя его одним из величайших героев «нашей средней истории», которому «Русь одолжена своим спасением» (*Б.*, II, 111). В оценке Минина выразился не только патриотизм, но и демократизм Белинского. Он указывал, что Минин «был мясник, которому каждый боярин, каждый дворянин мог безнаказанно наплевать в лицо. . . умел не только возбудить патриотический восторг сограждан, но

и поддержать его, согласить партии, примирить вождей... и достигнуть своей цели» (Б., II, 111).

* При характеристике времен первых Романовых Белинский сосредоточил свое внимание на явлениях, свидетельствовавших о назревшей необходимости реформ и подготавливавших почву для деятельности Петра I. «При кротком Михаиле (которого в другом высказывании (Б., II, 111) Белинский справедливо называл слабым. — В. И.) Русь отдыхала и целилась от глубоких язв междоусобия и междоусобий, и потому ей было не до движения. Но при царе Алексее Михайловиче пробудился дух реформы, как выражение внутренней, еще бессознательной потребности России. Сделано было много нововведений и преобразований... Царь Феодор сожигает книги местничества: это была перчатка, брошенная старой Руси». Белинский заканчивал эту свою характеристику знаменательным выводом, который впоследствии был дословно повторен С. М. Соловьевым в его «Публичных чтениях о Петре Великом»: «Петр возрос и воспитался в атмосфере преобразований». Правда, вслед за этими словами Белинский добавлял, что преобразования «были... довольно бесплодны, потому что требовали не полумер, но радикального переворота, — а для того, чтобы произвести его, требовалось гения. Таким гением был Петр, и он совершил переворот, для которого настало время и созрели элементы: Московское царство окончило свое историческое существование — возникла Россия и империя» (Б., VII, 57—58).

Подходя к оценке исторических явлений с демократических позиций, Белинский связывал прогрессивное развитие России с судьбами народа. В 1844 г. в статье «Петербург и Москва» он писал: «В конце XVII века Московское царство представляло собою уже слишком резкий контраст с европейскими государствами, уже не могло более двигаться на ржавых колесах своего азиатского устройства; ему надо было кончиться, но народу русскому надо было жить; ему принадлежало великое будущее» (Б., VIII, 385).

Таким образом, признавая отставание исторического развития России в допетровский период сравнительно с передовыми европейскими государствами, Белинский сумел в то же время проследить его последовательное восхождение от одного этапа к другому, подчеркнул уси-

ление элементов государственности в России и назревание новых потребностей, сделавших неизбежными преобразования Петра I.

Деятельность Петра I и его личность были в центре исторических интересов Белинского на протяжении всей его жизни, что находилось в неразрывной связи с обостренным вниманием к реформам Петра I в 30—40-х годах прошлого века со стороны представителей всех направлений общественной мысли в России.

Для Белинского период Петра I — это грань между старой и новой Россией, Россией, почти лишенной движения вперед, и Россией, приобщившейся к передовой культуре и потому ставшей могущественным, развивающимся государством. «Петр Великий есть величайшее явление, — писал Белинский, — . . . воззавшее нас к жизни, вдунувшее душу живую в колоссальное, но поверженное в смертную дремоту тело древней России» (*Б.*, V, 93).

Для правильного понимания отношения Белинского к петровским преобразованиям важно отметить, что степень изученности их во времена Белинского была недостаточной. Никто из дворянских историков не доходил в своих обобщающих трудах до этого периода. Опубликованных источников было мало. Поэтому Белинский не случайно так живо откликался своими рецензиями на сочинения и публикации документов, касавшихся периода Петра I. В них он стремился почерпнуть новые сведения, дававшие ему возможность оценить ранее неизвестные стороны деятельности Петра I. Часто ему приходилось идти по пути первоначального обобщения материалов, остро чувствовать их недостаточность, что неизбежно приводило к некоторым ошибочным заключениям и крайностям в оценках. При этом следует подчеркнуть, что оценки Белинским различных сторон деятельности Петра I рождались в напряженной борьбе со славянофилами, не только отрицавшими прогрессивное значение деятельности Петра I, но даже считавшими ее вредной для России. В пылу полемики Белинский иногда не удерживался от переоценки Петра I. Учитывая все эти обстоятельства, нельзя забывать главного — эволюцию взглядов Белинского на деятельность Петра I, находившуюся в прямой зависимости от эволюции его мировоззрения в целом. Так, в 30-х годах, когда Белинский еще не понимал подлинной роли самодержавия, прославление Петра являлось для него сред-

ством указать желательные пути и направление реформ в будущем. В свою очередь в тот период идеализация деятельности Петра мешала Белинскому понять реакционную роль самодержавия в XIX в., задерживала его освобождение от ложных иллюзий. При абстрактном понимании исторической закономерности Белинский явно переоценивал роль личности в истории. Вот почему в «Литературных мечтаниях» он защищал тезис о полном разрыве между допетровской и петровской Россией, осуществленном волей царя-реформатора.

По мере радикализации политических воззрений Белинского, по мере углубления понимания им исторической закономерности, соотношения роли народа и личности в истории Белинский постепенно освобождался от идеализации деятельности Петра I, но до конца своей жизни не смог от нее освободиться полностью²⁰.

Истолковывая необходимость реформ идеалистически, как результат осознания этой необходимости передовыми людьми допетровской России, Белинский вместе с тем указывал и на конкретно-исторические обстоятельства, делавшие реформы особо неотложными. Перед Петром, писал Белинский, стоял вопрос: «Учись или умирай: вот что было написано кровью на знамени... борьбы с варварством» (*Б.*, V, 143). Видя усиление таких государств, как Швеция, Пруссия, Польша, Петр I осознал необходимость преодоления отсталости России для того, чтобы отстоять ее государственную самостоятельность, именно за осознание этого Белинский высоко ценил Петра. «Петру некогда было медлить, — подчеркивал он, — ибо дело шло уже не о будущем величии России, а о спасении ее в настоящем. Петр явился во-время: опоздай он четвертью века, и тогда спасай или спасайся кто может!.. Вспомните, в каком тогда состоянии были европейские государства в отношении общественной, промышленной, административной и военной силы и в каком состоянии была тогда Россия во всех этих отношениях» (*Б.*, V, 141).

Высоко ценя Петра I за сближение России с Европой, Белинский высказал мысль о том, что «и без реформы Петра Россия, может быть, сблизилась бы с Европою и

²⁰ Итоговая оценка деятельности Петра I и ее исторического значения дана Белинским в статье 1847 г. — «Взгляд на русскую литературу 1846 года»,

приняла бы ее цивилизацию, но точно так же как Индия сблизилась с Англиею» (Б., V, 142). Эта мысль о том, что Петр спас Россию от превращения ее в колонию, являлась для Белинского подтверждением важной роли, которую Петр сыграл в истории России, и оправданием всех мер и средств, которые он применял. Белинский, например, замечал по поводу огромных жертв при строительстве Петербурга: «Когда же и где же великие перевороты совершались тихо и без тяготы для современников?» (Б., V, 146), «Петр своими делами писал историю, а не роман, он действовал как царь, а не как семьянин» (Б., V, 146).

Оправдание Белинским существа и средств петровских преобразований было непосредственно направлено против дворянских историков и славянофилов. Известно, что Карамзин в своей «Записке о древней и новой России» осуждал реформы Петра за насильственное восприятие чуждых «начал европеизма», результатом чего явилась якобы утрата национальных особенностей русского народа. Белинский же писал, что русский народ и после реформы Петра остался тем же и Петр не пересоздал его, «а только вывел его из кривых, избитых тропинок на столбовую дорогу всемирно-исторической жизни» (Б., V, 136), что «преобразования Петра Великого и введенный им европеизм несколько не изменили и не могли изменить нашей народности, но только оживили ее духом новой и богатейшей жизни и дали ей необъятную сферу для проявления и деятельности» (Б., V, 121). В этих высказываниях выявилось глубокое убеждение Белинского в самостоятельности русского народа, в том, что иностранные заимствования могут его только обогатить, но никак не подчинить.

Благодаря реформам Петра, писал Белинский, русский народ добился замечательных результатов в своем дальнейшем историческом развитии. Он «с небольшим во сто лет новой жизни, возванный к ней творящим глаголом царя исполина, проявил себя и в великих властителях, и в великих полководцах, и в великих государственных людях, и в великих ученых, и в великих поэтах». Основываясь на этом, Белинский выражал твердую уверенность в том, что русский народ «ожидает еще более великое, более славное будущее» (Б., V, 119). В твердой уверенности в том, что Россия — страна будущего, Белинский

выражал свой исторический оптимизм и направлял его не только против славянофилов, но и против крайностей скептицизма такого выдающегося представителя русской общественной мысли, как Чаадаев.

Однако в оценке деятельности Петра I и ее результатов Белинский не обнаружил понимания классового характера этой деятельности. Белинский полагал, что если самая неизбежность реформ Петра I как реформ «сверху» определялась отсутствием в допетровской России внутренних движущих сил исторического прогресса и среди них сословной борьбы, то противопоставление европейской культуры как внешнего элемента русским устоям и косности, настойчиво осуществлявшееся Петром, и должно было заменить эти силы. Вместе с тем Белинский считал, что одним из последствий преобразований Петра явилось то, что и в России стали создаваться условия для внутренней борьбы «разнородных элементов».

К этим выводам Белинский пришел в начале 40-х годов, и с этого времени петровские преобразования стали для него символом движения вперед, борьбы с отсталостью и косностью. В статьях и рецензиях Белинского этого периода, посвященных Петру I, достаточно прозрачно намекалось на необходимость ломки устоев николаевской монархии. Не случайно некоторые его статьи о Петре I оказались запрещенными цензурой и незаконченными, а те, которые были напечатаны, уродовались цензурой до такой степени, что Белинский приходил в отчаяние.

Однако и на протяжении 40-х годов отношение Белинского к реформам не оставалось неизменным. По-прежнему считая преобразования Петра I крупнейшим историческим переломом в развитии России, по-прежнему высоко расценивая могучий толчок, который дали эти преобразования для последующего развития России, Белинский в оценке реформ Петра все более переносил центр тяжести на то, что ими было недоделано, на те остатки старины, которые сохранились, несмотря на последовавшее за ними прогрессивное развитие России.

В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 г.» Белинский писал, что «мы не так резко оторваны от нашего прошедшего, как думали, и не так тесно связаны с Западом, как воображали» (Б., X, 18). Однако новые задачи, стоящие перед Россией, следует решить по-ново-

му. «Россия вполне исчерпала, изжила эпоху преобразований. . . реформа совершила в ней свое дело, сделала для нее все, что могла и должна была сделать, и. . . настало для России время развиваться самобытно, из самой себя» (Б., X, 19). Теперь Белинский с особенной настойчивостью подчеркивал невозможность ограничиться тем, что сделано Петром, и необходимость для России иных, еще более решительных преобразований. Такая позиция являлась оправданием грядущей революционной ломки старых отношений и призывом к этой ломке.

В последние годы своей жизни Белинский, говоря о самобытном развитии России, подразумевает неизбежность преобразований, которые призваны обновить страну и могут быть осуществлены самими народными массами, созревшими для активной творческой деятельности. Программа неотложных преобразований, развитая в знаменитом письме к Гоголю, для Белинского была только исходной. В новых условиях, новыми средствами, опираясь на революционную энергию политически созревших масс, Россия может совершить в будущем новый скачок в своем развитии, неизмеримо превзойдя в его результатах преобразование Петра I и полностью преодолев свою отсталость. Таковы мысли Белинского, которые он сквозь цензурные рогатки проводил в своих последних произведениях. В этом отношении он выступал прямым предшественником Чернышевского.

Само собой разумеется, что буржуазные историки не могли разделять этой новой трактовки реформ Петра I и задач, стоящих перед Россией. Для них понятие «закономерность» вполне совпадало с понятием «постепенность». В соответствии с этим они утверждали, что Петр только продолжил то, что постепенно начало осуществляться до него, и особенно подчеркивали именно эту постепенность. «Народы в своей истории не делают прыжков», — заявлял впоследствии Соловьев²¹. Прыжка, по его мнению, не сделала и Россия при Петре. Преобразователь умел держать народ в узде и за это высоко ценился буржуазными историками. В своей философии умеренности Соловьев недалеко ушел от Карамзина. Последний в допетровской Руси ценил выше всего то, что там «изме-

²¹ С. Соловьев. Публичные чтения о Петре Великом. СПб., (б/г), изд-во «Общественная польза», стр. 1008.

нения делались постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание, без порывов и насилия»²².

Белинский был убежден в том, что реформы Петра I соответствовали интересам страны, а русский народ был готов к этим реформам. По мнению Белинского: «Если бы русский народ не заключал в духе своем зерна богатой жизни — реформа Петра только убила бы его на смерть и обессилила, а не оживила и не укрепила бы новой жизнью и новыми силами». Далее он подчеркивал то органическое единство, которое существовало между качествами русского народа и качествами Петра I: «Мы уже не говорим о том, что из ничтожного духом народа и не мог бы выйти такой исполин, как Петр: только в таком народе мог явиться такой царь, и только такой царь мог преобразовать такой народ. Если бы у нас не было ни одного великого человека, кроме Петра, и тогда бы мы имели право смотреть на себя с уважением и гордостью, не стыдиться нашего прошедшего и смело, с надеждою смотреть на наше будущее. . .» (*Б.*, V, 124). Внимание Белинского в период утверждения его на позициях революционного демократизма все более переносилось с личности Петра I на народ как деятеля истории. И в этом также выражалось расхождение Белинского с буржуазными западниками, отрицавшими роль народа в истории.

Об истории России после Петра I мы находим сравнительно мало высказываний Белинского. Но общая оценка его для нас совершенно ясна: этот период бледнеет перед величием того, что сделано Петром. Его преемники не оказались достойными великого предшественника. Белинский называл период, наступивший после смерти Петра, «темными годами» русской истории, в продолжение которых Русь «влачилась в колее, проложенной Петром, не двигаясь вперед» (*Б.*, VI, 198).

Детальный анализ послепетровского периода затруднялся рядом обстоятельств. Мы уже отмечали недостаточность во времена Белинского исторической литературы о деятельности Петра. Литература, посвященная послепетровскому периоду, отличалась еще большей бедностью. Белинский имел поэтому мало поводов для критики серь-

²² *Н. Карамзин. Записка о древней и новой России. Под ред. В. Сиповского. СПб., 1914, стр. 32.*

езных исторических трудов по истории того времени. Немалую роль играло и то, что указанный период в истории России уже во многом смыкался с современностью, а поэтому мало изучался специалистами-историками. Кроме того, рогатки цензуры в освещении многих вопросов послепетровской Руси были почти непреодолимы. Только в критических статьях и рецензиях, посвященных писателям XVIII в. или художественным произведениям, рисующим этот период, Белинский давал характеристику отдельных, наиболее выдающихся событий указанного времени, а также наиболее значительных его деятелей. Так, он высоко ценил научную и литературную деятельность Ломоносова, сравнивая его с Петром I по той роли, которую он сыграл в русской науке и литературе. В рецензии на книгу Ксенофонта Полевого «Михаил Васильевич Ломоносов» Белинский писал: «Между Ломоносовым и Петром большое сходство; тот и другой положил начало великому делу, которое потом пошло другим путем, другим образом, но которое не пошло бы без них» (*Б., II, 186*). В той же рецензии Белинский подчеркивал: «Вся жизнь его была прекрасным подвигом, непрерывною борьбою, непрерывною победою. Голова ходит кругом от мысли, что было сделано в России до Ломоносова и что он должен был сделать и что сделал... Он все должен был сам сделать, всему положить начало... Ломоносов был не только поэтом, оратором и литератором, но и великим ученым» (*Б., II, 188—189*). В этой оценке разносторонней и плодотворной деятельности Ломоносова Белинский воздавал должное великому сыну русского народа, с гордостью отмечая его многочисленные заслуги перед русской наукой и литературой.

Останавливаясь на характеристике царствования Екатерины II, Белинский указывал, что в это время стали ощутимо проявляться результаты преобразовательной деятельности Петра: в росте военного могущества России, в развитии просвещения и литературы (*Б., V, 144*).

Было бы крайне интересно выяснить отношение Белинского к такому выдающемуся событию второй половины XVIII в., как крестьянская война под водительством Емельяна Пугачева. Но, к сожалению, материалов по этому вопросу у нас нет, так как статьи о Пугачеве цензурой не пропускались. Белинский сообщал в письме к Боткину от 26 декабря 1840 г.: «В № 1 выкинули преинтересную

статью о Пугачеве — не знаем, что и делать с цензурою — самая кнутабойная и калмыцкая» (Б., XI, 584).

Среди наиболее замечательных деятелей времени Екатерины II Белинский выделил Суворова. Великий русский патриот гордился тем, что его народ выдвинул такого полководца. Для Белинского Суворов был «чудо-богатырь, выигравший столько же побед, сколько давший сражений, опора и рушитель царств, он, которого видевшие еще живы и который стал уже каким-то мифом, каким-то фантастическим героем фантастической поэмы» (Б., III, 501). Белинский подчеркивал выдающуюся роль Суворова, поднявшего на невиданную высоту славу русского оружия.

Из событий начала XIX в. внимание Белинского более всего привлекала Отечественная война 1812 г. Подчеркивая особое значение этой войны для исторических судеб России и русского народа как войны отечественной, освободительной, Белинский писал: «Дело шло уже не о новой приобретенной провинции, не о клочке земли, отбитой у врагов и моря для построения города, ни даже о завоевании царства и царств; дело шло сперва о собственном спасении, а потом о спасении всей Европы, следовательно — всего мира» (Б., III, 346). Именно потому Отечественная война 1812 г. породила столь мощный патриотический подъем, явившийся источником победы, и имела важные исторические последствия.

«...Роковой 1812 год, пронесшийся над Россиею грозной тучей, — писал Белинский, — напрягший все ее силы, не только не ослабил ее, но еще и укрепил» (Б., V, 135). Ту же мысль Белинский подробно развил в статьях, посвященных сочинениям Пушкина. Здесь он писал: «Можно сказать без преувеличения, что Россия больше прожила и дальше шагнула от 1812 года до настоящей минуты, нежели от царствования Петра до 1812 года. С одной стороны, 12-й год, потрясший всю Россию из конца в конец, пробудил ее спящие силы и открыл ей новые, дотоле неизвестные источники сил, чувство общей опасности сплотил в одну огромную массу косневшие в чувстве разъединенных интересов частные воли, возбудил народное сознание и народную гордость и всем этим способствовал зарождению публичности, как началу общественного мнения; кроме того, 12-й год нанес сильный удар коснеющей старине. . . С другой стороны, вся Рос-

сия, в лице своего победоносного войска, лицом к лицу увиделась с Европою, пройдя по ней путем побед и торжества» (Б., VIII, 446—447). В этом замечательном высказывании Белинский в сущности раскрывал исторические истоки движения декабристов, о которых по цензурным условиям не мог говорить прямо.

На освещении Белинским Отечественной войны 1812 г. и ее исторических последствий можно закончить характеристику его исторических взглядов. Другие, более поздние события для него уже непосредственно смыкались с современностью. Белинский полагал, что эти события еще не могут быть предметом научного изучения. «Время для новейшей русской истории еще не настало, — писал он в 1844 г., — потому что история, составленная по реляциям, есть не история, а компиляция, — даже и тогда, когда за нее берутся люди с талантом и знанием дела» (Б., VIII, 426). Белинский этим хотел подчеркнуть, что реакционное царское правительство не было заинтересовано в создании правдивой истории России. Закрывая для историков архивы, самодержавие вынуждало писать историю по официальным реляциям.

Анализ исторических взглядов Белинского убеждает в том, что он был не только замечательным литературным критиком, выдающимся философом, но и талантливым и оригинальным представителем русской революционной исторической мысли. Его исторические взгляды были неразрывно связаны с развитием его революционно-демократического мировоззрения, служили одним из средств в обосновании социально-политических воззрений мыслителя-революционера и одновременно оплодотворялись достижениями его философской мысли. Белинскому было свойственно глубокое диалектическое понимание исторического процесса, задач исторической науки, важнейших периодов европейской истории и особенно истории русского народа, над судьбами которого он непрестанно размышлял. Трактовку теоретических вопросов исторической науки Белинский впервые в России связал с идеями социализма.

В разработке важнейших исторических проблем, в освещении крупнейших событий и деятелей русской истории выявилось превосходство Белинского над современной ему дворянской и буржуазной историографией. Белинский настойчиво подчеркивал роль народных масс

в истории, был пламенным патриотом своего великого народа, с любовью освещал его героические подвиги, выдающиеся национальные качества его замечательных представителей и был преисполнен веры в его великое будущее.

Исторические интересы Белинского все более расширялись, его понимание истории углублялось, совершалась закономерная эволюция исторических взглядов великого русского демократа, отражавшая процесс становления его революционно-демократических убеждений. В итоге Белинский обогатил прогрессивную историческую мысль своего времени и заложил принципиальные основы революционно-демократической исторической концепции, облегчив ее разработку в дальнейшем своим продолжателям — петрашевцам, Герцену, Чернышевскому и Добролюбову.

Исторические взгляды петрашевцев

Мировоззрение и деятельность петрашевцев достаточно внимательно изучались советскими исследователями, особенно в последние годы¹. В итоге обстоятельно освещены их философские и общественно-политические воззрения, определено их место в истории передовой общественной мысли в России. Однако в изучении мировоззрения петрашевцев сохранились и существенные пробелы. К их числу относятся исторические взгляды этих представителей утопического социализма в России как самостоятельная тема исследования. Между тем научная значимость изучения исторических взглядов петрашевцев не подлежит сомнению. Оно поможет не только раскрыть важную сторону мировоззрения петрашевцев, органически связанную с их прогрессивными общественно-политическими убеждениями, но и оценить недостававшее до сих пор звено в развитии революционной исторической мысли в нашей стране на рубеже 40-х и 50-х годов прошлого века.

¹ В. Р. Лейкина-Свирская. Революционная практика петрашевцев. — «Исторические записки», т. 47. М., 1954; *ее же*. О характере кружков петрашевцев. — «Вопросы истории», 1956, № 4; *ее же*. Утопический социализм петрашевцев. — «История социалистических учений», [сб.]. М., 1964; И. А. Федосов. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. М., 1958; В. С. Мартыновская. Социально-экономические воззрения петрашевцев. — «История русской экономической мысли», [сб.], т. I, ч. 2. М., 1958; Т. Усакина. Петрашевцы и литературно-общественное движение сороковых годов XIX в. Саратов, 1965; И. И. Зильберфарб. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой пол. XIX в. М., 1964; В. Е. Евграфов. Петрашевцы. — «История философии в СССР», [сб.], т. 2. М., 1968.

Петрашевцы во многом разделяли идеи В. Г. Белинского и А. И. Герцена, прежде всего их антикрепостнические и антисамодержавные убеждения. Но их взгляды имели и свои особенности. В историко-социологических воззрениях петрашевцев ощущается влияние утопического социализма Фурье, антропологического материализма Фейербаха, а также в определенной мере позитивизма О. Конта.

Вместе с тем петрашевцы выступали продолжателями традиций декабристов. Они шли к созданию революционной организации, хотя и не успели завершить свои замыслы. В разработке революционной исторической концепции вновь принял участие значительный коллектив, который, как ранее декабристы, существенно обогатил ее содержание.

Характеризуя деятельность петрашевцев, нельзя забывать совмещения в их воззрениях двух тенденций — революционной и либеральной, что нашло отражение и в разработке проблем истории. Петрашевцы, разделяя в своем большинстве революционные убеждения Белинского, все же не поднялись до его высот в обосновании и защите революционно-демократической программы, их мировоззрение было лишено той цельности и зрелости, а также той революционно-демократической последовательности, которые были столь характерны для Белинского в последние годы жизни. Это обязывает исследователя отделять революционно-демократические тенденции в мировоззрении петрашевцев от либеральных и изучать прежде всего те стороны в их взглядах на историю, которые раскрывали вклад петрашевцев в развитие революционной исторической мысли.

Само собою разумеется, что следует принимать во внимание и неравноценность вклада отдельных петрашевцев в разработку исторических проблем. Наиболее интенсивной была литературная деятельность М. В. Петрашевского. Он же был и признанным идеологом своего кружка. Поэтому его взгляды более полно отразили убеждения участников кружка и могут рассматриваться в качестве наиболее типичных.

При всех отмеченных обстоятельствах особенно важно подчеркнуть главное во взглядах петрашевцев. Все стороны их мировоззрения и деятельности, в частности исторические взгляды, были обусловлены утопическо-социа-

листическими устремлениями петрашевцев, подчинены пропаганде идей социализма. В этом они возвысились над декабристами и пошли дальше Белинского.

Среди петрашевцев был весьма распространен интерес к истории. Суждения по вопросам истории мы находим во многих произведениях петрашевцев, и прежде всего в работах М. В. Буташевича-Петрашевского.

Петрашевцы были хорошо знакомы с современной исторической наукой как в России, так и в Западной Европе. Их произведения насыщались историческим содержанием, обширными экскурсами в область русской и всеобщей истории. Отдельные из петрашевцев преподавали историю в средних учебных заведениях, т. е. имели специальную подготовку в этой области. К их числу относились Ф. Г. Толь и П. И. Белецкий. Последний, по свидетельству В. И. Семевского, имевшего в своем распоряжении архивные материалы, использовал для преподавания истории не только давно известные труды, но и вновь изданные. «Главным пособием, — писал Семевский, — кроме сочинений Карамзина, Погодина, Устрялова, Полевого, Белецкому служила известная диссертация профессора Московского университета Соловьева «Родовые отношения князей Рюрикова дома»².

Однако если фактический материал для изучения истории петрашевцы черпали из трудов историков-профессионалов, то в осмыслении исторических событий они следовали традициям революционной исторической мысли. Наиболее образованным из них и более радикально настроенным были в той или иной мере известны труды А. Н. Радищева, произведения некоторых декабристов, ранние работы А. И. Герцена и особенно труды В. Г. Белинского. Известно, что обвинение в чтении его знаменитого «Письма к Гоголю» являлось одним из наиболее тяжелых из предъявлявшихся петрашевцам царскими судьями.

Но главное заключается даже не в степени знакомства с идейным наследием революционных предшественников, хотя и это имело немаловажное значение для формирования мировоззрения многих петрашевцев (в частности, их исторических взглядов), а в общей политической

² В. И. Семевский. Пропаганда петрашевцев в учебных заведениях. — «Голос минувшего», 1917, № 2, стр. 151.

позиции петрашевцев и их революционных предшественников, в отрицании самодержавно-крепостнической системы в России, в стремлении избавиться от ее гнетущей тяжести народные массы. Отсюда общность оценок в трактовке многих коренных проблем современности и исторического прошлого.

Петрашевцы неизменно стремились связать историю с современностью. Например, Ф. Г. Толь пытался даже изменить казенную программу по истории, насытить ее более живым современным содержанием, отразить в преподавании истории свои политические убеждения. По свидетельству В. И. Семевского, Ф. Г. Толь на одном из вечеров у Петрашевского заявил, что «будет рассказывать ее (историю. — В. И.) сообразно планам общества»³.

Петрашевцы рассматривали изучение истории как средство овладения историческим опытом, столь необходимым для революционной борьбы. М. В. Петрашевский в набросках своих речей утверждал: «Никакое прошедшее не уничтожается, но живет в результатах — толковое знание его может сделать всякого властителем будущего (*ФиОПП*, стр. 393)⁴. А А. В. Ханьков призывал: «Пытайте, исследуйте историю...» (*ФиОПП*, стр. 507).

Круг исторических интересов петрашевцев был весьма широк — от сюжетов античной истории до исторических проблем, связанных с современностью. Однако в центре их внимания находились проблемы социальные, наиболее полно отражавшие их общественно-политические устремления, их приверженность к идеям утопического социализма.

Широта исторических интересов петрашевцев нашла отражение в их литературном наследстве. Отдельные произведения самого Петрашевского и его единомышленников были посвящены непосредственно исторической тематике, еще большее число произведений содержит более или менее пространные исторические экскурсы. К числу таких произведений относились «Мои афоризмы» (1840—1841), «Запас общепольного» (1842—1843), «Объяснение о системе Фурье и о социализме» (1849) М. В. Петрашевского. В особенности богат историческим содержанием

³ Там же, стр. 145.

⁴ *ФиОПП* — здесь и далее: «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». М., 1953.

«Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (выпуск второй, 1846), важнейшие статьи которого были написаны М. В. Петрашевским, а другие тщательно им отредактированы. В произведениях А. П. Баласогло «Проект учреждения книжного склада с библиотекой и типографией» (1845), в его «Заметках о цивилизации» (1846—1847), в «Политических заметках» (1847—1848) Н. А. Момбелли, в «Автобиографической записке» (1848) Д. Д. Ашхарумова, в «Речи о задачах общественных наук» (1848) Н. С. Кашкина, в «10 заповедях» (1848—1849) П. Н. Филиппова, «Солдатской беседе» (1848—1849) Н. П. Григорьева также немало материала для характеристики исторических взглядов названных деятелей. Они имеются и в речах, письмах, воспоминаниях и показаниях ряда петрашевцев.

Прежде чем приступить к анализу конкретного содержания исторических воззрений петрашевцев, необходимо сделать несколько общих замечаний. Названные произведения петрашевцев были созданы на протяжении всего лишь нескольких лет, и это обстоятельство не позволяет, как правило, раскрыть эволюцию их исторических представлений. Другой особенностью этих произведений является то, что они в большей мере содержат позитивное понимание петрашевцами исторических явлений и в меньшей мере, чем у декабристов и Белинского, отражают критическую направленность их оценок современной им историографии.

Что же касается характерных особенностей позитивных оценок исторических явлений петрашевцами, то они содержат особенно много сходных моментов сравнительно с В. Г. Белинским, что в основном объясняется общностью их идейных устремлений.

Конечно, в процессе формирования своих воззрений петрашевцы испытали и другие идейные влияния — Руссо, Фурье, Фейербаха. Так, от Руссо было заимствовано представление о создании общественной организации на основе свободного договора между людьми, от Фурье — периодизация истории человечества и вывод о несоответствии ее завершающей стадии — «цивилизации», т. е. буржуазного общества, человеческим страстям и связанное с этим убеждение в необходимости перехода к справедливым, социалистическим отношениям, удовлетворяющим эти страсти. Антропологическое понимание Фейер-

бахом «человеческой природы» нашло свое отражение в трактовке петрашевцами характера общественных отношений.

Не менее важно отметить и влияние ранних философских произведений А. И. Герцена. Сын декабриста Н. С. Кашкин, принимавший деятельное участие в пропаганде социалистических идей, в «Речи о задачах общественных наук» приводил выдержки из произведений Герцена и в своих выводах опирался на его авторитет. Так, Н. С. Кашкин придавал важное значение общественным наукам и протестовал против их отнесения (в отличие от наук о природе) к наукам неточным: «Разделение это кажется мне совершенно ложным, — заявлял он, — я думаю, что как естественные науки, так и наука общественная должны быть совершенно точными, иначе они бы не были науками. Я вижу противоречие между словами наука и неточная» (*ФиОПП, стр. 654*).

В соответствии с этим петрашевцы считали важнейшей задачей общественных наук раскрытие законов развития человеческого общества. Так, М. В. Петрашевский вслед за Белинским и Герценом рассматривал исторический процесс в качестве закономерного. Все исторические явления, заявлял он, совершаются «соответственно определенным законам», при этом законы эти проявляются прежде всего в процессе непрерывного изменения общества. В истории, как и в природе, продолжал Петрашевский, «нет покою, существует одно движение» (*ФиОПП, стр. 423*). Движение же совершается по восходящей линии — в этом выражается его прогрессивность. В обществе происходит закономерный переход от низших этапов к более высоким. Петрашевский писал об «общем законе преобразования форм», действующем как и в природе, так и в особенности в развитии общества (*ФиОПП, стр. 215*). Однако Петрашевский еще не смог определить стадии прогресса на основе какого-либо единого признака, ограничившись как идеалист в истории указанием на решающую роль обогащения разума, развития просвещения: «... человек рождается животным, зверем безусловным и только впоследствии — чрез содействие образования — он медленно восходит на степень существа разумного» (*ФиОПП, стр. 113*). Петрашевский выступил решительным критиком буржуазного общества. Целью исторического прогресса, по Петрашевскому, является

достижение социалистического общественного устройства, «нормально развитого или благоустроенного общества» (*ФиОПП, стр. 239*), удовлетворяющего все нормальные человеческие потребности.

Пространную и глубокую характеристику этого общества как общества, в котором «личная заинтересованность будет заменена призванием, общественным интересом, где всякий труд будет производиться по призванию, а не с целью получить вознаграждение и где распределение продуктов будет производиться по потребностям», дал и наиболее радикально настроенный петрашевец Н. А. Спешнев (*ФиОПП, стр. 488*). Он утверждал, что движение к социализму, «ко все более справедливым отношениям, есть движение без конца. Прогресс есть необходимо непрерывное и вечное движение» (*ФиОПП, стр. 487*). Как бы дополняя этот вывод Спешнева, Петрашевский также заявлял: «...социализм вообще не есть прихотливая выдумка нескольких причудливых голов, но результат развития всего человечества...» (*ФиОПП, стр. 428*).

Роднила петрашевцев с Белинским и диалектическая трактовка исторического процесса, признание его противоречивым, развивающимся в результате борьбы нового со старым. Петрашевский в этой борьбе видел источник совершенствования общественных отношений и подчеркивал, что борьба нового со старым наиболее полно проявляется в критические, т. е. революционные, эпохи. По его мнению, «все критические эпохи как в науке, так и в жизни суть эпохи антагонизма, противоречия, противоборства новых требований и способов их удовлетворения со старым...» (*ФиОПП, стр. 340*). И хотя в приведенных формулировках ощутимо влияние О. Конта с его делением истории человечества на эпохи органические и критические, сам Петрашевский вкладывал в них революционное содержание, чуждое О. Конту.

Диалектическое представление Петрашевского о противоречивом характере общественного развития разделял А. В. Ханыков, но придавал ему более определенное конкретно-историческое выражение, подчеркивая особое значение социальных противоречий. В речи на обеде в честь Ш. Фурье 7 апреля 1849 г. он говорил: «Один закон, выражающий эти отрицания, идет через всю историю в различных видах, — это закон победителей и побежденных,

проявившийся на Востоке борьбою каст, в Греции — борьбою демотов с эпатридами, в Риме — плебеев с патрициями, в средние века — разнообразной борьбою освобожденной личности с авторитетом, борьбою расколов, партий, сословий. . . борьбою крестьян, промышленных коммюн с вассалами и в наше время — борьбою пролетариев с капиталистами» (*ФиОПП, стр. 508—509*).

Само собой разумеется, что петрашевцы еще не могли понять исторической роли пролетариата в настоящем и будущем, но приведенное суждение Ханькова, при всем несовершенстве его определений, говорит само за себя, явно обнаруживая его революционно-демократическую направленность и приближение Ханькова к пониманию роли классовой борьбы в истории.

В революционно-демократическом духе рассматривали радикально настроенные петрашевцы и центральную проблему общественного развития — проблему решающей роли народных масс в истории. Д. Д. Ашхарумов писал: «. . . все зависит от народа, без них мы не подвинемся, не уйдем вперед, нам надо короче узнать наш народ и сблизиться с ним» (*ФиОПП, стр. 677*). Такой вывод был, безусловно, связан с пониманием петрашевцами причин поражения декабристов.

Однако некоторые из петрашевцев еще не осознали социальной разобщенности народа, относили к нему и дворянство и даже готовы были видеть в «едином народе» опору правительства, обнаруживая слабые стороны своих воззрений и в понимании характера государственной организации как надклассовой. Так, В. А. Головинский заявлял на следствии: «. . . опорой престола служит не одно дворянство, а целый народ без различия сословий, а это-то составляет силу, крепость, могущество правительства. . .» (*ФиОПП, стр. 634*).

Конечно, это суждение можно рассматривать и как признание реально существовавших монархических иллюзий народных масс, но все же оно страдает ограниченностью. В отдельных случаях петрашевцы, проявляя известную неустойчивость своих демократических воззрений, склонны были подчеркивать пассивность народных масс, видя в них «основу общества» и одновременно оценивая их, по словам А. П. Баласогло, «как материал, тесто, из которого все делается, что ни делается, и для которого, впрочем, все существует» (*ФиОПП, стр. 605*).

Напротив, сам Петрашевский усматривал в народе силу, которая призвана освободить себя, после того как осознает свое значение и свои возможности. Народ сам спасет себя от «зол, страданий и смерти», заявлял Петрашевский и подчеркивал: «. . . источник его жизни, его счастья и величия — в нем самом, — тогда он смело берет назад свои утраченные права; чувство человеческого достоинства, временно заснувшее, снова откликается в нем на голос природы, и мысль, свободная от предрассудков, чистая, как звезда, является ему вожатаем, надежным, неуклонным» (*ФиОПП*, стр. 326).

Однако кто пробудит сознание народа и какими средствами можно поднять его на борьбу, не было ясно и Петрашевскому. Поднявшись над декабристами в признании роли народных масс в борьбе за свое социальное освобождение, петрашевцы еще не осознали необходимости народной революции. Это было сделано революционерами-демократами последующих десятилетий.

Много общего с Белинским было у петрашевцев и в понимании роли личности в истории. Они признавали активную и творческую роль людей в историческом прогрессе. Петрашевский утверждал: «Если история делает людей, то люди делают историю» (*ФиОПП*, стр. 385). При этом петрашевцам чуждо было как игнорирование роли личности в истории, так и преувеличение ее значения. Петрашевский справедливо полагал, что великие деятели порождаются историческими обстоятельствами: «Как война родит великих полководцев, так время народных волнений производит великих ораторов (подразумеваются выдающиеся общественные деятели. — В. И.)» (*ФиОПП*, стр. 327).

Не только великий человек, но и всякий новатор не может проявить своих дарований и реализовать своих стремлений без поддержки общества, ибо «человеку, взятому в отдельности, почти ничего невозможно совершить, но все возможно совершить в обществе и обществом» (*ФиОПП*, стр. 319), — читаем мы в «Карманном словаре» в статье «Ораторство». Поэтому решающее значение имеет характер общественных устремлений великого деятеля, их соответствие или же противоречие общественным интересам. Н. А. Спешнев особенно высоко ценил тех исторических деятелей, «которые. . . изменяли социальные формы, тех, которые посвятили себя уничтожению

рабства, тех, которые разбили феодализм и основали государство...» (*ФиОПП, стр. 484*). В том же случае, когда исторический деятель становится на защиту реакционных стремлений, подчеркивалось в «Карманном словаре», его неизбежно ждет поражение, и даже выдающиеся дарования не спасут его от политического банкротства, если он пытается «защитить незащитимое, поддерживать неизбежно предназначенное к разрушению ходом мировой жизни и незадержимым током человеческого развития...» (*ФиОПП, стр. 324 примечание*). Тем самым Петрашевский обосновывал мысль о неодолимости исторического прогресса и выражал свой исторический оптимизм, выходя за пределы разрешения вопроса о роли личности в истории.

Убеждение в неодолимости исторического прогресса лежало в основе критики петрашевцами буржуазных отношений современных им западноевропейских государств и признания неизбежности революционных преобразований в общественном развитии. Эти убеждения проводили резкий водораздел между петрашевцами и либерально настроенными западниками. Вполне правомерно поэтому то, что революционно настроенные петрашевцы с восторгом приветствовали революцию 1848 г. во Франции и склонны были первоначально считать ее преддверием торжества социалистических отношений.

В исторических воззрениях петрашевцев содержались, как и у других демократических деятелей, материалистические догадки. Так, Петрашевский указывал на важное значение экономического фактора в историческом прогрессе и на решающую роль промышленности и передовой техники в развитии экономики каждого народа: «...не стратегии и тактике Наполеона, — заявлял он, — а силе сжатого пара суждено преобразить землю и возвысить человечество!...» (*ФиОПП, стр. 214*). Человек изменяется быстрее там, где «промышленность достигла значительного развития, где творческая мысль человека покорила уже своей власти силы природы и сделала их покорными орудиями своего произвола...» (*ФиОПП, стр. 150*). Не случайно некоторые из петрашевцев, прежде всего В. А. Милютин, посвятили свои усилия специально изучению экономических отношений и достигли в этой области значительных результатов.

С развитием промышленности петрашевцы связывали

неизбежность утверждения в будущем социалистического общества. А. В. Ханыков полагал, что «из взаимного проникновения разума и индустрии и выйдет то новое вожденное начало, на котором построится будущая жизнь человечества...» (*ФиОПП, стр. 510*). Вместе с тем петрашевцы понимали, что промышленное развитие в условиях капитализма сопровождалось и отрицательными последствиями. В собственности, в капитале — «главный источник всех общественных бедствий, — писал Петрашевский, — и в замене частной собственности — общео увидели способ к уничтожению всех зол»⁵. Не скрылось от петрашевцев и обнищание трудящихся как следствие промышленного развития в условиях капитализма: «При большом промышленном развитии, быстром увеличении народонаселения, неравномерном распределении собственности открылось новое зло — пауперизм», — писал В. А. Головинский⁶.

Большинство петрашевцев было сторонниками экономического прогресса, высших форм организации производства, которые должны утвердиться при социализме, однако отдельные из них, например Д. Д. Ашхарумов, идеализировали такие отсталые формы экономической организации, как сельская община в России, и видели в ней зародыш социалистических отношений. Подобные воззрения сближали этих петрашевцев с А. И. Герценом, создавшим впоследствии теорию «русского социализма», и отличали от Белинского.

Таким образом, теория исторического процесса, нашедшая отражение в произведениях петрашевцев, была передовой для своего времени и во всех существенных чертах отражала процесс формирования революционно-демократической идеологии, протекавший в России в 40-х годах прошлого века.

Конкретизацией теоретических представлений петрашевцев об историческом процессе являлись прежде всего их взгляды на вопросы всеобщей истории. Как в силу этих соображений, так и потому, что петрашевцы не отделяли отечественной истории от всемирной, в особенности от европейской, нам представляется необходимым

⁵ «Дело петрашевцев», т. 1. М.—Л., 1937, стр. 93.

⁶ «Дело петрашевцев», т. 3. М.—Л., 1951, стр. 224.

осветить их воззрения на важнейшие явления всемирной истории хотя бы в самой общей форме.

Петрашевцы выдвигали и решали в своих произведениях те проблемы всемирной истории, которые так или иначе были связаны с их современностью и тем самым представляли злободневный интерес. Они были знакомы с важнейшими трудами по всеобщей истории, изучали работы выдающегося русского историка-просветителя Т. Н. Грановского, а также ряда иностранных видных историков — Ф. Гизо, О. Тьерри, Э. Гиббона. Но решающее влияние и в этой области они испытали со стороны Белинского и Герцена.

Всемирную историю петрашевцы делили в духе традиционной периодизации на древнюю (история Древнего Востока, Древней Греции и Древнего Рима), среднюю (история средневековой Европы) и новую, представлявшую для них особый интерес. Они не замыкались в узкие рамки политической истории, изучая все многообразие исторической жизни, стремились понять отличительные особенности истории отдельных народов — их общественного строя, быта, культуры.

Петрашевцам, среди которых находилось много разносторонне и глубоко образованных деятелей, были знакомы важнейшие источники по всемирной истории, произведения древнегреческих и древнеримских историков, мыслителей, писателей, поэтов.

Как Белинскому и многим другим революционным деятелям, петрашевцам была свойственна идеализация древнегреческого строя и республиканского Рима, который они противопоставляли деспотическому строю позднейших периодов. По мнению петрашевца Е. Ламанского, «свобода была единственной целью граждан (республиканского Рима. — *В. И.*), и всегда они защищали ее до последней капли крови»⁷.

В библиотеке Петрашевского находились работы А. Валлона «История античного рабства», К. В. Ницша «Гракхи и их ближайшие предшественники», трагедия И. Мажена «Спартак». Петрашевский противопоставлял императорский Рим республиканскому. По его мнению, «вся политическая жизнь тогдашнего мира сосредоточилась в Риме: внутренняя пустота прикрывалась блеском

⁷ «Петрашевцы». СПб., 1907, стр. 44.

всемирной империи; роскошь, утонченная нега и разврат царствовали среди беспечного веселья, а неизлечимый смертный недуг общества таился под этой пышной наружностью» (*ФиОПП*, стр. 218). Для Петрашевского история императорского Рима — «век безумного деспотизма и рабского унижения» (*там же*).

В объяснении причин падения Рима у петрашевцев преобладали идеалистические моменты: они указывали на своекорыстие римской знати, любовь к наживе и обогащению. Н. А. Момбелли в отрывке из статьи «Основание Рима и царствование Ромула» писал по этому поводу: «Справедливость продавалась; голоса приобретались интригами или деньгами; консулы предпринимали войны с единственною целию обогатиться сокровищами разоренных стран...» (*ФиОПП*, стр. 610). Агрессивная политика императорского Рима решительно осуждалась петрашевцами.

Характерной особенностью воззрений петрашевцев, отличавшей их от Белинского, было то, что они не считали историю Рима продолжением истории Древней Греции, а, напротив, подчеркивали различие между ними (*ФиОПП*, стр. 283).

Значительный интерес проявляли петрашевцы к истории средних веков. Им были известны, кроме произведений Т. Н. Грановского, работы английского историка Матвея Париса, французского историка Эмиля де Боншоа и ряда других. Подвергая критике феодальные отношения средневековой Европы, петрашевцы тем самым могли в своих подцензурных произведениях косвенно осуждать крепостнические отношения в современной им николаевской России.

Средневековье в Западной Европе справедливо рассматривалось петрашевцами как время расцвета феодальных отношений. Однако их происхождение они связывали, как и Белинский, с завоеванием одних народов другими и образованием на этой основе враждебных условий, между которыми в дальнейшем происходила непрерывная борьба, завершившаяся Великой французской революцией конца XVIII в. Таковы, например, суждения по этому вопросу В. А. Головинского⁸.

В «Карманном словаре иностранных слов» М. В. Пет-

⁸ «Дело петрашевцев», т. 3, стр. 224.

рашевский дал оценку многих явлений средневековой истории Европы, резко осуждал крестовые походы, засилье церкви, инквизицию, высоко ценил период Возрождения как начало новой эпохи.

Рассматривая процесс образования централизованных государств в Западной Европе как процесс прогрессивный, положивший конец беспрерывным феодальным распрям, петрашевцы справедливо отмечали значение такого благоприятного фактора для завершения этого процесса, как спасение Западной Европы русским народом сначала от татаро-монгольских завоеваний, а затем от турецкой опасности (*ФиОПП, стр. 553*).

Петрашевцы решительно отвергали идеализацию средних веков русскими и западноевропейскими реакционными историками. Но они сумели исторически оценить этот период всемирной истории как неизбежный и вместе с тем готовящий почву для перехода европейских народов к новому, более высокому этапу в их развитии. «...Форма быта общественного переходящая, — заявлял Петрашевский, — несовершенная и предуготовительная для другой, более совершенной, — как, напр., варварство приготовило феодализм, и он в свою очередь установил цивилизацию» (*ФиОПП, стр. 187*).

Общей закономерностью развития революционной исторической мысли начиная с А. Н. Радищева было то, что в центре внимания революционных деятелей всегда находились события новой истории. Эта закономерность полностью подтверждается характером исторических интересов петрашевцев.

В библиотеке М. В. Петрашевского, являвшейся по существу коллективной для участников его «пятниц», было более всего исторических работ, посвященных событиям нового времени. В этой библиотеке хранились книги: Л. Галлуа «История революции 1848 г.», Э. Кине «Революции в Италии», К. Лейнаде «История народов и революций в Европе от 1789 г. до наших дней», Л. Мерославского «История революции в Польше», Тиссо «История Робеспьера, Национального конвента и комитетов по истории Французской революции» (*ФиОПП, стр. 729—746*). Петрашевцам были известны также книги Л. Тьера «История Французской революции», Луи Блана «История десяти лет» (*ФиОПП, стр. 199*). Характерен подбор книг, он свидетельствует о преобладающем интересе

Петрашевцев к истории революционных движений в Западной Европе.

Петрашевцы придавали большое значение изучению революционного опыта Западной Европы, передовой общественной мысли в интересах определения путей и средств борьбы за освобождение русского народа от самодержавно-крепостнического гнета. Эта задача приобретала особенно важное значение в процессе осмысления петрашевцами причин неудачи декабристов и уяснения роли народных масс в истории.

Петрашевцы, как и все прогрессивные деятели, не могли открыто выражать своих убеждений. Поэтому очень важно проанализировать содержание «Карманного словаря иностранных слов», вторую часть которого М. В. Петрашевскому удалось издать по случайному недосмотру цензуры. В «Карманном словаре» были широко представлены статьи о важнейших революционных событиях в Западной Европе и борьбе народов за национальное освобождение. Эти статьи носят ярко выраженный пропагандистский характер.

Во времена Петрашевского новая история датировалась с открытия Америки Колумбом. Поэтому в «Карманном словаре иностранных слов» к событиям нового времени отнесена Крестьянская война в Германии. В статье «Нивеллеры» получила характеристику социальная программа Томаса Мюнцера, включившая отмену феодальных податей, передачу владельческих земель в общее пользование крестьян, — требования, крайне актуальные в России в последнее десятилетие крепостного права. Петрашевский подчеркивал при этом, что победа народа может быть достигнута только в результате упорной и кровопролитной борьбы: «...нет примера восстановления утраченных прав без жертв кровавых и гонения!» (*ФиОПП, стр. 228*). Он делал правильное заключение о том, что главной причиной Крестьянской войны были «те ужасные угнетения, которым подвергался в то время в Германии низший класс народа от высших классов» (*там же*).

Однако наибольшее внимание петрашевцев привлекала Великая французская революция конца XVIII в., о чем свидетельствует и большая литература о ней, находившаяся в коллективной библиотеке Петрашевского. Если Белинскому приходилось высказывать свои симпа-

тии к этой радикальнейшей буржуазной революции лишь в своих письмах, то Петрашевскому удалось высказать свое отношение к Французской революции в ряде статей «Карманного словаря иностранных слов». Он с величайшей похвалой отозвался о деятельности якобинцев и их вождей — Марата, Робеспьера, Дантона и подверг резкой критике политику партии «умеренных» — жирондистов, которая не смогла завоевать симпатий народных масс (Филопп, стр. 164, 152).

Петрашевский в целях революционной пропаганды вводит в статью словаря «Национальное собрание» характеристику преобразований, проведенных в ходе Французской революции конца XVIII в.: «Объявление прав человека... уничтожение рабства, уничтожение феодальных судов... продажности мест... провинциальных и городских привилегий... Обращение церковных и монастырских имуществ в государственную собственность для уплаты государственного долга», образование Национальной гвардии. Петрашевский даже опубликовал пункты новой конституции Франции, чтобы привлечь к ним внимание передовых русских людей (Филопп, стр. 197, 195).

В ярко выраженном сочувствии Петрашевского делу Великой Французской революции, ее наиболее радикальным партиям и деятелям обнаруживалось резкое отличие его убеждений, как и всех его революционно настроенных единомышленников, от убеждений либеральных западников.

Но, понимая прогрессивное значение Великой революции конца XVIII в., ликвидировавшей устои феодализма во Франции, петрашевцы были далеки от идеализации ее результатов. Они сознавали ее буржуазный характер в том смысле, что этими результатами воспользовалась буржуазия, а не народные массы, совершившие революцию. И. М. Дебу писал: «Во Франции народ смотрит на буржуазию, как на похитителей власти у аристократов, которых она изгнала в 1-ю революцию»⁹.

Франция в период господства Наполеона стала очагом войн и агрессии в Европе. Утверждение наполеоновской империи принесло народам Европы порабощение и муки кровавых войн. Интерес петрашевцев к военно-политическим событиям начала XIX в. тесно связывался у них, как

⁹ Там же, стр. 73.

и у Белинского и Герцена, с патриотическими чувствами, с их стремлением показать прогрессивную роль русского народа в низвержении наполеоновской империи.

Петрашевский полагал, что Наполеон был обязан своим могуществом армии, которую он превратил в покорное орудие «своего честолюбия и деспотизма» (*ФиОПП, стр. 195*). Он гневно осуждал эгоизм, жестокость и властолюбие Наполеона: «... гений крушения безжалостно устилал трупами своих соотечественников поле сражения, говоря, что это — пушечное мясо» (*ФиОПП, стр. 249*). Но классовой сущности политики Наполеона как политики, выражающей интересы крупной буржуазии, петрашевцы не сознавали.

Глубоко изучили петрашевцы и опыт более близкой к ним хронологически революции 1830 г. во Франции, характеризуя ее как революцию, в которой народ был грубо обманут, а всю полноту власти получила буржуазия. В этой оценке петрашевцы повторяли в основном выводы Белинского из его известной рецензии на роман Э. Сю «Парижские тайны».

Убийственную характеристику давал Петрашевский Тьеру как типичному лидеру французской буржуазии, утвердившей свое господство в результате революции 1830 г. По мнению Петрашевского, Тьер относился к числу «политических пройдох и шарлатанов, не придерживающихся никаких определенных политических начал и считающих правительственную власть законным достоянием их парламентской ловкости» (*ФиОПП, стр. 295*).

Петрашевцы резко отрицательно оценивали колониальную политику Англии, которая подчинила своей власти многие народы мира. Н. А. Момбелли гневно заявлял, что Англия «содержит в рабстве в одной Индии до 100 миллионов туземцев, не считая других частей света и бедствующей Ирландии...» (*ФиОПП, стр. 626*). Длительная борьба ирландского народа за возвращение национальной независимости получила у Петрашевского пространную и сочувственную характеристику в обширной статье «Оранжевисты» (*ФиОПП, стр. 312—315*).

В критике буржуазных отношений петрашевцы использовали разоблачение пороков капиталистического строя социалистами-утопистами Западной Европы. Они внимательно изучали воззрения великих социалистов-утопистов Сен-Симона и особенно Фурье, были знакомы

также с произведениями Кабе, Пьера Леру, Луи Блана, высоко ценили их глубокие прозрения, касающиеся организации будущего социалистического общества. Петрашевский писал в связи с этим: «Наука общественная на Западе нам сказала свое последнее слово, дала нам те формулы, в которых должно совершиться окончательное развитие человечества» (*ФиОПП, стр. 394*).

Однако питательной почвой революционных убеждений петрашевцев были, конечно, условия крепостнической России, протест против самодержавно-крепостнического строя своей страны. К тому же революционно настроенные петрашевцы во многом поднялись выше западноевропейских социалистов-утопистов. Им были чужды реформистские иллюзии Сен-Симона и Фурье, их беспочвенные надежды на помощь трудящимся со стороны «прозревших» угнетателей. В отличие от социалистов-утопистов они полагали, что сами народные массы своей революционной борьбой должны в конечном итоге добиться освобождения от эксплуатации. Однако петрашевцы, как и Белинский, еще не смогли осознать всемирно-исторической роли пролетариата и потому сами не вышли за пределы утопического социализма.

Таковы в общих чертах представления петрашевцев об основных этапах истории человечества. Как мы убедились, они во многом совпадают с воззрениями их революционных предшественников, но вместе с тем содержат и некоторые новые особенности: преобладающее внимание к социальным проблемам и более обстоятельная разработка революционных событий в истории Западной Европы. Стремление осмыслить исторический опыт революционной борьбы в передовых странах Западной Европы выражал у петрашевцев порыв к практической революционной деятельности, предвидение ее исторической необходимости.

Внимание петрашевцев к отечественной истории было не менее значительным, чем к всеобщей. Изучая историю русского народа, петрашевцы стремились показать роль народных масс в истории, их свободолюбие, ненависть к угнетателям, героизм и самоотверженность в борьбе за свободу и национальную независимость.

Взгляды петрашевцев на отечественную историю были проникнуты историческим оптимизмом и патриотизмом. Рассматривая русскую историю в неразрывной связи

с всемирной, петрашевцы стремились раскрыть эту связь конкретно и показать прогрессивную роль русского народа в исторических судьбах других народов.

Характерной особенностью взглядов петрашевцев на историю России было преобладание в них позитивных оценок. Критические суждения петрашевцев по адресу дворянских и буржуазных русских историков крайне редки, хотя система их исторических воззрений объективно противостояла буржуазной и в особенности дворянской историографии. Отчасти это объяснялось цензурными преследованиями, испытывавшимися петрашевцами.

Петрашевцы были основательно знакомы с состоянием русской исторической науки своего времени и внимательно следили за ее развитием. Так, им была известна «История Российская с самых древнейших времен» В. Н. Татищева (*ФилоОПП*, стр. 523), «История государства Росейского» Н. М. Карамзина, «Русская история» Н. Г. Устрялова и ранние сочинения С. М. Соловьева¹⁰. Интересно отметить, что петрашевцы успели познакомиться с работой декабриста Н. Тургенева «Россия и русские» (*ФилоОПП*, стр. 742).

А. П. Баласогло сообщает в трактате «Проект учреждения книжного склада», что он в течение нескольких лет был чиновником Архива министерства иностранных дел и усердно его обрабатывал по самостоятельно разработанной им программе. В произведениях М. В. Петрашевского содержатся интересные суждения о значении вспомогательных исторических дисциплин, о важности мемуаров как исторического источника (*ФилоОПП*, стр. 244, 128).

Судя по работе М. В. Петрашевского «Очерк развития общежития в России», он воспринял распространенное в его время разделение истории России на древнюю — до правления Ивана III, среднюю — до реформ Петра I и новую, открытую петровскими преобразованиями¹¹.

Петрашевский отвергал «норманскую теорию»¹², подчеркивал героизм русского народа в борьбе с внешними врагами начиная с древних времен.

Оценивая удельный период, отдельные петрашевцы

¹⁰ Там же, стр. 212, 213.

¹¹ «Дело петрашевцев», т. 1, стр. 548.

¹² Там же.

вслед за Белинским отвергали механические параллели между русской и западноевропейской историей.

Характеризуя монголо-татарские завоевания и установление татарского ига, петрашевцы подчеркивали героизм народных масс, их длительную борьбу за национальную независимость. Они высоко оценили значение борьбы русского народа с татарами. Так, А. П. Баласогло писал, что выдающаяся роль во всемирной истории куплена русским народом очень дорогой ценой: «...кровью России еще в доисторических спорах славян с финнами и тюрками», выстрадана «монгольским игом», а также «заслужена у Европы отстоянием ее от турков» (*ФиОПП*, стр. 553).

Петрашевцы в отличие от Белинского вслед за Радищевым и декабристами продолжали идеализировать внутренний строй Новгорода и осуждали его присоединение к Русскому государству. А. В. Ханыков, выражая сожаление по поводу утраты русским народом былых вольностей, писал: «Где твое общинное устройство, родное село, колыбель промышленной и гражданской жизни, где ты, народная вольница, великий государь Новгород, и ты, раздольная широкая жизнь удельных времен?»¹³

Последующие явления и события истории допетровской России весьма скупо освещены в произведениях петрашевцев. Более подробно они рассмотрели реформы Петра I, но оценка их мало оригинальна. Они повторили в основном оценки Белинского, правда избегнув крайностей идеализации деятельности Петра I и ее исторических результатов, свойственной великому демократу в ранний период его литературной деятельности.

Реформы Петра I открывали период новой истории России, период европейский. «...Теперь, когда вполне совершился весь период прививки, — писал Баласогло, — Россия с Европой одно нераздельное, нерасторжимое целое...» (*ФиОПП*, стр. 533). Но современники Белинского — петрашевцы также испытывали недостаток в материалах и литературе о Петре I. Так, А. В. Ханыков отмечал, что в его время «все занимающиеся отечественной историей занимаются изучением древних ее времен, тогда как о личности Петра Великого у нас вообще весьма мало написано»¹⁴.

¹³ «Дело петрашевцев», т. 3, стр. 18, 19.

¹⁴ Там же, стр. 168.

Отношение петрашевцев к петровским преобразованиям складывалось, как и взгляды Белинского, в борьбе со славянофильским отрицанием прогрессивного значения его реформ. Вместе с тем отдельные из петрашевцев пересматривали свое понимание реформ Петра I. Так, Петрашевский первоначально не видел исторических предпосылок реформ Петра I и недооценивал их значение. Впоследствии же он писал: «Мы, русские, вправе теперь гордиться Петром, разом извлечшим нас из варварства... Мы должны благодарить Петра и мудрых его наследников, что они приблизили нас к идеалу государственной, общественной и человеческой жизни...» (*ФиОПП, стр. 194*).

Петрашевцы отмечали сложность внутренних и внешних условий России в первой четверти XVIII в., когда осуществлялись реформы Петра I, и вместе с тем подчеркивали глубину этих преобразований. Петрашевский полагал, что творческая обновительная деятельность Петра I «коснулась всех частей организации общественной и во всем нравственно-живом и живущем возбудила стремление к прогрессу... наперекор многим, желавшим оставить в закоснении невежества разумение народа» (*ФиОПП, стр. 248*).

Петрашевцы высоко ценили личные качества Петра I. Ханьков писал: «Из всех героев русской истории мне более всего нравился и поражал Петр Великий. В этой энергической, необычайной и неограниченной деятельности отдельного человека мне казалось, что я вижу будущность русского народа»¹⁵.

Подчеркивая результаты преобразований Петра I и не удерживаясь от их идеализации, Баласогло писал: «В России был человек, который предвидел ее значение в мире и который все преустроил для нашего времени. Это был Петр» (*ФиОПП, стр. 552*). Продолжая свою мысль, он заявлял: «Петр приготовил нашему времени все. Он предвидел современную мысль Европы, потому что принадлежит ей разумом, как всякий гений равно принадлежит всему человечеству» (*ФиОПП, стр. 553*).

Петрашевцам была чужда мысль о классовой сущности политики Петра I. «Гений Петра, — писал Петрашевский, — предупреждает нужды народа... и идет впе-

¹⁵ Там же, стр. 28—29.

реди народа, а народ за ним следует» (*ФиОПП, стр. 459*). Лишь некоторые меры Петра I не одобрялись Петрашевским: «...он завел Академию, когда не было школ народных», а также «уничтожил многое, что у нас органически развилось, заменил это искусственной организацией» (*ФиОПП, стр. 439*).

Однако при наличии элементов идеализации деятельности Петра I петрашевцы, как и Белинский, не считали реформы Петра I прообразом предстоящих в России преобразований. Эти преобразования они связывали с деятельностью передовой интеллигенции, выражающей интересы народа.

Петрашевцев интересовала также история России послепетровского периода, но именно в его оценке они были наиболее стеснены и недостатком материалов в их время, и преследованиями цензуры. Поэтому петрашевцы касались лишь некоторых доступных им вопросов того времени. Так, они резко осуждали преклонение перед иноземным, распространившееся в среде дворянства в первой половине XVIII в., высоко ценили деятельность М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина как выдающихся представителей национальной культуры.

В отличие от декабристов отдельные петрашевцы склонны были идеализировать Екатерину II как гуманную правительницу, которая в области юридической, по утверждению Петрашевского, будто бы руководствовалась принципом: «Лучше десять виновных простить, чем одного невинного наказать» (*ФиОПП, стр. 458*).

После смерти Екатерины II петрашевцы не видели ее достойных продолжателей. «Но вот 60 лет, — писал Петрашевский, — как благие семена, ею брошенные, не всходили до сих пор на почве русской общественности...» (*ФиОПП, стр. 440*). В оценке деятельности Екатерины II сказались слабые стороны исторических взглядов петрашевцев. Более того, выявилась их противоречивость, так как тот же Петрашевский, стремясь раскрыть причину пугачевского восстания, должен был дать верную оценку существа политики правительства Екатерины II: «Старобрядчество, раскольниковство и рабство — вот его производители»¹⁶. Петрашевцы считали, что в крепостной России угнетенное крестьянство не могло не стремиться

¹⁶ «Дело петрашевцев», т. 1, стр. 42.

к восстанию: это — «элемент, всегда готовый в русском обществе для ужасной жакерии, пугачевский бунт — одно из его проявлений»¹⁷.

Петрашевцы высоко ценили подвиг декабристов, но положительные высказывания о них были невозможны. Лишь в бесцензурных произведениях — в «Солдатской беседе» Н. П. Григорьева¹⁸ и в переводе стихотворения А. Мицкевича «К друзьям русским», сделанном Н. А. Момбелли, декабристы представлены в качестве защитников народа.

Следует напомнить, что связь между поколениями революционных борцов — декабристами и петрашевцами была не только идейной, но нашла свое выражение в том, что среди петрашевцев был сын декабриста — Н. С. Кашкин, а также в том, что в ссылке в Сибири петрашевцы жили с декабристами Д. И. Завалишиным, А. Поджио и другими и вместе с ними внесли заметный вклад в культуру Сибири и в оценку ее прошлого¹⁹.

Подводя итоги, отметим, что исторические взгляды петрашевцев отличались содержательностью и были органически связаны с их общественно-политическими воззрениями.

Порожденные общей эпохой, исторические взгляды петрашевцев во многом напоминали воззрения на историю В. Г. Белинского и А. И. Герцена (до выезда последнего из России). По своему объективному содержанию они были направлены против официальной историографии в России, против западников и славянофилов.

В целом система исторических воззрений петрашевцев отражала процесс дальнейшего развития революционной исторической мысли в России, доказывала прочность ее традиций и представляла собой связующее звено в ее развитии между поколениями В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 296.

¹⁹ В. Г. Мирзоев. Историография Сибири. М., 1970, стр. 187—226.

**Исторические взгляды
А. И. Герцена и Н. П. Огарева**

Исторические взгляды выдающихся русских революционеров и мыслителей А. И. Герцена и Н. П. Огарева изучены недостаточно. Больше внимания уделялось освещению исторических взглядов А. И. Герцена. Этому вопросу уже посвящено несколько работ. Но нет ни одной специальной работы об исторических взглядах его друга и единомышленника Н. П. Огарева.

Впервые необходимость специального анализа исторических взглядов А. И. Герцена была отмечена Б. П. Козьминым¹. В книге Д. И. Чеснокова «Мировоззрение А. И. Герцена» одна из глав посвящена характеристике социологических воззрений А. И. Герцена². Значительный материал для характеристики исторических взглядов А. И. Герцена содержится в книге Я. Эльсберга³.

В 1952 г. была напечатана статья С. К. Бушуева «Исторические взгляды А. И. Герцена»⁴. В ней рассматривается широкий круг вопросов, но многие из них, в том числе очень важные по своему значению, освещаются неполно, например вопрос о понимании Герценом закономерностей истории, задач исторической науки, вопрос о развитии крепостнических отношений в России, оцен-

¹ Б. П. Козьмин. Герцен. Сборник статей. М., 1946, стр. 13.

² Д. И. Чесноков. Мировоззрение А. И. Герцена. М., 1948.

³ Я. Эльсберг. А. И. Герцен. Жизнь и творчество. М., 1948; имеются три последующих издания.

⁴ «Ученые записки МГУ», 1952, вып. 156. Труды кафедры истории СССР, стр. 81—113. Этой же теме посвящена статья автора данной книги («Вопросы истории», 1952, № 10), а также глава в «Очерках истории исторической науки в СССР», т. I (М., 1955), стр. 386—414.

ка Герценом реформ Петра I, движения декабристов. В статье не прослежен также процесс развития исторических взглядов Герцена, не показана его публикаторская деятельность.

В 1956 г. была издана книга Н. М. Пирумовой «Исторические взгляды А. И. Герцена». Автором привлечен более широкий круг источников, несколько расширен круг вопросов, раскрывающих тему. В книге показываются не только сильные стороны исторических взглядов Герцена, но отмечаются также черты их ограниченности. Вместе с тем в книге Пирумовой в крайне общей форме рассматривается предшествующая литература вопроса, слабо раскрывается процесс формирования исторических взглядов Герцена. Не вызывает полного удовлетворения и содержание основной главы работы «Герцен об истории России». В ней сравнительно мало свежего материала, а некоторые важные вопросы — оценка Герценом петровских преобразований, движения декабристов — освещены в слишком общей форме⁵.

Богатый материал для исследования исторических взглядов Герцена содержится в работах последних лет⁶. Что касается Н. П. Огарева, то изучались лишь его социологические взгляды. Впервые их общий очерк был дан во вступительной статье Н. Г. Тараканова к «Избранным социально-экономическим и философским произведениям» Н. П. Огарева (О., ИП, I, 46—55)⁷. В этом очерке автором затронут вопрос о признании Н. П. Огаревым общественного развития в качестве закономерного, отмечена критическая заостренность социологических воззрений Огарева против фаталистических теорий, подчеркнут

⁵ Более удачен опыт освещения воззрений Герцена на русский исторический процесс в диссертации М. Г. Федорова «А. И. Герцен об истории России», защищенной в 1956 г. в Томском университете (Автореферат этой диссертации. Томск, 1956). Взгляды А. И. Герцена на вопросы русской истории получили также отражение в нашей работе «История России в освещении революционеров-демократов» (М., 1963).

⁶ И. А. Желвакова. «Исторические сборники» А. И. Герцена. Опыт источниковедческого и историографического анализа. Кандидатская диссертация. М., 1972; Н. Я. Эйдельман. Герцен против самодержавия. М., 1973; З. В. Смирнова. Социальная философия А. И. Герцена. М., 1973.

⁷ Здесь и далее цит. по: Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения в двух томах. М., 1952—1956 (О., ИП, т. — римская цифра, стр. — арабская цифра).

то стремление Огарева найти внутренние источники общественного развития, указано на материалистические тенденции в его исторических взглядах. Однако Тараканов допускает некоторую идеализацию взглядов Н. П. Огарева, утверждая, что «в сознании Н. П. Огарева уже к концу 30-х годов отчетливо складываются революционно-демократические взгляды по коренным вопросам общественной жизни» (*О., ИП, 1, 46—55*).

В последующем изложении мы пытаемся дать общий очерк, раскрывающий особенности исторических взглядов А. И. Герцена и Н. П. Огарева, определить их место в развитии революционной исторической мысли в России. В центре нашего внимания будет находиться творчество Герцена. Это обусловливается тем, что его роль в разработке исторических проблем была, бесспорно, более значительной, чем роль Н. П. Огарева (об этом свидетельствует их литературное наследство). В подавляющем большинстве случаев Н. П. Огарев солидаризировался с суждениями и выводами своего талантливой друга не только по принципиальным вопросам политики, но и в понимании истории, лишь дополняя их некоторыми частностями⁸.

Однако, прежде чем давать характеристику исторических воззрений Герцена и Огарева, следует объяснить, почему мы это делаем после характеристики исторических взглядов Белинского и петрашевцев и ранее освещения исторических воззрений Чернышевского, Добролюбова и их соратников. Казалось бы, что Герцен и Огарев, выступившие непосредственными продолжателями дворянских революционеров-декабристов, должны занять место после изложения исторических воззрений последних. Но этому противоречит тот факт, что исторические взгляды Герцена и особенно Огарева в наиболее полном виде раскрылись уже в заграничный период их деятельности, т. е. после смерти Белинского.

С другой стороны, Герцен и Огарев, хотя и продолжали свою деятельность после смерти Добролюбова и

⁸ Об исторических взглядах Огарева см. подробнее в нашей книге «История России в освещении революционеров-демократов» (М., 1963). В данной монографии мы рассматриваем лишь вопросы истории освободительного движения и передовой общественной мысли в России, вклад Огарева в разработку которых был наиболее значительным.

ареста Чернышевского, не отличались их последовательностью в защите революционно-демократических принципов ни в политике, ни в теории. Чернышевский и Добролюбов, выступившие идейными вдохновителями лагеря революционной демократии, знаменовали высший взлет революционной исторической мысли в домарксистский период, и, таким образом, логика исследования в данном случае не согласуется с хронологией.

Без изучения исторических взглядов Герцена, «сыгравшего великую роль в подготовке русской революции»⁹, не может быть полностью раскрыт процесс развития революционной исторической мысли в России. Исчерпывающая политическая и научная оценка мировоззрения и деятельности Герцена дана в работе В. И. Ленина «Памяти Герцена». Гениальные ленинские указания являются основой для раскрытия исторической концепции А. И. Герцена.

На протяжении своей сознательной жизни и революционной деятельности Герцен проявлял неослабевающий интерес к изучению истории. В передовой исторической науке, освещающей прошлое с революционных позиций, он видел сильное средство разоблачения реакционных теорий и обоснования прогрессивных политических воззрений. Важнейшей задачей исторической науки Герцен считал раскрытие закономерностей общественного развития, познание которых должно было обеспечить историческое предвидение, столь необходимое в революционной борьбе. «Полнее сознавая прошедшее, — заявлял Герцен, — мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого — раскрываем смысл будущего; глядя назад, шагаем вперед» (Г., III, 24)¹⁰.

Формирование и последующее развитие исторических взглядов Герцена протекали в органической связи с углублением его политических воззрений, под решающим воздействием последних. Почвой, на которой оформились и развились политические взгляды Герцена, была русская действительность первой половины XIX в., условия

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 255.

¹⁰ Здесь и далее цит. по: А. И. Герцен. Полн. собр. соч. в 30-ти томах. М., 1954—1965 (Г., т. — римская цифра, стр. — арабская цифра).

которой для Герцена (до выезда его за границу) и Белинского были тождественными. Это определило черты принципиальной общности политических и исторических взглядов двух замечательных деятелей русского освободительного движения. Однако эта общность не исключала своеобразных особенностей воззрений Герцена и Белинского, тем более что в дальнейшем Герцен испытал воздействие новых факторов исторической обстановки как в России, так и в Западной Европе.

Интерес к истории пробудился у Герцена еще в отроческие годы. Он сам писал: «Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа были моей колыбельной песнью, детскими сказками, моей Илиадой и Одиссеей» (Г., VIII, 22). Отечественная война 1812 г. разбудила патриотизм Герцена, а страстное сочувствие идеям декабристов придало его патриотизму революционный характер. Восстание декабристов оказало непосредственное влияние как на политические, так и на исторические взгляды юного патриота. Герцен указывал, что после поражения восстания декабристов его чтение переменилось: «Политика вперед, а главное — история революции» (Г., VIII, 64).

В 20—30-х годах прошлого века Герцен формировался в качестве политического деятеля и мыслителя-революционера, выступавшего наследником декабристов. В этот период его исторические взгляды также находились в стадии формирования, закладывались основы его обширной эрудиции в вопросах истории, намечался круг интересовавших Герцена исторических проблем, определялся характер их осмысления.

Герцен, вспоминая об увлечениях молодежи 30-х годов¹¹, писал в «Былом и думах»: «...часть молодежи... бросилась на глубокое и серьезное изучение русской истории. Другая — в изучение немецкой философии» (Г., VIII, 161). Герцен справедливо указывал и на самую важную особенность этих увлечений: «Господствующая ось, около которой шла наша жизнь, это — наше отношение к русскому народу, вера в него, любовь к нему... и желание деятельно участвовать в его судьбах» (Г., XVII, 371—372). Представители передовой молодежи искали в

¹¹ Об этом подробнее см. Л. И. Насонкина. Московский университет после восстания декабристов. М., 1972.

истории ответа на вопросы о будущем России, о судьбах русского народа.

Герцен справедливо заявлял, что после кровавого крещения Отечественной войны 1812 г. «вся Россия вступила в новую фазу» (*Г.*, VII, 194). Эта война способствовала возникновению декабристского движения, героический же подвиг декабристов положил начало революционному движению в России.

В свете исторического опыта Отечественной войны 1812 г. и уроков героического выступления дворянских революционеров для Герцена и его единомышленников выдвигалась необходимость заново осмыслить русский исторический процесс, дать ему революционно-патриотическое освещение.

Молодой Герцен критически осваивал хорошо ему известную русскую историческую литературу. Передовой журнал Н. А. Полевого «Московский телеграф» помогал Герцену, как и всем передовым современникам, быть в курсе новейших достижений русской и западноевропейской историографии. В студенческие годы он изучал сочинения Сен-Симона, а также французских историков периода реставрации — Гизо, Минье, Тьерри, отражавших в 20—30-х годах прошлого века прогрессивный этап в развитии буржуазной историографии.

Наиболее ранним свидетельством интереса молодого Герцена к проблемам истории является его первое историческое произведение — рукопись статьи «28 января», написанная в 1833 г. и отобранная у Герцена при его аресте в следующем году.

Наименование статьи (28 января — дата смерти Петра I) показывает, что Герцен ставил перед собой задачу осмысления значения деятельности Петра I в историческом развитии России. В действительности же данная статья имеет более широкое значение. В ней отражена первоначальная попытка Герцена подвести итоги своим размышлениям над рядом важных исторических проблем. Он ставит глубокие вопросы о закономерности исторического процесса и роли личности в истории, источниках прогресса, стремится выяснить отношение истории России к истории других стран Европы, определить особенности русского исторического процесса.

Юношеская статья Герцена отличается большой эрудицией в вопросах русской и всеобщей истории, самосто-

ятельностью мысли, яркостью и образностью изложения, которые были характерны и для всех его последующих исторических работ. Вместе с тем в этой статье получили первоначальное выражение отдельные важные положения, дальнейшее развитие и обоснование которых Герценом определили впоследствии некоторые особенности его исторической концепции.

Характерной особенностью исторических взглядов молодого А. И. Герцена являлась их многосторонность. Одновременно с изучением истории России он изучал историю стран Западной Европы, интерес к истории связывал с интересом к философии, к политическим учениям, к русской и мировой литературе. В этом находил свое раннее выражение энциклопедизм запросов А. И. Герцена, содействовавший углублению его исторических воззрений.

После окончания университета исторические интересы Герцена продолжали расширяться и углубляться. Разрабатывая программу самостоятельного чтения, он уделил особое внимание историческим сочинениям. В одном из писем к своему другу Н. П. Огареву Герцен, определяя содержание своих занятий, замечал: «История и политические науки в первом плане», а в другом письме указывал и на цель этих занятий: «Я теперь крепко занимаюсь политическими науками... учиться, учиться, а потом писать» (*Г.*, *XXI*, *17*, *20*). Герцен рано начал стремиться к пропаганде своих убеждений. Для осуществления этих стремлений он задумал издавать совместно с друзьями общественно-политический и литературный журнал. Первыми его отделами намечались «философия истории, исторические отрывки, оригинальные и переводные» (*Г.*, *XXI*, *61*).

В период ссылки Герцен продолжал заниматься изучением истории. В Вятке он написал историко-этнографический очерк «Вотяки и черемисы» (1837), характеризующий его интерес к истории народов России. Во Владимире Герцен как редактор «Губернских ведомостей» (1838) проявил интерес к местным историческим памятникам и письменным источникам (*Г.*, *I*, *375*, *377*, *378—379*).

После возвращения из ссылки Герцен выступает более зрелым политическим деятелем и мыслителем. Ссылка закалила его революционные убеждения.

С начала 40-х годов открылся новый этап в развитии мировоззрения и творчества Герцена. Он становится политическим соратником В. Г. Белинского. Уже в тот период Герцен начал преодолевать ограниченность дворянской революционности и постепенно утверждаться на позициях революционного демократизма.

40-е годы XIX в., как уже отмечалось, явились в России исходным этапом исканий правильной, революционной теории¹². Поиски Герценом революционной теории нашли выражение в его философских работах «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы», опубликованных в 1842—1845 гг. В этих произведениях Герцен обнаружил также исключительную глубину исторической мысли. Оценка В. И. Лениным Герцена как выдающегося мыслителя, который «в крепостной России 40-х годов XIX века... сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени»¹³, характеризует все стороны его мировоззрения, в том числе исторические взгляды.

Разработка Герценом исторических проблем направлялась в 40-х годах главным образом против апологетов реакционной николаевской России (Погодина, Шевырева), а также против славянофилов, извращенно толковавших вопрос о путях дальнейшего развития русского народа. Славянофилы идеализировали общественные отношения «допетровской Руси», якобы основывавшиеся на началах мира и согласия между народом и властью, между крестьянами и помещиками. Они выступали сторонниками теорий немецкого идеалиста Шеллинга и вслед за ним сводили историческое развитие отдельных народов к раскрытию мистического «народного духа».

Герцен в противоположность славянофилам боролся за новую, демократическую Россию. Он отчетливо понимал, что Россия находилась на переломном этапе своего исторического развития, когда стала очевидной необходимость ликвидации самодержавно-крепостнического строя. В соответствии с этим Герцен определял задачи исторической науки и освещал с революционных позиций

¹² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 7—8.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256. См. также сборник «В. И. Ленин и русская общественно-политическая жизнь XIX — начала XX в.» (гл. I и II). Л., 1969.

важнейшие проблемы истории. Основную задачу исторической науки он видел в раскрытии прогрессивного хода истории, в определении закономерностей исторического процесса и установлении перспектив развития человечества, каждого народа в отдельности, и в особенности путей прогрессивного развития русского народа. К числу существенных условий разрешения этих задач Герцен относил овладение историками философской теорией. «Где нет философии, как науки, — писал он, — там не может быть и твердой, последовательной философии истории, как бы яркие и блестящи ни были отдельные мнения, высказанные тем или другим» (*Г.*, II, 8).

Философская теория, полагал Герцен, призвана избавить историка от простой фотографии исторических фактов, она должна направить его внимание на раскрытие внутреннего смысла событий прошлого, на обнаружение за разрозненными и случайными фактами исторической необходимости. Изучение прошлого с позиций передовой для своего времени философской теории представляло, по мнению Герцена, не только важный теоретический интерес, но и практическую необходимость, потому что его объектом является «мир человеческий, мир истории, из которого двери отворяются прямо в деятельность, в собственное участие в современных вопросах» (*Г.*, IV, 140). Такое изучение истории должно было правильно ориентировать революционных деятелей в политической борьбе¹⁴.

Герцен в 40-х годах разработал теоретические основы своей исторической концепции. Он выдвинул и обосновал положение относительно объективного характера закономерностей исторического процесса и настойчиво пытался определить эти закономерности, иллюстрируя их примерами главным образом из всемирной истории. Подчеркивая объективный характер закономерностей общественного развития, Герцен едко высмеивал субъективизм, которым «вся всемирная история кажется делом личных выдумок и странного сплетения случайностей... только эту... случайность и умеют разглядеть некоторые люди и рады, что во вселенной такой же беспорядок, как в их

¹⁴ Наиболее глубоко и обстоятельно теоретические основы исторической концепции Герцена исследованы в монографии Э. В. Смирновой «Социальная философия А. И. Герцена». М., 1973.

голове» (Г., III, 135). Признание закономерности развития общества должно обязывать, полагал Герцен, к уяснению необходимости пройденных им этапов, ибо «человечество грубо не ошибается целыми эпохами» (Г., III, 35), и вместе с тем оно обязывает понять неизбежность смены этих этапов. Закон прогрессивного, поступательного развития общества от низших стадий к высшим он считал одним из основных исторических законов.

Герцен не был в состоянии научно обосновать отмечавшиеся им закономерности исторического процесса. Но безусловным и важным достижением великого русского мыслителя-диалектика являлось признание им неодолимости прогрессивного развития общества. Прогресс общества, подчеркивал Герцен, заключается в его непрестанном движении вперед. «Что касается до движения... — утверждал он, — его не уймешь» (Г., VI, 72). Бояться прогресса и цепляются за изжитые общественные формы только реакционеры.

Объективной основой неодолимого исторического прогресса Герцен считал борьбу противоположных начал, возникающего нового с отживающим старым, осужденным историей на гибель. Он указывал, что отречение от старого во имя торжества нового отчетливо проявляет себя в истории человечества: «В какую обитель исторической жизни мы ни всмотримся, — увидим этот процесс» (Г., III, 43). Борьба между новым и старым является одной из важнейших закономерностей общественного развития. В общественной жизни свое наиболее отчетливое и яркое выражение она находит в революциях, в ходе которых осуществляется «открытое противодействие старому и водворение нового» (Г., XVI, 463).

Выводы Герцена о прогрессивном характере общественного развития и его противоречивости были выдающимся достижением его творческой мысли, ярким доказательством плодотворности применения диалектики (понимаемой им как «алгебра революции») к познанию исторического процесса.

Свои теоретические достижения Герцен использовал для обоснования революционных убеждений. Это позволило ему высоко подняться над отсталыми воззрениями русских и западноевропейских историков и социологов, выразителей интересов господствующих классов, боявшихся исторического прогресса, который обращался про-

тив дворянско-монархического строя и начинал угрожать интересам буржуазии. В противоположность идеологам этих классов Герцен был преисполнен непреклонной веры в грядущее, несшее освобождение угнетенным народным массам России и всех других стран. Убеденность в неодолимости общественного прогресса являлась основой революционного исторического оптимизма Герцена.

Но при всей глубине разрешения исторических проблем, привлечших внимание Герцена, в понимании истории он оставался идеалистом. Это нашло свое выражение в трактовке им развития человечества как процесса духовного обогащения. Соответственно он делил историю человечества на периоды, определявшиеся развитием мысли: классический, романтический, реалистический. Герцен пытался раскрыть содержание каждого периода, уяснить значение наиболее крупных событий в истории человечества. Такими событиями Герцен считал революционные преобразования в странах Западной Европы. Он упорно овладевал революционным опытом западноевропейских народов, стремясь вооружить им русское освободительное движение¹⁵.

В дневнике Герцена за 1843—1845 гг. содержатся записи, ярко запечатлевшие его интерес к революционным периодам всеобщей истории. Он последовательно изучил «Историю английской революции» Гизо, «Историю контрреволюции в Англии» Карреля, «Историю XVIII века» Шлоссера. Характерной особенностью записей Герцена в дневнике, где он фиксировал свои размышления по поводу прочитанных книг, является то, что его мысль неизменно возвращалась от европейских событий XVII—XVIII вв. к современному состоянию России. Герцен приветствовал сокрушение абсолютизма в Англии и Франции, делая отсюда вывод о необходимости уничтожения самодержавно-крепостнического строя в России, душившего творческие силы великого русского народа. Он решительно разоблачал защитников этого

¹⁵ Мы не уделяем специального внимания трактовке Герценом проблем всеобщей истории и рассматриваем лишь некоторые из них в связи с оценкой его историко-социологических воззрений. Понимание этих проблем Герценом было принципиально сходным с их освещением Белинским (см. гл. III данной книги, а также «Исторно-географическую историю нового времени стран Европы и Америки». М., 1967, стр. 171—174).

строю как идеологов реакции, оправдывавших угнетение народных масс. «В Европе самодержавие было болезнью одного века... — записывал Герцен в дневнике, — у нас в заключение всей истории нашей, не имевшей никакого знамени, в XIX веке водрузили хоругвь, на которой просто и ясно говорится, что цель наша — слава эпохи самодержавия» (Г., II, 292). Самодержавие в России, продолжал Герцен, «притеснительно во имя силы... во имя грубой материальной силы» (Г., II, 294). Прочность самодержавных режимов коренилась, полагал Герцен, в монархических предрассудках масс, предрассудках, которые он называл «застарелой болезнью ума» (Г., II, 299). Преодоление этой болезни он рассматривал как непременное условие завоевания свободы угнетенными.

Завершающим этапом в развитии мировоззрения Герцена, следовательно, и его исторических взглядов были годы заграничной революционной деятельности (1847—1870). Важнейшими вехами в развитии мировоззрения Герцена в этот период были: осмысление уроков революции 1848 г. в Западной Европе, которую он непосредственно наблюдал, и переход Герцена на позиции революционного демократизма в начале 60-х годов под влиянием событий, развернувшихся в России в годы первой революционной ситуации.

Наблюдая назревание революции и не понимая ее буржуазной сущности, Герцен надеялся на то, что она сначала во Франции, а затем и в других странах Европы откроет эру социализма. В действительности же революция 1848 г. привела к торжеству буржуазного либерализма, ставшего с тех пор ненавистным для Герцена, к гнусной расправе буржуазии с рабочими в июне 1848 г. Поэтому Герцен разочаровался в возможности социалистических преобразований в Западной Европе, что привело его к той «духовной драме», сущность и объективную основу которой гениально раскрыл В. И. Ленин. «Духовная драма Герцена, — подчеркивал В. И. Ленин, — была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела»¹⁶.

Поражение революции 1848 г., однако, не привело Гер-

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256.

цена к отказу от революционных и социалистических убеждений. В период революции он, будучи «демократом, революционером, социалистом»¹⁷, продолжал свои напряженные поиски силы, способной приблизить установление социалистических отношений. Но эту силу Герцен ошибочно увидел в русской сельской общине и начал деятельно разрабатывать теорию «русского социализма», оказавшую значительное влияние и на его исторические воззрения.

Понимание неодолимости исторического прогресса явилось основой убеждения Герцена в преходящем характере буржуазных отношений в Западной Европе, оно вооружало великого революционера для решительной критики буржуазии, созданного ею эксплуататорского строя, ее государственности, гнетущей народные массы, и ее идеологии, оправдывающей это угнетение. Герцен беспощадно бичевал пороки буржуазии как господствующего класса. Он гневно разоблачал измышления идеологов этого класса о современном буржуазном строе как «абсолютной» и потому конечной форме общественного развития (Г., III, 80).

Герцена не вводили в заблуждение славословия буржуазных либералов по адресу США как страны, которая будто бы избежала пороков, свойственных общественному строю европейских государств. «В Американских Штатах осуществилось все, о чем либералы мечтали, — иронически писал он в 1859 г., — да, сверх того, такое развитие невольнического труда, его признания, его оправдания, о котором они и не мечтали... понятия так изменились в пользу рабства, что оно теперь возводится в одно из краеугольных оснований союза, в одно из неотъемлемых прав республики» (Г., XIV, 180).

В США, по убеждению Герцена, с наибольшей отчетливостью и в еще большей мере, чем в западноевропейских государствах, обнажились пороки буржуазного общества, основанного на хищническом стяжании, соединенном с выгодными для буржуазии пережитками феодальных и рабских отношений. «До Северо и Юго-Американских Штатов было рабство и крепостное состояние, неправая война и неправое стяжание, — писал Герцен в 1862 г., — но этот цинизм, эта наглость, эта преступ-

¹⁷ Там же.

ная простота, это бесстыдное обнажение — это ново и принадлежит Америке» (Г., XVI, 9).

Герцен был убежден в преходящем характере господства буржуазии и неминуемости гибели созданного ею строя. «Мир буржуазии, — отмечал он, — истощился так скоро и не имеет в себе более возможности обновления» (Г., VI, 60). Настойчиво стремясь определить пути радикального преобразования общественных отношений, гнетущих массы трудящихся, Герцен, постепенно преодолевая свои либеральные иллюзии и утверждаясь на позициях революционного демократизма, все более глубоко осознавал необходимость насильственного, революционного уничтожения строя угнетения. Герцен убеждался в том, что «маленькие реформы и республики», «маленькие революции» совершенно недостаточны для радикального переустройства основ общественных отношений. Еще в 1851 г. он писал в своем замечательном произведении «С того берега», что «человечество не пойдет узким и грязным проселком (по пути реформ. — В. И.), — ему надобно широкую дорогу. Для того, чтоб расчистить ее, оно ничего не пожалеет» (Г., VI, 60).

И впоследствии, например в 1857 г., Герцен в статье «Революция в России» заявлял, что от души предпочитает «путь мирного человеческого развития пути развития кровавого», но в той же статье, указав, что «нынешние государственные формы России никуда негодны», подчеркивал возможность революционного преобразования России. Герцен писал, что предпочитает «самое бурное и необузданное развитие застою николаевского status quo» (Г., XIII, 22). События, развернувшиеся в России: ограбление крестьян помещиками в результате реформы 1861 г., кровавая расправа с крестьянами, выступившими с протестом против этого ограбления, революционная деятельность Чернышевского и его соратников в годы революционной ситуации — все более убеждали Герцена в том, что наиболее радикальным и действенным способом ликвидации самодержавия и крепостничества является народная революция.

В народной революции он видел средство радикального преобразования и буржуазного строя в странах Западной Европы. Если там все предшествующие революции, заявлял Герцен, «делались для значительного (не по числу, а по правам) класса... массам до них дела не

было» (Г., XV, 211), то наступит время, когда на борьбу с утвердившимся господством буржуазии поднимутся политически созревшие угнетенные массы, и тогда невозможно будет спасти буржуазный строй от гибели «ни осадным положением, ни республикой, ни казнями, ни благоговениями, ни даже разделением полей» (Г., VI, 58).

Герцен приветствовал возможность уничтожения буржуазного строя, выражая надежду, что тогда «погибнет мир, теснящий нового человека, мешающий ему жить, мешающий водвориться будущему» (Г., VI, 48). Конечно, представления о путях перехода к социализму и о самом социализме у Герцена были утопическими, но признание им революционной борьбы за утверждение социализма высоко поднимало его над западноевропейскими утопическими социалистами, страдавшими реформизмом. Герцен отмечал, что социалисты-утописты Западной Европы были преисполнены желанием общего блага и вместе с тем «не знали, как навести мосты из всеобщности в действительную жизнь, из стремления в приложение» (Г., V, 62).

Признание Герценом неизбежности революционного уничтожения феодально-крепостнических и буржуазных отношений свидетельствовало о значительном углублении его политических и исторических воззрений. Преодолевая ограниченность дворянской революционности, Герцен глубже и последовательнее разрешал вопрос о роли народных масс в истории.

Герцен сознавал огромное значение деятельности народных масс в истории. Но в различные периоды своего идейно-политического развития он сосредоточивал внимание на разных сторонах этой проблемы. Первоначально Герцен недостаточно определенно подчеркивал ее социальную основу, недостаточно четко выделял угнетенные массы трудящихся из «общенационального единства». Эта существенная особенность воззрений Герцена нашла свое выражение в его произведениях 30-х и 40-х годов.

В дальнейшем Герцен рассматривал народные массы как активную силу, определяющую ход истории. Такое убеждение стало особенно характерно для Герцена в результате осмысления им уроков поражения декабристов и наиболее ярко отражено им, как мы убедимся, в оценке событий отечественной истории.

Герцен подчеркивал самостоятельность развития каждого народа. Он указывал, что историческое творчество народов совсем не подчинялось цели раскрытия различных сторон мистического «абсолютного» или «народного духа», как полагали Гегель и Шеллинг, буржуазные либералы и славянофилы. Герцен вопреки им решительно выступал против деления народов на «исторические» и «неисторические».

В 50—60-х годах XIX в. Герцен гневно ополчился против расистских «теорий» немецких и других шовинистов. «Нет народа, взошедшего в историю, которого можно было бы считать стадом животных, — отмечал он в 1851 г., — как нет народа, заслуживающего именоваться сонмом избранных» (*Г.*, VII, 318). Раскрывая свои воззрения на национальный вопрос, Герцен писал: «Мы выше зоологической щепетильности и очень безразличны к вопросу о расовой чистоте, что не мешает нам быть вполне славянами» (*Г.*, XX, 71). Великий русский демократ всегда решительно выступал против третирования славян как «низшей» расы. «Мы никогда не были ни националистами, ни панславистами, — заявлял он, — но... несправедливость к славянам всегда казалась нам возмутительной» (*Г.*, XX, 368—369). Вместе с тем Герцен критиковал космополитические извращения в области истории, подчеркивал необходимость всестороннего развития самостоятельной национальной культуры каждого народа.

Герцен был сторонником дружбы народов. Он призывал народы к братской взаимопомощи в борьбе с социальным и национальным угнетением. Ярким выражением этих убеждений Герцена явился его призыв к русскому народу о поддержке борьбы польского народа против царизма в 1863 г. Отстаивая свободу Польши и бичуя палачей Александра II, Герцен, по словам В. И. Ленина, «спас честь русской демократии»¹⁸.

По мере углубления революционно-демократических воззрений Герцена он все более убеждался в том, что проповедь расизма и шовинизма являлась для господствующих классов средством борьбы с освободительным движением. Герцен призывал народные массы отказаться от национальной вражды, разжигаемой господствующими

¹⁸ Там же, стр. 260.

щими классами, и направить свою энергию на социальное освобождение, на борьбу с угнетателями. В связи с этим Герцен в своих произведениях начиная с конца 40-х годов все более настойчиво и определенно подчеркивал роль народных масс, трудящихся в историческом развитии как в настоящем, так и в прошлом, противопоставляя их угнетателям. Наибольшей четкости и глубины в разрешении вопроса о роли народных масс в истории Герцен достигает под влиянием событий, развернувшихся в России в период революционной ситуации 1859—1861 гг.

С революционно-демократическим разрешением Герценом вопроса о роли народных масс как движущей силы истории была связана более глубокая разработка им другого важного вопроса — о роли личности в истории. В своих ранних произведениях Герцен допускал переоценку роли личности в истории. Углублявшееся понимание роли народных масс в истории, критическое изучение дворянско-буржуазной историографии, отличавшейся крайними преувеличениями роли личности в истории, привели Герцена к более правильному разрешению этого вопроса. Он полагал, что «личность — живая сила, могучий бродильный фермент, — даже смерть не всегда прекращает его действие» (*Г.*, VII, 244), но вместе с тем все более определенно подчеркивал зависимость деятельности великих людей от исторических условий. «Личность, — писал Герцен, — создается средой и событиями» (*Г.*, XX, 588). Он справедливо указывал, что «гениальные натуры почти всегда находятся, когда их нужно» (*Г.*, VI, 36).

Герцен высказал также отдельные материалистические догадки в истолковании исторического процесса. Так, например, большое значение Герцен придавал вопросу о роли экономических интересов общества в историческом развитии. Еще в начале 50-х годов он замечал: «Тот, кто не видит, что вопрос о материальном благосостоянии составляет великую ползвину всех вопросов современности, тот вовсе не знает, что делается на свете» (*Г.*, V, 234). Анализируя характер предшествующих революций, совершавшихся в интересах имущих классов и оставлявших народные массы в голоде и нищете, Герцен писал: «Все несчастье прошлых переворотов состояло именно в упущении экономической стороны, которая тогда еще не была настолько зрела, чтоб занять

свое место. Тут — одна из причин, почему великие слова и идеи остались словами и идеями и, что хуже всего, страшно выговорить, надоели» (Г., V, 235).

Герцен все более отчетливо сознавал смысл развертывавшейся на его глазах борьбы пролетариев с буржуазией. Стремление пролетариев «вырвать у слепой случайности распределение сил и орудий, привести труд, ценность, плату, обладание к разумным началам» (Г., V, 235) он считал глубоко справедливым. Понятно поэтому, что Герцен, оказавшись свидетелем нового подъема в борьбе между трудом и капиталом в 60-х годах прошлого века, в конце жизни «обратил свои взоры... к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс...»¹⁹. Это было закономерным итогом идейно-политического развития великого русского революционера. Он начал обретать веру в революционные силы пролетариев, хотя и не поднялся до понимания всемирно-исторической роли пролетариата как могильщика капитализма и строителя социалистического общества. Герцен пришел к выводу, что революция в будущем не сможет «шагу идти дальше... не касаясь экономического вопроса» (Г., XVIII, 380), не устранив нищеты трудящихся.

Убеждаясь в огромном значении экономических проблем в общественном развитии, Герцен выдвигал перед исторической наукой определенные требования. В противоположность старой историографии, обслуживающей господствующие классы, которая толковала «о фасаде, о гербах, о заборах и сеньях, о границах и церемониалах», новая историческая наука, обслуживающая народные массы, должна была «свести кровавые религиозные вопросы на человеческие и кровавые политические вопросы на экономические, — в этом вся задача современности» (Г., XIV, 33).

Однако гениальные материалистические догадки в истолковании исторического процесса не привели Герцена к последовательному пересмотру его идеалистических в своем существе взглядов на историю, к выявлению материальных основ исторического развития. Герцен остановился перед историческим материализмом. Научное, материалистическое истолкование истории было впервые дано вождями революционного пролетариата К. Марксом

¹⁹ Там же, стр. 257.

и Ф. Энгельсом. Но и те высоты, которых достиг великий русский мыслитель-революционер в понимании исторического процесса, свидетельствовали о его огромном превосходстве над домарксовской социологией и историографией в России и в Западной Европе, о критической направленности его исторической мысли против идеологов господствующих классов.

Достижения Герцена в раскрытии закономерностей и движущих сил исторического развития давали ему возможность пронизательно и глубоко анализировать конкретные исторические явления, события, деятельность выдающихся исторических личностей всеобщей и особенно отечественной истории, которой великий русский патриот всегда уделял преобладающее внимание.

В произведениях Герцена получил освещение широкий круг проблем истории России с древнейших времен до середины XIX в. Далекий от академического подхода к отечественной истории, Герцен выделял и разрабатывал прежде всего те проблемы истории, освещение которых способствовало его революционной деятельности.

Оценка Герценом явлений, событий и деятелей русской истории содержится в многочисленных публицистических произведениях, в дневнике, в письмах. Вместе с тем перу Герцена принадлежат обобщающие произведения по истории России, прежде всего книга «О развитии революционных идей в России» (1851). Революционная публицистика Герцена была насыщена богатым историческим содержанием, в свою очередь разработка им проблем истории России отличалась публицистической заостренностью.

Суждения Герцена и Огарева о многих явлениях и событиях русской истории во многом сходны с суждениями их революционных предшественников. Мы попытаемся выделить и подчеркнуть наряду с этим сходством черты своеобразия представлений Герцена и Огарева об истории России.

Создав вольную русскую прессу, Герцен и Огарев получили трибуну, с которой они открыто пропагандировали свои революционные убеждения, разоблачали реакционные теории, вели беспощадную борьбу с самодержавием и крепостничеством. В этот период они начали уделять особое внимание освещению тех проблем русской

истории, которых не могли в подцензурной печати касаться революционные демократы в России, и этим они особенно значительно содействовали обогащению революционно-демократической исторической концепции.

Произведения Герцена и Огарева, а также их публикации исторических материалов, проникая в Россию, содействовали утверждению и распространению революционных идей на родине. Вместе с тем они знакомили демократическую общественность Западной Европы и славянских стран с историей народной, революционной России, пробуждали симпатию к ней и ненависть к правящим верхам. Герцен разоблачал также фальсификацию истории России враждебно настроенными к русскому народу представителями западноевропейской буржуазной историографии. Свой могучий ум, блестящее литературное дарование Герцен посвятил исполнению этих важных задач и сумел добиться замечательных результатов.

Своеобразие разработки Герценом проблем русской истории отличало его исторические взгляды от взглядов Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Процесс преодоления Герценом ограниченности дворянской революционности, а также теория «русского социализма» наложили свой отпечаток на его исторические воззрения. Теория «русского социализма» Герцена была по своему объективному содержанию, как указывал В. И. Ленин, выражением «революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения»²⁰. Но эта теория являлась утопической и была опровергнута последующим развитием России. Теорию «русского социализма» впоследствии восприняли народники. Она определила неправильное истолкование Герценом ряда вопросов истории России.

Однако общее понимание основных закономерностей исторического процесса и коренных проблем русской истории объединяло воззрения Герцена со взглядами других представителей революционно-демократического направления в русской историографии. Его исторические взгляды развивались в направлении к историческому материализму.

Герцен выражал неудовлетворенность состоянием

²⁰ Там же, стр. 258.

изучения русской истории в его время. Умея ценить заслуги крупнейших историков в накоплении новых материалов, расширявших фактическую основу русской историографии, он вместе с тем справедливо указывал на совершенно недостаточное изучение дворянскими и буржуазными историками источников, характеризующих жизнь народных масс. Герцен не менее справедливо упрекал этих историков в пристрастии к иностранным источникам, которые, как правило, тенденциозно освещали историю России, злобно искажали ее. В отношении иностранных сочинений, посвященных истории России, Герцен писал: «В книгах о России недостатка нет; бóльшую часть из них, однако, составляют политические памфлеты; они писались не с намерением лучше ознакомиться с предметом, они служили лишь делу либеральной пропаганды то в России, то в Европе. Картиной русского деспотизма старались поучать и просветить последнюю» (Г., VI, 191—192).

Однако важнейший недостаток дворянско-буржуазной историографии Герцен видел в порочности ее методологических принципов. Он решительно осуждал «идею великого самодержавия», которую Карамзин положил в основу своей «Истории государства Российского», и заявлял вслед за декабристами, что она представляет собой «идею великого порабощения» (Г., VII, 192). Герцен выступал против представителей официальной историографии М. П. Погодина и Н. Г. Устрялова, заметив по адресу последнего, что он писал свои учебники русской истории «по трафаретам министра Уварова и по мотивам Николая Павловича» (Г., XIV, 297). Крайне отрицательно относился Герцен и к искусственным историческим построениям славянофилов. Он справедливо указывал на фальшивую идеализацию старины, на их стремление всему «отыскать отгадки в прошедшем» (Г., II, 334) и решительно отвергал реакционные устремления славянофилов: «Славянофильство, видевшее спасение России лишь в восстановлении византийско-московского режима, не освобождало, а связывало; не давало идти вперед, а толкало назад» (Г., VII, 234). Герцен был хорошо знаком с работами буржуазных историков К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева и отмечал превосходство их воззрений над воззрениями представителей официальной дворянской историографии. Но ему была ясна политическая

сущность их исторической концепции, в основе которой лежали апология государства и игнорирование народных масс как творческой силы истории. Революционно-демократическая трактовка проблем истории России направлялась Герценом против дворянско-буржуазной историографии.

В отличие от дворянских и буржуазных историков-норманистов Герцен не связывал начала русской истории с варяжским завоеванием. Он утверждал, что славяне задолго до этого завоевания имели свою славную историю и с древнейших времен выступали участниками крупнейших событий мировой истории. Еще в рукописи статьи «28 января» Герцен отмечал, что древние славяне вместе с другими европейскими народами приходили «окончить насильственную смертью дряхлый Рим и терзать в агонии находившуюся Византию» и уже в те времена составляли органический элемент «живой части Европы» (*Г., I, 30*). Герцен не отвергал факта завоевания славянских земель варяжскими дружинами, но не допускал переоценки значения деятельности варягов. По его мнению, «через несколько поколений варяжские князья и их дружины утратили национальные черты и смешались со славянами» (*Г., VII, 154*), «потонули в славянском элементе» (*Г., I, 31*)²¹.

В оценке Герценом исторического развития русского народа до реформ Петра I содержались ошибочные суждения. В произведениях, написанных за границей, он пытался обосновать свою теорию «русского социализма» ссылкой на особый характер истории России сравнительно с историей стран Западной Европы. Так, Герцен утверждал, что древняя Русь якобы не знала разделения на классы. «...В древней России, — замечал он, — мы не встречаем какого-либо отдельного, привилегированного, обособленного класса» (*Г., VII, 154*). Князь являлся «старейшиной множества городов и деревень, которыми он управляет совместно с общими сходками» (*Г., VII, 155*). Единство Руси определялось, полагал Герцен, этнической и социальной однородностью населения и общинным строем славянских племен. Подчеркивая различие исто-

²¹ Следует, однако, отметить, что Герцен в отличие от Чернышевского и Добролюбова не понимал политического значения «норманской теории», ошибочно утверждая, что это вопрос «чисто исторический» (*Г., VII, 154* — примечание).

рического развития России и Западной Европы, Герцен отступал от признания исторических закономерностей в качестве всеобщих.

Герцен с патриотической гордостью отмечал успехи в культурном развитии древней Руси. «Ничто не дает права предполагать, — писал Герцен, сравнивая Древнерусское государство с западноевропейскими, — что оно стояло ниже их до XIV века» (Г., VII, 156).

Культурное развитие русского народа было задержано татаро-монгольским завоеванием. «Татары пронесли над Россией, — писал Герцен, — подобно туче саранчи... они разоряли города, жгли деревни» (Г., VII, 159). Русский народ оказался жертвой завоевателей вследствие княжеских междоусобиц, помешавших народным массам сплотиться для отпора хищному врагу. Оценивая тяжкие последствия татаро-монгольского нашествия на Русь, Герцен указывал: «Монгольское иго тем не менее нанесло стране ужасный удар: материальный ущерб после неоднократных опустошений привел к полному истощению народ... Именно в это злосчастное время, длившееся около двух столетий, Россия и дала обогнать себя Европе» (Г., VII, 159).

Но двухвековое жестокое иго не сломало боевого духа русского народа. В длительной и напряженной борьбе с татаро-монголами героический русский народ добился освобождения. В ходе этой борьбы создалось единое русское государство, постепенно преодолевалась удельная раздробленность. Прогрессивность этого процесса подчеркивалась Герценом: «Необходимость централизации была очевидна; без нее не удалось бы ни свергнуть монгольское иго, ни спасти единство государства» (Г., VII, 160). Герцен видел большую заслугу московских князей в том, что они осознали необходимость единства русских земель: «Деятельностью всех московских князей руководила идея объединения всех частей государства в одно целое. Начало тому положил Иван Калита» (Г., VII, 160). Герцен подчеркивал роль Москвы как центра собирания русских земель: «Около XIV столетия в России образуется средоточие, к которому тяготеют, вокруг которого кристаллизуются все разнородные части государства, это средоточие — Москва» (Г., XII, 171).

Характеризуя завершающий этап в объединении русских земель вокруг Москвы, Герцен отмечал важное

историческое значение присоединения Новгорода с его обширными владениями к великому княжеству Московскому. Правда, он не был свободен от революционно-романтической идеализации новгородского общественного и государственного строя, полагая вслед за Радищевым и декабристами, что в Новгороде имело место народо-властие²².

Далекий от недооценки прогрессивного характера политики московских князей и царей, направленной на объединение русских земель, Герцен, как и другие великие русские демократы, основную роль в истории отводил, однако, народным массам, деятельность которых давала возможность Русскому государству выдерживать «все превратности с удивительной настойчивостью» (Г., XX, 78). Стремление народных масс к единству являлось, по убеждению Герцена, решающим условием успешного объединения русских земель. Но он, как и Белинский, Чернышевский и Добролюбов, не раскрыл экономических основ процесса объединения русских земель в единое государство.

Творческая роль народных масс в истории выражалась, полагал Герцен, и в других сторонах национальной жизни — в непрестанной трудовой деятельности, в освоении новых территорий и связанном с этим расширении пределов государства, что умножало его материальные ресурсы, усиливало мощь России и укрепляло ее международное значение.

Освоение новых территорий юга России и особенно Сибири, широко развернувшееся в XVI—XVII вв., было, по мнению Герцена, прежде всего результатом самостоятельного почина народных масс, которые действовали независимо от правительства, а иногда и вопреки ему. В освещении этого вопроса он выступал продолжателем традиций М. В. Ломоносова и А. Н. Радищева. Герцен

²² Черты сходства в исторических воззрениях Радищева, декабристов и Герцена обнаружались и в понимании ими некоторых других вопросов русской истории: значения реформ Петра I, патриотической борьбы русского народа за национальную независимость. Однако в освещении ряда других важных вопросов истории России Герцен поднялся выше Радищева и декабристов, например в признании прогрессивного значения деятельности московских князей, направленной на создание единого Русского государства. В отличие от декабристов Герцен внимательно изучал массовые народные движения в истории России.

с гордостью писал: «Горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли на свой страх океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки в мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана...» (Г., XIV, 12—13).

Дворянская и буржуазная историография, игнорировавшая роль народных масс в истории, не оценила великого подвига русского народа в освоении колоссальных пространств Сибири, благодаря которому она приобрела возможность прогрессивного развития. Герцен с сожалением писал: «И такие колоссальные события едва помечены историей или помечены для того, чтобы поразить воображение дантовским образом ледяного острога в несколько тысяч верст...» (Г., XIV, 13).

Выражение творческой роли народных масс в истории России Герцен видел и в деятельности казачества. Ему, как и другим революционерам-демократам, было глубоко чуждо третирование казачества как «анархической» силы, бунтующей против «государственных начал», которое являлось типичным для буржуазных историков начиная с Соловьева. В противоположность им Герцен указывал на большие заслуги казачества, которое стояло «бессменной стражей на крайних пределах отечества», охраняя его границы. Вместе с тем для Герцена казачество являлось носителем исконных национальных качеств русского народа. Казаки, особенно запорожские, — это «славянские витязи, витязи-мужики, странствующие рыцари черного народа» (Г., XII, 110), выразители свободлюбивых стремлений русского крестьянства. Однако Герцен не мог вскрыть противоречий внутри казачества, рассматривая его как однородную в социальном отношении массу.

С наибольшей силой и отчетливостью творческая роль народных масс проявлялась, по мнению Герцена, в периоды борьбы за национальную независимость. Одним из таких периодов являлось время борьбы русского народа с польско-шведской интервенцией в начале XVII в.

Герцен с гордостью говорил о патриотическом порыве русского народа, проявленном в борьбе с агрессорами. Национально-освободительное движение не было организовано «сверху», правительством, а развернулось как ре-

зультат народной инициативы. Поэтому Герцен писал: «Он (русский народ. — *В. И.*) дважды восстал, сильный и непобедимый, — в 1612 и 1812 годах» (*Г.*, XII, 74).

Герцен верно оценил роль Москвы как объединяющего центра в борьбе за национальную независимость, в частности в событиях начала XVII века. «Она является в истории на первом плане, — писал он, — когда беда грозит всему народу или уже разразилась. . . Татары ли одолеют Русь», в Москве «закипает мысль освобождения от варварского ига и растет и растет до Мамаева побоища. . . Польша ли возьмет верх, Москва опять становится городом народным и кличет клич по всей Руси, и вся Русь встает на ее выручку, льет свою лучшую кровь, тратит последний алтын» (*Г.*, XVI, 107).

Герцен с горечью указывал, что русский народ, спасший государственную самостоятельность своей страны, остался по-прежнему угнетенным. Отмечая выдающуюся роль вождей народного ополчения Минина и Пожарского, которые «спасли отчизну», Герцен вслед за этим замечал: «но они спасли ее только от иностранцев» (*Г.*, VII, 165). Народ, добившийся своей кровью победы над внешними врагами, «утомившийся от раздоров, от претендентов, от войны, от грабежа», оказался устраненным своими внутренними врагами — боярами и помещиками — от участия в политических судьбах страны: «Было проведено поспешное избрание, — подчеркивал А. И. Герцен, — вопреки всякой законности и без согласия на то народа царем всея России провозгласили молодого Романова» (*Г.*, VII, 165).

Произошло резкое ухудшение положения народных масс в результате усиления крепостной зависимости крестьянства в течение XVII—XVIII вв. Возникновение крепостного права в России Герцен ошибочно относил, как и многие другие демократические деятели вслед за профессиональными историками, к царствованию Бориса Годунова, который отменил Юрьев день. В письме к сыну от 2 декабря 1858 г. Герцен дал оценку основных этапов в развитии крепостничества в России: «1. До Бориса Годунова — патриархальное отношение, основанное на обычаях, без письменных условий между помещиком и крестьянами, имевшими право переходить с места на место. Рабы тогда были холопы, военнопленные и их потомки, а не крестьяне. 2. Прикрепление к земле при Борисе,

ограничение перехода сначала Юрьевым днем, потом полное» (Г., XXVI, 229) ²³.

Герцен полагал, что крепостное право устанавливалось «путем простых полицейских мер и незаконных действий, захватами помещиков, владевших населенными землями... из свободных людей, какими они были, крестьяне все больше становились крепкими земле, неотделимой от нее собственностью помещика» (Г., VII, 166). Герцен сумел, однако, раскрыть классовую заинтересованность помещиков в закреплении крестьян и зависимость крепостнической политики правительства от воли помещиков. «Царизм, — писал он, — сам опирающийся на неограниченную власть, по необходимости должен был покровительствовать покушению помещиков на права крестьян» (Г., VII, 168).

Не ограничиваясь указанием на время и причины установления крепостного права в России, Герцен дал характеристику последующих этапов развития и углубления крепостнических отношений в России: «3. От Бориса до Петра — увеличение помещицкой власти и возмущение крестьян — Стенька Разин. 4. Петр ревизией формально закрепил крестьян за помещиками. 5. Помещики без всякого права стали продавать людей, брать во двор, заставляя работать всю неделю, но землю крестьянам все же давали. 6. Казаки и Малороссия отданы в крепость Екатериной II, — восстание Пугачева» (Г., XXVI, 229) ²⁴.

Важно подчеркнуть, что Герцен, как и другие революционеры-демократы, видел в постепенном усилении крепостнических отношений, все более отягощавших положение крестьянских масс, основу нарастающего крестьянского движения в стране. Он гневно обличал русскую и западноевропейскую дворянско-буржуазную историографию, представители которой либо замалчивали, либо фальсифицировали историю непрерывной героической борьбы русского крестьянства за освобождение.

²³ По смыслу формулировки Герцена можно предположить, что он приписывал Годунову установление Юрьева дня, но это, конечно, хронологическая погрешность.

²⁴ Герцен ошибается в своем указании на закрепощение казаков Украины как непосредственную причину восстания Пугачева. Но он прав по существу, рассматривая время Екатерины II как период резкого усиления крепостнических отношений.

«Земледелец, преданный, проданный, обманутый, — писал Герцен, — боролся целое столетие — XVII-е — проливал пот, проливал кровь и попал, наконец, истерзанный и связаный во власть свирепой солдатчины и гнусной бюрократии, которые действовали вместе с императором в интересах дворянства. Эта трагическая борьба прошла незамеченной, непонятой на Западе, ее оклеветали внутри страны. До сих пор таких людей, как Стенька Разин, как Пугачев, изображают разбойниками с большой дороги» (Г., XIII, 156).

В вольной русской прессе Герцен открыто защищал убеждения всех революционеров-демократов, видевших в народных движениях выражение стихийного протеста крестьянских масс против крепостничества и проявление могучих сил народа в борьбе с угнетателями.

Важным рубежом в истории России Герцен считал реформы Петра I. В книге «О развитии революционных идей в России» он разделял русскую историю на допетровский и послепетровский периоды. Последующим ее рубежом Герцен считал Отечественную войну 1812 г.

На различных этапах своего идейно-политического развития Герцен сосредоточивал внимание на разных сторонах петровских преобразований. Если в начале 40-х годов, борясь со славянофилами, считавшими реформы Петра I вредными для России, Герцен уделял основное внимание оценке исторически прогрессивных особенностей реформ Петра I, нередко идеализировал личность реформатора, то с середины 40-х годов он начал отмечать и ограниченность этих реформ. Он справедливо отмечал важное значение реформ Петра I, в результате которых начинается «смелое государственное развитие, выступление на сцену Руси, как политической личности, и выступление русских личностей в народе; русская мысль причащается высказываться, является литература, является разномыслие, тревожат вопросы, народная поэзия вырастает из песней Кириши Данилова в Пушкина» (Г., V, 24).

Герцен указывал также и на значительное усиление внешнеполитического могущества России; произошло укрепление «огромного сплоченного единого государства, полного сил, выросших в результате суровых и ужасных испытаний» (Г., XII, 352). Такое государство прочно обеспечивало русскому народу национальную независимость.

Герцен полагал, что реформы Петра значительно ускорили историческое развитие России сравнительно с предшествующим периодом.

Преобразования Петра I всегда представлялись Герцену необходимой ломкой старых отношений. «Петровский период, — указывал он, — важен именно, как разрыв, как критика и отрицание» (Г., II, 342). Подчеркивая прогрессивность реформ Петра I, Герцен писал: «...мы считаем переворот этот необходимым, он разбудил Россию, он ее повел вперед» (Г., XII, 114).

Герцен понимал исторически обусловленную неизбежность осуществления реформ в России начала XVIII в. как реформ «сверху», проводившихся самодержавной властью. Но он сознавал и то, что подобное осуществление реформ предполагало их насильственный характер и связанную с этим тяжесть преобразований для народных масс. В записи в дневнике в 1844 г. Герцен гневно замечал: «...хочется произнести анафему на все эти громкие улучшения, о которых толкуют с Петра Великого и которые вносятся на конце штыка или привязанные к кнуту. Не надобно благодетелей, когда они даются с презрением и с целью задушить ими облагодетельствованных» (Г., II, 341).

С течением времени, особенно с конца 50-х годов, критическое отношение Герцена к реформам Петра I все более усиливалось, оно направлялось против слащавой идеализации этих реформ либерально-буржуазными историками (Кавелиным, Соловьевым и др.), которые в преобразованиях Петра I видели исторический прообраз будущих реформ «сверху», призванных исключить революционную инициативу народных масс и утвердить в России буржуазные отношения.

Герцен настойчиво указывал, что первейшей и основной задачей Петра I в его преобразованиях являлось укрепление самодержавного государства. Герцен писал в 1860 г., что для Петра I «государство было все, а человек — ничего; он начал нашу каторжную работу истории, продолжавшуюся полтора века и достигнувшую колоссальных результатов» (Г., XIV, 46).

Но укрепление абсолютизма, или, как его определял Герцен, «военного деспотизма», являлось вместе с тем и укреплением позиций господствующего сословия — дворянства. Герцен приближался к пониманию социаль-

ной обусловленности политики Петра I, когда писал, что «с преступным легкомыслием усилил он права дворянства и стянул еще туже цепь крепостного права» (Г., VI, 209). Обратной стороной дворянской политики Петра I являлось угнетение народных масс. На основе этого угнетения, заявлял Герцен, утверждалась империя Петра I и были осуществлены его преобразования: «Империя Петра была установлена при помощи жестких средств, посредством насилия, кнута и Сибири» (Г., XII, 341). Петр I, заставляя народные массы нести всю тяжесть преобразований, «хотел создать, — как глубоко замечал Герцен, — сильное государство с пассивным народом» (Г., XVIII, 175).

В противоположность буржуазным либералам, превозносившим все нововведения Петра, Герцен полагал, что Петр I должен был переносить в Россию из других стран только лучшее. Отмечая, что «Петр был совершенно прав в стремлении выйти из неловких, тяжелых государственных форм московского царства» (Г., XIV, 152), Герцен вместе с тем указывал, что Петр I оказался неспособным к критическому отношению к западноевропейской культуре: «Ненавидя все относящееся к старой России, хорошее и дурное, он подражал всему европейскому, дурному и хорошему. Половина иностранных форм, пересаженных им в Россию, была в высшей степени противна духу русского народа» (Г., VI, 208). Это в особенности выразилось в непомерном разбухании бюрократического аппарата и усилении в нем роли иностранцев.

Восприятие Петром I европейских начал зачастую сопровождалось, как указывал Герцен, неоправданным уничтожением начал национальных. «Петру I приходилось, — писал он, — создавать и казнить, в одной руке у него был заступ, в другой топор. Он... разумеется, зря порубил хорошее рядом с дурным» (Г., XIII, 294). Он уничтожил и такие зародыши, «которые вззошли и которых только не надо ни полоть, ни топтать, ни насилловать — предоставляя им самим расти и устраняя препятствия» (Г., XIII, 294). Этими «зародышами», насильственно искоренявшимися самодержавным правительством и его бюрократией, Герцен считал общинные начала и самобытную культуру народных масс.

Насильственное внедрение тех иноземных начал, которые Герцен считал вредными для России, особенно уси-

лилось, по его мнению, при преемниках Петра I. Герцен указывал, что такая политика царского правительства находилась в прямом противоречии с интересами и отчетливо определившимся характером национального развития. Великий патриот настойчиво подчеркивал, что слепое подражание иноземному всегда было глубоко чуждо русскому народу, который на протяжении всей своей истории отличался ярко выраженной самостоятельностью в культурном творчестве. Разоблачая клеветническую легенду о подражательности русского народа, Герцен писал в 1847 г.: «Сколько ни декламировали о нашей подражательности, она вся сводится на готовность принять и усвоить формы, вовсе не теряя своего характера, усвоить их потому, что в них шире, лучше, удобнее может развиваться все то, что бродит в уме и в душе, что толчется там и требует выхода, обнаружения» (*Г.*, V, 24).

В своей оценке реформ Петра I Герцен не только высоко поднялся над уровнем современной ему дворянской и буржуазной историографии. Он внес также ценнейший вклад в развитие революционной исторической мысли в России. Не связанный царской цензурой, Герцен разностороннее других революционеров-демократов осветил одну из важных проблем истории России.

Но преобладающее внимание Герцен уделял в своих произведениях событиям истории России, совершившимся после реформ Петра I. Он справедливо указывал, что история России XVIII—XIX вв. была в его время наименее изучена историками и наиболее искажена усилиями правительства. «Всякое правдивое сказание, — писал Герцен, — всякое живое слово, всякое современное свидетельство, относящееся к нашей истории за последние сто лет, чрезвычайно важно. Время это едва теперь начинает быть известным... История императоров — канцелярская тайна, она была сведена на дифирамб побед и на риторiku подобоострастия... правительство открыто лжет в официальных рассказах и потом заставляет повторять свою ложь в учебниках» (*Г.*, XIV, 296).

Обличая преднамеренное «увлечение» стариной со стороны этих историков, Герцен писал: «...мы очень мало знаем наше XVIII столетие. Мы любим в истории восходить гораздо дальше. Мы из-за варягов, новгородцев, киевлян не видим вчерашнего дня: зубчатые кремлевские

стены заслоняют нам плоские линии Петропавловской крепости» (*Г.*, *XII*, 362).

Считая своей первоочередной обязанностью освещение истории России XVIII—XIX вв., Герцен уделял большое внимание публикации исторических источников. В «Полярной Звезде» (1855—1862) систематически печатались ценнейшие материалы по истории освободительного движения и революционной общественной мысли в России: «Письмо Белинского к Гоголю», запрещенные в России стихотворения Пушкина, Рыльева, Лермонтова, труды и воспоминания декабристов и многие другие произведения. Герцен и Огарев впервые переиздали «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (1858). Кроме того, впервые были опубликованы сочинение М. Щербатова «О повреждении нравов в России» (1858), «Записки» Екатерины II и княгини Е. Р. Дашковой (1859), «Записки» сенатора И. В. Лопухина (1860). Все эти издания были снабжены предисловиями Герцена или Огарева. Помимо названных произведений в двух выпусках «Исторических сборников» (1859 и 1861) содержались разнообразные материалы по истории России XVIII—XIX вв.²⁵

Вольная русская типография позволила передовым людям России узнать секретнейшие исторические документы и одновременно стать, по словам Герцена, «убежищем всех рукописей, тонущих в императорской цензуре» (*Г.*, *XII*, 270).

Давая общую характеристику истории России со времени Петра I до Отечественной войны 1812 г. включительно, Герцен писал, не удерживаясь от крайности в своей оценке, что в этот период «все умственное и политическое движение сосредоточилось в дворянстве». История России со времени реформы Петра Великого, «за исключением пугачевского эпизода и народного пробуждения в 1812 году, не что иное, как история русского правительства и русского дворянства» (*Г.*, *VII*, 175). История царствующей фамилии Романовых характеризовалась Герценом как «уголовное дело, называемое русской историей от Петра I до Александра I» (*Г.*, *XIII*, 295).

²⁵ Обстоятельная характеристика и разносторонняя оценка содержания этих сборников даны в кандидатской диссертации И. А. Желваковой «Исторические сборники А. И. Герцена. Опыт источниковедческого и историографического анализа» (М., 1972).

Петербург в это время «видел только серальные перевороты, низвержения и празднования» (Г., II, 40). Что касается правительственной деятельности в течение «петербургского периода», как называл Герцен в истории России время, открытое реформами Петра I, то она представляла «классическую эпоху насильственных образователей и беспощадных цивилизаторов» (Г., XIV, 187).

Герцен настойчиво подчеркивал деспотический характер дворянско-чиновничьего государства в России, основанного на полном подавлении личности: «Чем сильнее становилось государство, тем слабее лицо. Европейские формы администрации и суда, военного и гражданского устройства развились у нас в какой-то чудовищный, безвыходный деспотизм» (Г., VI, 15).

Но «насильственные образователи и беспощадные цивилизаторы» из дома Романовых не ограничивались заимствованием иностранных государственных форм для утверждения деспотизма в России. Они отдали «родную мать чужому вотчиму в кабалу» (Г., XVI, 58), окружая себя, как указывал Герцен, иностранцами и остзейскими немецкими помещиками, с помощью которых им легче было проводить антинародную политику. Это было особенно характерно для ближайших десятилетий после смерти Петра I, когда, по словам Герцена, «на троне были немцы, около трона — немцы, полководцами — немцы, министрами иностранных дел — немцы» (Г., XIV, 155). Он гневно разоблачал утверждение о том, что «немецкая партия», представленная «разными Минихами, Остерманами, Биронами, Нессельродами, Клейнмихелями» (Г., XVII, 115), была якобы проводником цивилизации в России. Эти немецкие наемники и авантюристы, писал Герцен, «далеко не олицетворяли собою прогресса; ничем не связанные со страной, которую они не давали себе труда изучить и которую презирали, считая варварской, высокомерные до наглости, они были раболопнейшим орудием императорской власти» (Г., VII, 178).

Герцен решительно осуждал распространение вредного преклонения перед иностранщиной как в правящих сферах, так и в более широких кругах дворянства.

Герцен дал содержательную оценку событиям времени царствования Екатерины II. Вслед за Пушкиным и декабристами он разоблачал то лживое восхваление ее

личности и деятельности, которым была пронизана официальная историческая литература. Герцен указывал на демагогический характер внутренней политики Екатерины II, ее игру в либерализм с целью упрочения абсолютизма. Говоря об учреждениях и законодательных нововведениях Екатерины II, Герцен писал: «Никто серьезно не размышлял над их эксцентрическим характером, над экзотическим смещением демократизма и аристократизма, безграничного деспотизма и обширных избирательных прав, Иоанна Грозного и Монтескье» (Г., VII, 191).

С течением времени игра в либерализм стала представляться Екатерине II вредной для прочности ее самодержавной власти. Герцен метко указал причины, которые привели императрицу к отказу от этой игры: «После раздела Польши и «ужасных» новостей, получавшихся из революционной Франции, Екатерина II откровенно сбросила с себя маску либерализма и явилась наконец такой, какой она и была на самом деле: старой, бессердечной Мессалиной, Лукрецией Борджиа с немецкой лимфой в жилах» (Г., XIII, 238).

Оценивая итоги внутренней и внешней политики Екатерины II, Герцен писал, что она, как и Петр I, пожертвовала «всем и, прежде всего, счастьем народа, чтоб основать российскую империю, чтоб организовать сильное государство и сделать его государством европейским» (Г., XIII, 237). Сильная империя держалась на страданиях миллионных народных масс, отданных в беспросветную кабалу дворянству — надежной опоре императорской власти. В результате сложилась противоположность между двумя Россиями — Россией самодержавно-помещичьей, господствующей, с одной стороны, и Россией народной, крестьянской, угнетенной — с другой. «Это — две России, — писал Герцен в 1860 г., — из которых одна — не народ, а только правительство, а другая — народ, но вытолкнутый вне закона и отданный в работу» (Г., XIV, 52). Ничего не было общего между шляхетской Русью и Русью крестьянской, заявлял Герцен, «с одной стороны, грабеж и презрение, с другой — страдание и недоверие. С одной стороны, ливрейный лакей, гордый своим общественным положением и надменно показывающий это; с другой — обобранный мужик, ненавидящий его и скрывающий это» (Г., XIV, 318—319).

При этом Герцен настойчиво указывал на непрестанную борьбу между ними, то вспыхивающую в периоды широких народных движений, то затихающую, глухую, но всегда таящую в себе опасность для господствующего сословия и его правительства. Герцен с глубоким сочувствием писал о борьбе крестьянских масс. Из всех крестьянских восстаний в истории России он выделял как наиболее мощные восстания под руководством С. Т. Разина и Е. И. Пугачева. Причины крестьянского движения под предводительством Пугачева Герцен видел в резком усилении крепостного гнета и в территориальном распространении крепостнических отношений, отяготивших при Екатерине II новые миллионы крестьян. Подчеркивая антикрепостнический характер восстания Пугачева, Герцен указывал, что оно представляло собой «усилие казака и крепостного освободиться от жестокого ига, которое давило их с каждым днем сильнее». В связи с этим он сделал пронизательное замечание: «Имя Петра III послужило только предлогом; одно оно не могло бы поднять несколько губерний» (*Г.*, VI, 213).

Герцен отмечал огромный размах крестьянского восстания под руководством Пугачева. Он писал: Пугачев, «назвав себя Петром III, встал во главе взбунтовавшихся казаков. Шесть губерний вышли к нему навстречу, соединились с ним» (*Г.*, XII, 211). В присоединившихся к Пугачеву губерниях он был «полным властителем... в продолжение нескольких месяцев» (*Г.*, XII, 55). Герцен отмечал также участие в восстании Пугачева угнетенных народностей (*Г.*, XVII, 89).

Внимание Герцена к крестьянским движениям ярко раскрывает революционно-демократический характер его исторических воззрений, их принципиальное отличие от взглядов официальных дворянских и буржуазных историков, игнорировавших изучение народных движений. Освещая эти движения, Герцен восполнял одну из тех сторон революционно-демократической историографии, которая почти не могла разрабатываться в условиях цензурных преследований в царской России.

Герцен дал оценку и выступлению первого русского революционера А. Н. Радищева, открыто и решительно осудившего крепостнический гнет и самодержавный произвол. Раскрывая истоки революционного протеста Радищева, Герцен писал: «Как только сознание пробуди-

лось, человек с отвращением увидел окружавшую его гнусную жизнь: никакой независимости, никакой личной безопасности... Жаловаться, протестовать — невозможно! Радищев пробовал, было. Он написал серьезную, печальную, полную слез книгу. Он осмелился поднять голос в защиту несчастных крепостных. Екатерина II сослала его в Сибирь, сказав, что он опаснее Пугачева» (Г., XVIII, 178). Таким образом, Герцен подчеркнул, что основным источником революционных воззрений Радищева были социальные противоречия русской действительности и его протест являлся защитой интересов угнетенного крестьянства.

Герцен рассматривал Радищева как провозвестника революционной России, как ее первого мужественного представителя, предшественника декабристов. Себя Герцен считал преемником Радищева в борьбе с самодержавием и крепостничеством. Идеалы Радищева — «это наши мечты, мечты декабристов... И что бы он ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях Пушкина, и в «Думах» Рылеева, и в собственном нашем сердце» (Г., XIII, 280).

Во времена Радищева у революционных элементов в России еще не было «ни общности действия, ни последовательности, ни сплоченности сил, ни организации» (Г., XX, 227). Поэтому самодержавному правительству удалось не допустить распространения революционных идей Радищева, как ранее ему удалось подавить стихийное крестьянское движение, руководимое Пугачевым.

Характеризуя царствование Павла I, Герцен рисует мрачную картину состояния России в этот период: «Дворец превращается в смиренный дом, везде бьют палкой, бьют кнутом, тройки летят в Сибирь, император марширует... Все безумно, бесчеловечно, неблагоприятно; народ по-прежнему оттерт, смят, ограблен, дикое своеволие наверху... рабство, дисциплина, молчание, рунд и высочайшие приказы» (Г., XIII, 276). Указав, что произвол Павла I был порождением принципа деспотического насилия, лежавшего в основе самодержавно-крепостной системы, Герцен отметил и особенности эпохи, усугублявшие неистовства этого деспота. «Главным пунктом помешательства у Павла I, — писал он, — была ненависть к революции и страх, как бы ее принципы не про-

никли в его империю. Во время его царствования ум замер, мысль была парализована» (Г., XX, 227—228).

Многостороннее освещение событий русской истории XVIII в. дополнялось у Герцена указанием на возраставший международный авторитет России, который явился результатом ее победоносных войн — участия в Семилетней войне, побед над Турцией и в конце века над Францией. Характеризуя конец XVIII в. как время возникновения внешнеполитических противоречий, которые со всей силой проявились в начале XIX в., он высоко оценил победы выдающегося русского полководца Суворова над французами в Италии: «Суворов на Альпах, под Требией и Нови, завязывает ту борьбу, которая привела всю континентальную Европу в Кремль, а нашу армию — в Париж» (Г., XIII, 276).

Из событий начала XIX в. Герцен выделял Отечественную войну 1812 г. Он придавал этой войне важнейшее значение, полагая, что она является знаменательным рубежом не только в истории России, но и в истории всей Европы. Он писал, что «с 1812 года начинается наша новая история и кончается старая история Запада» (Г., XVIII, 308).

Герцен видел причину Отечественной войны 1812 г. в завоевательной политике Наполеона, стремившегося к мировому господству. Он решительно осуждал эту политику, указывая, что она закономерно привела к гибели самих захватчиков и к падению империи Наполеона: «Сумасбродная эпоха нелепых войн, которую французы и до сих пор называют периодом своей славы, завершилась их нашествием на Россию... Бонапарту вздумалось показать себя миру стоящим на груде трупов. Славу пирамид он захотел приумножить славой Москвы и Кремля. На этот раз его постигла неудача; он поднял против себя весь народ, который решительно схватился за оружие, прошел по его пятам через всю Европу и взял Париж» (Г., VI, 193).

Войну 1812 г. Герцен считал для русского народа глубоко справедливой войной за сохранение национальной независимости, войной отечественной, в которой ярко проявилась активная, творческая роль народных масс в истории, неизменно вмешивавшихся в критические для родины периоды в разрешение политических вопросов. «Народ русский, — писал Герцен, — мрачно молчавший

столетия в своей невзгоде... в 1812 году, испугавшись за целость земли русской... превратился в ополчение» (Г., XVI, 255). Отечественная война 1812 г. продемонстрировала могущество сил великого русского народа, самоотверженность народных масс, поднявшихся на борьбу за свои национальные интересы: «Народ, забытый даже в это время всеобщего несчастья или же слишком презираемый, чтобы пролили у него крови, которую считали вправе проливать без его согласия, — народ поднялся массами, не дожидаясь призыва, в своих собственных интересах... в Кремле началось отступление завоевателя, которому предстояло закончиться лишь на острове св. Елены» (Г., VII, 193—194).

Подчеркивая героизм и самопожертвование русского народа, с огромным воодушевлением поднявшегося на борьбу с захватчиками, великий русский демократ с горечью указывал, что господствующее сословие дворян оставило победоносный народ в крепостническом угнетении. «Ополченец-крестьянин, — писал Герцен, — взявшийся за оружие в 1812 г., после геройской борьбы с чужеземцами возвратился, покрытый шрамами, к отвратительной цепи крепостного рабства» (Г., XIII, 157). После войны для русского крестьянина ничего не изменилось: «...ему не пожаловали никаких льгот в благодарность за победу, купленную его кровью. Александр подготавливал ему в награду чудовищный проект военных поселений» (Г., VII, 194).

Отечественная война 1812 г. имела всемирно-историческое значение. Она ярко показала могучее воздействие русского народа на исторические судьбы народов всей Европы, позволив им вернуть национальную независимость. Герцен с гневом напоминал об этом представителям господствующих классов стран Западной Европы, ненавидевшим Россию и пытавшимся принизить или вообще отрицать роль русского народа в мировой истории. По адресу этих злопыхателей Герцен писал: «Все то, что ставится так дорого другим народам, России не было зачтено ни во что или, хуже, послужило ей же в обвинение: ни то, что она уцелела под татарским игом, ни то, что втихомолку выросла и сложилась в огромное государство, отбившееся от всех соседей и сохранившее свою самостоятельность; ни ее 1612, ни ее 1812 год» (Г., XIV, 12).

Изучение истории освободительного движения и передовой общественной мысли в России революционеры-демократы считали своим патриотическим долгом. Для них обращение к истории освободительного движения было неразрывно связано с познанием и освоением революционного опыта их предшественников в борьбе против самодержавно-крепостнического строя.

Но освещение истории революционного движения и передовой общественной мысли в России для революционеров-демократов было сопряжено с огромными трудностями. Только Герцен и Огарев, избавленные в период их заграничной деятельности от цензурных оков, имели возможность внести существенный вклад в изучение истории освободительной борьбы и революционной общественной мысли в России.

Ни одна из проблем истории России не получила у Герцена и Огарева столь глубокой и разносторонней разработки, как история движения декабристов. И это не случайно. Идеи декабристов пробудили политическое сознание Герцена и Огарева и придали революционный характер их воззрениям. Интерес к декабристам, зародившийся у Герцена и Огарева в юношеские годы, не оставлял их до последних дней жизни. Они и себя, и представителей своего поколения революционных борцов рассматривали как преемников идей декабристов и продолжателей их революционного дела. Высоко расценивая революционный подвиг декабристов, Герцен и Огарев выступили основоположниками изучения истории декабристского движения, осветив его с революционных позиций. Зная, что эта тема является запретной для их единомышленников, выступавших в России, что никто, кроме них самих, не может осуществить задачи ее разработки и в Западной Европе, Герцен и Огарев разоблачали реакционную фальсификацию декабристского движения.

Подвергая беспощадной критике книгу барона М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», содержащую клевету на декабристов, Герцен в 1858 г. писал: «...мы от них считаем наше духовное рождение... их голос разбудил нас к жизни и их пример поддержал через все существование наше. Начиная первое русское обозрение, печатаемое без цензуры, мы самым названием поставили его под их сень, примкнули

к их делу — для того, чтобы показать непрерывность предания, преемственность труда, внутреннее и кровное родство» (Г., XIII, 67)²⁶.

Если многих других исторических тем Герцен и Огарев касались, как правило, в экскурсах, содержащихся в их публицистических и иных произведениях, или только попутно в связи с обоснованием тех или иных положений, то истории декабристского движения они посвятили ряд специальных произведений. Важнейшими из них являются: книга «14 декабря и император Николай» — сборник материалов и статей, написанных Герценом и Огаревым (1858), статья «Русский заговор 1825 года» (1858), представляющая собой сокращенное изложение этой книги, статьи Герцена «Исторические очерки о героях 1825 г. и их предшественниках по их мемуарам» (1868) и «Кондратий Рылеев и Николай Бестужев» (1868). Значительное внимание уделял Герцен вопросу об историческом значении выступления декабристов и характеристике их движения в очерке «О развитии революционных идей в России» (1851), впервые дав здесь общее изложение своей концепции декабризма, а также в статье «Император Александр I и В. Н. Карзин» (1862) и особенно в «Былом и думах».

Н. П. Огарев посвятил истории движения декабристов произведения: «Разбор книги Корфа» (1858), «В память людям 14 декабря 1825». Этому вопросу Огарев касался и в других работах: в предисловии к «Думам» В. К. Рылеева, в предисловии к сборнику «Русская потаенная литература XIX века» и в статье «Кавказские воды» (1861).

Кроме того, серьезной заслугой Герцена и Огарева являлась публикация ценнейших источников по истории декабристского движения. Они призывали оставшихся в живых участников выступления декабристов присылать им в Лондон свои воспоминания, материалы, документы. В результате в 1862 и 1863 гг. были изданы три выпуска

²⁶ Слова, цитируемые Герценом, взяты из программы основанного им журнала «Полярная Звезда». Приведенное мнение Герцена полностью разделялось Огаревым. Заканчивая свою работу «Разбор книги Корфа», Огарев писал: «Возобновив в памяти наших соотечественников факты и людей тайного общества 14 декабря, мы исполнили священную обязанность: стыдно было бы, если бы по появлению книги Корфа ни один русский голос не восстал в защиту русских мучеников» (О., ИП, I, 269).

«Записок декабристов», в которых напечатаны воспоминания И. Д. Якушкина, С. П. Трубецкого, И. И. Пущина, Н. Бестужева, Ф. Вадковского, Н. Р. Цебрикова, разбор донесений Тайной следственной комиссии в 1826 г., произведенный декабристами Никитой Муравьевым и М. С. Луниным, и другие документы. Содержались материалы о декабристах и в двух «Исторических сборниках». Некоторые из этих источников были не только изданы, но и созданы исключительно благодаря инициативе Герцена и Огарева²⁷.

Публикации первоисточников по истории движения декабристов Герцен придавал первостепенное значение. Эти источники он считал основой правдивого повествования о героическом подвиге декабристов, разоблачающего все злостные извращения их врагов.

Издание сочинений и источников по истории декабристского движения Герцен и Огарев рассматривали как акт борьбы с русским самодержавием — палачом декабристов, как акт разоблачения его антинародной политики и реакционной идеологии. Они стремились к наиболее полному освещению всех событий, связанных с движением декабристов. «Все, касающееся до великой, передовой фаланги наших вождей, наших героических старцев, — писал Герцен в некрологе, посвященном И. Пущину, — должно быть отмечено у нас» (Г., XIV, 126).

Конечно, очень многое Герцену и Огареву осталось неизвестным, они не смогли воссоздать полной картины развития декабристского движения. В посвященных декабристам произведениях Герцена и Огарева имеются фактические ошибки, встречаются и необоснованные суждения, оценки и выводы. Но для своего времени Герцен и Огарев были все же наиболее осведомленными, а главное, наиболее объективными историками декабристского движения. Вот почему, несмотря на отдельные ошибки, они в целом дали довольно верную его характеристику.

²⁷ Более подробно об истории этих публикаций, о связях Герцена и Огарева с русскими деятелями, доставлявшими им материалы для опубликования, см. в называвшейся ранее диссертации И. А. Желваковой, а также в книгах Н. Я. Эйдельмана «Тайные корреспонденты «Полярной Звезды»» (М., 1966) и «Герцен против самодержавия» (М., 1973).

Герцен и Огарев не ограничивали своего изучения декабризма историко-познавательными задачами. Они справедливо полагали, что в революционной борьбе с самодержавно-крепостническим строем политические лозунги их предшественников сохранили свою жизненность и значение. Вместе с тем обращение к истории декабризма Герцен и Огарев использовали для извлечения необходимых уроков из этого движения, для преодоления его слабых сторон на новом этапе освободительной борьбы, а также для пропаганды своих собственных политических воззрений.

Взгляды Герцена и Огарева на движение декабристов претерпели определенную эволюцию, обусловленную развитием и углублением их собственных политических воззрений. Так, Герцен и Огарев в своих статьях, относящихся к 1858 г., когда они еще не избавились от либеральных иллюзий, не делали последовательных выводов из истории декабризма и не призывали к народной революции. Они еще надеялись на то, что Александр II сумеет извлечь необходимый опыт из прошлого, сплотит вокруг себя либерально настроенное дворянство и осуществит реформу в крестьянских интересах.

В работах же, написанных Герценом и Огаревым позднее, когда они стали избавляться от своих либеральных заблуждений, история движения декабристов освещалась уже под иным углом зрения. Основное внимание Герцен и Огарев стали уделять наиболее радикальным течениям, в частности деятельности Южного общества и его вождя Пестеля. Из своего изучения декабризма они начали извлекать последовательно революционные выводы, стремясь использовать их для разоблачения реакционной политики царизма.

Герцен и Огарев осветили в своих произведениях широкий круг вопросов истории декабризма — его истоки, развитие, деятельность тайных обществ, их программные установки, восстание 14 декабря 1825 г. в Петербурге, причины его поражения, дали характеристику наиболее выдающимся деятелям декабризма, оценили уроки и значение восстания и движения в целом для последующей истории освободительной борьбы и передовой общественной мысли в России.

Рассматривая вопрос об исторических истоках декабризма, Герцен и Огарев глубоко и проницательно ука-

зывали на то, что эти истоки коренились в особенностях русского исторического процесса, в противоречиях русской действительности. Они гневно разоблачали утверждения реакционеров, нашедшие отражение в книге Корфа, о том, что декабризм представлял собой результат простого подражания Западу и был якобы наносным явлением.

Герцен справедливо подчеркивал огромное значение патриотического подъема во время Отечественной войны 1812 г. для формирования идеологии декабристов: «Мысль русского освобождения явилась на свет в тот день, когда русский солдат, усталый после боев и длинных походов, бросился наконец отдохнуть в Елисейских полях» (*Г.*, XII, 269).

Прогрессивно настроенная дворянская молодежь горела патриотическим стремлением к освобождению отечества не только от иноземного нашествия, но и от самодержавного деспотизма и крепостничества. Характеризуя настроения будущих декабристов, Герцен писал: «Люди эти были прямым ответом на тоску, мучившую новое поколение. «Ну, вот мы сильны, победили Европу, сажаем царей, чертим границы, — что же от этого лучше? Узкие рамы жизни, вымеренные по военному артикулу, теснят... Мы освободили мир, а сами остались рабами, управляемыми какой-то кордегардией в Грановитой палате, какой-то немецкой канцелярией с татарским кнутом в руках! Внизу, вверху все неволя, рабство, грубая, дерзкая сила, бесправие, ни суда, ни голоса — одна надежда и была на милость царскую» (*Г.*, XIII, 39). Эта «милость» скоро последовала и нашла свое выражение в аракчеевщине. Аракчеев, «этот черствый, желчный, гадкий и неумолимый солдат, — по определению Герцена, — управлял Россией как раз в то время, когда — после войны — все общество, дыша полной грудью, чаяло реформ» (*Г.*, XIII, 129).

Жесточайший аракчеевский режим скоро убедил тех из будущих декабристов, которые первоначально надеялись на осуществление реформ Александром I, что ждать от него преобразований нет никаких оснований. «Они догадались, — писал Герцен, — что Александр дальше двух-трех либеральных фраз не пойдет, что в Зимнем дворце нет места ни маркизу Позе, ни Струензе; они поняли, что спасение народа не может выйти из той же

комнаты, из которой вышли военные поселения» (Г., XVI, 71—72).

Герцен не был в состоянии раскрыть глубинные экономические и социальные процессы разложения феодально-крепостнической системы и вызревания в России буржуазных отношений, определившие возникновение и развитие декабристского движения. Однако и отмеченные Герценом причины этого движения имели важное значение. Указание на них свидетельствовало о том, что выдающийся русский революционер справедливо считал декабризм закономерным порождением русского исторического процесса, борьбы в нем нового со старым, сил прогресса против реакции и понимал, что декабристы боролись за решение тех задач, которые были выдвинуты историческим развитием России. Поэтому он не склонен был преувеличивать идейных влияний французских просветителей и других западноевропейских мыслителей на оформление и развитие декабристского движения. Герцен отмечал эти влияния, но он отнюдь не рассматривал их в качестве первостепенных, считая, что декабристы усваивали их, исходя из национального исторического опыта и задач русского освободительного движения.

Эти выводы Герцена разделялись Огаревым. Последний отмечал влияние на умы декабристов идей, порожденных французской революцией 1789 г. Эти идеи «не могли проскочить мимо, не оставив глубокого следа, — справедливо заявлял Огарев. — Они принимались не из моды и подражания, а потому, что в них было много горячо понятых истин, которые равно истины и для русского, и для французского, и для всякого человеческого ума» (О., ИП, I, 222). Касаясь вопроса создания первого тайного общества декабристов — Союза спасения, Огарев вполне определенно указывал, что «тайное общество составилось не из одного подражания западным тайным обществам, а потому, что русский ум искал выхода из невыносимого общественного положения» (О., ИП, I, 215).

Реакционные меры правительства Александра I породили смутное недовольство. Наиболее энергичные и серьезные люди — будущие декабристы решили воспользоваться этим недовольством. «Они задумали создать большое тайное общество, — писал Герцен. — Это общество должно было заняться политическим воспитанием молодого поколения, распространять идеи свободы и

тщательно изучать сложный вопрос радикальной и полной реформы образа правления в России» (*Г.*, VII, 195).

Герцен подчеркивал силу и размах движения декабристов, не удерживаясь даже от некоторых преувеличений. «Громадный заговор охватил всю образованную Россию, — писал он. — Члены его заседали в царском совете и жили в военных лагерях. Среди них были знаменитые генералы, блестящие офицеры, литераторы, аристократы, ученые. Дворцы Петербурга, салоны Москвы, главные штабы, канцелярии, даже школы были полны посвященных в тайну заговора или, по меньшей мере, сочувствовавших ему» (*Г.*, XII, 75).

Герцен указывал, что движение декабристов охватило лучших, наиболее талантливых людей России, что эти «люди образованные, энергичные и чистые. . . главенствовали над частью аристократии и благодаря находившейся в их руках литературе — над всем молодым поколением» (*Г.*, XIII, 137).

Показывая глубокие корни, историческую закономерность и широкое распространение движения декабристов, Герцен и Огарев полностью разрушали фальсификацию Блудова, Корфа и других реакционеров, пытавшихся представить декабристов в виде какой-то ничтожной «кучки злодеев», бессильных «мятежников», сумасбродных одиночек.

Герцен решительно возражал против определения восстания декабристов как последнего дворцового переворота в России. Он писал: «Заговорщикам 14 декабря хотелось больше, нежели замены одного лица другим, серальный переворот был для них противен» (*Г.*, XIII, 44). В статье «Русский заговор 1825 года» Герцен еще более определенно подчеркивал это различие между дворцовым переворотом и революционным выступлением декабристов: «. . . между этими тайнами бойни и торжественным протестом против деспотизма, протестом, провозглашенным на площади и скрепленным кровью и муками этих героев, не было ничего общего» (*Г.*, XIII, 140).

Герцен и Огарев отчетливо понимали основные цели декабристов — уничтожение самодержавия и крепостничества в России и глубоко им сочувствовали²⁸. Они спра-

²⁸ Характерно, что Огарев, признавая эти цели декабристов, считал, что они в своей борьбе с крепостничеством были преемниками

ведливо полагали, что наиболее решительной декабристской организацией, настойчиво и последовательно стремившейся к реализации этих целей, было Южное общество во главе с П. И. Пестелем. Руководители Южного общества «подготавливали революционную диктатуру, — указывал Герцен, — которая должна была установить республиканские формы» (Г., VII, 199).

Герцен с полным основанием выделял Пестеля как самого замечательного деятеля декабристского движения и справедливо считал его политическую программу наиболее радикальной. Характеризуя Пестеля, Герцен подчеркивал, что он был «горячий республиканец и решительный революционер», благодаря ему «смутные стремления, свободолюбивые порывы получили цель, практическое применение: его крупная фигура главенствует над всем заговором; она сохраняет величие даже в пропитанных ядом донесениях следственной комиссии» (Г., XIII, 130—131).

Пестель был не удовлетворен деятельностью Союза благоденствия, добивался его роспуска. Вновь созданное Южное общество отличалось своим радикализмом от Северного общества. Оба эти общества сблизились, как указывал Герцен, только тогда, когда Северным обществом стал руководить «самый замечательный из петербуржцев — поэт Рылеев. В своих взглядах Северное общество сильно сблизилось с Южным» (Г., XIII, 133).

Герцен уделил внимание оценке программных расхождений между руководящими деятелями Южного и Северного обществ декабристов. Так, он указывал, что вождь южан «понимал революцию совсем иначе, чем его петербургские друзья» (*там же*). Пестель, по его словам, «прямо идет к своей цели, к полному и коренному переустройству правительства не только на республиканских, но и на социалистических основах» (Г., XIII, 132). Однако «социализм» Пестеля Герцен понимал в духе своей «теории русского социализма». В доказательство «социалистических» убеждений Пестеля он приводил его слова о том, что мало провозгласить республику, «это явится только переменою названия. Надобно затронуть земельную собственность. Совершенно необходимо дать землю

Радищева. «Голос об освобождении крестьян, — писал он, — раздался с конца прошлого столетия, он от Радищева перешел к декабристам» (О., ИП, I, 663).

крестьянам: только тогда революция будет совершена» (*Г.*, XIII, 133).

Приведенная оценка «социализма» Пестеля, данная Герценом в 1858 г. в статье «Русский заговор 1825 года», повторяла его мысль, сформулированную в 1851 г. в очерке «О развитии революционных идей в России», согласно которой Пестель «был социалистом прежде, чем появился социализм» (*Г.*, VII, 200). Нет необходимости доказывать, насколько Герцен был далек от истины в своем утверждении. Причиной ошибки Герцена являлось то, что сам он не достиг научного понимания социализма. Об этом свидетельствует определение социализма, данное Герценом: «Социальные идеи выступают, если хотите, одновременно не только с политической экономией, но и с всеобщей историей. Всякий протест против несправедливого распределения средств производства, против эксплуатации, против злоупотребления собственностью есть социализм» (*Г.*, V, 211).

Еще более неверно оценивал характер воззрений Пестеля Огарев. Он не только соглашался с мнением Герцена о социалистических убеждениях Пестеля, но и к тому же полагал, что последний защищал республиканский образ правления еще в то время, когда входил в Союз спасения, и ошибочно считал его сторонником федеративной организации государства после революционного переворота (*О.*, ИП, I, 783). В этом сказалась неосведомленность Огарева в содержании программного произведения Пестеля «Русской правды».

Герцен и Огарев нарисовали довольно полную и достаточно верную картину восстания на Сенатской площади и событий, происходивших на юге страны.

Важно отметить, что Герцен не считал восстание декабристов заранее обреченным на неудачу. Так, в 1857 г. Герцен писал, что «попытка 14 декабря вовсе не была так безумна, как ее представляют; книга Корфа это доказывает. Им не удалось — вот все, что можно сказать, но успех не был безусловно невозможен. Что было бы, если б, не строясь в каре, они утром всеми силами напали бы на дворцовый караул, еще шаткий и неуверенный тогда?» (*Г.*, XIII, 43—44).

Однако в произведениях Герцена и Огарева имеются и суждения о том, что декабристы сознательно шли на жертву, не ожидая победы. Особенно часто Герцен ссы-

ляется при этом на Рылеева. Нам думается, что нет оснований упрекать Герцена в непоследовательности или противоречивости его суждений. Он не сомневался в возможности успеха восстания декабристов, как не сомневались в нем руководящие их деятели, прежде всего Пестель. Но декабристы, по мнению Герцена, упустили время, так как не последовали настояниям Пестеля начать решительные действия в конце 1824 г. «...Мы совершенно убеждены в том, — писал Герцен, — что если бы в конце 1824 года не было упущено драгоценное время, восстание имело бы большие шансы на успех. Но два доноса, отправленные в Таганрог (естественные последствия этой потери времени), и неожиданная смерть Александра совершенно разрушили план Пестеля» (*Г., XIII, 135—136*). Теперь успех дела зависел от случайных — как положительных, так и отрицательных — обстоятельств.

Тем более Герцен никогда не считал восстание 14 декабря 1825 г. бессмысленным. Он, напротив, утверждал, что заговорщики должны были воспользоваться неустойчивой обстановкой, «этой сумятицей отречений, этой тревогой, в которой находились присягающие и неприсягающие, этим междуцарствием с двумя императорами...» (*Г., XIII, 139*). Герцен горячо одобрял мужество и упорство декабристов, проявленное ими на Сенатской площади, когда уже ясна стала неудача восстания. Героическая самоотверженность декабристов, пошедших в этих условиях на явную гибель, вызвала восторженную оценку Герцена (*Г., XVI, 171*), приведенную В. И. Лениным в статье «Памяти Герцена»: ««...Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раблепия»»²⁹.

Но Герцен не ограничивался анализом хода восстания на Сенатской площади. Он стремился установить, возможна ли была победа декабристского движения в целом при учете особенностей социально-политических воззрений декабристов и тактики «военной революции».

Настойчиво размышляя с юных лет над уяснением

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 255.

причины поражения декабристов, для того чтобы вооружить добытым опытом молодое поколение революционных борцов и не допустить повторения ошибок декабристов, Герцен пришел в итоге к тем выводам, которые он отчетливо сформулировал в своих произведениях 40—60-х годов. Основную причину поражения декабристов Герцен справедливо увидел в том, что они не опирались на поддержку народных масс. Он писал, что все декабристы страстно хотели освобождения крестьян, но что из них один только Пестель хотел, чтобы революция «опиралась на народ и на экономические начала» (Г., XIII, 144). В последнем Герцен ошибался: Пестель, хотя и выдвинул наиболее радикальную политическую программу, все же, как и все декабристы, не ориентировался на активное участие народных масс в революционном перевороте. Пестель думал лишь о создании условий для закрепления успеха уже победившей революции посредством ее поддержки народными массами, освобожденными от крепостного права и получившими землю. Но сама революция мыслилась Пестелем вместе с другими декабристами как «военная революция», осуществляемая в интересах народных масс, но без участия их, при опоре на армию, возглавленную заговорщиками.

В 1853 г. Герцен писал в обращении к редакции «Польского демократа»: «Абсолютизм победил, как везде и всегда он побеждал и будет побеждать революционные меньшинства в аристократических меньшинствах» (Г., XII, 75). А в 1858 г. в статье «Русский заговор 1825 года» он еще более отчетливо определил важнейшую причину поражения декабристов: «В день восстания на Исаакиевской площади и внутри второй армии заговорщикам не хватало именно народа. . .» (Г., XIII, 144).

Поражение декабристов имело тяжчайшие последствия для всей страны. «Картель, эта неодолимая сила, — писал Герцен, — сделала всякое сопротивление невозможным. В десять часов вечера Николай был победителем, и с этого часа началась для России мрачная эпоха его царствования, царствования, которое торжественно открылось виселицами и шествует вперед, утопая в крови и слезах Польши и Кавказа, сопровождаемое в течение тридцати лет своего существования единственным верным союзником Николая — холерой» (Г., XIII, 141—142). Пять виднейших декабристов были повешены, сподвиж-

инки и «друзья этих людей — цвет всего, что было тогда образованного, истинно благородного в России, — отправлены в цепя на каторгу, в почти необитаемую часть Сибири. Умственная температура в России понизилась... и надолго» (Г., XIII, 143).

Но героический подвиг декабристов, сила их примера, осмысление причин поражения восстания имели огромное значение для последующего развития освободительного движения в России. Этой стороне проблемы декабризма уделено значительное внимание в литературном наследии Герцена. «Несмотря на роковую косу, разом подрезавшую их, — писал Герцен о декабристах, — их влияние, как Волгу в море, можно далеко проследить в печальной николаевской России. Сказание о декабристах становится больше и больше торжественным прологом, от которого все мы считаем нашу жизнь, нашу героическую генеалогию. Что за титаны и что за поэтические, что за сочувственные личности! Их нельзя было ничем ни умалить, ни исказить: ни виселицей, ни каторгой, ни блудовским «Донесением», ни корфовским поминанием... Да, это были люди!» (Г., XVI, 72).

Герцен настойчиво подчеркивал огромное историческое значение первого открытого выступления декабристов против самодержавия. «Нравственный эффект, произведенный днем 14 декабря (26 декабря), был поразителен... — писал он. — До сих пор никто не верил в возможность политического восстания, устремляющегося с оружием в руках в атаку на великана императорского царизма в самом центре Петербурга» (Г., XIII, 140).

Самый факт поражения декабристов, жестокой расправы с ними и гибели лучших из них усиливал, по мнению Герцена, моральное воздействие их подвига на молодое поколение: «14 декабря... действительно открыло новую фазу нашего политического воспитания... Безмолвию, немому бездействию был положен конец; с высоты своей виселицы эти люди разбудили душу у нового поколения; повязка спала с его глаз» (Г., VII, 200—201).

Герцен понимал причины поражения декабристов, но он решительно выступал против осуждения своих предшественников. «После всех событий, — замечал он, — мы можем сказать, что Пестель заблуждался: ни друзья его не могли подготовить социальную революцию, ни народ не мог участвовать в общем деле с дворянством; но

только великим людям дано ошибаться подобным образом, предвосхищая развитие народных масс» (Г., VII, 200). Величайшую заслугу декабристов Герцен и Огарев видели в том, что они силой своего примера учили молодое поколение революционной борьбе с самодержавием. «Теория внушает убеждения, — писал великий русский революционер, — пример определяет образ действий» (Г., VII, 200). «Дело политической свободы, — справедливо утверждал Огарев, — стало заветом для всех поколений, следовавших за декабристами» (О., ИП, I, 653).

Важное значение Герцен и Огарев придавали правильному усвоению уроков декабристов молодым поколением революционеров, усвоению, открывавшему перспективу победоносной борьбы с самодержавием и крепостничеством в России. Ценнейшим уроком декабристского движения Герцен считал признание необходимости в будущем опираться в революционной борьбе на народные массы. «До тех пор, — писал Герцен в 1862 г., — пока мы будем принимать народ за глину, а себя за ваятелей и с нашего прекрасного высока лепить из него статую а' l'antique ... мы в народе ничего не встретим, кроме упорного безучастия или обидного повиновения» (Г., XVI, 76).

Признание решающего значения самостоятельного участия народных масс в революционном преобразовании страны привело самого Герцена в конечном итоге на позиции революционного демократизма.

На завершающем этапе своей деятельности Герцен и Огарев обратили внимание на новые стороны проблемы декабризма и внесли поправки в некоторые свои суждения о движении декабристов. Так, Огарев, вернувшись к теме декабризма в статье 1869 г. «В память людям 14 декабря 1825», вновь подчеркнул историческое значение восстания дворянских революционеров, высказав при этом многие мысли, совпадавшие с оценками Герцена и его собственными, отраженными в их работах в конце 50-х годов (анализ программных документов декабристов, характеристика роли Пестеля в декабристском движении и его политических взглядов). Но вместе с тем Огарев более определенно раскрыл связь революционных целей декабристов с народными стремлениями к освобождению от крепостной зависимости. «Народ был взволнован, — писал Огарев, — и пугачевщиной прошлого сто-

летия, указавшей ему в туманной дали свободу, войной 12-го года, стоившей ему стольких жертв и обещавшей ему в не менее туманной дали — свободу» (О., *ИП*, I, 796). В этой статье Огарев указал также на важное значение объединения Южного общества декабристов с обществом Соединенных славян, целью которых было «создать из славянских племен Федеративную республику» (О., *ИП*, I, 785). Говоря о Северном обществе, Огарев особенно выделял роль в нем Рыльева, который «сделался самым деятельным членом Северного общества и был главным учредителем восстания 14 декабря» (О., *ИП*, I, 788). Объясняя причины поражения декабристов, он категоричнее подчеркнул ошибки руководителей выступления на Сенатской площади, которые вовлекли солдат в восстание, ссылаясь только на необходимость соблюдения верности присяги Константину, «в то время как обещания свободы народу от крепостничества и уничтожения рекрутства подействовали бы на войско сильнее, чем все присяги на свете» (О., *ИП*, I, 789—790).

Одним из важнейших уроков, которые следовало извлечь из исторического опыта декабристов, Огарев считал, как и все революционеры-демократы, необходимость опоры на народ и твердости в руководстве народным восстанием против самодержавия. Он писал, что «в другой раз надо распоряжаться определеннее. Сами народные требования стали определеннее. Солдаты, очевидно, не откажутся от народного восстания, но взята основательно в руки распоряжение — необходимо» (О., *ИП*, I, 793).

Таким образом, Герцен и Огарев осветили важнейшие стороны проблемы декабристского движения. Они правильно усмотрели корни этого движения в условиях русской действительности и указали на важнейшие причины выступления декабристов. Правда, они не раскрыли наиболее глубоких основ тех противоречий русской действительности, которые породили декабристское движение, не показали его классового характера. Общая концепция этого движения у Герцена и Огарева была идеалистической. Так, например, Герцен, говоря о причинах движения, явно преувеличивал значение «умственного движения» в среде дворянства, которое поставило его «во враждебное отношение с самодержавием» (Г., *XIII*, 143). Но в анализе развития этого движения Герцен и Огарев

сосредоточили свое внимание на существенных вопросах и во многом правильно осветили их. Их вывод о решающей роли народных масс в революционной борьбе имел неопределимое значение для русского освободительного движения на его разночинно-демократическом этапе. Своей же разносторонней и глубокой разработкой проблемы декабристского движения Герцен и Огарев значительно обогатили русскую революционную историческую мысль и внесли ценнейший вклад в изучение одной из основных проблем истории освободительного движения в России.

История России начиная с 30-х годов XIX в. была для Герцена и Огарева современностью. Во многих событиях этого времени, особенно происходивших в сфере общественно-политической и литературной деятельности, они сами принимали непосредственное участие.

Однако для революционеров-демократов грань между историей и современностью была условной. Прошлое и настоящее в их произведениях выступают в неразрывном единстве. «Мы не бежим от настоящего в прошлое, — заявлял Герцен, — ибо знаем, что последняя страница истории — это современность» (Г., VII, 247). Современность для демократических деятелей была историей в действии, творимой историей. В соответствии с этим между политическими и историческими взглядами великих русских демократов существовало органическое единство. История давала демократическим деятелям возможность объяснить истоки современных явлений, современность раскрывала итоги исторических процессов и определяла характер их истолкования. В результате углублялось понимание как истории, так и современности, что в свою очередь облегчало предвидение будущего в пределах, доступных идеологам демократического движения.

Умение революционных демократов установить связь между историей и современностью и внимательный анализ ими современных явлений придавали их исторической концепции ту особенность, которая роднит ее с марксистской историографией.

Наиболее ощутимо связь между историей и современностью проявилась в освещении Герценом и Огаревым вопросов истории передовой общественной мысли в России и русской литературы.

Широкий круг вопросов, освещающих эту проблему, имевшую для демократических деятелей первостепенное значение, рассмотрел Герцен в своем замечательном произведении «О развитии революционных идей в России». Герцен наметил основные этапы развития общественной мысли после поражения декабристов, определил ведущие тенденции и осветил важнейшие стороны этого процесса. Свои суждения по этим вопросам Герцен развил и углубил во многих последующих трудах, и в особенности в своем монументальном мемуарном сочинении «Былое и думы», которое имеет все основания рассматриваться как выдающееся историческое произведение.

Герцен считал, что неудача выступления декабристов во многом определила характер последующего исторического развития России. Поражение декабристов открыло полосу жесточайшей политической реакции: «Первые годы, последовавшие за 1825-м, были ужасны, — писал Герцен. — Понадобилось не менее десятка лет, чтобы человек мог опомниться в своем горестном положении пораженного и гонимого существа» (*Г., VII, 214*). Но неудача декабристов заставила передовых людей России осмыслить причины их поражения и в конечном итоге понять необходимость вовлечения народных масс в революционное движение как решающего условия свержения самодержавия и уничтожения крепостничества.

Характеризуя развитие передовой общественной мысли в условиях николаевской реакции, Герцен писал, что «внутри государства совершалась великая работа, работа глухая и безмолвная, но деятельная и непрерывная: всюду росло недовольство» (*Г., VII, 211*), питавшее оппозиционные настроения и являвшееся источником революционных идей.

Проследивая развитие и углубление оппозиционных настроений, Герцен раскрыл историческое значение «Философического письма» Чаадаева как страстного отрицания николаевского режима, принципов официальной идеологии, выраженных в формуле «самодержавие, православие и народность». Остро критическое отношение Чаадаева к самодержавно-крепостнической действительности высоко ценил Герцен, считая это отношение характерной особенностью всей передовой общественной мысли в России. Он писал: «Если для России есть спасе-

ние, она будет спасена именно этим глубоким сознанием нашего положения, правдивостью, с которой она обнаруживает это положение перед всеми» (Г., VII, 331).

Однако страстность отрицания, придавшая силу письму Чаадаева, не сочеталась у его автора с правильными выводами, а, напротив, сопровождалась глубоким пессимизмом относительно исторических перспектив России. Это, как известно, осуждалось еще Пушкиным, а вслед за ним Герценом, Огаревым и всеми передовыми людьми России. Огарев, например, не без оснований связывал настроение Чаадаева, выразившееся в «Философическом письме», с поражением декабристов, замечая, что это письмо могло выйти только «из-под пера декабриста, искавшего в католицизме успокоения после проигранной битвы» (О., ИП, I, 458).

Проследивая развитие просвещения и передовой общественной мысли в России XIX в., революционеры-демократы большое значение в этих процессах придавали журналам. Герцен в 1851 г. писал, что журналы «распространили за последние двадцать пять лет огромное количество знаний, понятий, идей» (Г., VII, 218). Говоря о господстве журналов в русской литературе, Герцен относил его начало ко времени издания «Московского телеграфа» Н. А. Полевым.

Он писал, что Полевой «пользовался всяким случаем, чтобы затронуть самые щекотливые вопросы политики, и делал это с изумительной ловкостью» (Г., VII, 216). Но, спрашивал он, «что можно было писать на завтра после восстания, накануне казней!.. Полевой сумел удержаться наперекор всякой реакции до 1834 года, не изменив своему делу; нам не должно этого забывать» (Г., VII, 215).

Поиски новых путей революционной борьбы осуществлялись в узких группах, преимущественно студенческой молодежи — в кружках братьев Критских, Сунгурова, Герцена — Огарева. Сведения об этих кружках, их составе, характере деятельности, стремлениях и судьбе их участников впервые сообщил в своих бесцензурных произведениях, и прежде всего в «Былом и думах», Герцен, в чем заключается его бесспорная заслуга перед исторической наукой.

В «Былом и думах» Герцен особенно подробно осветил деятельность кружка Станкевича. Он справедливо

отмечал отрешенность участников этого кружка от злободневных вопросов современности, их «чисто теоретические», философские увлечения, резко отличавшиеся от революционных политических стремлений участников другого московского студенческого кружка, возглавленного самим Герценом. «Они чертили философские системы, — писал Герцен о кружке Станкевича, — занимались анализом себя и успокаивались в роскошном пантеизме, из которого не исключалось христианство. Мы мечтали о том, как начать в России новый союз по образцу декабристов и самую науку считали средством» (Г., IX, 39).

Несмотря на теоретический характер кружка Станкевича, деятельность его не была бесплодной. Ему была свойственна определенная эволюция: участники кружка преодолевали свои ранние абстрактно-философские увлечения, наполняя в дальнейшем теоретические искания все более определенно выраженным общественным содержанием. В кружке выросли и теоретически закалились многие видные общественные деятели. Подчеркивая общественное значение кружка, Герцен отмечал, что «влияние его на всю литературу и на академическое преподавание было огромно — стоит назвать Белинского и Грановского; в нем сложился Кольцов» (Г., IX, 40). Но с самого начала кружок Станкевича был неоднороден по своему составу, что в дальнейшем привело к его распаду. «Круг Станкевича, — заявлял Герцен, — должен был неминуемо распуститься» (там же). Здесь рядом со зреющим демократом Белинским находились будущие западники и славянофилы.

Важное место в творческом наследии Герцена и Огарева занимал вопрос об их отношении к славянофилам и западникам. Они отмечали, что первоначально славянофилы в отличие от защитников теории «официальной народности» не абсолютизировали существующего строя и не превозносили его, протестовали против деспотических проявлений самодержавной власти, против крепостнического произвола. Но с течением времени антидемократическая сущность и антиреволюционная направленность славянофильской идеологии все более выступали на первое место. Это в особенности сказалось после революции 1848 г. в Западной Европе, вызвавшей у славянофилов боязнь революционной активности народа.

Герцен писал, что «славянофилы стали восхищаться узкими формами Московского государства и, отрекшись от собственного разума и собственных знаний, устремились под сень креста греческой церкви» (Г., VII, 232).

В отношении к славянофилам выявились и некоторое различие между демократическими деятелями. Долгое время Герцен не проявлял той последовательности и непримиримости в борьбе со славянофильством, которые всегда отличали Белинского. Так, например, он делил славянофилов на «ортодоксальных» (к числу которых относил А. С. Хомякова) и «не яростных» (например, К. С. Аксаков).

Однако не следует забывать, что подлинное содержание славянофильства раскрывалось постепенно и все его черты не сразу стали ясны не только Герцену, но и Белинскому. С другой стороны, сама демократическая идеология с течением времени развивалась и обогащалась.

Еще более сложным было отношение революционеров-демократов к западничеству. Как известно, Белинский и Герцен совместно с западниками выступали против сил реакции, официальной идеологии и совместно с ними боролись со славянофилами. Вместе с такими западниками, как Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, В. П. Боткин, они осуждали идеализацию славянофилами начал патриархальности и русской общины, отрицание ими петровских преобразований и западноевропейской цивилизации. Они положительно оценивали многие стороны западничества и первоначально рассматривали это течение в целом как прогрессивное.

Однако уже с середины 40-х годов стали выясняться различия во взглядах на будущее России Белинского, Герцена, Огарева, с одной стороны, и наиболее видных западников — с другой. Назревшие разногласия значительно углубились после того, как страх перед революционными потрясениями, о возможности которых напоминали западноевропейские события 1848 г., заставил славянофилов и западников объединиться в годы первой революционной ситуации в России в целях защиты основ существующего строя и вражды к идеям революции и социализма.

Идеологи революционной демократии постепенно убеждались, что их взгляды на историческое развитие Рос-

сии принципиально расходятся со взглядами не только славянофилов, но и западников. Они видели, что воззрения славянофилов и западников на данный вопрос все более сближались. Обе доктрины — славянофильская и западническая, представляя две крайности во взглядах на историческое развитие России, не могли правильно осветить его перспективы (из-за игнорирования внутренних сил России) и самодеятельность народных масс как решающего условия исторического прогресса. Герцен писал по этому поводу: «Славянизм и европеизм подставляют негодные, неприлагаемые, чужие формы для уловления нашей жизни: они ее меряют по другим эпохам, по иным мирозерцаниям: ни загробный голос праотцев, ни соседний ум не помогут разрешить его вполне» (*Г.*, *XII*, 309).

Демократические деятели видели также, что ни славянофилы, ни западники не могли дать решения и многим другим важным вопросам: о взаимоотношении путей исторического развития России и Западной Европы в прошлом и в будущем, о роли народных масс в истории, о характере исторического прогресса, о значении революционных преобразований в общественном развитии, о возможности утверждения в России социалистических отношений.

Однако, отмечая все это, революционеры-демократы не смогли понять социального существа славянофильства и западничества.

Больших успехов революционные демократы добились в освещении того движения, которое они сами представляли и первыми историками которого выступали. Они не только достаточно отчетливо и глубоко сознавали социальную сущность демократического движения как движения разночинной интеллигенции, выражающей интересы народных масс, но и в основном верно определяли время выступления разночинцев на арену политической деятельности в качестве заметной социальной силы.

Герцен называл разночинцев «отщепенцами» всех сословий, по существу правильно понимая происхождение этой новой социальной силы. В 60-х годах он писал, что во время глухого царствования Николая I оппозиционные элементы в России составляли: «...студент, знавший на память стихи Рылеева, Полежаева и ехавший на кондичию в помещичий дом, лекарь, отправляв-

шийся на службу в дальний край, семинарист, приезжавший на вакационные месяцы в родное село, учитель, читавший словесность» (Г., XVII, 96).

Герцен все более полно сознавал значение новой социальной силы. Преодоление им ограниченности дворянской революционности, его отрешение от иллюзий либерализма и связанное с этим утверждение на позициях революционного демократизма заключались именно в том, что он все больше надежд возлагал на среду разночинцев как силу, способную возглавить народные массы и осуществить революционное обновление России. Эти надежды разделялись и Огаревым.

Герцен и Огарев видели в разночинцах поднимающиеся к сознательной жизни слои народа, которые еще недавно дремали в рабьем молчании. Они писали о «молодой России», о «новых людях», называли разночинцев «действительными революционерами», «молодыми штурманами будущей бури», обнаруживая в общем правильное понимание исторической роли новой общественной силы.

Самым выдающимся и ярким представителем этой новой силы в 40-х годах Герцен считал Белинского. «Этот человек, — писал он, — трепетал от негодования и дрожал от бешенства при вечном зрелище русского самодержавия» (Г., VII, 220). Белинский, заявлял он, «добывая одновременно и хлеб, и знания... уже в двадцать пять лет стал признанным властителем умов всей русской учащейся молодежи» (Г., XVIII, 217). «Белинский много сделал для пропаганды. Вся учащаяся молодежь питалась его статьями; он образовал эстетический вкус публики, придал русской мысли силу». Белинский, заявлял Герцен, проповедовал «безграничную любовь к свободе мысли и такую же сильную ненависть ко всему, что ей препятствует: к власти, насилию или вере» (Г., VII, 239).

Активная политическая роль разночинцев проявилась, по мнению Герцена и Огарева, и в деятельности петрашевцев.

Специальных работ о петрашевцах у Герцена и Огарева нет. Но в ряде их статей, заметок и писем содержатся отдельные высказывания о петрашевцах. Особенно интересны в этом отношении произведения Герцена «О развитии революционных идей в России», «1831—

1861», «7 лет», «Былое и думы», а также работа Огарева «Письма к одному из многих».

В статье «1831—1861» Герцен писал, что активная политическая и общественная деятельность в России была прервана и задушена 14 декабря 1825 г.; в последующий период она ушла в теоретические споры, но «рвалась снова из книг в практическую деятельность» (Г., XVII, 106) и проявилась в движении петрашевцев. Огарев также говорил, что деятельность петрашевцев — «это уже дело», оно воскрешало попытки создания политического общества. Он отмечал, что сравнительно со студенческими кружками 30-х годов петрашевцы сделали значительный шаг вперед: «Мы напоследок примкнули к социальным стремлениям; общество Петрашевского с них начало» (О., ИП, I, 421).

Своими высказываниями о Белинском и петрашевцах Герцен и Огарев закладывали основы для изучения истории освободительного движения и передовой общественной мысли в России 40-х годов с революционно-демократических позиций.

В произведениях Герцена и Огарева впервые получила оценку с революционных позиций деятельность Чернышевского. Насильственное устранение царизмом великого русского демократа из общественно-политической жизни Герцен называл «безмерным злодейством» (Г., XVIII, 221). Герцен видел в Чернышевском замечательного публициста и писателя, выдающегося революционного деятеля и мыслителя, оказавшего могучее воздействие на передовых современников, воспитателя нового поколения революционных борцов-разночинцев, которые шли на смену дворянским революционерам. Огарев называл Чернышевского человеком, «с любовью идущим навстречу будущему, в которое он верит» (О., ИП, II, 150).

Испытав благотворное воздействие со стороны Чернышевского, в основном преодолев либеральные колебания и утвердившись на позициях революционного демократизма, Герцен тем самым признал в конечном итоге правоту Чернышевского во многих вопросах, ранее их разделявших. Знаменательны слова, сказанные им в начале 60-х годов: «Для этой новой среды (разночинцев. — В. И.) хотим мы писать и прибавить наше слово дальних странников к тому, чему их учит Чернышевский с высоты

царского столба. . . Среди ужасов нас окружающих, середь боли и унижений нам хочется еще раз повторить им, что мы с ними, что мы живы духом и не хотим больше исправлять неисправимых, ни лечить неизлечимых, а хотим вместе с ними работать над отысканием путей русского развития, над разъяснением русских вопросов» (Г., XVIII, 244).

Наконец, деятельность и воззрения самого Герцена получили оценку со стороны его единомышленника Огарева, который в 1870 г. посвятил специальную статью («Памяти Герцена») характеристике своего ближайшего друга, выдающегося революционера и мыслителя, одного «из самых сильных деятелей в деле русской свободы» (О., ИП, I, 797).

Так, в творческом содружестве революционных демократов, выступавших в России и за границей, разрабатывалась история русского освободительного движения.

В неразрывной связи с развитием освободительного движения и передовой общественной мысли Герцен и Огарев оценивали успехи русской литературы.

В произведении Герцена «О развитии революционных идей в России» с особой силой подчеркнуто значение передовой русской литературы как могучего средства распространения освободительных идей в условиях самодержавно-крепостнического строя. «У народа, лишенного общественной свободы, — писал Герцен, — литература — единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести» (Г., VII, 198). Этим высоким общественным призванием русской литературы объяснил Герцен ее ведущую роль в развитии передовой культуры в России.

И в работе «О развитии революционных идей в России», и во многих других своих произведениях Герцен показал, как прогрессивная общественная мысль, и в особенности передовая русская литература, все полнее отражали назревающий протест народных масс против крепостнического угнетения. Связь русской литературы с народными освободительными стремлениями способствовала, по мнению Герцена, укреплению в ней реализма. С этой точки зрения он рассматривал произведения замечательных русских писателей и поэтов Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, глубоко раскрывая особенности их творчества, обусловленные русской действи-

тельностью с ее противоречиями, произволом самодержавия и крепостнической реакцией.

В духе этих идей написано и предисловие Огарева к сборнику «Русская потаенная литература». В «потаенной», т. е. запретной в России, литературе, по мнению Огарева, наиболее отчетливо обнаружилось стремление прогрессивных деятелей России и свободолюбивые настроения, свойственные всей передовой русской литературе. «В подземной литературе, — писал Огарев, — отыщется та живая струя, которая давала направление и всей белодневной, правительством терпимой литературе, так что только в их совокупности ясным следом начертится историческое движение русской мысли и русских стремлений». «Подземная литература» являлась негаданно, то тут, то там, постоянно напоминая о своем присутствии и призывая к делу» (О., ИП, I, 415).

Таким образом, Герцен и Огарев внесли ценнейший вклад в развитие революционной исторической мысли в России. Опираясь на традиции Радищева и декабристов, Белинского и петрашевцев, они творчески обосновывали теоретические принципы революционного понимания исторического процесса, а также самостоятельно разрабатывали крупнейшие проблемы всеобщей и в особенности отечественной истории.

Решающее значение для достижения новых успехов в развитии революционной исторической мысли, отразившихся в трудах Герцена и Огарева, имел обогащенный исторический опыт, на который они опирались в своей деятельности, — опыт революции 1848 г. в Западной Европе, назревание и развертывание революционной ситуации в России конца 50-х — начала 60-х годов прошлого века, подъем пролетарского движения в Европе и деятельность I Интернационала.

Творчески осмысливая новый исторический опыт, преодолевая в процессе его освоения либеральные иллюзии и колебания, Герцен и Огарев все более прочно утверждались на позициях революционного демократизма и углубляли свои теоретические представления, что позволило им не только критически усвоить, но и превзойти предшествующие философско-исторические теории Гегеля, Сен-Симона, а также историков периода Реставрации и других представителей буржуазной исторической мыс-

ли, в том числе и воззрения русских буржуазных историков.

В итоге Герцен и Огарев более глубоко осмысливали и творчески разрешали многие вопросы исторической науки, такие, как проблема объективных закономерностей в истории, диалектика соотношения роли народных масс и личности в истории, революции и реформ, национального развития. В процессе разработки этих проблем крепили материалистические тенденции в исторических воззрениях Герцена и Огарева.

Вместе с тем перед ними вставали новые вопросы: роль буржуазии и пролетариата в исторических судьбах Европы, характер общественно-экономических отношений в России и пути России к социализму и т. д. В этой связи Герцен совместно с Огаревым разработали теорию «русского социализма», которая наложила заметный отпечаток на их историческую концепцию и послужила основой для последующих народнических теорий в России.

Многого достигли Герцен и Огарев также в разработке конкретных исторических проблем, особенно проблем истории России.

Более всего значительны заслуги Герцена и Огарева в том, что они осветили с революционно-демократических позиций политическую историю самодержавно-крепостнической России, выделив в особенности период XVIII — первой половины XIX в., уделили значительное внимание оценке антикрепостнической борьбы русского крестьянства. Они опубликовали обширный комплекс секретных документов и других ценнейших исторических источников, раскрыли непреходящее значение революционной деятельности Радищева, декабристов, разночинцев-демократов, выступив основоположниками истории русского освободительного движения, показали выдающееся общественно-политическое значение передовой русской литературы как трибуны, с которой распространялись освободительные идеи. В разработке всех этих проблем выявилась их выдающаяся роль как деятельных участников в обосновании — совместно с Белинским, Чернышевским и Добролюбовым — революционно-демократической исторической концепции — высшего достижения в домарксистской историографии.

**Высший этап в развитии революционно-демократической исторической мысли.
Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов**

Исторические взгляды Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова изучены в наибольшей мере сравнительно со всеми другими выдающимися представителями революционной исторической мысли в России в домарксистский период ее развития. Это в особенности относится к Чернышевскому¹.

В последующем изложении мы будем стремиться не столько к более полному и разностороннему освещению исторических воззрений Чернышевского и Добролюбова, сколько к тому, чтобы обосновать свое положение о том, что их историческая концепция знаменовала собой высший этап в развитии домарксистской революционной исторической мысли в России.

Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов внесли наиболее значительный вклад в развитие революционно-демократической исторической мысли в России. Творчески развивая и обогащая традиции Радищева и декабристов, своего великого учителя Белинского и выдающихся современников А. И. Герцена и Н. П. Огарева, критически осваивая с демократических позиций лучшие достижения современной им русской и зарубежной историографии, Чернышевский, Добролюбов и их соратники теоретически обосновали политическую программу революционной демократии, наиболее глубоко и полно разработали ре-

¹ Библиографические сведения о работах, посвященных социологическим и историческим взглядам Н. Г. Чернышевского, см. «История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография» (М., 1965, стр. 409—413). Следует, однако, отметить, что многие из указанных в этом библиографическом справочнике работ, преимущественно статьи, значительно устарели.

волюционно-демократическую историческую концепцию и противопоставили ее охранительному и либерально-буржуазному пониманию истории. Этому способствовали новые исторические условия, в которых протекала деятельность крупнейших идеологов русской революционной демократии. Они во многом отличались от условий 40-х годов, когда разворачивалась деятельность предшественников Чернышевского и Добролюбова. Во второй половине 50-х годов прошлого века в России складывалась революционная ситуация, грозившая перерасти в народную революцию, что и заставило царизм вступить на путь реформ.

Политика самодержавного правительства, направленная на предотвращение революции, получила поддержку со стороны либералов. Разногласия, имевшиеся между крепостниками и либералами, свелись, как указывал В. И. Ленин, к борьбе *«исключительно из-за меры и формы уступок»*. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об *«уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти»*².

Господствующим классам противостояло закрепощенное крестьянство, боровшееся за полное уничтожение крепостного права и демократизацию политического строя России. Чернышевский и Добролюбов вместе со своими единомышленниками выступили убежденными защитниками интересов крестьянства. Они возглавили демократический лагерь, настойчиво разоблачали либералов, соглашательская идеология которых и установка на реформы «сверху» были препятствием для подготовки и осуществления народной революции. «Либералы 1860-х годов и Чернышевский, — отмечал В. И. Ленин в 1911 г., — суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию»³.

В этих новых условиях разработка Чернышевским и Добролюбовым исторических проблем служила дальнейшему развитию и обогащению революционно-демократи-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174.

³ Там же, стр. 174—175.

ческой концепции, основы которой заложили Белинский и Герцен.

Революционно-демократические убеждения сложились у Чернышевского к началу 50-х годов, а у Добролюбова — к середине того же десятилетия. Важное значение для становления Чернышевского и Добролюбова как революционных деятелей имело осмысление ими исторических уроков революции 1848 г. в Европе и опыта крестьянских движений в России. В теоретическом же их развитии большую роль играли философия Гегеля, усвоение его диалектического метода⁴, знакомство с материализмом Л. Фейербаха, а также критическое изучение трудов наиболее выдающихся историков и социологов того времени — Т. Н. Грановского, С. М. Соловьева, Ф. Гизо, О. Тьерри, Ф. Шлоссера, Г. Т. Бокля и др.

Расцвет творчества Чернышевского и Добролюбова приходится на годы их деятельности в «Современнике». В этот период они выступают как зрелые и самостоятельные мыслители-диалектики, внесшие значительный вклад в материалистическую философию, в социологию и эстетику. Им принадлежит ведущая роль и в обосновании методологических принципов демократической исторической мысли. Своими теоретическими достижениями они существенно обогатили революционно-демократическую историческую концепцию и подняли на высшую ступень возглавленное ими направление в русской исторической мысли. При этом несомненно, что основная заслуга в обосновании и глубокой разработке теоретических принципов революционно-демократической исторической мысли принадлежала Чернышевскому. Он разрабатывал эти принципы на основе творческого обобщения всемирно-исторического опыта, прежде всего опыта революционных движений в Западной Европе.

В центре внимания Чернышевского при изучении им отечественной истории стояли вопросы социальные — о характере отношений между господствующими и угнетенными сословиями, о борьбе народных масс за свое освобождение. В результате в новом свете была раскрыта и политическая история России. В работах Чернышевского получили отражение борьба народных масс за на-

⁴ А. И. Володин. Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М., 1973, гл. VIII, стр. 204—226.

циональную независимость, история русской культуры, общественной мысли и многие другие важные проблемы отечественной истории.

Обширен, хотя и не в такой мере, как у Чернышевского, был и круг исторических интересов Добролюбова. В области всеобщей истории наиболее существенно оценка Добролюбова современных ему событий в Италии, связанных с борьбой итальянского народа за национальное воссоединение. В серии острых и темпераментных статей, написанных на основе личных наблюдений, Добролюбов обстоятельно осветил эти события и подверг уничтожающей критике позицию итальянских либералов, предававших интересы народных масс.

В произведениях Добролюбова отражен комплекс проблем отечественной истории, причем некоторые из них, как, например, проблема развития крепостнических отношений в России или вопрос о петровских преобразованиях, получили весьма обстоятельную разработку. То же относится и к проблемам истории русской культуры и общественной мысли, которые Добролюбов, замечательно одаренный и проницательный критик, изучал особенно внимательно в связи с анализом важнейших явлений современной ему русской литературы и ее истории. В меньшей мере Добролюбов занимался разработкой теоретических проблем исторической науки, хотя и в этой области его вклад был значительным.

Чернышевский и Добролюбов, как идеологи зреющей в России крестьянской революции, более последовательно, чем Герцен и Белинский, раскрыли демократические принципы в истолковании истории; материалистические тенденции в их исторических взглядах проявлялись более определенно.

Важной особенностью развития революционной исторической мысли в России середины прошлого века было и то, что теоретическая деятельность Чернышевского и Добролюбова дополнялась деятельностью их революционных соратников — Герцена и Огарева. Покинув Россию и создав за границей вольную русскую прессу, они, как мы знаем, получили возможность открыто пропагандировать свои революционные убеждения, свободно разрабатывать многие важные вопросы истории. В их числе — проблема народных антикрепостнических движений в России, история русского освободительного движения и

передовой общественной мысли, история революционного движения в Западной Европе.

Однако не преодоленная полностью Герценом и Огаревым в 50-х годах дворянская ограниченность их воззрений, свойственные им отступления от демократизма к либерализму определяли известное различие между ними и последовательными демократами Чернышевским и Добролюбовым⁵.

Отношения между названными деятелями в конце 50-х — начале 60-х годов существенно изменились. Если Чернышевский и Добролюбов в период формирования своих взглядов испытали значительное влияние со стороны Герцена, то теперь, напротив, на Герцена и Огарева оказывали влияние признанные идеологи демократического движения в России Чернышевский и Добролюбов. В решении вопросов о необходимости народной революции в России, о роли народных масс в истории и о предстоящих революционных преобразованиях в России они помогали Герцену и Огареву преодолевать либеральные колебания, способствовали их утверждению на позициях революционного демократизма, в частности в трактовке ими исторических проблем.

В 50—60-х годах в разработке исторических проблем принял участие значительно более широкий круг демократических деятелей, нежели в 40-х годах. Если Белинский, а также Герцен и Огарев (до их отъезда за границу) разрабатывали исходные положения своей исторической концепции без существенного содействия со стороны немногих единомышленников, то Чернышевский и Добролюбов были окружены многочисленными соратниками, принимавшими деятельное участие в теоретическом обосновании революционно-демократических устремлений, в том числе и в освещении истории с демократических позиций. Особую роль в этом отношении играли сотрудники «Современника» Н. В. Шелгунов, М. И. Михайлов, Н. А. Серно-Соловьевич, М. А. Антонович, тесно примыкавшие в этот период к демократическому лагерю А. П. Щапов и Г. З. Елисеев, а также видный представитель демократического движения в России Д. И. Писарев. Применительно к данному периоду можно с полным правом говорить о революционно-демократическом

⁵ См. гл. V данной книги.

направлении в развитии русской исторической мысли, о школе Чернышевского и Добролюбова в русской историографии.

Деятели революционно-демократического лагеря были тесно связаны единством общественно-политических и теоретических взглядов. Это принципиальное единство характеризует и выдвинутую революционными демократами историческую концепцию. Вместе с тем исторические взгляды отдельных представителей революционной демократии имели свои индивидуальные особенности, вклад каждого из них в развитие демократической исторической концепции был своеобразен. Яркий пример тому плодотворное творческое содружество Чернышевского и Добролюбова, в котором каждый из них занимает свое особое место.

Чернышевский придавал важнейшее значение общественным наукам. «Как ни возвышенно зрелище небесных тел, как ни восхитительны величественные или очаровательные картины природы, — писал он, — человек важнее, интереснее всего для человека. Потому, как ни высок интерес, возбуждаемый астрономиею, как ни привлекательны естественные науки, — важнейшею, коренною наукою остается и останется навсегда наука о человеке» (Ч., II, 616) ⁶.

Одним из основных разделов «науки о человеке» Чернышевский считал историческую науку. Она призвана, по его мнению, пробуждать в людях общественные интересы и потому должна служить фундаментом образования. Именно в этом смысле следует понимать широко известное высказывание Чернышевского: «...можно не знать тысячи наук и все-таки быть образованным человеком; но не любить истории может только человек, совершенно неразвитый умственно» (Ч., II, 616).

Во времена Чернышевского и Добролюбова в еще большей мере, нежели в 40-х годах, повысился интерес к исторической науке. Более сложная и противоречивая обстановка в России середины прошлого века, необходимость теоретического обоснования политической программы революционной демократии, стремление дока-

⁶ Здесь и далее цит. по: *Н. Г. Чернышевский*. Полн. собр. соч., т. I—XVI. М., 1939—1953 (Ч., т. — римская цифра, стр. — арабская цифра).

зять, что народная революция выдвигалась как задача, обусловленная самим ходом развития страны, объясняли повышенное внимание к исторической науке Чернышевского и Добролюбова. У Н. Г. Чернышевского преобладающим был интерес к методологическим вопросам и критике представлений дворянских и буржуазных историков, русских и зарубежных⁷.

Исходным пунктом воззрений революционных демократов на исторический процесс было, как мы знаем, признание его объективной закономерности. Законы истории, полагали идеологи демократического движения, могут быть открыты, если ученый будет вооружен передовым мировоззрением, позволяющим ему познать внутренние силы развития общества и верно оценить исторические события. Наиболее глубоко понимал задачи историка Чернышевский. Первая задача его, указывал он, заключается в том, чтобы «...передать прошедшее; вторая, исполняемая не всеми историками, — объяснить его, произнестъ о нем приговор... исполняя вторую задачу, историк становится мыслителем, и его творение приобретает научное достоинство» (*Ч., II, стр. III*). Этому требованию не отвечали дворянские и буржуазные исследователи, поскольку они руководствовались отсталыми теориями, в основе которых лежало отрицание творческой роли народных масс в развитии общества. Такие теории, по единодушному мнению революционных демократов, исключали возможность правильного понимания закономерностей и движущих сил истории. Становившиеся модными во времена Чернышевского и Добролюбова позитивистские теории также подверглись со стороны великих русских мыслителей решительной критике. Отвергая возможность механического распространения законов природы на познание развития об-

⁷ Эти вопросы Чернышевский осветил в произведениях: «Сочинения Т. Н. Грановского» (1856); «Экономическая деятельность и законодательство» (1859); «г. Чичерин как публицист» (1859); «Суеверие и правила логики» (1859); в «Замечаниях на книгу Г. Т. Бокля «История цивилизации в Англии»» (1860—1861); в статье «О причинах падения Рима» (1861); «Примечания к переводу «Введения в историю XIX века» Г. Гервинуса» (1863) и ряде других. У Н. А. Добролюбова эти вопросы рассмотрены в работах: «Жизнь Магомета» (1858), «Роберт Овен и его попытки общественных реформ» (1859), «От Москвы до Лейпцига» (1859).

щества, они указывали, что законы исторического процесса столь же объективны, как и законы природы, но вместе с тем подчеркивали некоторые особенности общественного развития. «Элементы и процессы в истории общества, — писал Чернышевский, — гораздо сложнее, нежели в истории природы, и поэтому следить за их законами гораздо труднее» (*Ч.*, VI, 12).

Важнейшую из объективных закономерностей общественного развития революционные демократы усматривали в непрерывном и по общей тенденции поступательном движении. Как и все революционеры-демократы, Чернышевский видел источник прогресса в стремлении людей к более полному удовлетворению своих потребностей — потребностей в труде и в достижении материального благосостояния, но движущей силой прогресса и его критерием он считал умственное совершенствование людей.

Исходя из антропологического положения о едином проявлении качеств «человеческой природы» у всех людей, революционные демократы со всей определенностью утверждали, что законы истории являются едиными для всех народов. Этот вывод лежал в основе их решительного протеста против деления народов на «избранные», «высшие», и «низшие», в основе их твердого убеждения в антинаучном и реакционном характере расистских теорий.

Вслед за Белинским и Герценом Чернышевский и Добролюбов видели основную творческую силу истории в народных массах. В этом смысле их исторические взгляды, как и взгляды всех представителей революционно-демократического направления в русской историографии, принципиально отличались от взглядов дворянских и буржуазных историков. Создателями материальных благ Чернышевский считал «людей из народа», которые своими руками производят все национальное богатство (*Ч.*, X, 181). Он подчеркивал, что «сильны только те стремления, прочны только те учреждения, которые поддерживаются массой народа» (*Ч.*, V, 217). Добролюбов, упрекая историков в том, что они «никогда не хотят обратить ни малейшего внимания» на историческое развитие народа, с полной определенностью заявлял: «История самая живая и красноречивая будет все-таки не более, как прекрасно сгруппированным материалом,

если в основании ее не будет положена мысль об участии в событиях всего народа, составляющего государство» (Д., II, 273; III, 15) ⁸.

Раскрывая в историческом процессе борьбу нового со старым, неодолимость всего прогрессивного и революционного, демократические деятели на основе внимательного изучения истории человечества, и особенно ее революционных и переломных периодов, доказывали, что носителем революционного начала в истории и важнейшим двигателем в смене общественных форм неизменно выступали народные массы.

Это положение являлось стержневым в революционно-демократической исторической концепции. В условиях назревания революционной ситуации в России Чернышевский и Добролюбов придали первостепенное значение разработке проблемы о роли народных масс в истории, сделали ее исходной и важнейшей среди всех других проблем общественного развития, в чем пошли дальше Белинского, а также Герцена и Огарева.

Конечно, эта проблема не имела у революционных демократов последовательно материалистического обоснования, впервые данного марксизмом-ленинизмом. Научное разрешение этой задачи для них оказалось непосильным, так как они не поднялись до понимания материальных основ общественного развития; они не могли раскрыть роли народных масс во всех ее исторических проявлениях, не определяли четко классовые силы, составляющие народные массы. Тем не менее твердое убеждение всех революционеров-демократов в том, что народные массы, трудящиеся являются главной силой истории, высоко поднимает их над представителями дворянской и буржуазной историографии и составляет главную особенность и отличительную черту демократического истолкования истории.

Высокий теоретический уровень исторических воззрений революционеров-демократов нашел свое выражение, как мы отмечали, в диалектическом понимании общественного развития, в признании ими исторического процесса противоречивым и скачкообразным, осуществляю-

⁸ Здесь и далее цит. по: Н. А. Добролюбов. Собр. соч., в 9-ти томах. М.—Л., 1961—1964 (Д., т. — римская цифра, стр. — арабская цифра).

щимся через борьбу нового со старым, нарождающегося с отживающим, прогрессивных социальных сил с реакционными, осужденными историей на гибель. При этом Чернышевский и Добролюбов глубже, нежели их предшественники, разработали вопрос о борьбе угнетенных с угнетателями, о революциях как движущих силах исторического прогресса; связь этих вопросов с признанием решающей роли народных масс в истории была у них более органичной.

Добролюбов видел содержание истории в борьбе «аристократии с демократией» и рассматривал «уничтожение дармоедов и возвеличение труда» как постоянную тенденцию истории (Д., III, 314, 315). Указывая, что на протяжении тысячелетий народные массы угнетаются, Добролюбов впервые среди демократических деятелей подчеркнул, что «...только форма эксплуатации меняется и делается более ловкою и утонченною; но сущность все-таки остается та же, пока остается по-прежнему возможность эксплуатации» (Д., V, 460).

Революционные демократы придавали борьбе трудящихся против угнетателей первостепенное значение. Они приближались к пониманию классовой борьбы как движущего начала истории. Отмечая противоречивость и скачкообразность исторического прогресса, они развивали мысли об исторической роли борьбы угнетенных с угнетателями, и в особенности о роли революционных преобразований в истории. Вскрывая глубочайшие истоки исторического прогресса, Чернышевский глубоко замечал: «Масса хочет коренных изменений в своем материальном быте» (Ч., VI, 374). В. И. Ленин указывал, что от сочинений Чернышевского — самого выдающегося русского революционера-демократа — «веет духом классовой борьбы»⁹.

Однако, не дав научного определения классов, ошибочно полагая, что основой деления общества на классы является форма распределения продуктов производства, революционные демократы не могли, конечно, разработать и научной теории борьбы классов.

Тем не менее Чернышевский наиболее глубоко обосновал положение о роли экономического фактора в истории. Он писал о «материальных условиях быта», «игра-

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

ющих едва ли не первую роль в жизни» (Ч., III, 357), о том, что «во всех делах экономическая сторона очень важна» (Ч., V, 599). Еще более отчетливо свои суждения о роли «обстоятельств экономической жизни» в истории Чернышевский выразил в «Примечаниях к переводу «Введения в историю XIX века» Г. Гервинуса» (1863). Указав здесь на мысль английского историка Бокля, что «история движется развитием знания», Чернышевский заявлял: «Если дополним это верное понятие политико-экономическим принципом, по которому и умственное развитие, как политическое и всякое другое, зависит от обстоятельств экономической жизни, то получим полную истину: развитие двигалось успехами знания, которые преимущественно обуславливались развитием трудовой жизни и средств материального существования» (Ч., X, 441).

Тем самым Чернышевский ближе всех других революционеров-демократов подошел к материалистическому пониманию истории. В. И. Ленин отмечал в воззрениях Чернышевского «зачаток исторического материализма...»¹⁰. Добролюбов, как и Чернышевский, подчеркивал роль экономического фактора в истории. Он указывал на «нужду и голод» как на причины борьбы народа против своих угнетателей, а также на развитие промышленности как условие экономического прогресса.

Исходя из положения о важном значении экономического фактора, Чернышевский пытался наметить этапы исторического прогресса, определить особенности каждого из них. Не будучи в состоянии научно, материалистически истолковать историю, он не мог вполне разрешить эту задачу. Но он отметил некоторые существенные признаки общественного строя на тех сменяющих друг друга этапах исторического развития человечества, которые мы в настоящее время называем первобытнообщинным, рабовладельческим, феодальным и капиталистическим. Каждый из них характеризовался, по мнению Чернышевского, определенной формой «экономического быта». Так, Чернышевский отмечал, что совместное владение землей лежало в основе первобытнообщинного строя (Ч., II, 573); при господстве рабства не только земля, но и личность трудящегося принадлежала рабовла-

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 58.

дельцу (Ч., IX, 437—438; IV, 482); собственность вотчинников на землю обусловила их политическое преобладание в период господства феодальных отношений (Ч., VII, 32; IX, 505); собственность капиталистов на средства производства привела их к экономическому и политическому господству в буржуазном обществе (Ч., VII, 32—34).

Глубоким обобщением Чернышевского являлось признание того факта, что каждая из последующих «экономических форм» отличалась от предшествующей более высокой производительностью труда.

Тем не менее Чернышевский не смог выявить специфические закономерности каждого из отмеченных им этапов общественного развития, не раскрыл преемственности этих этапов и законов смены указанных им форм «экономического быта». Он еще не поднялся до марксистского учения об общественно-экономических формациях, не давал производительным силам до конца научного определения и потому нередко высказывал ошибочные суждения относительно смены общественных форм и их особенностей. Так, в статье «О причинах падения Рима» (1861) Чернышевский ошибочно утверждал, что установление феодальных отношений представляло собой шаг назад в общественном развитии сравнительно с античным рабовладельческим строем.

Однако самая попытка установить этапы общественного прогресса, отдельные, верные в своем существе суждения относительно ряда признаков этих этапов составляют несомненную заслугу Чернышевского и характеризуют его взгляды как наиболее глубокие в домарксистской историографии.

Серьезное внимание, уделявшееся революционерами-демократами вопросу об экономической стороне общественного развития, связано с разрешением коренного для них вопроса о роли народных масс в истории, для которых экономические условия существования всегда имеют первостепенное значение и которые вместе с тем своей трудовой деятельностью вносят наиболее существенный вклад в экономический прогресс каждой страны.

Признание народных масс основной движущей силой истории позволяло революционным демократам с большой глубиной решать такие сложные и важные проблемы, как роль личности в истории, государства в общест-

венном развитии, соотношение между реформой и революцией.

Революционеры-демократы критиковали субъективно-идеалистические воззрения представителей дворянской и буржуазной историографии, полагавших, что выдающиеся деятели оказываются способными изменять по своей воле ход истории. Вместе с тем революционеры-демократы были далеки и от фатализма, присущего некоторым буржуазным историкам, а также от обусловленной им недооценки роли личности в истории. Так, Добролюбов задачу историка-демократа видел в том, чтобы стремиться показать, как великий человек умел «воспользоваться теми средствами, какие предоставлялись ему в его время; как выразились в нем те элементы живого развития, какие мог он найти в своем народе» (*Д., III, 15*).

Революционные демократы ставили деятельность великих людей в зависимость от решающей роли в истории народных масс. Опыт новой истории Западной Европы доказывал Чернышевскому, что только те выдающиеся деятели достигали своих целей, которые сумели опереться на поддержку народа. Чернышевский обосновал эти выводы на примере французской истории конца XVIII — начала XIX в. В статье «Июльская монархия» он писал: «...простолюдины давали силу людям, низвергнувшим старинное французское устройство в конце прошлого века. Они же давали силу Наполеону, пока считали его своим защитником от возвращения старого порядка дел. Когда они убедились, что Наполеон действует в свою, а не в их пользу, они покинули его, и только это охлаждение массы к Наполеону дало возможность низвергнуть его в 1814 году» (*Ч., VII, 153*).

Весьма важное значение придавали Чернышевский и Добролюбов проблеме роли государства в истории. Они разрешали ее также в неразрывной связи с вопросом о значении народных масс в общественном развитии. Их взгляды на государство характеризуются революционным подходом к этой проблеме, принципиально отличным от подхода к ней дворянских и буржуазных историков России и Западной Европы.

Так, Чернышевский и Добролюбов, наиболее четко изложившие свои воззрения на роль государства в общественном развитии, считали неизбежным создание госу-

дарственной организации на известном этапе исторического прогресса, когда возникла частная собственность. Государство, по мнению Чернышевского, не выражает собой божественного откровения, оно не представляет также воплощения «отвлеченных идей справедливости, правды и т. п.» (Ч., V, 597). Отдавая дань теории «общественного договора» Руссо, Чернышевский заявлял: «Столкновение интересов... приводит к необходимости установить с общего согласия правила, определяющие отношения между людьми в разных сферах их деятельности» (Ч., V, 606).

Чернышевский и Добролюбов признавали прогрессивную роль государства в определенные исторические периоды, в частности во времена преодоления феодальной раздробленности и борьбы за национальную независимость. Но они решительно выступали против апологетической оценки значения государственной организации, когда последняя направлялась против интересов народа и удовлетворяла интересы только привилегированных сословий. Именно поэтому Чернышевский и Добролюбов подвергали резкой критике представителей буржуазной историографии, в частности русской государственной школы, рассматривавших государство как единственную движущую силу истории. Но Чернышевскому и Добролюбову не были свойственны и анархические воззрения на государство, столь характерные впоследствии для одного из идеологов народничества — М. А. Бакунина. Они подчеркивали необходимость демократической государственной организации для защиты и удовлетворения интересов народных масс в будущем, после победы народной революции.

С позиций защиты интересов народных масс рассматривался Чернышевским и Добролюбовым также вопрос о соотношении между реформой и революцией. Своим острием они направляли его против либералов, которые, боясь революционной инициативы народа, видели в реформах, проводимых «сверху», государством, и в интересах господствующих классов, единственное средство общественных преобразований. Ориентация на реформы, осуществляемые государством, находилась у либералов в полном соответствии с их представлениями о ведущей роли государства в историческом развитии.

Чернышевский и Добролюбов, не отрицавшие необ-

ходимости реформ, частично облегчавших положение народа или дававших ему некоторые права в тех условиях, когда народные массы еще не были готовы к самостоятельному историческому действию, считали реформы вредными, тормозящими исторический прогресс тогда, когда народные массы могли добиться полного удовлетворения своих требований путем революционной борьбы. Коренные интересы народных масс, утверждал Чернышевский, могут быть удовлетворены только в результате демократической революции, призванной сломить сопротивление реакционных классов и защищающей их интересы старой государственной организации. Из этого убеждения проистекала та глубокая оценка прогрессивного значения революций в историческом развитии, которая давалась Чернышевским и Добролюбовым. «Человек, не ослепленный идеализацией, — писал еще в юности Чернышевский, — умеющий судить о будущем по прошлому... знает, что... мирное, тихое развитие невозможно... что без конвульсий (т. е. революций. — В. И.) нет никогда ни одного шага вперед в истории» (Ч., I, 357). Чернышевский отчетливо сознавал, что революции обеспечивают наиболее быстрое и полное осуществление исторического прогресса. Вождь и крупнейший идеолог лагеря русской революционной демократии уверенно заявлял: «...девять десятых частей того, в чем состоит прогресс, совершается во время кратких периодов усиленной работы» (Ч., VI, 13).

В отличие от Белинского Чернышевский и Добролюбов не только в общей форме признавали неизбежность революционных преобразований, не только возлагали надежды на народную революцию в России как наиболее радикальное средство ликвидации самодержавно-крепостнического строя, но в условиях назревания революционной ситуации сумели достаточно правильно установить объективное содержание социальных процессов в России середины прошлого века, определить расстановку классовых сил и выдвинуть задачу подготовки народной, крестьянской революции, отдав всю свою энергию ее реализации.

В отличие от Герцена и Огарева Чернышевский и Добролюбов не знали колебаний в сторону либерализма, настойчиво спланировали революционные силы России, решительно боролись с либерализмом и подвергли критике

либеральные иллюзии Герцена и Огарева, оказав влияние на развитие их убеждений в революционном направлении, содействовали, как уже отмечалось, их переходу на позиции революционного демократизма.

Но как бы ни были глубоки обобщения Чернышевским и Добролюбовым исторического опыта, как бы ни были значительны материалистические тенденции в исторических воззрениях, как бы ни была велика их неудовлетворенность идеалистическим пониманием истории, однако преодолеть полностью исторический идеализм им не удалось. В их воззрениях на историю содержались антропологические элементы; как просветители они отводили решающую роль в историческом процессе просвещению, распространению идей, считая их коренной основой исторического прогресса. Чернышевскому и Добролюбову, как и всем революционным демократам, оказалось недоступным понимание материальной основы общественного развития. Социально-экономическая отсталость России середины XIX в. и крестьянский характер революционности деятелей демократического движения не позволили им овладеть историческим материализмом.

Чернышевский и Добролюбов отмечали и высоко ценили успехи исторической науки в накоплении фактов, расширении источниковедческой основы и совершенствовании методов исследования, а также некоторые теоретические достижения в развитии исторических знаний, например известное расширение понимания самого предмета этой науки. Они внимательно следили за новыми публикациями исторических документов¹¹, за развитием вспомогательных исторических дисциплин¹² и в собственных изысканиях опирались на успехи современной науки. Эти успехи были, по мнению Чернышевского, особенно значительны на протяжении первой половины XIX в.

¹¹ Так, Чернышевский дал высокую оценку публикаторской деятельности Археографической комиссии в России, полагая, как он писал в 1854 г., что ее издания относятся к важнейшим приобретениям «нашей исторической науки в течение последних пятнадцати лет» (Ч., II, 405).

¹² Особенно значителен был интерес к развитию вспомогательных исторических дисциплин у Чернышевского, который оставил содержательные суждения об отдельных из них: о генеалогии (Ч., II, 647—649), о нумизматике (Ч., II, 781—782), о геральдике (Ч., II, 652—655), об исторической филологии (там же, 319, 375, 380, а также т. V, стр. 296, примечание).

и нашли свое выражение в работах Нибура, Шлоссера и Гизо. В статье, посвященной сочинениям Грановского, Чернышевский наряду с положительной оценкой названных западноевропейских историков указывал на достижения передовой русской исторической науки. Труды Грановского, по его мнению, стояли на уровне лучших произведений зарубежной историографии и отличались научной самостоятельностью. «... Действительно, кто вникнет в понятия Грановского, — писал он, — тот увидит, что они глубоко самостоятельны и прочувствованы им часто гораздо полнее и глубже, нежели теми людьми, на которых он ссылается» (Ч., III, 365).

Отмечая успехи в развитии современной исторической науки, Чернышевский и Добролюбов вместе с тем со всей определенностью указывали на возрастающее несоответствие между распространением в их время интереса к историческим знаниям в широких общественных кругах и неспособностью даже лучших историков разрешить важнейшую задачу исторической науки, которую отдельные из них уже начали сознавать, — открыть законы исторического развития. Отмечая это противоречие, Чернышевский и Добролюбов делали правильный вывод, что современная им историография не соответствует научным требованиям, и полагали, что выявить законы истории можно только с демократических позиций.

Чернышевский и Добролюбов подчеркивали, что в дворянской историографии крайне узко понимался предмет исторической науки, что ее представители ограничивались по существу только политической историей, рассказом о «войнах и других громких событиях», в то время как политическая история «имеет для жизни рода человеческого только второстепенную важность» (Ч., III, 356).

Лишь немногие историки и мыслители, к числу которых Чернышевский относил Шлоссера, Нибура, Гизо и Гегеля, присоединяли к политической истории еще историю «умственной жизни... многочисленных классов, принимающих деятельное участие в развитии наук и литературы» (там же). Еще меньше, писал он, обращалось внимания на историю нравов. К тому же, подчеркивал Чернышевский, история умственной жизни и нравов не рассматривалась буржуазными историками в связи с другими сторонами общественной жизни.

Чернышевский и Добролюбов, выдающиеся мыслители-диалектики, сознавали всю сложность процесса познания общественного развития. Поэтому они были далеки от недооценки успехов исторической науки, ее внутреннего роста, выражавшегося в расширении ее предмета и источниковедческой базы. Применительно к русской исторической науке своего времени Чернышевский, например, говорил об успехах «новой исторической школы», к числу представителей которой он относил К. Д. Кавелина, С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина и тем самым отмечал превосходство буржуазной историографии над дворянской.

При всем этом Чернышевский и Добролюбов видели слабые стороны и односторонний характер дворянской и буржуазной историографии и объясняли эти недостатки принадлежностью ее представителей к защитникам интересов «высших сословий», господствующих классов. Эта классовая принадлежность определяла наиболее характерную черту дворянской и буржуазной историографии — представление о государстве (в частности, о русском самодержавии) как о единственной творческой созидательной силе в историческом процессе. С этой специфической особенностью дворянской и буржуазной историографии было непосредственно связано и органически присущее ей игнорирование роли народных масс в истории и вместе с тем безразличное, равнодушное отношение к интересам народа.

Добролюбов в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858) с горечью спрашивал: «...много ли являлось в Европе историков народа, которые бы смотрели на события с точки зрения народных выгод, рассматривали, что выиграл или проиграл народ в известную эпоху, где было добро и худо для массы, для людей вообще, а не для нескольких титулованных личностей, завоевателей полководцев и т. п.?» (Д., II, 228—229).

В соответствии с этим Чернышевский и Добролюбов решительно отвергали претензию на беспристрастность со стороны этих историков. «...У писателей аристократического образа мыслей, — указывал Чернышевский, — правда на стороне аристократии, у писателей, представляющих собою среднее сословие, правда на стороне среднего сословия, и т. д.» (Ч., VII, 979). Называя имена

известных историков — Гизо, Тьерри, Маколея и ряда других, он совершенно определенно заявлял, что «ни один сколько-нибудь сносный историк не писал иначе как для того, чтобы проводить в своей истории свои политические и общественные убеждения» (*Ч.*, V, 661). В сочинениях Чернышевского, Добролюбова и других революционеров-демократов была в определенной мере раскрыта и классовая ограниченность русских буржуазных историков — Чичерина, Соловьева и Кавелина. Еще более непримиримо враждебны были Чернышевский и Добролюбов к реакционному направлению русской историографии, сохранявшему силу и в пореформенный период, когда продолжали свою деятельность такие видные его представители, как Погодин, Устрялов, Корф.

Раскрывая подлинное существо «беспристрастия» дворянских и буржуазных историков, Чернышевский и Добролюбов указывали, что эти историки, защищающие интересы отживающих классов и стремящиеся сохранить осужденные историей на уничтожение социально-экономические порядки, не могут не исказить в своих сочинениях историю и не способны дать ей объективное освещение.

Чернышевский призывал «расширить границы содержания науки, о какой бы отрасли исторических наук ни должна была идти речь» (*Ч.*, IV, 502). Это расширение должно было идти в совершенно определенном направлении — в направлении изучения жизни и деятельности народных масс и выявления их творческой роли в истории.

Чернышевский видел в таком расширении содержания исторического изучения решающее условие превращения истории в подлинную науку. История станет наукой, считал он, только тогда, когда она будет изучать «кроме внешних эффектных событий, кроме общественных отношений, кроме науки и искусства» еще и такие первостепенной важности вопросы, как «нравы, обычаи, семейные отношения, наконец, материальный быт: жилища, пища, средства добывания всех тех вещей и условий, которыми поддерживается существование, которыми доставляются житейские радости или скорби» (*Ч.*, III, 356).

Для Чернышевского и Добролюбова, как и для других деятелей демократического движения в России, тео-

ретические выводы, раскрывающие закономерности и движущие силы истории, никогда не были абстрактными формулами, но всегда являлись итогом внимательного изучения и вдумчивого анализа исторического развития человечества во всем его конкретном содержании. При этом, как уже отмечалось, важное значение имело для них изучение исторического опыта западноевропейских народов. К середине XIX в. Западная Европа знала наиболее развитые формы экономической жизни и социальных отношений, а соответственно с этим и более развитые формы классовой борьбы сравнительно с феодально-крепостнической Россией. Усвоение западноевропейского опыта помогало вернее понять закономерности русского исторического процесса, установить его принципиальное единство и черты различия с западноевропейским, помогало определить перспективы развития России.

Сочетание выдающегося познавательного и общественно-политического значения изучения всемирной истории объясняет тот глубокий и неослабевающий интерес, который питали к ней русские революционеры-демократы. Учитывая достижения западноевропейской историографии, идеологи демократического движения вместе с тем отличались самостоятельным пониманием истории человечества и потому критически относились к выводам зарубежных историков.

При всем тематическом разнообразии работ революционеров-демократов, посвященных всеобщей истории¹³, они умели связывать их содержание с разрешением злободневных вопросов своего времени, а также с освещением тех теоретических проблем и конкретных вопросов русской истории, которые приобретали по тем или иным причинам актуальное значение.

Стремясь использовать революционный опыт всемирной истории для подготовки и победоносного осуществления народной революции в России, Чернышевский и Добролюбов сосредоточивали свое внимание на изучении переломных и революционных периодов в истории

¹³ В данной главе освещение Чернышевским и Добролюбовым проблем всеобщей истории не выделяется в самостоятельный очерк, а служит цели более глубокого раскрытия ими теоретических проблем исторической науки. О понимании Чернышевским и Добролюбовым важнейших вопросов всеобщей истории нового времени см. «Историография нового времени стран Европы и Америки», ч. III, гл. IX, стр. 337—344 (М., 1967).

различных народов. Так, они дали пронизательный и разносторонний анализ средневековых крестьянских и городских движений, например Жакерии и восстания под руководством Этьена Марселя во Франции в середине XIV в., Крестьянской войны в Германии в XVI в. Они извлекали уроки из этих движений для оценки крестьянских антикрепостнических восстаний в России и раскрывали в них общие черты — широкий размах народных движений, героизм восставшего крестьянства. Отмечая прогрессивную историческую роль крестьянских восстаний в России и на Западе, революционные демократы видели вместе с тем и слабые их стороны — стихийность, неорганизованность восставших, что служило, как они правильно заключали, причиной их поражения.

В центре внимания Чернышевского и Добролюбова, как и всех революционных деятелей, находилась история нового времени начиная с XVIII в., а не вопросы древней истории или средних веков, как у дворянских и буржуазных историков. История нового времени была наполнена наиболее острыми социальными конфликтами и революционными преобразованиями, в ходе которых ярко проявлялась решающая роль народных масс в борьбе с отжившими общественными отношениями. История нового времени поэтому была наиболее поучительна для революционеров-демократов, боровшихся за уничтожение феодально-крепостнического строя в России путем народной революции.

Считая французскую революцию конца XVIII в. наиболее последовательной и радикальной из всех буржуазных революций в Западной Европе, русские революционеры-демократы уделили особое внимание анализу ее исторических предпосылок и ее результатов.

Так, Чернышевский, оценивая в своей статье «Тюрго» (1858) обстановку во Франции накануне революции, сумел показать, несмотря на цензурные препятствия, неотвратимость революционных преобразований и беспочвенность надежд Тюрго на возможность предотвращения революции при помощи реформ «сверху» (Ч., V, 292—317). Этот вывод был использован им для обоснования неизбежности народной революции в России и для борьбы с реформизмом буржуазных либералов.

Наиболее полное и обстоятельное освещение событий Великой французской революции Чернышевский нахо-

дил в труде известного немецкого историка Ф. К. Шлоссера «История XVIII и XIX вв. до падения Французской империи» и ценил его за показ деятельности народных масс в революции. Это многотомное сочинение не случайно было переведено Чернышевским на русский язык и издано в 1858 г. в составе «Исторической библиотеки» журнала «Современник». Пятый том этого произведения, описывавший кульминацию революционных событий во Франции, получил восторженную оценку Добролюбова в его письме к другу И. И. Бордюкову (*Д.*, IX, 371). Сам факт издания труда Ф. К. Шлоссера в период назревания в России революционной ситуации следует рассматривать как акт политической пропаганды Чернышевского¹⁴.

В серии статей Чернышевского, посвященных истории Франции первой половины XIX в.¹⁵, показаны революционные события 1830 и 1848 гг., их всемирно-историческое значение. Успех революции 1830 г. был решен, по мнению Чернышевского, вмешательством той силы, «на которую до той поры никто не обращал внимания, никто не рассчитывал, — вмешательством народа» (*Ч.*, V, 261). В ходе революции 1848 г. во Франции по требованию народа, работников, была провозглашена республика. «Республиканцы шли впереди, — отмечал Чернышевский, — но их требования не имели бы никакой силы, если бы не были поддерживаемы работниками» (*Ч.*, V, 15).

Вместе с тем Чернышевский раскрывал и огромную роль экономического фактора в революционных событиях: важнейшим требованием победивших народных масс в феврале 1848 г. во Франции было, по его мнению, требование «принятия мер к улучшению материального положения низших классов» (*там же*).

Так, на конкретном историческом материале Чернышевский обосновывал важнейшее принципиальное положение революционно-демократической исторической кон-

¹⁴ Известно, что и К. Маркс положил в основу своих «Хронологических выписок» «Всемирную историю» Ф. К. Шлоссера. Видимо, Маркса, как и Чернышевского, привлекало стремление Шлоссера к объективному изложению исторических событий и демократические симпатии немецкого историка.

¹⁵ Таковы статьи: «Тюрго» (1858), «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X» (1858), «Кавеньяк» (1858), «Июльская монархия». Статья «Франция при Людовике-Наполеоне», написанная Чернышевским в 1859 г., была запрещена цензурой и опубликована лишь в 1940 г.

цепции относительно решающей роли народных масс в истории.

Более того, Чернышевский, как и некоторые другие революционные демократы — Добролюбов, Шелгунов, Писарев, а также Герцен и Огарев в последний период их деятельности, отмечал на основе изучения западноевропейского исторического опыта и современной им зарубежной действительности своеобразные особенности в положении пролетариев и их способность к проявлению революционной инициативы. Однако революционные демократы еще не могли понять всемирно-исторической роли пролетариата как руководящей силы трудящихся в борьбе за уничтожение всякой эксплуатации, как строителя социалистического общества.

Но, раскрывая важную роль народных масс в революционных событиях Западной Европы, русские демократические деятели отчетливо сознавали, что в этих событиях принимали участие далеко не все слои народа, а те из них, которые в них участвовали, не проявляли должной политической сознательности и по существу боролись не за свои интересы, а за интересы буржуазии, которая неизменно захватывала политическую власть в свои руки и навязывала трудящимся угнетение в новых формах. Революционные демократы не сомневались в том, что наступит время, когда народные массы поднимутся на борьбу против буржуазии непосредственно за свои интересы и тогда с особой силой проявится их решающая роль в историческом прогрессе, в небывалой ранее мере раскроется их творческая инициатива.

По мнению Чернышевского, народ «только готовится выступить на историческое поприще, только еще авангард народа — среднее сословие уже действует на исторической арене, да и то почти лишь только начинает действовать; а главная масса еще и не принималась за дело, ее густые колонны еще только приближаются к полю исторической деятельности» (Ч., VII, 666). В этой убежденности революционеров-демократов — основа их непоколебимого исторического оптимизма.

Мысли Чернышевского и Добролюбова о решающей роли народных масс в истории, в особенности в ее переломные периоды, признание ими значения борьбы трудящихся важнейшей движущей силой революций прошлого, силой, заставлявшей буржуазные партии на вос-

ходящем этапе революций зачастую идти дальше их собственных целей, предвосхищали некоторые важные научные обобщения Маркса, Энгельса, Ленина о закономерностях развития буржуазных революций.

Чернышевский и Добролюбов не разделяли пессимистических настроений Герцена, вызванных поражением революции 1848 г. Они вообще расценивали итоги революции 1848—1849 гг., как и перспективы революционной борьбы в передовых западноевропейских странах, более зрело и оптимистично, чем Герцен, высказывая уверенность в том, что трудящиеся Западной Европы вновь поднимутся на борьбу за свое социальное освобождение. К этому выводу позднее пришел, как известно, и Герцен.

Несмотря на то что Герцен и Чернышевский не уяснили до конца буржуазной ограниченности революций 1830 и 1848 гг., они сумели понять контрреволюционный характер буржуазного либерализма, а также половинчатость и нерешительность мелкобуржуазных демократов типа Луи Блана и Ледрю-Роллена. Об этом свидетельствует оценка буржуазии и мелкобуржуазных демократов в произведениях Герцена, являвшегося очевидцем революционных событий во Франции и Италии в 1848 г. Как указывал В. И. Ленин, Герцен посылал проклятия тому «холуйскому, подлому, грязному и зверскому либерализму, который расстреливал рабочих в 48 году, который восстанавливал разрушенные троны, который рукоплескал Наполеону III...»¹⁶. Еще более последовательно разоблачал буржуазных либералов, предательскую политику буржуазного временного правительства и подлую роль Кавеньяка — палача рабочих Чернышевский, подводящий итоги революции уже тогда, когда стали очевидными ее результаты.

Чернышевский широко использовал в своих статьях, посвященных революции 1848 г. во Франции, в частности в наиболее важной из них — «Кавеньяк», известную книгу республиканца Луи Блана «История десяти лет». Но он брал из этой книги преимущественно фактические сведения, проверяя их другими источниками. В выводах и обобщениях Чернышевский во многом разошелся с Луи Бланом, подвергнув глубокой критике его реформистские заблуждения. Более того, в оценке решающей роли

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 257.

парижских пролетариев в революционных событиях и контрреволюционности буржуазных либералов великий русский демократ вплотную приблизился к выводам и оценкам Маркса.

В произведениях Чернышевского и Добролюбова получили освещение и другие события всемирной истории, современниками которых они являлись. Так, Добролюбов в серии так называемых итальянских статей «Непостижимая странность», «Два графа», «Из Турина», «Отец Александр Гаваци и его проповеди», «Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура», печатавшихся в «Современнике» в 1860—1861 гг., подробно рассмотрел развитие событий в Италии в конце 50-х — начале 60-х годов, связанных с борьбой итальянского народа за национальную независимость и воссоединение страны. Симпатии Добролюбова, как и всех демократических деятелей России, были на стороне Гарибальди и его сподвижников в борьбе за национальное освобождение итальянского народа. Он клеймил либерала Кавура и его пособников как предателей народа, используя при этом факты итальянской действительности для разоблачения русских либералов в период назревания в стране революционной ситуации. Большой интерес к событиям в Италии проявлял и Чернышевский.

Не ограничиваясь вопросами истории западноевропейских народов, революционные демократы интересовались историей Северной Америки, Индии.

Чернышевский в серии международных обзоров, помещавшихся в «Современнике», проследил назревание и развитие борьбы Севера США против рабовладельческих штатов Юга за освобождение негров. Рабство негров, по утверждению Чернышевского, «лежало гнетом на всей жизни всего североамериканского народа, пятном на доброй славе его» (Ч., VIII, 353). Гневно бичуя американских рабовладельцев, Чернышевский тем самым разоблачал русских крепостников, настойчиво стремившихся сохранить свою власть над крестьянами и свести их «освобождение» к пустой формальности.

Добролюбов в статье «Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии» (1857) приветствовал индийский народ, выступивший на борьбу против английских колонизаторов. Он не смог вскрыть до конца существа колониальной политики англичан в Индии, но гневно

осуждал колониальный режим и доказывал историческую неизбежность краха английской колониальной системы.

Последовательно разоблачая расистские реакционные теории, обрекавшие угнетенные народы на вечное подчинение белой расе, революционные демократы доказывали безусловное право этих народов на свободу, на независимое национальное существование. Они решительно выступали против расизма и шовинизма, против колониального угнетения и всякого иноземного владычества, связанного с грабительской колониальной политикой европейских государств.

Единство исторических закономерностей в развитии отдельных народов и другие принципы революционно-демократического понимания истории полностью подтверждались, по мнению Чернышевского, Добролюбова и других демократических деятелей, историческими судьбами славянских народов. Эта тема была близка революционерам-демократам, поскольку славянские народы Балканского полуострова были тесно связаны в своем историческом развитии с русским народом. Вместе с тем славянский вопрос был одним из актуальнейших вопросов современности в середине XIX в., так как он являлся важным элементом более широкого «восточного вопроса» — одного из острых вопросов международных отношений. Разностороннее и наиболее последовательное изложение в смысле реализации демократических принципов эти вопросы получили в работах Чернышевского, особенно в «Рассказе о Крымской войне (по Кинглеку)».

Чернышевский в отличие от славянофилов и либералов, преувеличивавших значение национальных различий в общественном развитии, подчеркивал важность различий классовых: «Мы не полагаем, чтобы польский мужик был враждебен облегчению повинностей и вообще быта русинских поселян. Мы не полагаем, чтобы чувства землевладельца русинского племени по этому делу много отличались от чувств польских землевладельцев. Если мы не ошибаемся, корень галицийского спора находится в словесных, а не в племенных отношениях» (Ч., VII, 779—780).

Приведенные примеры показывают, насколько широки были исторические интересы демократических деятелей в изучении всеобщей истории. При этом ярко обнаружи-

вались революционная направленность их исторических воззрений, демократический подход к освещению исторических событий, сила их диалектической мысли, материалистические тенденции в понимании истории, что позволяло революционерам-демократам делать глубокие обобщения, конкретизировать свои представления о законах истории, иногда благодаря этому идти дальше общих теоретических посылок, ограниченных антропологическими принципами в объяснении общественного развития.

Революционный исторический опыт убеждал идеологов демократического движения в неизбежности победы сил прогресса над реакцией, служил основой их уверенности в торжестве народной революции в России, несмотря на яростное противодействие реакционных сил. Чернышевский говорил, что деятель, понявший законы исторического прогресса, может с непоколебимой уверенностью смотреть в будущее: «Он знает, что из реакции по необходимости возникает движение вперед, что самая реакция prepares и потребность, и средства для движения» (Ч., VI, 14).

При всей широте исторических интересов революционных демократов в центре их внимания всегда находилась отечественная история, героическая история великого русского народа, за освобождение которого от самодержавия и крепостничества они боролись. Объясняя причины преобладающего интереса к истории России, Чернышевский писал в одной из своих ранних рецензий: «... русская история важнейшая для нас, как своя родная, с тем вместе есть самая привлекательная для неутомимых исследователей и потому, что обещает самое обильное поле для новых открытий, самостоятельных взглядов...» (Ч., II, 546).

Чернышевский и Добролюбов раскрыли свои воззрения на историю России в многочисленных статьях, рецензиях, дневниках и переписке¹⁷.

¹⁷ К числу важнейших произведений Чернышевского, посвященных отечественной истории, относятся: рецензии на IV том «Истории России» С. М. Соловьева (1854), на книгу Б. Н. Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке» (1856); статьи «Прадедовские нравы» (1860), «Русский реформатор» (1861), «Письма без адреса» (1862), «Рассказ о Крымской войне (по Кинглеку)» (1863). Добролюбов освещал историю России в своих обширных статьях-рецензиях

Наиболее частой формой выражения революционными демократами своего отношения к вопросам истории были рецензии на появлявшиеся тогда в печати исторические работы. Разумеется, выбор сочинений для рецензирования подчинялся определенным целям: избирались прежде всего сочинения, тема которых так или иначе перекликалась с живыми вопросами современности и которые давали им возможность осветить коренные проблемы русской истории или же раскрыть важнейшие особенности своих исторических взглядов. Так, например, Чернышевский выступил в 1856 г. против Чичерина по вопросу об истории сельской общины в России; Добролюбов использовал в 1858 г. свою рецензию на труд Устрялова для раскрытия собственных воззрений на историю России до реформы Петра I включительно. В 1860 г. Чернышевский и Добролюбов приняли участие в полемике между Костомаровым и Погодиным по вопросу о происхождении Руси и в связи с критикой «норманской теории» высказали свой взгляд на самодержавную власть как антинародную силу, мешавшую историческому прогрессу страны, что имело большое политическое значение в условиях революционной ситуации.

Революционные демократы были убеждены, что Россия развивается на основе общих для всего человечества закономерностей исторического процесса. «Русская история понятна только в связи с всеобщей, — писал Чернышевский, — объясняется ею и представляет только видоизменения тех же самых сил и явлений, о каких рассказывается во всеобщей истории» (Ч., VIII, 268)¹⁸. Вместе с тем они отмечали черты своеобразия истории России.

В своих работах Чернышевский и Добролюбов осветили все более или менее значительные события русской

на первые три тома «Истории царствования Петра Великого» Н. Г. Устрялова, названных им «Первые годы царствования Петра Великого» (1858), в рецензии «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» (1858), в статьях «Русская сатира в век Екатерины», «Сочинения В. Белинского», «Николай Владимирович Станкевич» и ряде других.

¹⁸ В соответствии с этим Чернышевский стремился, как и другие демократические деятели, рассматривать вопросы русской истории в связи с общеевропейской и мировой, в зависимости от одновременно совершавшихся важнейших событий в других странах. Типичным в этом отношении произведением Чернышевского является его «Рассказ о Крымской войне (по Кинглеку)».

истории, начиная с древнейших времен и до середины XIX в. Анализ этих работ в их совокупности позволяет представить их общую концепцию русской истории. В отличие от дворянских и буржуазных историков они, как и все революционеры-демократы, не замыкались в пределах политической истории России. Новое, внесенное Чернышевским и Добролюбовым в историческую науку, заключалось в первую очередь в постановке вопроса о путях и перспективах исторического развития страны, о народной революции, о характере и направлении реформ 60-х годов и в этой связи о судьбах русского капитализма. Названные вопросы занимали центральное место в исторической концепции революционных демократов¹⁹.

Свою уверенность в неизбежности народной революции в России идеологи демократического движения подтверждали глубоким анализом состояния России в середине XIX в. В своих произведениях Чернышевский и Добролюбов вскрыли упадок крепостного хозяйства, его отсталость и рутинность. Они отметили разложение дворянства и феодально-крепостнической системы, разоблачили антинародную сущность буржуазного либерализма.

Следует особо подчеркнуть значение оценки Чернышевским крестьянской реформы 1861 г. Загнивание феодально-крепостнической системы в России накануне крестьянской реформы, крепостническая политика самодержавия в годы ее подготовки и проведения, социальные противоречия и политическая борьба в этот период глубоко освещаются в романе Чернышевского «Пролог», в его замечательной работе «Письма без адреса» (Ч., X, 90—116)²⁰ и во многих других работах. Реформу 1861 г., которую, по словам В. И. Ленина, «либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли, он (Чернышевский. — В. И.) назвал *мерзостью*, ибо он ясно видел

¹⁹ В анализе воззрений Чернышевского и Добролюбова на русскую историю мы в данном случае не придерживаемся хронологической последовательности, как это было сделано нами в монографии «История России в освещении революционеров-демократов» (М., 1963), а рассматриваем проблемы отечественной истории, привлекавшие внимание великих русских демократов в соответствии с политическим значением, с задачами революционной борьбы.

²⁰ Работа была написана в 1862 г., но впервые опубликована в 1874 г. Она внимательно изучалась К. Марксом (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XI. М., 1948, стр. 3—17, 171—199).

ее крепостнический характер, ясно видел, что крестьян обдирают гг. либеральные освободители...»²¹. Ленин отмечал глубокое понимание Чернышевским буржуазного существа реформы, поскольку она открывала путь капиталистическому развитию России. В. И. Ленин видел гениальность Чернышевского в том, что он сумел «в эпоху самого совершения крестьянской реформы... понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер... понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства»²².

В тесной связи с разрешением вопроса о характере крестьянской реформы у революционеров-демократов находился вопрос о судьбах капитализма в России. Они не отрицали возможности развития в нашей стране капитализма, видели превосходство буржуазных отношений над крепостническими, но вместе с тем учитывали тяжелое положение трудящихся масс в капиталистических странах, были знакомы с критикой капитализма западноевропейскими социалистами-утопистами, которая дополнялась у них собственным изучением социальных противоречий в капиталистических странах Западной Европы.

Русские революционные демократы отмечали буржуазную тенденцию исторического развития. Однако они отдавали себе отчет в исторической ограниченности капитализма. Чернышевский и Добролюбов отвергали мысль о том, что капиталистический строй является конечной формой общественного развития, и разоблачали теории буржуазных историков и социологов, прославлявшие этот строй. Чернышевский признавал превосходство политических порядков буржуазных государств, таких, как Англия и США, над самодержавно-монархическими режимами феодальных государств, в том числе и России. Но он справедливо подчеркивал, что идеализируемые буржуазными историками — Гизо, Маколеем, Чичериным и другими — политические порядки Англии и США имели в середине XIX в. существенные антидемократические особенности, роднившие их с порядками

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 175.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 291.

России, Австрии и Пруссии. «Не только в самодержавных государствах, — писал Чернышевский, — но и в Англии и в Соединенных Штатах правительство может издавать множество законов... независимо от народного желания или участия, встречая одобрение или осуждение только в партиях высшего и среднего сословий» (Ч., V, 265). Он высмеивал преклонение Гизо, свойственное и Чичерину, перед английским государственным строем и не видел в нем существенного отличия от строя Франции времени Наполеона III. «...Слишком большого превосходства над французской жизнью английская не имеет, — замечал Чернышевский, — ...можно спорить разве о том, в чем больше горечи, в полыни или в горчице» (Ч., VI, 8).

Чернышевский разоблачал фальшь и лицемерие американской демократии. В государственном устройстве США он видел много отрицательных сторон. Здесь, указывал Чернышевский, «закон Линча», т. е. наглое насилие, кулачное право, нашло себе «свободный доступ» в сенат» (Ч., VII, 915).

Чернышевский и Добролюбов считали, что капиталистический строй на Западе должен, согласно закону исторического прогресса, уступить в будущем свое место более высокому общественному строю — социализму, как некогда капитализм пришел в западноевропейских государствах на смену строю феодальному.

Критический подход революционных демократов к капиталистическим порядкам на Западе определил их отрицательное отношение к возможности капиталистического развития России. Революционные демократы были убеждены в том, что народная революция в России избавит ее от капитализма, утвердит в стране социалистический общественный строй, основой для которого послужит сельская община.

Надежда Чернышевского и Добролюбова на русскую общину как основу некапиталистического развития России, а также свойственное им непонимание всемирно-исторической роли пролетариата объяснялись отсталостью социально-экономического развития России их времени и являлись утопическими.

Они не видели объективно-буржуазного содержания собственных социально-политических устремлений, ошибочно полагали, что крестьянство самостоятельно может

обустроить социалистическую революцию в стране. Черты классовой и исторической ограниченности воззрений идеологов крестьянства исключали возможность правильного разрешения ими вопроса о судьбах капитализма в России.

При всем том утопические воззрения Чернышевского и Добролюбова соединялись с революционным демократизмом, что определяло глубокую критику ими капиталистического строя, в которой они превосходили не только социалистов-утопистов Западной Европы, но и своих идейных предшественников — Белинского и Герцена. В. И. Ленин называл Чернышевского «замечательно глубоким критиком капитализма. . .»²³.

Цензурные условия не позволяли представителям революционно-демократического направления в историографии свободно разрабатывать вопросы истории народных движений в России, хотя интерес их к этой теме бесспорен. Революционные демократы понимали антикрепостнический характер народных движений в России в XVII—XVIII вв. Добролюбов отмечал, что еще в XVII в. «глухое неудовольствие стало раздражаться открытыми восстаниями, внутренние беспорядки увеличивались с каждым годом» (*Д., III, 114*). Он имел в виду городские восстания в середине XVII в. и крестьянское восстание под руководством Степана Разина.

Великие русские демократы отмечали усиление крепостнической зависимости крестьянства в XVIII в. Справедливо связывая этот процесс, как и утверждение крепостного права, с интересами помещиков и политикой самодержавного государства, Чернышевский и Добролюбов указывали на прогрессивное историческое значение крестьянских антикрепостнических движений, в частности самого мощного крестьянского восстания под руководством Емельяна Пугачева. Чернышевский еще в юношеском дневнике дал оценку этому восстанию, указав на его слаботу — распыленность движения и отсутствие «единства», организованности среди восставших, но вместе с тем подчеркнул, что участники восстания «разбивали линейные войска, более, чем они, многочисленные» (*Ч., I, 67*). Извлекая уроки из истории антикрепостнических движений в России, Чернышевский в своей прокла-

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

мации «Барским крестьянам» призывал крестьян к единовременному и дружному, заранее подготовленному выступлению в ответ на грабительскую «крестьянскую» реформу, усматривая в таком выступлении основное условие успеха народной революции в России.

В 1859 г. в связи с изданием «Пермского сборника», в котором были напечатаны статьи о движении крестьян под руководством Пугачева, одновременно выступили с рецензиями в «Современнике» Добролюбов и в «Русском слове» Михайлов. Не во всем соглашаясь с авторами статей, о чем достаточно определенно заявлял Михайлов, рецензенты не имели возможности в подцензурных журналах высказать во всей полноте свое понимание широкого крестьянского восстания — этого, по словам Добролюбова, «загадочного для ученых события русской истории». Но Добролюбов и Михайлов нашли способ для того, чтобы косвенно сказать об антикрепостническом характере крестьянского движения под руководством Пугачева. В этих целях они солидаризировались с суждением редакции «Пермского сборника», приводя в обеих рецензиях одну и ту же цитату: «Было бы, конечно, одно-сторонне и крайне поверхностно объяснять причину этого явления тем, что вот-де некто злодей Емелька Пугачев назвал себя императором Петром III, а простой народ вдался в обман и восстал против законной власти; утверждать так — значило бы отрицать всякий человеческий смысл у волновавшегося миллионного народонаселения»²⁴. Тем самым опровергалась официальная версия о причинах крестьянского восстания и читателю внушалась мысль, что подлинная его причина заключалась в протесте широких крестьянских масс против крепостного права.

Чернышевский и Добролюбов с огромной симпатией относились к деятелям освободительного движения в России. Отдельные яркие характеристики Радищева и декабристов давались Добролюбовым еще в студенческой газете «Слухи», Чернышевский сочувственно писал о петрашевцах в своем дневнике. Чернышевский и Добролюбов дали разностороннюю оценку общественно-политической деятельности Белинского. «Что бы ни случилось

²⁴ Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. V, стр. 408; «Русское слово», 1859, октябрь, отд. 2, стр. 41.

с русской литературой, — писал Добролюбов, — как бы пышно ни развилась она, Белинский всегда будет ее гордостью, ее славой, ее украшением. . . в Белинском наши лучшие идеалы, в Белинском же история нашего общественного развития» (*Д.*, IV, 277).

Особенно показательна в этом отношении замечательная работа Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы» (1856), в которой подчеркивалась роль великого русского критика-демократа в борьбе за утверждение реализма в русской литературе и вместе с тем давалась сжатая история русской общественной мысли 30—40-х годов. В том же произведении Чернышевский сумел намекнуть русскому читателю и о деятельности Герцена. В 1856 г. Чернышевский написал обширную рецензию на сборник стихотворений Н. Огарева, в которой высоко оценил его творчество, сказав, что «с любовью будет произноситься и часто будет произноситься имя г. Огарева, и позабыто оно будет разве тогда, когда забудется наш язык» (*Ч.*, III, 562). Всем знавшим о тесной дружбе Огарева с Герценом эта рецензия вновь напоминала и о «лондонском изгнаннике», самоотверженно боровшемся с самодержавием и крепостничеством.

Наряду с этими основными проблемами истории России, привлекавшими внимание Чернышевского и Добролюбова, они дали анализ ряда других вопросов отечественной истории.

Считая своей первостепенной задачей изучение истории народа, революционные демократы начинали освещение русской истории задолго до так называемого прихода варягов. Они нарушали тем самым традицию дворянской и буржуазной историографии, представители которой в своем большинстве рассматривали варягов как основателей Русского государства и в его создании видели исходный момент истории России.

Прослеживая исторические судьбы восточного славянства до образования древнерусского — Киевского государства, характеризуя общественные отношения древних славян, распад их родового строя в результате появления частной собственности²⁵, Чернышевский и Добролюбов

²⁵ Чернышевский отмечал принципиальное сходство развития общинных отношений у восточных славян начиная с древнейших

решительно разоблачали антинаучную «норманскую теорию». Раскрывая самостоятельность исторического развития русского народа, они подчеркивали решающую роль внутренних факторов в процессе образования государства. В борьбе со сторонниками «норманской теории» — Погодиным и славянофилами Чернышевский и Добролюбов, не ограничиваясь доводами своих идейных предшественников — декабристов и Белинского, мобилизовали новую аргументацию, обратившись к анализу летописей, памятников народного творчества и других источников. Так, Добролюбов указывал, что «летописи упоминают князей, которые вовсе не должны были приходиться роднею Рюрику» (*Д.*, III, 290). «Кто имеет хотя малейшее понятие о сравнительной филологии и о законах исторической критики, — писал Чернышевский, — видит совершенную нелепость доказательств, которыми старые ученые подтверждали норманство Руси» (*Ч.*, VII, 298). Чернышевский и Добролюбов были убежденными противниками «норманской теории» не только потому, что она противоречила их пониманию исторического процесса как процесса, обусловленного в основном внутренними, а не внешними факторами, но и потому, что они отчетливо понимали реакционный политический смысл этой «теории», которая в их время использовалась для поддержания слабеющего авторитета самодержавной власти.

Чернышевский и Добролюбов, борясь с идеализацией самодержавия и преувеличением значения государства дворянскими и буржуазными историками, подчеркивали роль народных масс как решающей силы на всех этапах исторического развития России. Эту роль они усматривали в том, что народные массы еще в древние времена боролись за сохранение национальной независимости Киевского государства от притязаний Византии, печенегов и половцев.

Характеризуя внутренний строй Киевского государ-

времен с аналогичным процессом у других народов, в частности германцев. В полемике с Чичериным в 1856 г. по поводу исторических судеб русской общины он отвергал суждения буржуазного историка относительно решающей роли государства в смене форм общины в последующий период, полагая, что русская община развивалась органически и была генетически связана с древнейшей славянской общиной, как это было и у всех других народов (*Ч.*, III, 644—650).

ства, Чернышевский и Добролюбов с большой проницательностью подметили социальное неравенство в древнерусском обществе. Чернышевский писал об обогащении дружины, которое «вело к разорению смердов» (Ч., II, 329). Добролюбов указывал на то, что в летописании, отражавшем интересы знати и духовенства, замалчивались судьбы народа, и потому, полагал он, «истории народа по данным летописным составить... невозможно» (Д., II, 256).

Указание Чернышевского и Добролюбова на социальное неравенство в Киевской Руси отличает их исторические взгляды от взглядов Герцена, ошибочно отрицавшего это неравенство в рассматриваемый период.

В оценке так называемого удельного периода Чернышевский и Добролюбов также сумели высказать новые суждения сравнительно с Белинским и Герценом. Как известно, характеризуя «допетровский период» в истории России, Белинский, Герцен и Огарев переоценивали степень различия исторического развития России в этот многовековой период и развития западноевропейских государств. Так, Огарев, обосновывая это ошибочное заключение, полагал, что историческое развитие Западной Европы шло путем «бесплодных кровопролитий, раздробления собственности, нищенства, пролетариата»²⁶, в то время как в России якобы совершалось мирное заселение обширных, никем не занятых земель, что исключало, по мнению Огарева, отрицательные стороны западноевропейского развития. Россия не знала завоевания и присвоения земли. «Русское начало, — утверждал Огарев, — ...экономическое, начало земельной собственности общественной и права каждого на пользование землею»²⁷. Такое противопоставление русского исторического процесса западноевропейскому было чуждо Чернышевскому и Добролюбову. Они подчеркивали принципиальную общность истории России и Западной Европы, следовательно, более последовательно проводили принцип закономерности в истолковании русского исторического процесса. Чернышевский склонялся к признанию феодальных отношений в России. «Средневековое распа-

²⁶ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, стр. 108.

²⁷ Там же, стр. 361.

дание стран на мелкие владения приняло в Западной Европе форму феодализма, — писал он. — . . . У нас точно такое же распадание имело другую форму — форму раздробления государства по вотчинному праву. . . » (Ч., X, 324).

Чернышевский и Добролюбов указывали на отрицательные последствия распрей между удельными князьями, которые явились причиной ослабления сил русского народа в период татаро-монгольских завоеваний.

Чернышевский и Добролюбов подчеркивали решающую роль народных масс и в процессе образования единого Русского государства. Они указывали на прогрессивный характер этого процесса в Западной Европе. Чернышевский писал: «. . . централизаторы были в тысячу раз лучше феодалов» (Ч., IV, 823). Учитывая признание им принципиального тождества западноевропейского и русского исторического процесса, эту его оценку можно отнести и к России.

Создание централизованного государства в условиях России было прогрессивным процессом в том смысле, полагал Чернышевский, что оно способствовало преодолению княжеских междоусобиц, подрывавших народные силы и национальное единство. Но успешное завершение этого процесса Чернышевский целиком связывал с активной деятельностью народных масс, стремившихся к национальному воссоединению²⁸. Московские князья в своих стремлениях к созданию централизованного государства руководствовались своекорыстными мотивами. Этому соответствовали и противоречивые результаты рассматриваемого процесса: русский народ упрочил свою национальную независимость, но ценой усиления гнета со стороны государства, а также бояр и помещиков, ценой уничтожения последних остатков древнего народного самоуправления. Если представление об укрепляющем

²⁸ Чернышевский и его соратники придавали вслед за Белинским большое значение включению Новгорода в единое русское государство. В трактовке внутреннего строя Новгорода они также продолжали традиции Белинского. В отличие от Герцена и Огарева, следовавших за декабристами в идеализации вечевоего строя Новгорода как выражения народовластия, Чернышевский не идеализировал новгородский политический строй и видел в Новгороде носителя «провинциальных» — децентрализаторских стремлений, чуждых большинству русского народа (Ч., III, 570).

ся централизованном государстве как антинародной силе обнаруживало глубину демократических исторических воззрений Чернышевского, то его стремление совершенно отрицать положительную роль московских князей в упрочении национального единства было ошибочным.

Подобная крайность являлась реакцией на переоценку роли государства в истории России буржуазными историками, а также была результатом стремления революционеров-демократов развенчать авторитет самодержавной власти не только в настоящем, но и в прошлом.

Чернышевский правильно утверждал, что поместная система в России представляет собой «иерархию более или менее крупных поземельных владельцев — иерархию чисто феодальную» (Ч., VII, 705). В крепостнических отношениях Чернышевский справедливо усматривал признак феодализма в России. Но то и другое — поместную систему и крепостничество — он, как и Добролюбов, ошибочно считал созданием «централизации» — самодержавного государства, которое защищало интересы боярства и дворянства. «Вместе с уничтожением удельной системы, — писал Добролюбов, — начинается со стороны центральной власти ряд мер, противодействовавших переходу крестьян и все более скрепляющих союз князей с боярами и всякими служилыми людьми» (Д., IV, 387). В отличие от Белинского и Герцена, полагавших, что крепостное право было установлено только в конце XVI в., при Борисе Годунове, Чернышевский и Добролюбов относили начало закрепления крестьян к более раннему времени. Добролюбов указывал на последовательное отягощение народных масс до реформ Петра I, что нашло свое выражение в «Судебниках» Ивана III и Ивана IV, в развитии крепостнических отношений, завершавшихся юридическим их оформлением в «Уложении 1649 г.». «Ограничения перехода, — замечал Добролюбов, — видны во многих договорах московских князей; срок перехода определен в XV в. в Судебнике Иоанна III; меры закрепления являются с конца XVI в. . .» (там же). Но Добролюбов, как и другие революционные демократы, не раскрыл экономических основ процесса закрепощения русского крестьянства.

Освещая историю России в канун преобразований первой четверти XVIII в., Чернышевский и Добролюбов разоблачали идеализацию славянофилами допетровской

Руси как времени «гармонического развития», «единения власти с народом» и «благоденствия народа». Они указывали на усиление в XVII в. самодержавно-крепостнического гнета, отмечали также социально-политическую и культурную отсталость Русского государства от передовых западноевропейских стран, иногда даже допускали крайности в этом отношении, особенно в полемике со славянофилами. Но вместе с тем демократические деятели видели и ростки нового в этот период, назревание потребности в преобразованиях, призванных содействовать преодолению отсталости страны.

Важнейшие события русской истории, в особенности борьбу русского народа за национальную независимость начиная со времени польско-шведской интервенции, Чернышевский и Добролюбов связывали с деятельностью народных масс. «С начала XVII века, — писал Чернышевский, — почти все драматические эпизоды в истории русского народа были совершены энергиею земледельческого населения» (Ч., IV, 313).

Новое содержалось в трактовке реформ Петра I Чернышевским, Добролюбовым и другими революционными демократами. В 50—60-х годах прошлого века разработка этой исторической проблемы приобрела еще большую политическую актуальность, нежели в 40-х годах. В петровских реформах Чернышевский и Добролюбов в отличие от славянофилов видели прогрессивное содержание. Добролюбов, особенно много сделавший для освещения деятельности Петра I и его реформ, отказывался рассматривать эти реформы в качестве результата только личной инициативы самого монарха. Он не соглашался с упрощенным представлением Н. Г. Устрялова, считавшего Петра I «идеальным философом», с юных лет наметившим программу преобразования. «Петр был сильным двигателем, — указывал Добролюбов, — направление же движения было не от него. . . оно задавалось, как всегда и везде, ходом истории» (Д., III, 120). Многие реформы Петра «были вызваны действительными нуждами и стремлениями народа и вытекали очень естественно из хода исторических событий древней Руси» (Д., III, 36). Величие Петра заключалось в том, что он осознал «потребности и стремления народа» (Д., III, 129).

Вместе с тем Чернышевский и Добролюбов сумели

преодолеть идеализацию реформ Петра, свойственную Белинскому и Герцену в начальный период их деятельности. Более того, в борьбе с буржуазными либералами, распространявшими реформистские иллюзии накануне и в ходе буржуазных преобразований в России 60-х годов прошлого века, Чернышевский и Добролюбов выступали против либеральной идеализации реформ Петра I. Чернышевский указывал на необходимость судить о реформах Петра I с точки зрения «существенных интересов русского населения тогдашнего государства» (Ч., XV, 613). Рассматривая петровские преобразования с демократических позиций, Добролюбов отмечал их тяжесть для народных масс, страдавших от налогового гнета, рекрутских наборов, каторжного труда на строительстве крепостей, городов и каналов. В оценке этой стороны преобразований первой четверти XVIII в. содержались элементы понимания социальной обусловленности политики правительства Петра I.

Чернышевский и Добролюбов справедливо замечали, что не все заимствования Петра из-за границы были целесообразными и что Петр, просвещая дворян, оставил в темноте народные массы. Реформы Петра I упрочили военное могущество России и ее международное значение, но не изменили, а лишь укрепили самодержавно-крепостнический строй. Подчеркивая этот вывод, Чернышевский писал: «Бороды сбрили, немецкое платье надели, но остались при тех же самых понятиях, какие были при бородах и старинном платье» (Ч., VII, 612)²⁹. Эту же мысль развивал и Добролюбов: «... решительно не стоит убиваться из-за того, ежели в древности бояре в думе «сидели, брады свои уставя», а ныне чиновники в разных местах сидят, вовсе бород не имея, — иронически замечал он. — Ведь они и без бород так же точно *думают*, и точно так же *дело делают*, как прежде делали с бородами» (Д., III, 283). Не делая уступок «хвалителям Петра» — буржуазным либералам, борясь с их реформизмом, Чернышевский и Добролюбов отказывались видеть в реформах Петра I исторический пример для ожидаемых

²⁹ Как известно, сходную оценку преобразований первой четверти XVIII в. давал в конце 50—60-х годов XIX в. Герцен (см. гл. V данной книги). Можно предполагать, что взгляды Чернышевского и Добролюбова в рассматриваемом вопросе помогли Герцену преодолеть свойственную ему ранее идеализацию реформ Петра I.

преобразований, обосновывая необходимость крестьянской революции в России.

В оценке событий русской истории, совершавшихся после преобразований первой четверти XVIII в., у Чернышевского и Добролюбова было много общего с суждениями и выводами их идейных предшественников. Они отмечали усиление международной роли и военного могущества России в результате реформ Петра I и в то же время указывали на засилье иностранцев, особенно в период «бироновщины», и осуждали преклонение аристократии перед всем иноземным.

Чернышевский и Добролюбов подчеркивали всемирно-историческое значение борьбы русского народа за национальную независимость. Легенде буржуазных западноевропейских и некоторых русских историков, видевших причину поражения французских войск в климатических условиях России, Чернышевский противопоставил вывод о том, что Россию привели к победе в 1812 г. «патриотизм народа, мужество наших армий и искусство полководцев» (Ч., III, 490).

Чернышевский показал роль великого русского народа в мировой истории на примере его борьбы с татаро-монгольскими и французскими завоевателями. Народные массы России, говорил он, выступали спасителями западноевропейских народов «от ига монголов, которое сдержали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей... и другого ига — французов и Наполеона» (Ч., XIV, 48).

Таким образом, народные массы рассматривались революционерами-демократами в качестве созидательной силы на протяжении всей русской истории. Силой, угнетающей и тормозящей историческое развитие страны, выступали самодержавное государство и эксплуататорские сословия, лишавшие народные массы возможности проявлять свою творческую энергию в полной мере и могучем размахе. Такова была роль антинародных сил в прошлом, таковой она оставалась, по мнению демократических деятелей, и в настоящем.

Расправа с декабристами и петрашевцами, кровавое подавление крестьянских возмущений, венгерского и польского национально-освободительных движений, борьба с революционным движением в Западной Европе, проведение грабительской «крестьянской» реформы,

преследование передовой общественной мысли и литературы — все эти и многие другие реакционные акты самодержавного правительства и крепостников вызывали гневное возмущение у демократических деятелей и убеждали их в необходимости насильственно уничтожить прогнивший самодержавный крепостнический строй как основное препятствие для прогрессивного развития страны.

Таким образом, все коренные вопросы исторической науки своего времени демократические деятели разрешали как защитники интересов угнетенных народных масс, как мыслители-революционеры.

В глубокой разработке теоретических вопросов исторической науки, в напряженной борьбе со всеми направлениями антидемократической историографии, в последовательной революционно-демократической трактовке крупнейших проблем всемирной и отечественной истории Чернышевский и Добролюбов добились наиболее выдающихся результатов среди представителей революционной исторической мысли в России на домарксистском этапе ее развития.

Важное значение достижений революционеров-демократов в развитии исторической науки подчеркивалось Ф. Энгельсом, давшим самую высокую оценку исторической и критической школе в русской литературе.

«Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, — писал Ф. Энгельс русской эмигрантке Е. Паприц в 1884 г., — если были и есть еще кое-где блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль, и самоотверженные искания в области чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только о революционных социалистах. . . , но также об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано. . . в Германии и Франции официальной исторической наукой»³⁰.

³⁰ «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 503.

**Проблемы истории в оценке
революционных деятелей 60-х годов**

Изучение советскими историками воззрений деятелей революционно-демократического лагеря имело свою логику. Первоначально изучались взгляды его виднейших представителей, идеологов демократического движения — Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, а также А. И. Герцена и Н. П. Огарева времени их заграничной деятельности, особенно тех лет, когда они перешли на позиции революционного демократизма.

Стремление советских исследователей установить степень распространения и общественного воздействия революционных убеждений идеологов демократического лагеря привело с течением времени к необходимости изучить воззрения их соратников, единомышленников и продолжателей их дела, в том числе и взглядов на историю. Применительно к последним такое изучение долгое время ограничивалось разрозненными статьями, затем на их основе был издан обобщающий труд А. Н. Цамутали¹.

Книга А. Н. Цамутали имеет ряд несомненных достоинств. Автором были впервые основательно изучены исторические взгляды И. А. Худякова, И. Г. Прыжова, С. С. Шашкова. В итоге представления о демократическом направлении в русской историографии XIX в. существенно обогатились. А. Н. Цамутали сумел привлечь ценные архивные материалы (неопубликованные работы И. Г. Прыжова «Исторические науки в России», «Граждане на Руси»), нелегально изданную работу И. А. Худякова «Древняя Русь», материалы переписки историков. Верен, на наш взгляд, и основной вывод монографии

¹ А. Н. Цамутали. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в. Л., 1971.

А. Н. Цамутали о том, что демократическая историография 60—70-х годов XIX в. является «своего рода ступенью между демократической историографией 60-х годов и народнической историографией»², о ее более низком, чем при Чернышевском и Добролюбове, теоретическом уровне.

Однако работа А. Н. Цамутали содержит и ряд недостатков и спорных утверждений, некоторые из них отмечались в печати³. Спорно исходное положение книги, согласно которому «затруднения, связанные с оценкой общественно-политического лица ряда деятелей русского демократического лагеря, возникают отчасти из-за того, что в нашей историографии принято исходить из довольно жестких определений «революционеров», «революционеров-демократов», с одной стороны, и «либералов» — с другой»⁴. Отказавшись от этих основополагающих определений марксистско-ленинской методологии исследования, А. Н. Цамутали свободно «расширил» рамки своей монографии и без необходимых объяснений превратил Г. З. Елисеева в ведущего представителя демократического направления в русской историографии, чем обусловлено, очевидно, основное внимание, уделенное в книге этому деятелю. Излишней представляется в данной монографии глава об Н. Я. Аристове, которого и сам автор не относит к историкам-демократам.

Конечно, демократический лагерь состоял не из одних последовательных революционеров, хотя именно они определяли его идейную направленность, которую исследователь обязан учитывать со всей тщательностью. Необходимо столь же тщательно проследивать ведущие тенденции воззрений демократических деятелей, учитывать эволюцию их воззрений, что сделано А. Н. Цамутали в совершенно недостаточной мере.

С этой точки зрения основной фигурой в демократической историографии после смерти Н. А. Добролюбова и ареста Н. Г. Чернышевского был, несомненно, Н. В. Шелгунов, а не Г. З. Елисеев. Начиная с периода реакции середины 60-х годов у последнего все более определенно

² Там же, стр. 236—237.

³ См. рецензию В. А. Муравьева на книгу А. Н. Цамутали («Вопросы истории», 1972, № 4, стр. 157—160).

⁴ А. Н. Цамутали. Указ. соч., стр. 27.

проявлялись либеральные тенденции, а в 80-х годах он уже сформировался как либеральный народник.

Автор явно недооценил работу по изучению исторических воззрений демократических деятелей, проделанную его предшественниками, зачастую его критические замечания не обоснованы, а многие выводы малооригинальны.

Вопросы общественного развития и освещения конкретных проблем истории продолжали оставаться весьма актуальными и для тех революционно настроенных деятелей, которые выступали после Чернышевского и Добролюбова, прежде всего для крупнейших из них — Н. В. Шелгунова и Д. И. Писарева.

Конечно, разработка этих вопросов была облегчена тем, что корифеи революционной мысли создали в своих трудах достаточно прочную основу для их разрешения. Но условия 60-х годов — весьма сложные и противоречивые — заставляли в известной мере переосмысливать полученное наследство и обогащать его разрешением новых проблем, выдвинувшихся в изменяющихся исторических условиях.

В середине 60-х годов стало ясно, что подъем освободительного движения предшествующих лет исчерпал себя, демократический натиск был отбит. В то же время намечались новые тенденции: при сохранявшихся пережитках крепостничества утверждались капиталистические отношения не только в городе, но и в деревне, происходило расслоение крестьянства, слабела сельская община, на которую возлагали столько надежд деятели демократического движения. Эти процессы осмысливались не сразу, с различной глубиной и основательностью, с разными выводами применительно к задачам освободительного движения.

Возможность капиталистического развития пореформенной России волновала новое поколение демократических деятелей. Решения этой проблемы в отрицательном смысле они искали в трудах своих учителей Чернышевского и Добролюбова, в произведениях Герцена и Огарева, связи с которыми все более крепили. Теория «русского социализма» Герцена и Огарева стала оказывать возрастающее влияние на теоретические построения демократических деятелей 60-х годов, в том числе и на

трактовку ими проблем истории России, и питала народнические тенденции в демократическом движении.

Новой особенностью передовой общественной мысли России 60-х годов был и возрастающий интерес к марксизму, к развитию рабочего движения в Западной Европе, стремление осмыслить русскую действительность в связи с этими факторами.

В этих усложнившихся исторических условиях оказались способными не только защищать, но в определенной мере и развивать демократические принципы своих учителей лишь Н. В. Шелгунов и Д. И. Писарев. Шелгунов разрабатывал широкий круг проблем как всеобщей, так и в особенности отечественной истории, в том числе и такие проблемы, которые не затрагивались Чернышевским и Добролюбовым. Эти проблемы приобрели актуальность уже в пореформенный период истории России. Шелгунов был знаком с произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса. Не став марксистом, он, однако, способствовал первоначальному ознакомлению передовых кругов России со взглядами основоположников марксизма, внимательно изучил некоторые их работы, испытал их влияние в трактовке отдельных вопросов. Так, изучение марксизма содействовало освобождению Шелгунова от народнических иллюзий о спасительной роли русской общины как основы «самобытного» развития России. С течением времени он пришел к выводу о неизбежности развития капитализма в России.

Тем не менее Шелгунов не всегда оставался на уровне теоретических достижений Чернышевского и Добролюбова. В исторических воззрениях Шелгунова определеннее выявлялась идеалистическая основа и были слабее выражены материалистические тенденции в понимании исторического процесса, чем у Чернышевского и Добролюбова.

Писарев солидаризировался с коренными принципами воззрений Чернышевского и Добролюбова еще в первых статьях, помещенных в 1861—1862 гг. в журнале «Русское слово».

В середине 60-х годов, в условиях спада демократического движения в России, Писарев проявлял иногда непоследовательность в защите революционно-демократических убеждений, допускал и некоторые уступки позитивизму в понимании общественного развития, пере-

оценивая роль географической среды, а также значение распространения естественнонаучных знаний в достижении исторического прогресса. В последние годы жизни, особенно в период сотрудничества в «Отечественных записках» Некрасова и Салтыкова-Щедрина, Писарев преодолел свою неустойчивость в защите революционно-демократических принципов, в разрешении вопросов истории и современности с этих позиций. Оставаясь крупным деятелем демократического движения, он был одним из видных представителей революционно-демократического направления в русской исторической мысли. В своих произведениях Писарев уделял преобладающее внимание разработке вопросов всеобщей истории. Социально-политические и исторические взгляды Писарева не содержали в себе народнических тенденций. Он никогда не идеализировал русскую общину. Напротив, в условиях пореформенного развития России Писарев уделил значительное внимание проблеме капитализма, допуская возможность утверждения капиталистических отношений в России, пристально следил за развитием пролетарского движения в Западной Европе.

Новой особенностью в развитии демократического направления в русской историографии в середине прошлого века было участие в нем отдельных историков-профессионалов. К их числу относился А. П. Щапов. Он также испытал влияние идей Чернышевского и Добролюбова. Но он раскрывал эти идеи — и прежде всего идею о решающей роли народных масс в истории — в специальных исторических исследованиях.

Выступая в среде демократических деятелей в качестве историка-профессионала, А. П. Щапов распространял новые принципы в истолковании истории на исследование ряда проблем, не привлекавших внимания дворянских и буржуазных историков. К числу этих проблем относились: история раскола в России, вопрос о народной колонизации Урала и Сибири, о роли народных масс в развитии общинных учреждений. Для разрешения названных проблем он обращался и к новым источникам. Однако в теоретическом отношении Щапов не стоял на уровне Чернышевского и Добролюбова, не отличался их последовательностью в защите и обосновании демократических принципов в истолковании истории, допускал, например, идеализацию общинных учреждений допетров-

ской Руси. По характеру своих убеждений Шапов был ближе к Герцену и Огареву, нежели к Чернышевскому и Добролюбову⁵.

Круг деятелей, развивавших и обогащавших революционно-демократическую мысль после Чернышевского и Добролюбова, был достаточно широк. В той или иной мере в этом процессе принимали участие также М. А. Антонович, Н. Серно-Соловьевич и некоторые другие демократы. Однако их роль в разработке теоретических вопросов исторической науки была сравнительно с Н. В. Шелгуновым и Д. И. Писаревым все же второстепенной. Еще менее значительна в этом отношении роль Г. З. Елисеева, И. А. Худякова и И. Г. Прыжова, в чем убеждает, в частности, названная выше монография А. Н. Цамутали. Что же касается их участия в разработке конкретно-исторических проблем, в особенности проблем истории России, то оно весьма подробно оценено в советской историографической литературе и потому не освещается в нашей работе.

В соответствии с этим в нашем последующем изложении мы уделим основное внимание крупнейшим представителям революционной исторической мысли 60-х годов Н. В. Шелгунову и Д. И. Писареву, выделяя при этом в их воззрениях не индивидуальные особенности, а черты общности, характерные для направления Чернышевского и Добролюбова.

Исходным пунктом воззрений революционных деятелей 60-х годов на исторический процесс было признание его объективных закономерностей.

Шелгунов заявлял, что «историческое развитие народов совершается по неизменным законам, которых не может изменить никакая сила»⁶. Развивая свою мысль, он добавлял: «Законы развития человеческих обществ могут быть неизвестны, как неизвестны до сих пор вполне законы, управляющие остальным миром, но из этого не следует, чтобы их не существовало или чтобы они зависели от личной воли отдельных людей»⁷.

⁵ А. П. Шапову посвящена обширная литература («История исторической науки СССР. Дооктябрьский период». Библиография. М., 1965, стр. 422—425), и поэтому в нашей работе его исторические воззрения специально не исследуются.

⁶ «Дело», 1870, № 11, стр. 11.

⁷ «Русское слово», 1863, ноябрь — декабрь, стр. 37.

Стремление Шелгунова и Писарева раскрыть объективные законы истории и опереться на них в своей деятельности, конечно, находилось в соответствии с их убеждениями в том, что социалистический общественный строй должен утвердиться в результате действия законов исторического прогресса. Согласно мнению Писарева, идея прогресса — «краеугольный камень разумного мирозерцания»⁸. Но сама система их доказательств еще не имела научной, материалистической основы и лишь содержала некоторые научные тенденции.

Не следует забывать, что демократические деятели 60-х годов вслед за идеологами русской революционной демократии видели объективную основу общественного развития в «человеческой природе», в идеях, просвещении. Антропологический материализм причудливо в большей или меньшей степени сочетался в их воззрениях с историческим идеализмом.

Однако наиболее глубокая идея о решающей роли народных масс продолжала разделяться деятелями демократического лагеря. Вслед за Чернышевским и Добролюбовым они вносили свой вклад в разработку этой идеи. При этом важно подчеркнуть, что свои воззрения по рассматриваемому вопросу они обосновывали в условиях упадка массового движения в России и утверждения реакции. Так, Н. В. Шелгунов писал, что, «несмотря на свою научную и техническую неразвитость, народный элемент представляет основную экономическую силу страны. Все производится им, и общее материальное довольство всякой нации зависит исключительно от успешности народного хозяйства»⁹.

Тожественную позицию в этом вопросе занимал и Писарев. «Действующая сила лежала и лежит всегда и везде — не в единицах, не в кружках, не в литературных произведениях, а в общих и преимущественно — в экономических условиях существования народных масс», — говорил Писарев¹⁰. Только «*глас народа*. . . определяет своим громко произнесенным приговором течение исторических событий»¹¹.

⁸ Д. И. Писарев. Соч. в 4-х томах, т. 2. М., 1955, стр. 251.

⁹ «Русское слово», 1863, ноябрь — декабрь, стр. 34.

¹⁰ Д. И. Писарев. Полн. собр. соч. в 6-ти томах (СПб., 1894—1907), т. III, стб. 171.

¹¹ Д. И. Писарев. Соч. в 4-х томах, т. 4. М., 1956, стр. 400.

Подвергая критике дворянско-буржуазную историографию, Писарев видел главный ее недостаток в том, что у нее «на первом плане стояла в истории биография и нравственная философия»¹². Задачей новой, демократической историографии, по мнению Писарева, должно стать ознакомление с жизнью народных масс, с тем, «как эти массы чувствуют и мыслят, как они изменяются, при каких условиях развиваются их умственные и экономические силы, в каких формах выражаются их страсти и до каких пределов доходит их терпение. . . Только такая история заслуживает внимания человека»¹³.

Роль личности революционные деятели 60-х годов ставили, как Чернышевский и Добролюбов, в зависимость от разрешения проблемы решающей роли народных масс в истории. Шелгунов заявлял, что «жизнь создают не титаны, а обыкновенные люди, историю творят массы обыкновенных людей»¹⁴. Он же утверждал: «. . . велик народ и человечество в его совместных стремлениях, а не отдельный человек, являющийся только представителем этих стремлений»¹⁵.

Шелгунов полагал даже, что «личная гениальность, не умеющая откликнуться на требования народа, совершенно не нужна для хода цивилизации и нередко вредит ей, делая временную помеху правильному развитию народных сил»¹⁶. В последнем случае Шелгунов подразумевал завоевателей, наносивших огромный вред историческому прогрессу опустошительными войнами, совершенно чуждыми интересам народных масс. Подлинно великие люди содействуют историческому прогрессу, они свою личную одаренность направляют на службу народу. «. . . В этих людях есть особенные качества, — замечал Шелгунов, — которые их выдвигают из массы и делают по преимуществу полезными для данного народа, в данный момент его исторической жизни»¹⁷.

Высокую оценку роли личности в истории давал Д. И. Писарев. Он выделял в истории человечества титанов мысли — ученых, прокладывающих новые пути в на-

¹² Там же, т. 3, стр. 114.

¹³ Там же.

¹⁴ «Дело», 1874, № 12, стр. 27.

¹⁵ Н. В. Шелгунов. Соч., изд. 2-е, т. II. СПб., 1895, стб. 71.

¹⁶ Н. В. Шелгунов. Соч., т. I. СПб., 1891, стб. 61.

¹⁷ Н. В. Шелгунов. Соч., т. II. СПб., 1871, стб. 126.

уке, титанов любви — общественных деятелей, борющихся за дело народа, титанов воображения — писателей, деятелей культуры. Но это не означало отказа Писарева от признания решающей роли народных масс в истории. Напротив, определяя задачу передовой исторической науки, он писал: «Частная жизнь тогда интересна для историка, когда она выражает в себе особенности той коллективной жизни масс, которая составляет единственный предмет, вполне достойный исторического изучения»¹⁸. Назначение же гениальных людей, по мнению Писарева, в том, чтобы «ускорять естественное движение событий и постигать раньше других те общественные потребности, которые впоследствии сделаются осязательно-понятными для самых обыкновенных умов»¹⁹.

Свое решение вопроса о роли личности в истории демократические деятели направляли против становившихся модными в их время субъективно-идеалистических и волюнтаристских исторических теорий, типичным выразителем которых в середине прошлого века был английский историк Т. Карлейль. Суждения Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Н. В. Шелгунова и Д. И. Писарева в этих условиях являлись также определенным противодействием культу «критически мыслящих личностей», который начали утверждать идеологи народничества с конца 60-х годов.

Однако последовательно научного разрешения и данный вопрос у идеологов демократического движения в России не получил. Понимая зависимость великих личностей от народа, отмечая в ряде случаев и социальную обусловленность деятельности выдающихся личностей, они все же оказались не в состоянии понять и раскрыть всю сложность взаимоотношений между личностью и обществом, классом и партией. Это можно было сделать только с позиций исторического материализма.

Демократические деятели 60-х годов высказывали глубокие суждения и по другим вопросам общественно-го развития. Они разделяли вывод предшественников о том, что в основе исторического прогресса лежала борьба нового со старым. Шелгунов заявлял по этому поводу: «...с тех пор, как мир стал стремиться вперед...

¹⁸ Д. И. Писарев. Соч., т. III. СПб., 1894, стб. 114.

¹⁹ Д. И. Писарев. Полн. собр. соч. в 6-ти томах, т. VI, стб. 69.

началась и борьба нового со старым»²⁰, «только борьбой определяется история и только борьбой обуславливается прогресс»²¹. В ходе такой борьбы, указывал Шелгунов, рано или поздно, но неизменно побеждает новое. Борьба между новым и старым носит ожесточенный характер, и в этом «главная причина того, что кровь играет такую почетную роль в истории человечества»²².

Борьба велась общественными группами угнетенного большинства против угнетающего меньшинства, и целью такой борьбы «голодных людей» должна была являться, по убеждению Д. И. Писарева, «перестройка общественных учреждений»²³. Конечным же результатом этой борьбы должно было стать достижение справедливых — социалистических — общественных отношений. Такой вывод Писарев делал на основе широких обобщений, исходя из опыта прогрессивного развития всемирной истории. В этой связи он писал: «Средневековая теократия упала, феодализм упал, абсолютизм упал, упадет когда-нибудь и тираническое господство капитала»²⁴.

Однако теоретическое обоснование проблемы революционных преобразований не заняло у демократических деятелей 60-х годов такого места, какое оно имело в трудах Чернышевского и Добролюбова. Проявляли они и надежды на мирные изменения общественных отношений. Писарев, например, был склонен крайне преувеличивать роль науки, особенно естественнонаучных знаний, в этом процессе.

При всем этом демократические деятели высказывали глубокие материалистические догадки в объяснении истории, дополнявшие и развивавшие понимание этого вопроса Чернышевским и Добролюбовым. Так, Шелгунов в социально-экономических отношениях видел основной источник власти человека над человеком, ссылаясь при этом на Бабефа²⁵. Шелгунов утверждал также, что «экономическое начало является основным двигателем всех внутренних и внешних отношений»²⁶. В другом произведе-

²⁰ Н. В. Шелгунов. Очерки русской жизни. СПб., 1895, стр. 718.

²¹ «Дело», 1868, № 5, стр. 41.

²² «Дело», 1869, № 3, стр. 42.

²³ Д. И. Писарев. Полн. собр. соч. в 6-ти томах, т. VI, стб. 398.

²⁴ Д. И. Писарев. Соч. в 4-х томах, т. 2, стр. 308.

²⁵ Н. В. Шелгунов. Соч., т. I. СПб., 1873, стб. 17.

²⁶ Н. В. Шелгунов. Соч., изд. 2-е, т. I. СПб., 1895, стб. 502.

дении он заявлял, что «потребности, удовлетворение их и, следовательно, экономически производительный труд — вот основная форма социально-экономической деятельности»²⁷, поскольку производительный труд был всегда уделом народных масс.

Явно выраженное стремление Н. В. Шелгунова подчеркнуть роль экономического фактора в историческом процессе правомерно связывать с влиянием на него известных ему работ К. Маркса и Ф. Энгельса. Однако, раскрывая важную и даже определяющую роль «экономического начала» в истории, Шелгунов, как и другие революционеры-демократы, подразумевал под ним не способ производства материальных благ в его научном понимании, а добывание и распределение средств к жизни, т. е. не стоял и в этом вопросе на последовательно материалистических позициях.

Непоследовательность в признании экономических факторов решающими в историческом процессе у демократических деятелей доказывается и тем, что в их произведениях мы находим и явно выраженные идеалистические утверждения. Так, Шелгунов заявлял, что «человеческий ум есть главный фактор прогресса»²⁸ или «не голод и бедность двигают человечество, а двигают им только идеи»²⁹.

В том же направлении мыслил Д. И. Писарев. Ему, как известно, принадлежит плодотворная идея о соединении науки с освободительным движением. Но, обосновывая ее, он не удерживался от крайности преувеличения роли науки как двигателя общественного развития. «В науке, — писал Писарев, — и только в ней заключается та сила, которая независимо от исторических событий может разбудить общественное мнение и сформировать мыслящих руководителей народного труда»³⁰.

Приведенные примеры решения революционными деятелями 60-х годов важнейших теоретических проблем исторической науки свидетельствуют о том, что они понимали их достаточно глубоко, хотя им и были свойственны противоречия в их трактовке. В оценке многих во-

²⁷ Н. В. Шелгунов. Соч., т. II. СПб., 1891, стб. 245.

²⁸ «Дело», 1868, № 5, стр. 41.

²⁹ Н. В. Шелгунов. Соч., т. II. СПб., 1891, стб. 519.

³⁰ Д. И. Писарев. Соч. в 4-х томах, т. 2, стр. 109.

просов всеобщей и отечественной истории они в целом продолжали линию Чернышевского и Добролюбова, но вместе с тем высказали соображения и по тем проблемам, которые вновь выдвинулись перед ними в условиях пореформенной России.

Вопросы всеобщей истории широко освещались в работах Н. В. Шелгунова и Д. И. Писарева. В этом отношении они даже выделялись в кругу демократических деятелей 60-х годов.

Причины повышенного интереса Шелгунова и Писарева к проблемам всеобщей истории были те же, что и у Чернышевского и Добролюбова: стремление осмыслить опыт исторического развития человечества, выявить объективные закономерности развития всемирной истории, доказать его прогрессивный по общей своей тенденции характер, глубже понять на этой основе важнейшие современные проблемы, раскрыть связь истории России с историей Западной Европы и всего человечества.

Вопросы всеобщей истории были преобладающими в литературном наследии Д. И. Писарева³¹. Интересы Н. В. Шелгунова более равномерно распределялись между вопросами всеобщей и отечественной истории. Больше внимания уделял Шелгунов и современным международным событиям³².

Принимая традиционное деление всемирной истории на древнюю, среднюю и новую, Шелгунов и Писарев

³¹ Писареву принадлежали статьи «Аполлоний Тианский» (1861), «Меттерних» (1861), «Очерки из истории печати во Франции» (1862), «Очерки из истории труда» (1863), «Историческое развитие европейской мысли» (1864), «Перелом в умственной жизни средневековой Европы» (1865), «Очерки из истории европейских народов» (1867) и ряд статей о французской буржуазной революции конца XVIII в. — «Исторические эскизы» (1864), «Популяризаторы отрицательных доктрин» (1866), «Французский крестьянин в 1789 году» (1868) и некоторые другие.

³² Шелгуновым опубликованы статьи: «Рабочий пролетариат в Англии и Франции» (1861) — в этой статье Шелгунов, как известно, широко использовал работу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»; «Прошедшее и будущее европейской цивилизации» (1864), «Исторические очерки» (1864), «Три народности» (1864), «Главные моменты в истории Европы» (1865), «Американские патриоты» (1868), «Европейский Запад» (1883). Продолжение последней статьи Шелгунова — «Русский Восток» было задержано цензурой.

менее всего интересовались политической историей. Д. И. Писарев полагал, что она достаточно изучена академической историографией, которую «интересуют преимущественно органическое развитие государственных форм, последовательная смена систем, существенные изменения в законодательстве»³³.

В центре внимания Писарева и Шелгунова находились судьбы народных масс, и они в меру своих возможностей показывали борьбу угнетенных за свое социальное освобождение, пытались осмыслить причины их неудач, извлекая уроки для революционного движения России. Все симпатии революционеров-демократов были на стороне народных масс, они клеймили деятелей реакции, разоблачали их эксплуататорскую политику.

В большей мере отмеченные особенности подхода к оценке событий всемирной истории были свойственны Шелгунову. Писарев же уделял основное внимание идеологическим и культурным явлениям всемирной истории и освещал их с присущим ему мастерством. Вместе с тем он довольно полно рассмотрел историю революционной борьбы в новое время.

Шелгунов характеризовал положение угнетенных масс на различных этапах истории человечества, отметил изменение классовой структуры на каждом из них. Так, он подчеркивал бедственное положение рабов в Древней Греции и Римской империи, их полное бесправие: «Раб не пользовался никакими гражданскими правами... раб считался животным»³⁴. В Древнем Риме раб был «живой машиной»³⁵. Д. И. Писарев также считал рабство «самой больной стороной древней цивилизации»³⁶.

Шелгунов указывал на восстания рабов, боровшихся за уничтожение столь бесчеловечной системы угнетения. «Целый ряд восстаний рабов, — писал он, — восстаний страшных, где рабы составляли 120-тысячные армии, служил сильно-убедительным фактом негодности экономического порядка Рима»³⁷.

Шелгунов сознавал классовый характер идеологии рабовладельческих обществ — философии и права. В этой

³³ Д. И. Писарев. Соч. в 4-х томах, т. 2, стр. 281.

³⁴ Н. В. Шелгунов. Соч., т. I. СПб., 1891, стб. 1.

³⁵ Там же, стб. 21.

³⁶ Д. И. Писарев. Полн. собр. соч. в 6-ти томах, т. I, стб. 393.

³⁷ Н. В. Шелгунов. Соч., т. I. СПб., 1891, стб. 32.

связи он справедливо считал защитниками рабовладельческого строя таких мыслителей, как Платон и Аристотель, полагавших, что для рабов «рабство так же полезно, как и справедливо»³⁸.

Оценивая причины падения Древнего Рима, Д. И. Писарев сводил их к политическим, нравственным и религиозным моментам и посвятил этому сюжету статью «Аполлоний Тианский» (1861)³⁹.

Характеризуя падение Римской империи, Шелгунов не ограничивался традиционным указанием на упадок в ней нравов, но и ссылаясь на ее экономическую неразвитость: «Социальное младенчество Рима и всего древнего мира подтверждается его технической неразвитостью»⁴⁰.

Проблемы средневековья продолжали оставаться для представителей революционной исторической мысли достаточно злободневными, поскольку критическая оценка явлений этого периода в истории человечества облегчала борьбу с пережитками крепостничества в России. Однако Шелгунов и Писарев не смогли дать научной трактовки происхождения феодальных отношений. Шелгунов, например, заявлял, что идея феодальных отношений имела своим источником нормы римского права, заимствованные в то время, «когда в X веке рабство охватило всю Европу и создалось везде податное состояние — крепостных»⁴¹. Писарев, разделяя теорию завоевания, полагал, что феодализм утвердился в результате того, что «вооруженный варвар или, иначе, рыцарь и барон отнял у поселян трудовое наследие предков и личную свободу: он был в одно и то же время похитителем собственности и рабовладельцем»⁴². Более того, Писарев вообще связывает процесс возникновения государственной организации с «началом присвоения»: «Государства, все без исключения, — писал он, — порождены элементом присвоения»⁴³.

Шелгунов и Писарев решительно осуждали деспотизм

³⁸ Там же, стб. 20.

³⁹ Д. И. Писарев. Полн. собр. соч. в 6-ти томах, т. II. СПб., 1891, стб. 1—166.

⁴⁰ Н. В. Шелгунов. Соч., т. I. СПб., 1891, стб. 25.

⁴¹ Н. В. Шелгунов. Соч., т. I. СПб., 1891, стб. 32.

⁴² Д. И. Писарев. Соч. в 4-х томах, т. 2, стр. 266.

⁴³ Там же, стр. 282.

феодалов, бесплодную борьбу между ними, засилье церкви, религиозные преследования, ужасы инквизиции. Они считали закономерными и прогрессивными реформационные движения в Европе, высоко ценили в этой связи деятельность Яна Гуса как одного из первых провозвестников религиозного свободомыслия. Шелгунов уделил большое внимание реформации в Германии, полагая, что ее «создал не Лютер, ее создало время и общая потребность»⁴⁴. Характерно, что консерватору Лютеру Шелгунов противопоставлял смелого реформатора Томаса Мюнцера, «мечтателя и энтузиаста», который требовал не только реформы церкви, но и социальных преобразований.

Шелгунов подчеркивал исключительную жестокость расправы над восставшими после поражения Крестьянской войны в Германии. «Когда страшной убийственной резней незнакомых с военным делом крестьян их заставили смириться, — писал Шелгунов, — то и после этого еще дикие победители наслаждались неистовством казней и жестокими преследованиями побежденного врага и цветущие местности обращали в совершенные пустыни»⁴⁵.

Шелгунов сумел понять классовое существо феодального государства. Короли, по его мнению, «олицетворяли стремления рыцарства и дворянства», он раскрывал антинародный характер их политики, отмечая, например, что Филипп II «хотел уподобить Испанию обширному монастырю, полагая, что в этом-то и заключается цель жизни»⁴⁶.

Раскрывая бесплодность феодальных войн за создание мировой империи Карлом Великим, Шелгунов сравнивал его с завоевателями иных эпох — Александром Македонским и Наполеоном, подчеркивая иллюзорность их стремлений к всемирному владычеству. «Три великих человека трех разных эпох были одинаково бесполезны для цивилизации»⁴⁷, — делал вывод Шелгунов.

Однако в феодальном обществе постепенно развивались новые, более прогрессивные экономические силы, которые стремились освободиться от изживших себя об-

⁴⁴ Н. В. Шелгунов. Соч., т. I. СПб., 1891, стб. 82, 93.

⁴⁵ Там же, стб. 41.

⁴⁶ Там же, стб. 61, 62.

⁴⁷ Там же, стр. 63.

щественных отношений. Высказывая материалистическую догадку в истолковании этого процесса, Шелгунов заключал: «Центр тяжести должен был переместиться туда, где был плодотворнее и производительнее труд»⁴⁸, — в сторону развития буржуазных отношений, утверждение которых знаменовало начало капиталистической эпохи, т. е. вступление человечества в период новой истории.

Из всех периодов всемирной истории Н. В. Шелгунов и Д. И. Писарев, как и все революционные деятели в прошлом, выделяли историю нового времени. Характерно, что начало этого периода они связывали с борьбой Северной Америки за независимость и с буржуазной революцией во Франции в конце XVIII в., а не с открытием Америки Колумбом, как полагали ранее В. Г. Белинский и петрашевцы. История нового времени продолжала оставаться основным источником исторического опыта для революционных деятелей России и во многом способствовала определению ближайших перспектив исторического развития родной страны. В истолковании процессов, протекавших в новое время, с наибольшей определенностью выявились материалистические догадки и тенденции в понимании общественного развития всеми революционерами-демократами, в том числе Шелгуновым и Писаревым.

Шелгунов связывал утверждение буржуазных отношений в странах Западной Европы с развитием экономики и совершенствованием техники. Именно в этих областях буржуазия, как новый и прогрессивный класс, доказывала свое превосходство над феодалами. «Феодалы и землевладельцы, — отмечал Шелгунов, — служившие представителями военного начала, изображали собою силу вполне непроеизводительную... Буржуазия заработала свое положение не даром; она взяла его действительно плодотворным и производительным трудом»⁴⁹.

Буржуазия, встав у власти, подчинила государственный аппарат, поставила на службу себе законодательство «так, чтобы они служили исключительно для охранения интересов распоряжающейся производством буржуазии»⁵⁰.

⁴⁸ Н. В. Шелгунов. Соч., т. I. СПб., 1895, стб. 37.

⁴⁹ «Дело», 1871, № 5, стр. 37.

⁵⁰ Там же.

В утверждении буржуазных отношений Шелгунов видел доказательство своих выводов о закономерном и восходящем развитии исторического процесса, подчеркивал их прогрессивный характер сравнительно с феодализмом, что не мешало ему видеть глубокие противоречия капиталистического строя.

Шелгунов справедливо отмечал, что буржуазные отношения легче утверждались там, где были слабее силы феодальной реакции, указывая как на пример подобной ситуации на Северную Америку, на борьбу американского народа за национальную независимость, против Англии во второй половине XVIII в. Историю этой борьбы он широко осветил в статье «Американские патриоты» (1868).

Однако классической буржуазной революцией, нанесшей сокрушительный удар феодализму, Шелгунов и Писарев справедливо считали революцию во Франции в конце XVIII в.

Развернутый и глубокий анализ французской буржуазной революции конца XVIII в. дал Писарев. Этому вопросу он посвятил специальную статью «Исторические эскизы» (1864), в которой многосторонне раскрыл решающую роль народных масс в событиях начального этапа революции. Используя некоторое облегчение цензурных условий, Писарев сумел высказать свое отношение к изложенным вопросам с большей определенностью, чем другие революционеры-демократы. Писарев указал, что «первая причина революции заключалась... в экономическом истощении народа и государства»⁵¹. Предпосылки французской революции конца XVIII в. освещались Писаревым в его статьях «Популяризаторы отрицательных доктрин» (1866) и «Французский крестьянин в 1789 году» (1868).

Писарев понимал, что движущей силой революции были народные массы: в революционных событиях проявились неистощимые запасы «пламенного, бесстрашного и беспощадного отрицания», накопленные в сознании и чувствах «всего французского народа во время долгих веков безгласности и страдания»⁵², — писал он. Эти настроения народных масс Франции определили, по спра-

⁵¹ Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., в 6-ти томах, т. III, стб. 229.

⁵² Там же, стб. 144.

ведливому мнению Писарева, весь ход революции и ее историческое значение, выразившееся в решительной ломке отживших феодальных отношений. «Не клубы, не речи ораторов, не газеты Демулена и Марата, — заявлял Писарев, — производили в низших слоях французского общества неумолимое озлобление, а, напротив, существовавшее озлобление порождало и поддерживало и клубы, и яростные речи, и неистовые газеты». Более того, Писарев, как в свое время и Чернышевский, верно отмечал, что народные массы часто выступали независимо от своих вождей, шли дальше их в своих требованиях и толкали «их вперед тогда, когда они считали удобным приостановиться»⁵³.

Писарев раскрыл буржуазный характер французской революции, совершенной народными массами, но закончившейся утверждением власти буржуазии. В рассматриваемой статье он писал: «Пролетарий увидел с наивным изумлением и с комическим или, вернее. . . трагикомическим гневом, что победа третьего сословия к нему, пролетарию, совсем не относится и что всякие политические права существуют и имеют значение только для людей состоятельных. . . которым при всяком порядке вещей живется не совсем плохо. Пролетарий, несмотря на свою неразвитость. . . смекнул в одну минуту, что кроме родовой аристократии есть еще аристократия денежная и что этой последней аристократии он, пролетарий, доставил над первой полную победу, от которой ему, пролетарию, не досталось ничего, кроме горячих подзатыльников»⁵⁴.

Роль пролетариата в буржуазных революциях раскрывал и Шелгунов. В статье «Рабочие ассоциации» он указывал: «Полное сознание своих стремлений, нужд и желаний, как экономических, так и политических, делающее бедняка пролетарием нашего времени и отличающее его от тупоумного римского пролетария, не существовало еще в полном своем развитии ни во время первой французской революции, ни во время реставрации»⁵⁵. Борьбу пролетариата за собственные интересы Шелгунов связывал с революцией 1848 г. и Парижской коммуной 1871 г. Эти классовые битвы произошли тогда,

⁵³ Там же, стб. 170.

⁵⁴ Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., в 6-ти томах, т. III, стб. 158.

⁵⁵ «Русское слово», 1865, февраль, стр. 19.

по мнению Шелгунова, когда стало ясно, что «против рабочего стоит хозяин — капиталист. Две эти силы стоят враждебно одна против другой, и так как представители той и другой — живые люди, то вражда их принимает страстный характер, и между рабочими (пролетариями) и фабрикантами (капиталистами) выявляются и являются столкновения, которые не только вызывали военные вмешательства правительства, но и вели к катастрофам революционного характера»⁵⁶.

В постоянной борьбе «между почивающим на лаврах капиталистом и надрывающимся от работы пролетарием»⁵⁷ видел одну из важнейших особенностей того времени Д. И. Писарев.

Приведенные суждения Писарева и Шелгунова свидетельствуют о том, что в анализе социальных противоречий буржуазного общества они пошли дальше своих идейных вдохновителей — Чернышевского и Добролюбова, чему способствовал новый исторический опыт, который осмысливался Шелгуновым и Писаревым. Но им также не удалось подняться до понимания всемирно-исторической роли пролетариата как самостоятельной политической силы и авангарда трудящихся в борьбе за социализм.

В произведениях Шелгунова большое место занимают вопросы социально-экономического развития европейских стран, в частности Англии, Франции, Германии, начиная с промышленного переворота. Шелгунову принадлежит заслуга ознакомления передовых русских современников с развитием рабочего движения в Западной Европе, с произведениями Маркса и Энгельса. Кроме работы Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (Шелгунов положил ее в основу своей статьи «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции» в той части ее, где речь идет о положении английского рабочего класса) ему были также известны работы К. Маркса «К критике политической экономии» и «Капитал». Некоторые из положений этих работ популяризировались Шелгуновым в его статьях. Так, первичность общественного бытия и вторичность общественного сознания была признана Шелгуновым «историческим законом»⁵⁸.

⁵⁶ Н. В. Шелгунов. Соч., т. II. СПб., 1891, стб. 240.

⁵⁷ Д. И. Писарев. Соч., в 4-х томах, т. 2, стр. 260.

⁵⁸ «Дело», 1883, № 6, отдел «Современное обозрение», стр. 48.

Шелгунов и Писарев касались в своих работах, посвященных всеобщей истории, истории войн.

Писарев высказывал глубокую мысль о том, что политика социального угнетения и войны тесно связаны между собой, поскольку они основаны на насилии. «Различные видоизменения войны и различные проявления рабства, — писал он, — наполняют собой все страницы всемирной истории. И война, и рабство существуют до наших времен; война до сих пор называется своим настоящим именем, а рабство в большей части образованных государств скрывается под другими формами и названиями, менее оскорбительными для просвещенных и сострадательных глаз и ушей»⁵⁹.

Но среди войн Писарев выделял те войны, которые велись нациями, защищавшими себя от порабощения: «Так было у нас в эпоху Минина и в 1812 году, так было в Испании во время войн ее с Наполеоном, в Германии — во время ее поголовного восстания в 1813 году, во Франции — при революционной борьбе ее с европейскими коалициями, в Италии — с самого начала нынешнего столетия, в Греции, возмущившейся против турецкого господства»⁶⁰.

Еще более широко освещал историю войн Шелгунов. Решительно осуждая захватнические войны, он показывал их тяжесть для народных масс, разоблачал милитаризм, неразрывно связанный с утверждением буржуазного строя. Он много писал и об опасности усиления прусского милитаризма во второй половине XIX в., предупреждая, какие новые бедствия он несет человечеству. Шелгунов, как и все революционеры-демократы, выступал убежденным сторонником мира между народами, связывая его с утверждением социалистических отношений, в чем выражалась последовательность его демократических убеждений.

Вопросы отечественной истории занимали весьма значительное место в литературном наследстве демократических деятелей 60-х годов. У большинства из них интерес к этим вопросам был, безусловно, преобладающим.

Однако эта сторона наследства демократических деятелей уже давно служит предметом внимательного изу-

⁵⁹ Д. И. Писарев. Соч., в 4-х томах, т. 2, стр. 230.

⁶⁰ Там же, стр. 282—283.

чения советских историков. Существует обширная литература об исторических взглядах А. П. Щапова⁶¹, появились очерки, посвященные историческим взглядам Г. З. Елисеева, И. А. Худякова, И. Г. Прыжова, С. С. Шашкова⁶². Еще ранее освещались исторические взгляды Н. В. Шелгунова⁶³. Пожалуй, только взгляды Д. И. Писарева на историю России еще не служили предметом специального рассмотрения, но они и не получили, как отмечалось нами, широкого отражения в его произведениях.

Учитывая работу, проделанную другими исследователями, необходимо точно определить содержание предлагаемого очерка. Мы попытаемся рассмотреть особенности историографической ситуации в России 60-х годов и указать на этой основе место революционной исторической мысли в русской историографии того времени, отметить некоторые различия в трактовке важнейших проблем истории России в среде революционных деятелей 60-х годов и, наконец, определить их основные достижения в изучении проблем отечественной истории.

Историографическая ситуация в России 60-х годов имела ряд новых моментов. К этому времени не только окончательно оформилась, но и заняла ведущее место в исторической науке пореформенной России буржуазная историография, представленная в тот период крупным ученым С. М. Соловьевым. На рубеже 50—60-х годов прошлого века в буржуазной историографии выделилась государственная школа, признанным лидером ее был буржуазный либерал правого толка Б. Н. Чичерин.

В концепциях буржуазных историков отразилось их убеждение в благотворности капиталистического развития для России. Не идеализируя патриархальной старины, они выступили сторонниками буржуазных социально-экономических и политических преобразований в России, но мыслили их только в виде преобразований

⁶¹ Историографическая справка о литературе, посвященной А. П. Щапову, содержится в упоминавшейся книге А. Н. Цамутали «Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в.». Л., 1971, стр. 93—107.

⁶² Там же, гл. 1, 4—6.

⁶³ Там же, гл. 2 (в ней приведена библиография). Ранее Цамутали взгляды Н. В. Шелгунова на историю России были освещены в нашей работе «История России в освещении революционеров-демократов». М., 1963.

«сверху», осуществляемых государственной властью при опоре на «общественное мнение». Эти преобразования должны были явиться, по мнению буржуазных историков, закономерным завершением того многовекового процесса исторического развития России от родовых отношений к торжеству государственных начал, который совершался, как они полагали, и в Западной Европе. Все буржуазные историки признавали творцом истории в России сильную государственную организацию, что с особой определенностью подчеркивалось представителями государственной школы. Такую организацию они считали надклассовой. Прославление самодержавного государства как могущественного деятеля русской истории объединяло Чичерина и его единомышленников с дворянскими историками, представителями официально-монархического направления, которое в пореформенный период уже утратило свое главенствующее положение в русской историографии. В итоге существенной особенностью русской исторической науки пореформенного периода было сближение между буржуазной и дворянской историографией. Дворянские историки типа Д. И. Иловайского использовали богатый фактический материал, включенный в научный оборот буржуазными историками, и их научнообразные аргументы для обоснования ведущей роли самодержавного государства в русской истории, буржуазные же историки, прежде всего «государственники», все более воспринимали основной тезис дворянской историографии о всемогущем значении самодержавия в истории России. Конечно, между ними сохранялись и существенные различия, в частности в понимании самого предмета истории, но для обнаружения новых тенденций важны те особенности, которые мы отметили⁶⁴.

Не все буржуазные историки поглощались государственной школой. Были среди них и ученые иной ориентации. К их числу относился Н. И. Костомаров — известный в свое время либерально-буржуазный историк. В его ранних трудах обнаружилось определенное влияние демократических идей, проявлялся интерес к народной жизни и народным движениям Степана Разина, Богдана

⁶⁴ Подробнее см. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. М., 1955, гл. VIII, § VI; т. II. М., 1960, гл. II, § I—III.

Хмельницкого. В 50—60-х годах прошлого века Костомаров относился к немногим представителям «левого фланга» буржуазной историографии.

Революционные деятели 60-х годов в основном верно учитывали особенности историографической ситуации своего времени. Как Чернышевский и Добролюбов, они решительно отвергали принципы официально-монархической историографии, подвергая ее бескомпромиссной критике. Для них в еще большей мере, чем для Чернышевского и Добролюбова, была ясна сущность буржуазной историографии. Признавая ее превосходство над официально-монархической историографией, а также содержащиеся в ней элементы более глубокого и разностороннего объяснения истории, демократические деятели подвергали критике коренные принципы буржуазной историографии — ее игнорирование решающей роли народных масс в истории и превращение в основную историческую силу самодержавного государства.

Сложнее было отношение демократических деятелей к Н. И. Костомарову. Некоторые из них воспринимали его концепцию борьбы двух начал в русской истории — удельно-вечевого, федеративного и начала единовластия, приведшего к утверждению самодержавия в России. Различные трансформации этой концепции мы находим у ряда представителей демократической историографии. Их подкупали и черты политической оппозиционности в воззрениях Н. И. Костомарова. Но демократические деятели не осознали природу этой буржуазно-националистической оппозиционности, а также научную несостоятельность этнографической трактовки Костомаровым русского и украинского исторического процесса, что составляло слабую сторону его концепции.

Однако революционно-демократическое направление в русской историографии в 60-х годах уже не было в такой мере единым, каким оно было в годы деятельности Чернышевского и Добролюбова.

В период подъема демократического движения в начале десятилетия оно значительно расширилось. Его составляли представители различных общественных кругов (преимущественно разночинцы), среди которых, как показали годы реакции в середине десятилетия, оказалось немало и временных попутчиков, которые стали отрекаться от передовых убеждений. Этот процесс затро-

нул не только рядовых деятелей, но и некоторых публицистов, ранее считавшихся вдохновителями демократического движения. Происходил отказ от революционных взглядов, усиливались реформистские настроения. Этот процесс не мог не проявиться и в «переоценке ценностей» в понимании истории. Показательна в этом отношении эволюция взглядов Г. З. Елисеева.

Неопровержим тот факт, что Г. З. Елисеев, начавший литературную деятельность в Казани с издания работ историко-религиозного характера (отнюдь не свидетельствовавших о его демократических воззрениях), в 80-х годах выступал уже либеральным народником. Что же касается лучшего периода его деятельности — сотрудничества в «Современнике», когда он испытывал идейное воздействие Чернышевского и Добролюбова и разрабатывал вопросы русской истории с демократических позиций, то этот период оказался для него лишь временным. Последующее творчество Елисеева доказало неустойчивость его политических и идейных позиций. Но даже в лучшую пору своей деятельности Г. З. Елисеев не достиг уровня Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова в разработке проблем истории России. Он обнаружил зависимость своих взглядов от Н. И. Костомарова, ему была свойственна идеализация древней Руси, правления Екатерины II.

Значительно больший вклад в освещение истории России с демократических позиций внес такой авторитетный историк-профессионал, как А. Н. Щапов, имя которого было широко известно. Однако не следует забывать того, что в политическом плане и он не обнаружил должной устойчивости. И не все в его исторических воззрениях положительно воспринималось более последовательными демократами, например Н. В. Шелгуновым. Кроме того, известно, что взгляды Щапова на историю России претерпели весьма существенную эволюцию в сибирский период его жизни, когда он сам отрекся от своей земско-областной концепции, изложенной им в работах первой половины 60-х годов, начав разработку «антрополого-социологической теории», в которой проявились его вульгарно-материалистические устремления в объяснении истории.

Несомненен вклад в разработку революционно-демократической концепции русской истории И. А. Худякова

и И. Г. Прыжова. Революционная настроенность названных деятелей не подлежит сомнению. Мы отмечали заслугу в освещении этих вопросов А. Н. Цамутали. Однако в его выводы все же необходимо внести некоторые коррективы.

Книга И. А. Худякова «Древняя Русь» свидетельствовала не столько о разработке революционно-демократической концепции русской истории, сколько о ее популяризации, так как И. А. Худяков в доступной для широких кругов читателей форме излагал то, что уже было выработано идеологами демократического движения. К тому же и степень распространения книги И. А. Худякова не следует преувеличивать. Большая часть издания была конфискована⁶⁵.

Сочинения И. Г. Прыжова в большей мере, чем работы Худякова, были основаны на самостоятельно изученных источниках по истории России, освещали ее новые стороны. Но некоторые из его работ (например, «Исторические науки в России») не увидели света и только в советское время найдены в архивах. Следовательно, их содержание не оказало общественного воздействия, хотя, конечно, свидетельствовало и о характере воззрений самого Прыжова, и о тех исканиях демократической исторической мысли, которые были свойственны ей в 60—70-х годах прошлого века.

В конечном же итоге оказывается, что наиболее последовательными в своих политических воззрениях и в разработке исторических проблем (в том числе вопросов русской истории) с революционно-демократических позиций в 60-х годах были такие известные публицисты, оказавшие сильнейшее влияние на новое поколение демократических деятелей, как Д. И. Писарев и Н. В. Шелгунов, которые внесли, как мы убедились, значительный вклад и в изучение теоретических проблем исторической науки.

Революционные деятели 60-х годов осветили в своих работах широкий круг проблем отечественной истории. Но их внимание к этим проблемам было неравномерным. Они выделяли те из них, освещение которых создавало им возможность в большей мере раскрывать собственное понимание истории России.

⁶⁵ Книга была издана нелегально «Рублевым обществом» в 1867 г.

Вопросы истории древней Руси до XV в. не заняли значительного места в работах демократических деятелей 60-х годов. Эти вопросы были достаточно освещены в свое время Белинским и Герценом, боровавшимися против славянофильской идеализации древней Руси. Писарев и Шелгунов касались вопросов истории этого периода преимущественно в целях борьбы против концепции буржуазных историков. Так, Н. В. Шелгунов неоднократно высказывал свое несогласие с теорией родового быта, исходя из которой буржуазные историки К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин пытались объяснить важнейшие явления истории древней Руси. Он считал эту теорию «кабинетной», не отражающей историческую действительность в ее конкретном содержании. В частности, Шелгунов полагал, что все отношения между русскими князьями в древний период легко могут быть объяснены и без родовой теории⁶⁶. По его мнению, князья в своих взаимоотношениях руководились не столько родовыми счетами, сколько опирались на силу. Междоусобные столкновения князей не способствовали развитию у них «гражданских понятий и государственного взгляда на свои обоюдные отношения и на свои отношения к народу», и потому «двести лет удельной жизни прошли не только бесплодно для цивилизации России, но не дали ей ни нравственной, ни материальной силы, которая могла бы спасти ее от внешних врагов»⁶⁷. Шелгунов солидаризировался с выводами тех историков, которые именно князей считали повинными в том, что русский народ потерпел поражение в борьбе с татаро-монгольскими завоевателями и страна оказалась под их игом на протяжении более двухсот лет⁶⁸.

Подчеркивая разрушительные последствия татарских завоеваний и тяжесть татаро-монгольского ига для народных масс, Н. В. Шелгунов не расходился в своих выводах с Чернышевским (как полагает А. Н. Цамутали), а лишь с большей определенностью подчеркнул решающее значение в ухудшении положения народных масс внутренних условий — усиления социального гнета и политической неполноправности народных масс. Знамена-

⁶⁶ Н. В. Шелгунов. Соч., изд. 2-е, т. I. СПб., 1895, стб. 222—223.

⁶⁷ Там же, стр. 223.

⁶⁸ Там же, стб. 223—224.

тельно, что неравноправность трудовых масс, переросшую затем в крепостническую зависимость, Шелгунов отмечал применительно еще к периоду удельной раздробленности: она, по его словам, «лежала в основе русского общественного быта и до появления монголов»⁶⁹. Такой вывод свидетельствует о глубине исторической мысли Н. В. Шелгунова.

Весьма актуален был для революционных деятелей в 60-х годах вопрос о создании централизованного государства в России. Направляя свои усилия на борьбу с самодержавным государством, они, естественно, интересовались историческими условиями его возникновения и укрепления.

В связи с разработкой этой проблемы следует подчеркнуть усилившуюся критическую направленность революционной исторической мысли в 60-х годах. Отдельные ее представители, прежде всего И. А. Худяков и И. Г. Прыжов, при этом не удерживались даже от крайностей, отходили от историзма в оценке конкретных событий и деятелей. В освещении проблемы образования централизованного государства в России такая особенность воззрений революционных деятелей выразилась в полном отрицании какого-либо положительного значения великокняжеской власти в этом процессе, в подчеркивании лишь отрицательных ее проявлений.

Усилившуюся критическую направленность революционной исторической мысли можно объяснить общими историческими условиями первого десятилетия пореформенного периода — углублением классовой борьбы в стране, обострением социальных противоречий и ненависти к самодержавному произволу. Не следует забывать также о том, что теоретическая подготовка таких деятелей, как Худяков и Прыжов, была заметно ниже, чем у признанных идеологов демократического движения периода его подъема.

Лишь Н. В. Шелгунов не только в большей мере сохранял традиции Чернышевского и Добролюбова, но и умел сочетать критическую направленность своих произведений с обогащением революционной исторической мысли позитивной разработкой ряда проблем.

Характерны в этом отношении суждения Шелгунова

⁶⁹ Н. В. Шелгунов. Соч., изд. 2-е, т. I. СПб., 1895, стб. 224.

о внутреннем строе Новгородской республики и его оценка присоединения Новгорода к Москве.

Известно, что присоединение Новгорода к Москве, начатое при Иване III и завершенное окончательно при Иване Грозном, знаменовало решающий успех в образовании единого Русского государства. Напомним, что в оценке этого процесса среди деятелей революционного движения обнаружились существенные различия. Герцен, продолжая традиции Радищева и декабристов, идеализировал вечевой строй Новгорода, преувеличивал его демократизм и осуждал присоединение Новгорода к Москве. Огарев, соглашаясь с Герценом в оценке политического строя Новгорода, не считал, однако, что Новгород мог стать центром собирания русских земель. Огарев полагал, что эту роль могла выполнить только Москва. Ближе всех к истине был Белинский, который в основном правильно оценивал политический строй Новгорода и считал, что его присоединение к Москве было неизбежным и прогрессивным.

В рассматриваемом вопросе Худяков и Прыжов шли за Герценом, подкрепляя свои оценки и авторитетом Н. И. Костомарова⁷⁰.

Н. В. Шелгунов же продолжал традиции Белинского. В ряде статей — «Россия до Петра Первого» (1864), «Романтизм русский» (1873) и особенно в запрещенной цензурой статье «Русский Восток» (продолжение статьи «Европейский Запад») — он дал обстоятельную характеристику политического строя Новгорода, отрицая его демократизм: «простору для личности было много, а гражданской связи почти не существовало»⁷¹, «действительного народоправства в Новгороде никогда не было»⁷², там была «кажущаяся свобода», а Новгород представлял собой аристократическую республику. Шелгунов развил и углубил обоснование мысли Белинского относительно социальной дифференциации в Новгороде, классовой борьбы в нем, называя Новгород «русским Римом», в котором управляли «бояре, богатые и лучшие люди»⁷³, «жизнь Новгорода проходила в смутах, в шумливой бес-

⁷⁰ А. Н. Цамутали. Указ. соч., стр. 125—126, 173.

⁷¹ Н. В. Шелгунов. Соч., изд. 2-е, т. I. СПб., 1895, стб. 209.

⁷² «Дело», 1873, № 8, стр. 97.

⁷³ Там же.

порядочности, в вечной уособице»⁷⁴. Шелгунов отмечал экономическую зависимость Новгорода от Москвы, что предопределяло утрату им самостоятельности, а также однородность экономических основ жизни Новгорода и Москвы, что, по его мнению, облегчало подчинение первого второй⁷⁵.

Шелгунов, однако, понимал, что расширение территории Русского государства являлось важной предпосылкой значительного усиления власти великих московских князей, которая при первом царе — Иване IV приобрела деспотический характер.

Внимание демократических деятелей к времени Ивана Грозного обуславливалось их стремлением на примере жестокого и кровавого правления этого царя разоблачить деспотический характер самодержавной власти, развенчать ее апологию дворянскими и буржуазными историками. В 60-х годах, как уже отмечалось, эта задача имела злободневное политическое значение.

По мнению Худякова, царствование Ивана Грозного — апогей деспотизма, произвола и беззакония, но отнюдь не нарушение общих норм самодержавного правления. Он рисует бесконечные казни бояр, расправы над Новгородом и Псковом, над широкими массами крестьянства, замечая, однако, что положение народных масс было неимоверно тяжелым и при предшественниках Ивана IV⁷⁶. Самодержавный произвол проявлялся и до этого царя, а при нем он лишь был усугублен его личными отрицательными качествами.

И. Г. Прыжов в рукописном произведении «Граждане на Руси» также характеризовал Ивана Грозного как самодержавного деспота, но объяснял его неистовства в годы опричнины злоупотреблениями бояр, в борьбе с которыми Иван IV прибегал к крайним средствам насилия⁷⁷. Орудием царского произвола у Прыжова выступают «приказные», на которых он и возлагает главную ответственность за притеснения народа.

⁷⁴ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 2, 1866 г., д. 76, ч. VIII, № 31 (запрещенные цензурой гранки статьи «Русский Восток»).

⁷⁵ Н. В. Шелгунов. Соч., изд. 2-е, т. I. СПб., 1895, стб. 212—214. Более подробно по этому вопросу см. нашу книгу «История России в освещении революционеров-демократов», стр. 165—168.

⁷⁶ И. А. Худяков. Древняя Русь. СПб., 1897, стр. 68—92.

⁷⁷ А. Н. Цамутали. Указ. соч., стр. 172—174.

Шелгунов и в оценке времени Ивана Грозного был более глубок и разносторонен сравнительно с Худяковым и Прыжовым. Он пытался раскрыть социальные основы его политики, отмечая, что Иван IV опирался в своей борьбе с боярами в годы проведения политики опричнины на новый слой служилых людей — дворян, «худородных», выделившихся благодаря своим личным заслугам. Шелгунов также подчеркивал жестокость и деспотизм Ивана Грозного, но был склонен объяснить их психической неуравновешенностью царя. Вместе с тем Шелгунов указывал и на то, что правление Грозного явилось «ближайшей причиной смутного времени», рассматривая тем самым его царствование в определенной исторической перспективе⁷⁸.

Не менее актуальной для революционно-демократической историографии была проблема закрепощения крестьян в России. Защитники интересов народных масс, революционные деятели, естественно, стремились изучить вопрос о том, как крестьянство утратило свою свободу, разоблачить искажения в освещении этого вопроса дворянскими и буржуазными историками. Известно, что в решении рассматриваемого вопроса были различия между отдельными идеологами революционной демократии. Можно проследить эволюцию в понимании этой сложной и важной проблемы в воззрениях других демократических деятелей. Но все они отчетливо понимали, что жестокая политика закрепощения крестьян осуществлялась самодержавным государством в интересах помещиков⁷⁹.

И. А. Худяков в своем произведении «Древняя Русь» связывает с царствованием Бориса Годунова окончательное закрепощение русского крестьянства — такова трактовка им отмены Юрьева дня⁸⁰, но он не рассматривает процесс закрепощения крестьян подробно, сосредоточив свое внимание на протесте народных масс против крепостнической политики самодержавного государства и в этой связи очень выразительно характеризует «смутное время».

⁷⁸ Н. В. Шелгунов. Соч., изд. 2-е, т. I. СПб., 1895, стб. 231.

⁷⁹ См. об этом более подробно в нашей книге «История России в освещении революционеров-демократов», стр. 189—199.

⁸⁰ И. А. Худяков. Древняя Русь, стр. 90—91, 107.

Прыжов по существу уклонился от оценки процесса закрепощения крестьянства в России, но очень подробно остановился на характеристике «смутного времени» как времени тяжелого и затяжного кризиса, в котором оказалось Русское государство, осложненного вмешательством внешних врагов⁸¹.

Шелгунов в оценке процесса закрепощения крестьянства в России занял наиболее правильную позицию не только сравнительно с Худяковым и Прыжовым, но и пошел дальше Чернышевского и Добролюбова, более подробно и определенно осветив этот процесс. Мы уже приводили суждение Шелгунова о том, что закрепощение крестьян в России своими истоками уходит ко времени до установления татарского ига. Шелгунов подчеркивал экономическую основу закрепощения крестьянства, которая проявлялась задолго до XVI в. Он заявлял, что не Борис Годунов ввел в России «рабство», понимая под последним закрепощение крестьян: «Рабство, как ком снега, катилось и росло с самого основания Руси и могло обойтись и без всякого Бориса Годунова». Уже введение Юрьева дня было «ограничением свободы», поэтому, «уничтожая Юрьев день, Годунов идет только дальше»⁸². Характеризуя развитие закрепощения крестьянства и пытаясь раскрыть его причины, Шелгунов писал в статье «Россия до Петра I» (1864): «То, в чем несправедливо обвиняют Бориса Годунова, сложилось весьма последовательно из понятий, живших много ранее и являвшихся вследствие многоземелья, экономического неразвития страны и недостатка средств для покрытия государственных потребностей. Людей вознаграждали за службу тем, что давали им землю. Этим устанавливались сразу отношения между владельцем и невладельцем, богатым и бедным. Поселившийся крестьянин платил землевладельцу натурой или деньгами. . . Экономической зависимостью крестьянина определялась и его гражданская зависимость от землевладельца»⁸³. Шелгунов отмечал повсеместный характер таких отношений. При переходе крестьянина от одного владельца к другому его положение не могло улучшаться: «везде его ожидали одни и те

⁸¹ Подробнее см. *А. Н. Цамутали*. Указ. соч., стр. 175—178.

⁸² «Дело», 1873, № 9, стр. 15.

⁸³ *Н. В. Шелгунов*. Соч., т. I. СПб., 1895, стб. 214.

же отношения. . . Переход хорош был больше для разнообразия, а не для улучшения положения»⁸⁴.

Шелгунов утверждал, что установление крепостнических отношений соответствовало интересам господствующего землевладельческого сословия и потому настойчиво осуществлялось самодержавной властью. Так, он указывал, что Борис Годунов, уничтожая Юрьев день, защищал интересы дворянства, в котором он искал опоры для своей власти: «Запрещение выхода было мерой. . . против старейших бояр, которые переманивали к себе народ от мелких и средних помещиков»⁸⁵. В другой статье он писал: «Закон Федора Ивановича. . . имел целью поддерживать небогатых землевладельцев»⁸⁶.

Шелгунов видел главную причину кризиса Русского государства в начале XVII в. в крепостнической политике самодержавного правительства, вызвавшей протест широких народных масс. Он еще более углубился и осложнился вмешательством польских и шведских интервентов. Народная борьба против закрепощения продолжалась на протяжении всего XVII в.

Шелгунов уделил большое внимание характеристике народных движений XVII в. В них он видел яркое выражение свободолюбия угнетенных масс и доказательство решающей роли народных масс в истории.

Именно народные массы, подчеркивал Шелгунов, спасли национальную самостоятельность России в начале XVII в. — в период борьбы с польско-шведской интер-

⁸⁴ Там же. Следует, однако, заметить, что Шелгунов был не всегда последователен в раскрытии значения экономических причин закрепощения. В статье «Государственный классицизм» (1873) он делал определенную уступку либерально-буржуазной теории «закрепощения и раскрепощения сословий», когда заявлял: «Крепостное право исходит. . . логически из идеи власти, прикрепившей к себе сначала дружину, а затем прикрепившей к дружине сельскую общину» (*Н. В. Шелгунов*. Соч., т. I. СПб., 1895, стб. 286). Здесь он рассматривал помещиков и крестьян как одинаково закрепощенных государством. Но в более поздней статье «Из истории русской деревни» (1879) Шелгунов сам же опровергал этот ошибочный тезис, утверждая, что в процессе закрепощения крестьян государственные и фискальные интересы «сливались с интересами помещиков и служилых людей, и от прикрепления народа выиграло больше всего не государство, а лишь одна правящая часть его населения» (*Н. В. Шелгунов*. Соч., т. II. СПб., 1895, стб. 325.).

⁸⁵ «Дело», 1873, № 9, стр. 15.

⁸⁶ *Н. В. Шелгунов*. Соч., изд. 2-е, т. I. СПб., 1895, стб. 215.

венцией. По мнению Шелгунова, не идея власти, не самодержавие «спасло Россию от государственного распада, не боярство спасло Россию... — спасло ее незрелое, несознаваемое, но тем не менее сильное и связывающее народное чувство земской России. И власть, и все органы власти оказывались вне этого чувства, как оказывались и повсюду в моменты государственных кризисов слуги абсолютизма неспособными ни на подвиги мужества, ни на проявления гражданского величия»⁸⁷. Так, бояре, боровшиеся с Борисом Годуновым за власть, готовы были, по словам Шелгунова, «призвать на Россию все беды...», они оказались «первыми интриганам»; «из боязни гонений Бориса Годунова», который усиливал самодержавную власть и опирался на служилых людей, бояре призвали Дмитрия самозванца, чтобы свергнуть Бориса Годунова «с престола этим средством»⁸⁸. Тем самым бояре оказались пособниками внешних врагов. В этих критических условиях государство оказалось спасенным благодаря патриотизму и героическим усилиям народных масс.

В награду народные массы, спасшие государство от распада, получили усиление крепостнических отношений и окончательное юридическое оформление крепостной зависимости по Соборному уложению 1649 г. Это еще более усилило недовольство масс и вызвало народные антикрепостнические движения второй половины XVII в.

Наиболее значительное внимание характеристике народных антикрепостнических движений Н. В. Шелгунов уделил в статьях, написанных в пореформенный период⁸⁹. Интерес Шелгунова к рассматриваемому вопросу находился, несомненно, в связи с его стремлением понять в свете исторического опыта неоправданность надежд лагеря революционной демократии на всероссийское крестьянское восстание в начале 60-х годов XIX в.

Шелгунов высоко оценивал значение крестьянского восстания под руководством Степана Разина. Как и все революционные демократы, он видел в нем выражение

⁸⁷ Там же, стб. 293.

⁸⁸ Там же, стб. 244.

⁸⁹ В этом отношении важны статьи Шелгунова «Россия до Петра I» (1864) и особенно «Романтизм русский» (1873), напечатанные в журнале «Дело».

стихийного протеста русского народа против всех форм закабаления и проявление могучих сил народа в борьбе с угнетателями за возвращение своей свободы. Разин поднял народ на борьбу, так как был убежден, что безмерно тяжелое положение народа и все «зло происходило от злоупотребления бояр, дворян и приказных»⁹⁰. Шелгунов верно указывал, что наиболее активной силой грозного народного движения с самого начала было казачество и потому его наиболее выдающийся и отважный предводитель возглавил восстание. Раскрывая историческое происхождение казачества, Шелгунов отмечал, что оно создано из беглецов, которые спасались на Дону от невыносимого гнета и были способны отстаивать свою свободу. «Казачество, — писал Шелгунов, — было последней попыткой людей, желавших спасти свою личную самостоятельность; людей, которые чувствовали всю тяжесть тогдашнего гражданского порядка»⁹¹. Казачество и самого Степана Разина Шелгунов рассматривал как выразителей «народного романтизма», чувства свободы и независимости личности, чувства стихийного, но сильного и глубокого, всегда свойственного народным массам. «Романтизм русский», по словам Шелгунова, — «чисто народная струя, охватывающая всю народную жизнь, он ее восьмисотлетний пульс, никогда не перестававший биться»⁹². В этом образном, но, безусловно, идеалистическом определении Шелгунов охарактеризовал непоколебимое стремление народных масс к социальному освобождению. Он оставил также яркую оценку Степана Разина, исполина, выдвинутого народом и выражавшего его неиссякаемый порыв к вольной жизни: «Разин не разбойник и не человек зауряд. . . все склоняется пред его нравственной силой». Он наиболее полно воплотил в себе «идеалы казачества»⁹³, стремления к воле.

Шелгунов охарактеризовал широкий размах движения, возглавленного Разиным, сила которого заключалась в народной поддержке, в деятельном участии в восстании крестьянских масс, отметил значительные успехи восставших, их самоотверженность и бесстрашие в борьбе с угнетателями, подчеркнул роль Степана Разина как

⁹⁰ «Дело», 1873, № 9, стр. 33.

⁹¹ Н. В. Шелгунов. Соч., изд. 2-е, т. I. СПб., 1895, стб. 218—219.

⁹² «Дело», 1873, № 9, стр. 30.

⁹³ Там же, стр. 33.

воёначальника. Шелгунов указывал на огромное впечатление, произведенное восстанием на современников, восхищался личностью Степана Разина и его мужественным поведением перед казнью⁹⁴. Разин пошел на эшафот ради общенародного дела, этот народный герой сравнивался Шелгуновым с Яном Гусом⁹⁵.

Указывая на отличительные особенности народного движения, возглавленного Степаном Разиным, Шелгунов одновременно обстоятельно осветил и его слабые стороны, предопределившие поражение восстания. Наиболее слабой стороной народного возмущения он считал отсутствие у восставших осознанных политических стремлений — «головного элемента», по определению Шелгунова. Одним из выражений этой слабости являлись царистские иллюзии восставших. «Как бы трудно ни жилось народу, — писал Шелгунов, — он был уверен, что зло не от царя», а только от бояр, от воевод и приказных. В связи с этим он отмечал непоследовательность, свойственную Разину, который сохранял верность «царю-батюшке». «Но как же эту верность великому государю согласить... с отрицанием всех форм учреждений государственных?» — спрашивал Шелгунов. Разин «читит «великого государя»... и в то же время разрушает весь государственный порядок и рассылает по всей стране своих эмиссаров возмущать народ против власти»⁹⁶. Эта двойственность, справедливо заключал Шелгунов, убедительно доказывала отсутствие у восставших ясного политического сознания. Другим выражением той же слабости народного движения Шелгунов считал неясность представлений у восставших о государственном строе, который следовало создать на месте разрушаемого. Разин, «уничтожая московский порядок... заменял его казачьим кругом и не понимал того, что этот порядок годился только для военной казачьей общины и не годился для обширного и разбросанного земледельческого московского государства»⁹⁷.

⁹⁴ Н. В. Шелгунов. Соч., изд. 2-е, т. I. СПб., 1895, стб. 217—218.

⁹⁵ См. статью Н. В. Шелгунова «О воспитании человека» из серии «Психологические письма» (ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 2, д. 35, л. 5).

⁹⁶ «Дело», 1873, № 9, стр. 33—34.

⁹⁷ Там же, стр. 37.

Шелгунов часто называл в своих произведениях народное движение, возглавляемое Разиным, как и другие народные возмущения, «бунтом». В этом определении сказывалась не только дань традиции современной Шелгунову историографии, не только необходимость считаться с требованиями цензуры, но также и стремление автора отметить стихийный характер движения, отсутствие у восставших отчетливого политического сознания.

Однако было бы неправильно полагать, что благодаря своему пониманию слабых сторон народных движений XVII в. Шелгунов рассматривал их как бесплодные. Он с горечью описывал поражение восставших, но полагал, что эти движения обнаруживали и усиливали «государственную неурядицу», раскрывали пороки государственной организации, вносили замешательство в господствующие сословия и тем самым настойчиво выдвигали перед ними необходимость преобразований в государственном строе страны. Таковы были, по Шелгунову, объективные последствия народных движений. Первые Романовы — цари Михаил и Алексей — «не вносят в свою внутреннюю политику никакого нового элемента», указывал Шелгунов. Они правят государством старыми средствами, применяя только насилие, используют «голую власть», что приводит постепенно страну к разорению и порождает народные возмущения. После подавления восстания под предводительством Степана Разина ничего не изменилось, и это грозило «новым кризисом». «Нужно было найти что-то новое, — заключал Шелгунов, — необходимо было выработать «государственное сознание»»⁹⁸. Согласно идеалистическому выводу Шелгунова, носителем этого сознания выступил Петр I, осуществивший ряд преобразований. Так, оценка событий русской истории второй половины XVII в. подводила Шелгунова к обоснованию исторической необходимости реформ, проведенных в России в первые десятилетия XVIII в.

Деятели 60-х годов смогли внести лишь некоторые дополнения в разработку вопроса о реформах Петра I. Рассматривая петровские преобразования, они должны были опираться на итоговые оценки этих реформ идеологами демократического движения.

⁹⁸ Н. В. Шелгунов. Соч., изд. 2-е, т. I. СПб., 1895, стб. 293, 294.

Выразителем крайних суждений об отрицательных последствиях реформ Петра I для народных масс в 60-х годах выступил Д. И. Писарев в своей статье «Бедная русская мысль» (1862). Писарев проводил мысль о насильственном характере петровских преобразований, он относил Петра I к цивилизаторам, «насильно благодетельствующим человечество»⁹⁹.

Д. И. Писарев настойчиво подчеркивал равнодушие крестьянства к петровским преобразованиям. По его мнению, «народ... ничего не знал о действиях и намерениях правительства; по правде сказать, он и не старался узнавать; ему нечем было интересоваться; только увеличение денежных налогов или естественных (натуральных. — В. И.) повинностей напоминало ему порою о существовании центральной власти; на что шли собираемые деньги, куда тратились живые силы, выхватываемые из его среды, об этом было бесполезно спрашивать». Писарев полагал, что в отношении к самому Петру I народная масса «не чувствовала... ни любви, ни ненависти, ни боязни»¹⁰⁰.

В своей же общей оценке реформ Петра I Писарев расходился с Белинским¹⁰¹ и Добролюбовым. Он не считал эти реформы выражением назревших потребностей. Скрытой полемикой с Белинским и Добролюбовым представляется следующее заявление Писарева: «Цивилизаторские попытки Петра прошли мимо русского народа; ни одна из них не прохватила вглубь, потому что ни одна не была вызвана живою потребностью самого народа»¹⁰². Однако, стремясь исправить преувеличения Добролюбова и особенно Белинского в оценке реформ Петра I, Писарев сам допустил другую крайность, отрицая национальное значение этих реформ. Писарев, например, доходил до утверждения о том, будто бы народу не было дела до того, что «шведский король разбит под Полтавою»¹⁰³, тогда как Полтавская битва имела важное зна-

⁹⁹ Д. И. Писарев. Соч., в 4-х томах, т. 2, стр. 66.

¹⁰⁰ Там же, стр. 69—70.

¹⁰¹ В статье «Бедная русская мысль», из которой взяты приведенные высказывания Д. И. Писарева, он вполне определенно заявляет о своем несогласии с оценкой реформ Петра I Белинским (Д. И. Писарев. Соч., в 4-х томах, т. 2, стр. 65—66).

¹⁰² Там же, стр. 69.

¹⁰³ Там же, стр. 64.

чение для утверждения национальной независимости русского народа.

Ближе к истине был Н. В. Шелгунов, который также отмечал односторонний характер реформ Петра I: «...Петровская реформа как правительственно-государственное движение, оставшееся в то время чуждым для народного понимания, является переворотом односторонним, а не всеобщим»¹⁰⁴, но не отрицал их прогрессивного значения.

Шелгунов в целом высоко оценивал результаты петровских преобразований, в частности реформы армии и флота. Он утверждал, что «военная реформа удалась Петру совершеннее всего. Через двадцать лет он уже бил первую армию тогдашней Европы»¹⁰⁵, однако «устройство армии и флота отнимало от России весь ее гражданский элемент»¹⁰⁶, и поэтому военные преобразования тормозили осуществление других реформ. Тем не менее и эти реформы, хотя и замедленно, осуществлялись.

Более того, Шелгунов спустя год после опубликования статьи Писарева «Бедная русская мысль» в том же журнале «Русское слово», как бы нейтрализуя крайние выводы Писарева (сам впадая в другую крайность), называл реформы Петра I «революцией». Вопреки славянофилам Шелгунов утверждал, что эти реформы были органическим порождением русской истории¹⁰⁷, а сам Петр I выступил как деятель «истинно русский», в котором «чувствуется и чисто русское народное начало»¹⁰⁸. В одной из итоговых оценок деятельности Петра I, данной Шелгуновым в запрещенной цензурой части его статьи «Европейский Запад и русский Восток», он отмечал, что «суровый патриотизм Петра I воплощал в себе полное подчинение идее величия и блага России». В той же статье личность Петра I получила следующую примечательную характеристику: «Петр не был выше своего века, но чтобы русскому человеку того времени подняться и до этой высоты — требовались исключительные умственные силы, а чтобы стать реформатором — нечеловечески железный характер. Петр был «государствен-

¹⁰⁴ «Дело», 1869, № 3, стр. 45.

¹⁰⁵ Н. В. Шелгунов. Соч., изд. 2-е, т. I. СПб., 1895, стб. 296.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ «Русское слово», 1863, октябрь, стр. 14.

¹⁰⁸ Н. В. Шелгунов. Соч., т. I. СПб., 1895, стб. 301.

ник» и «монархист» — а другим он и не мог быть, по своему рождению, положению и по идеям того времени. Но в пределах этих идей он стоит на такой недосыгаемой высоте, что в Европе с ним может сравниться разве Карл Великий, а в России ни до, ни после его не было ему равного»¹⁰⁹.

В приведенных оценках Шелгунова, несомненно, содержатся элементы идеализации преобразований Петра I и личности самого реформатора. Но важно отметить стремления Шелгунова раскрыть прогрессивные стороны преобразований первой четверти XVIII в.

Что касается так называемого послепетровского периода русской истории и особенно новейшего ее времени, то революционеры 60-х годов были стеснены в его освещении не менее Чернышевского и Добролюбова и потому касались этого периода лишь в эпизодических, как правило, суждениях. Однако и они представляют несомненный интерес, особенно тогда, когда раскрывают проблему роли народных масс в истории России.

Более всего таких суждений мы находим в произведениях Н. В. Шелгунова. Среди них следует выделить его представления о царствовании Екатерины II. Продолжая традиции Герцена и Огарева, Шелгунов разоблачал демагогический характер политики этой императрицы. Ее царствование представлялось Шелгунову временем произвола временщиков-фаворитов, которые «обогащались и своевольничали», временем «вельмож-чиновников», временем «закрепощения народа десятками тысяч», «введения крепостного права в свободной Малороссии», «повсюдного народного нищенства» и «повального голода»¹¹⁰.

С особым вниманием Шелгунов осветил широкое антикрепостническое движение под предводительством Е. Пугачева, развернувшееся в царствование Екатерины II. В нем Шелгунов видел ответ народных масс на все темные стороны этого царствования, и прежде всего на крепостническую политику правящих верхов. Оценка восстания под предводительством Пугачева у Шелгунова в общем совпадает с выводами других революционно-демократических деятелей — Герцена, Огарева, Черны-

¹⁰⁹ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 2, 1866, д. 76, ч. VIII, л. 32.

¹¹⁰ Н. В. Шелгунов. Соч., изд. 2-е, т. I. СПб., 1895, стб. 304—305.

шевского и Добролюбова, но она содержит в себе и новые элементы, отражающие особенности исторических взглядов Шелгунова и его стремление осмыслить опыт крестьянских движений прошлого в свете условий, наступивших после неудачи революционного натиска в 1859—1861 гг.

Используя некоторое облегчение цензуры, Шелгунов раскрывал причины крестьянской войны под предводительством Пугачева. Он писал в статье «Попытка русского сознания» (1872): «Царствование Екатерины представляет целый ряд народных волнений; все знали, что они происходят не от того, что народу хорошо; пугачевщина произвела такое потрясение, что ни один мыслящий человек не мог не задуматься над этим событием; вопрос о вреде крепостного права уже шевелился и даже обсуждался в литературе»¹¹¹.

В восстании, возглавленном Пугачевым, Шелгунов видел вооруженный протест против усиления крепостничества. В одной из запрещенных цензурой статей он писал: «Наиболее выдающийся факт этого рода и по размеру активного вооруженного протеста представляет пугачевщина. Ею были подняты громадные силы, всколыхнулась чуть ли не половина России, но по существу дела она явилась только порывом протестующего недовольства»¹¹².

В статье «Романтизм русский»¹¹³ Шелгунов дал наиболее развернутое в революционно-демократической историографии освещение восстания под предводительством Пугачева. В рассматриваемой статье он раскрыл не только причины восстания, но и показал его ход, рассмотрев при этом такие важные вопросы, как военная организация восставших, позволявшая им наносить поражение

¹¹¹ Там же, стб. 422.

¹¹² ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 2, 1866, д. 76, т. VIII, л. 32.

¹¹³ Эта статья была первоначально напечатана в журнале «Дело» (1873, № 7—9). В 1881 г. Н. В. Шелгунов воспроизвел свою характеристику восстания, возглавленного Пугачевым, в статье «Исторические факторы смутных мировоззрений», предназначенной для сборника «Отклик», но этот сборник был запрещен цензурой. Одной из причин запрещения являлась оценка Шелгуновым народных восстаний (ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 3, 1881, д. 42, л. 12—14). Статья «Романтизм русский» вошла в издание сочинений Н. В. Шелгунова 1891 г., но была запрещена цензурой для издания 1895 г. (ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 4, д. 134, л. 5).

правительственным войскам, программа восставших, агитация агентов Пугачева среди крестьян для привлечения их к движению, решительная расправа с дворянами и другими врагами восстания и ряд других. Шелгунов справедливо отметил, что в смысле военной организации восстание под предводительством Пугачева заметно превосходило восстание, возглавленное Разиным. Он дал высокую оценку самому Пугачеву как вождю восставших: «Это был человек выдающихся способностей, необыкновенно отважный и энергичский»¹¹⁴.

Много внимания уделил Шелгунов вопросу о причинах поражения восстания. Как и все революционеры-демократы, он видел их в стихийности крестьянского возмущения, в неорганизованности восставших. Но в трактовку этого вопроса он вносил и новые моменты, своеобразно подчеркивая особое значение политической несознательности как руководителей движения, прежде всего самого Пугачева, так и его рядовых участников. Они рассматривались Шелгуновым, как и участники восстания под предводительством Разина, в качестве носителей стихийного стремления к свободе и независимости. Эти стремления не были освещены сознательной мыслью, поэтому восставшие крайне смутно представляли цели своей борьбы, не понимали особенностей того общественного строя, который должен сменить собой строй разрушаемый. В этом разладе чувства и мысли Шелгунов склонен был усматривать основную слабость крестьянских восстаний. «Что же мог дать протестующий романтизм, что он давал в тех случаях, где ему удавалось восторжествовать? — спрашивал Шелгунов. — Он давал только возбуждение страсти, сильный порыв, удивительную, необычайную энергию отдельных лиц; но ни в чем и нигде того могучего интеллектуального момента и тех выработанных и сознательных организационных средств и планов, которые в замену одного неудовлетворительного порядка могли бы создать другой, удовлетворительный. Пугачевщина только поднимала повсюду свою недовольную голову и владела одними средствами разрушения. Пугачев, взявший на себя ответить на вопросы народной жизни. . . взявший на себя удовлетворить всех страдающих и угнетенных и водворить в России земной

¹¹⁴ Н. В. Шелгунов, Соч., т. I. СПб., 1891, стб. 440.

рай, предложил в ответ только «казацкий круг». Шелгунов объяснял это тем, что, «продукт народной жизни и казачества, Пугачев не прошел школы мысли и не стоял выше понятий народа»¹¹⁵.

Шелгунов был во многом прав в понимании существа вопроса о причинах поражения крестьянских восстаний, в том числе восстания под руководством Пугачева, подчеркивая политическую незрелость участников этих восстаний. Но форма, в которую он облекал свои выводы, доказывала идеалистический характер его собственного мировоззрения, обнаруживала слабую сторону его исторических взглядов. Констатируя разлад между чувством и мыслью у народных масс, Шелгунов не наполнил свой вывод конкретным социально-экономическим содержанием, из-за чего важная социальная проблема классовой борьбы крестьянских масс против крепостничества превращалась Шелгуновым по существу в абстрактную психологическую проблему. В этом отношении Шелгунов делал шаг назад от Чернышевского и Добролюбова.

Применительно к характеристике более поздних событий в истории России у Шелгунова имеются лишь отдельные разрозненные высказывания, например о деятельности Сперанского, о некоторых явлениях русской культуры. Такие темы, несомненно интересовавшие Шелгунова, как движение декабристов, передовая общественная мысль России, были для него запретными.

Подводя итоги развитию демократической исторической мысли в России 60-х годов, следует подчеркнуть, что она в лице своих наиболее выдающихся представителей Н. В. Шелгунова и Д. И. Писарева внесла существенный вклад в революционно-демократическую историографию — в познание закономерностей исторического процесса, в разработку проблем всеобщей, и особенно русской, истории.

Лучшими своими достижениями демократическая историческая мысль была обязана традициям Чернышевского и Добролюбова — критикой дворянской и особенно буржуазной историографии, раскрытием роли народных масс в истории, борьбой против апологетики самодержав-

¹¹⁵ Н. В. Шелгунов. Соч., т. I. СПб., 1891, стр. 445.

ной власти в истории России и т. п. Напротив, отступления демократических деятелей 60-х годов от этих традиций обуславливали слабые стороны их исторических воззрений.

Отличительной чертой произведений революционных деятелей 60-х годов было стремление популяризировать демократические воззрения на историю. Публицистическая форма этих произведений, обычно связанная с полемически заостренным характером изложения, или популярное освещение исторических проблем иногда порождали некоторые упрощения в понимании исторических явлений, их одностороннюю оценку. Этим, в частности, отличались произведения И. А. Худякова и И. Г. Прыжова, отчасти Д. И. Писарева.

Наиболее последовательным продолжателем традиций Чернышевского и Добролюбова в 60-х годах в России был Н. В. Шелгунов, который своими выступлениями по вопросам истории как бы дополнял одновременную деятельность Герцена и Огарева за границей. Вместе с тем он был выше многих своих современников в теоретическом отношении, в большей мере реализовал принцип историзма в оценке тех событий и явлений истории, которые привлекали его внимание. К тому же Шелгунов испытал влияние марксизма в истолковании важных проблем современности и осветил в целом более широкий круг исторических проблем, чем другие представители революционно-демократической исторической мысли в России 60-х годов.

**Завершающий этап в развитии
домарксистской революционной
исторической мысли в России**

Литература о революционном народничестве в России весьма обширна, как дореволюционная, так и в особенности советская. Советские историки внимательно изучали развитие революционного движения народников, их политические воззрения, деятельность народнических организаций, издав ряд ценных монографий, посвященных этим вопросам¹.

В разительном контрасте с этими несомненными и значительными успехами в исследовании названных вопросов находится изучение исторических воззрений революционных народников. Работ по этому вопросу крайне недостаточно.

В той или иной мере освещались социологические взгляды идеологов революционного народничества. Наибольшее внимание в этом отношении уделено П. Л. Лаврову, который был крупнейшим социологом в среде революционных народников².

Лишь в работах последнего времени стало уделяться больше внимания изучению народнической социологии в более широком плане, а также народнической историографии. Однако по-прежнему в центре внимания исследователей находится П. Л. Лавров. Но это обстоятельство

¹ «Народничество в работах советских исследователей за 1953—1970 гг.». Указатель литературы. М., 1971.

² Среди дореволюционных изданий о Лаврове следует отметить работу Н. И. Кареева «Теория личности П. Л. Лаврова» (СПб., 1901), в которой он считал достоинством Лаврова как раз то, что было его недостатком, — эклектизм, а также работу Б. Камкова «Историко-философские воззрения П. Лаврова» (Пг., 1917). Камков считает Лаврова основоположником «научной социологии» и предшественником эсеров. И та и другая точки зрения подверглись критике в трудах советских ученых.

объясняется не намеренным ограничением круга изучаемых деятелей революционного народничества, а прежде всего тем, что в литературном наследстве Лаврова наиболее широко представлены проблемы социологии.

Так, в 1958 г. была издана работа Н. Л. Маркиной «Социологические взгляды П. Л. Лаврова»³, в которой она попыталась раскрыть сочетание в социологии Лаврова идеалистических ее основ с элементами материализма, особенно в работах последних десятилетий его жизни.

В 1960 г. был издан второй том «Очерков истории исторической науки», в котором специальная глава, написанная А. М. Станиславской, была посвящена народнической историографии 70—90-х годов. Заслуга автора заключается в попытке освещения народнической историографии в целом, на двух основных этапах ее развития. Однако столь широкие задачи исследования не могли быть разрешены достаточно полно в рамках сравнительно небольшой главы. Эта задача особенно осложнялась тем, что в предшествующей литературе исторические взгляды даже виднейших идеологов народничества были по существу не изучены. А. М. Станиславская оценивает в общей форме историческую концепцию революционных народников и раскрывает ее содержание на примере анализа воззрений П. Л. Лаврова, М. И. Венюкова, В. В. Бervi-Флеровского, особенно внимательно характеризуя исторические взгляды П. Л. Лаврова. Она не без основания считает его «единственным среди народников, кто серьезно, по-профессиональному интересовался историей и теорией исторического процесса и оставил значительное количество исторических работ и высказываний по историческим проблемам»⁴.

В 1969 г. В. Ф. Антоновым была защищена докторская диссертация на тему «Историческая концепция П. Л. Лаврова и оценка им основных этапов всемирной и русской истории». В этой диссертации впервые с такой обстоятельностью и на основе анализа не только всего литературного наследства, но и архивных материалов раскры-

³ Н. Л. Маркина. Социологические взгляды П. Л. Лаврова. — «Труды Института философии АН БССР», вып. I. Минск, 1958.

⁴ А. М. Станиславская. Народническая историография 70—90-х годов. — «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II. М., 1960, стр. 181.

ваются социологические основы исторической концепции П. Л. Лаврова и ее конкретное содержание. Важнейшие выводы диссертации и отчасти ее конкретный материал, особенно в разделе всемирной истории, получили отражение в печатных работах В. Ф. Антонова⁵. В этих работах не только доказывается преданность П. Л. Лаврова революционным идеалам 60—70-х годов на протяжении всей его жизни, не только характеризуются основные черты и особенности его историко-социологической концепции, но и оценивается эволюция исторических взглядов Лаврова, усиление в них материалистических тенденций, которые, однако, не дают оснований говорить о преодолении им идеалистического понимания истории, а также свойственных ему позитивизма и эклектизма. При всем этом историческим взглядам П. Л. Лаврова, справедливо утверждает В. Ф. Антонов, всегда были присущи революционно-демократическое содержание и критическая направленность против дворянской и буржуазной историографии. В целом к такой оценке следует присоединиться. Она представляется убедительной, за исключением трактовки отдельных вопросов⁶.

После работ В. Ф. Антонова советские историки почти не обращались к изучению исторической концепции революционных народников. Исключение составляет лишь статья академика Н. М. Дружинина, посвященная историческим взглядам В. В. Берви-Флеровского⁷.

С присущими Н. М. Дружинину мастерством анализа и блеском изложения в статье рассматриваются весьма сложные и противоречивые исторические воззрения Берви-Флеровского — одного из идеологов революционного

⁵ В. Ф. Антонов. Учение Лаврова. Революционное народничество. М., 1965; его же. Философско-исторические взгляды П. Л. Лаврова. — «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской». Кафедра философии, т. 221, вып. 12. М., 1968.

⁶ Так, например, не решен автором достаточно определенно вопрос об отношении историко-социологических воззрений П. Л. Лаврова к исторической концепции Чернышевского и Добролюбова. Мог бы быть расширен также историографический фон — характеристика русской и европейской историографии второй половины XIX в., что позволило бы автору точнее определить место П. Л. Лаврова в развитии историко-социологической мысли его времени.

⁷ Н. М. Дружинин. Исторические взгляды В. В. Берви-Флеровского. — «Проблемы истории общественного движения и историографии», [сб.]. М., 1971, стр. 312—329.

народничества 70-х годов, раскрывается их эволюция. Отнюдь не обходя противоречий в исторических взглядах Берви-Флеровского, а, напротив, научно их объясняя, не скрывая субъективно-идеалистических основ его воззрений, эклектического их характера, содержащихся в них элементов анархизма, Н. М. Дружинин вместе с тем показал боевой демократизм исторических воззрений Берви-Флеровского, их направленность против дворянско-буржуазной историографии, а также большие заслуги этого деятеля в пропаганде революционных взглядов на историю в 70-х годах — в период подъема демократического движения в России. Статья Н. М. Дружинина убеждает в том, какие широкие возможности открывает глубокое и всестороннее изучение исторических воззрений революционных народников и является образцом такого изучения.

Материал о социологических воззрениях идеологов революционного народничества содержится в общих работах последних лет. Так, в критическом очерке И. Б. Зильбермана «Политическая теория анархизма М. А. Бакунина» (1969) имеется глава «Философские и социологические основы политической теории М. А. Бакунина». Подобный материал мы находим и в работах советских философов А. А. Галактионова и П. Ф. Никандрова «Русская философия XI—XIX веков» (1970), и в коллективном многотомном труде «История философии в СССР».

Вообще советские философы внесли заметный вклад в изучение социологических воззрений революционных народников. В этом, в частности, убеждает книга В. А. Малинина «Философия революционного народничества» (1972). Не вдаваясь в подробную оценку книги, отметим, что автор исследует философские, преимущественно социологические, взгляды не только всех виднейших идеологов революционного народничества путем их сравнительного анализа, но и взгляды также рядовых деятелей, «практиков» революционной борьбы. Поэтому исследование осуществляется не только на основе внимательного анализа всех опубликованных материалов, но и посредством изучения архивных материалов, что является его несомненным достоинством.

Благодаря насыщенности монографии В. А. Малинина конкретным материалом она помогает изучению не

только социологических, но также и исторических взглядов революционных народников.

Однако проделанная работа, безусловно, недостаточна, особенно в изучении исторических воззрений революционных народников. Источниковедческая база для такого исследования огромна: программные документы революционных народнических организаций, многочисленные произведения, их периодические издания, а затем и воспоминания деятелей народнического движения, прокламации, популярная агитационная литература и многие другие опубликованные источники, а также обширнейшие архивные материалы. Поэтому последующее углубленное изучение исторических воззрений революционных народников потребует, несомненно, коллективных усилий советских историков. Отдельные же из них должны ограничивать свои задачи.

Свою задачу автор видит в том, чтобы оценить уже проделанную работу советских исследователей в изучении интересующей нас проблемы, дополнить ее некоторыми новыми изысканиями и попытаться на этой основе определить характер исторических взглядов революционных народников и их место в развитии революционной исторической мысли в России в домарксистский период.

Революционные народники выступали наследниками и продолжателями традиций революционеров-демократов 60-х годов. Они также являлись выразителями революционных настроений крестьянства в борьбе с пережитками крепостничества, были преисполнены веры в грядущую народную революцию, которая сметет самодержавие и помещичье землевладение и, по убеждению революционных народников, при опоре на сельскую общину обеспечит России некапиталистическое развитие, утвердив в ней социалистические отношения. Однако революционные народники выступали в изменившихся условиях пореформенного развития России, когда надежды на крестьянскую революцию в начале 60-х годов не сбылись, демократический подъем сменился реакцией, в деревне шел процесс расслоения крестьянства. Поэтому оформлявшаяся народническая идеология при сохранении черт принципиальной общности с идеологией революционеров предшествующих десятилетий приобретала и существенные новые особенности.

Эти новые особенности народнических воззрений получили исчерпывающую классическую характеристику В. И. Ленина:

«1) Признание капитализма в России упадком, регрессом. . .

2) Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности. . .

3) Игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов»⁸.

Указанные принципы народнической доктрины получили свое теоретическое, в том числе и историко-социологическое, обоснование у идеологов революционного народничества — М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачева, Н. К. Михайловского. Первым среди них выступил П. Л. Лавров, издававший в 1868—1869 гг. свои знаменитые «Исторические письма», которые вскоре приобрели широкую популярность в демократических кругах и сыграли значительную роль в революционном воспитании молодежи.

Важнейшая примечательная особенность этого произведения сводилась к обоснованию исключительной роли интеллигенции в революционной борьбе. Она выступала у Лаврова не только просветителем народных масс, но и основным деятелем освободительного движения, призванным возратить свой «долг народу», давшему интеллигенции возможность подняться на высоты культуры и гражданского самосознания.

Полностью сохранив сочувствие народным массам, считая основной целью революционной борьбы их социальное освобождение, главную роль в этой борьбе П. Л. Лавров отвел революционно настроенной интеллигенции.

Но подобным общим выводом о роли интеллигенции Лавров в «Исторических письмах» не ограничился. В этом произведении он заложил основы субъективно-идеалистической социологии.

Субъективно-идеалистический характер народнической социологии отличал ее от социологических воззрений Чернышевского и Добролюбова, стремившихся рас-

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 528—529.

крыть объективные основы общественного прогресса. Народнические же теоретики не понимали объективного значения закономерностей общественного развития или полностью их отрицали. Так, Лавров в «Исторических письмах» давал позитивистское толкование задачам и методу социологии. Вслед за буржуазным социологом-позитивистом Огюстом Контом Лавров полагал, что общественное развитие может быть понято на основе применения к его изучению выводов наук о природе. В итоге общественное развитие лишалось своей специфики и вместе с тем социология обособлялась от исторической науки, приобретая самодовлеющее значение. По мнению Лаврова, историк в отличие от социолога имеет дело только с конкретными фактами и связь между ними он устанавливает субъективно. Лавров отрицал объективное содержание человеческих знаний о развитии общества, утверждая, что истиной для нас является то, «что нам кажется истиною»⁹. Он не отвергал прогрессивного характера общественного развития, заявляя, что «в процессе истории мы неизбежно видим прогресс», но этому понятию придавал субъективно-идеалистическую трактовку, видя в нем «историческую группировку событий»¹⁰, осуществляемую самим социологом. Полагая вместе с тем, что прогресс достигался деятельностью отдельных личностей, Лавров подменял классовые противоречия в обществе противоречием между личностью и обществом. При этом общество превращалось в объект воздействия со стороны «критически мыслящих личностей», преследующих свободно избранные цели. «Критически мыслящие личности» выступали у Лаврова носителями прогресса и его творцами: «...единственный реальный деятель прогресса: личность, определяющая свои силы, и дело, ей доступное. Мысль реальна лишь в личности»¹¹. Именно такими рассуждениями, проникнутыми субъективно-идеалистическим пониманием общественного развития, Лавров стремился обосновать особую роль передовой интеллигенции как просветительной и революционной силы в условиях России.

⁹ П. Л. Лавров (П. Миртов). Исторические письма, изд. 4-е. СПб., 1906, стр. 311.

¹⁰ Там же, стр. 39.

¹¹ Там же, стр. 125.

Значительно дальше в субъективно-идеалистическом истолковании общественного развития пошел Н. К. Михайловский, начавший свою литературную деятельность еще в конце 60-х годов, но завершивший ее уже в качестве идеолога либерального народничества.

Разделяя субъективно-идеалистические воззрения на роль личности в истории Лаврова, Михайловский придал им крайнее выражение. Историю Михайловский рассматривал как процесс постепенного порабощения личности, а цель прогресса он усматривал в ее освобождении от влияния общества, сводил к «борьбе за индивидуальность». Михайловский испытал влияние различных западноевропейских буржуазных социологических теорий и эклектически сочетал их в своих взглядах на развитие общества. Своим отрицанием общественного развития в качестве естественноисторического процесса, объективного характера закономерностей истории и возможности познания общественных явлений Михайловский предвосхищал неокантианские теории, получившие распространение в буржуазной историографии периода империализма. В период развития пролетарского движения и утверждения марксизма в России он придал своим воззрениям отчетливо выраженную антимарксистскую направленность. Научному, марксистскому пониманию общественного развития Михайловский противопоставлял, по определению В. И. Ленина, «ребячью мораль; претендующую на наименование социологии»¹².

Народническая социология, как известно, не ограничивается воззрениями Лаврова и Михайловского, хотя они были, несомненно, ее крупнейшими и наиболее типичными представителями, чем и объясняется то внимание, какое мы им уделили. Разновидностью народнической социологии являлись взгляды идеолога анархизма М. А. Бакунина, у которого представляется о развитии общества носят антропологический характер, но основным качеством человека считается его способность к мысли и к бунту. Ярко выраженный волюнтаризм Бакунина приводил его к отрицанию объективных закономерностей истории. Рассуждения же Бакунина о роли народных масс, якобы всегда готовых к бунту, к стихийному взрыву страстей, свидетельствовали об искаженном раз-

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 134.

решении Бакуниным столь сложной и важной социологической проблемы¹³.

Что же касается П. Н. Ткачева, то его бланкизм, установка на заговор узкой группы революционеров были по существу модификацией той же теории «критически мыслящих личностей», крайнего преувеличения роли интеллигенции, которая, по мнению Ткачева, будто бы способна при помощи успешного заговора изменить не только политический, но и общественный строй страны¹⁴.

Народники, как революционные, так и либеральные, занимая ложные теоретические позиции в понимании общественного развития, не могли научно разрешать и проблемы современности, и среди них прежде всего столь важную и острую проблему для пореформенной России, как развитие капитализма в нашей стране. Они пытались уяснить характер новых общественных отношений, причину их возникновения, определить перспективы капитализма в России. Однако, не понимая объективных законов общественного развития, народники сбивались на субъективно-идеалистическую критику капитализма в России. В их среде все более прочно утверждалось представление о «беспочвенности» и «случайности» капитализма в России.

Народники боялись развития капитализма в России. Для П. Н. Ткачева, например, который уже склонялся к признанию капиталистического развития пореформенной России, этот вывод был лишним доводом о необходимости ускорения изменения политического строя страны при помощи заговора, чтобы прервать этот нежелательный процесс и утвердить социалистические отношения в России.

Народнические идеологи рассматривали капитализм только как зло для трудящихся. Если протест против крепостнических пережитков был прогрессивной стороной народнической идеологии, то отрицание народниками капитализма характеризовало ее утопическую сторону, в новых исторических условиях превращавшуюся в реакционную.

¹³ Общая характеристика социологических воззрений М. А. Бакунина дана в «Истории философии в СССР», т. 3, (М., 1968), стр. 262—264.

¹⁴ «История философии в СССР», т. 3, стр. 266—270.

Своим ошибочным выводам, находившимся в противоречии с пореформенной русской действительностью, идеологи народничества пытались дать теоретическое «обоснование», в том числе социологическое и историческое. При этом либеральные народники в 80—90-х годах прошлого века направляли это «обоснование» против марксистского понимания русского исторического процесса.

Борьбу с субъективно-идеалистическими, антинаучными представлениями о характере исторического развития России в пореформенный период начал, как известно, Г. В. Плеханов еще в первых своих марксистских произведениях. Он продолжил ее в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895), высоко ценившейся В. И. Лениным. Плеханов подверг эти представления обстоятельной и острой критике, высмеяв измышления народников относительно возможности «преодоления» развития капитализма в России: «Гг. субъективисты, — писал он, — хорошие сказочники, но... «вот и все!» Вот и все, — а ведь это страшно мало, и никогда еще сказки не изменяли исторического движения народа»¹⁵.

Но полное и окончательное преодоление субъективно-идеалистической социологии народников составляет выдающуюся заслугу В. И. Ленина. Ее критике В. И. Ленин уделил преобладающее внимание в работах 90-х годов — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894), «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1895), «К характеристике экономического романтизма» (1897), «От какого наследства мы отказываемся?» (1898), «Развитие капитализма в России» (1899) — и ряде других работ позднейшего периода.

Широко известны высказывания В. И. Ленина о героизме и самоотверженности революционных народников в борьбе с самодержавием, диалектическая оценка Лениным утопических теорий народников, демократических по своему характеру, направленных на защиту интересов угнетенных народных масс. Ленин подчеркивал различие между революционными и либеральными народниками. Он признавал и то, что идеологи революционного народ-

¹⁵ Г. В. Плеханов. Соч., т. VII, М.—Л., 1925, стр. 268.

ничества, опираясь на новый исторический опыт, обогатили разработку отдельных теоретических проблем¹⁶. Но все это не мешало Ленину подвергать острой критике субъективно-идеалистическую социологию, родившую революционных народников с либеральными.

Подчеркивая антинаучный характер субъективно-идеалистической социологии народников, Ленин писал о том, что эта «особая социологическая теория о роли личности или о субъективном методе ставит утопию на место критического материалистического исследования...»¹⁷. В. И. Ленин отмечал, что народники, изучая те или иные исторические явления, стремились прежде всего дать им моральную оценку, а не вскрыть их социально-экономическое содержание, подчеркнуть роль личности, якобы направляющей историю по своему произволу, а не раскрыть борьбу классов и роль народных масс как творцов истории. При таком понимании истории, указывал В. И. Ленин, «не может быть речи даже и о развитии, а только о разных отклонениях от «желательного», о «дефектах», случавшихся в истории вследствие... вследствие того, что люди были не умны, не умели хорошенько понять того, что требует человеческая природа, не умели найти условий осуществления таких разумных порядков»¹⁸. Вот почему народник не видит в истории самого главного. Он «не смотрит на различные группы участвующих в производстве лиц, как на творцов тех или иных форм жизни, — писал В. И. Ленин, — он не задается целью представить всю совокупность общественно-экономических отношений, как результат взаимоотношения между этими группами, имеющими различные интересы и различные исторические роли...»¹⁹.

Подводя итоги общей характеристике социологических воззрений крупнейших идеологов революционного народничества, следует отметить их некоторые типичные особенности.

В социологических воззрениях идеологов народничества 70-х годов сохранились важнейшие черты социологии их предшественников — Герцена, Чернышевского и

¹⁶ «В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в.», гл. III. Сборник. Л., 1969.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 424.

¹⁸ Там же, стр. 134.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 602.

Добролюбова, ее демократическая основа и революционная направленность. Более того, связь теории с революционной практикой у семидесятников еще более укрепились, стала более органичной, так как значительно расширился размах революционной борьбы и стали более разнообразными ее формы — не только деятельность кружков, но и попытки непосредственного обращения к народу в годы «хождения в народ», а затем террористическая борьба народовольцев, знаменовавшая преодоление ими политического индифферентизма. Революционных народников воодушевляла «философия действия»²⁰, их убеждения окрашивались в романтические тона революционного подвига.

Но именно в этот период все более обнаруживались слабые стороны теоретических воззрений революционных народников, что в определенной мере способствовало их поражению. Эпоха революционных народников была более сложной и противоречивой сравнительно с серединой XIX в., когда выступали Герцен, Чернышевский и Добролюбов. Ее анализ требовал более глубоких и основательных познаний закономерностей общественного развития, чем те, которыми располагали идеологи революционного народничества. К тому же среди них не выдвинулись и мыслители, равные Герцену и Чернышевскому.

Мировоззрение идеологов революционного народничества было лишено той цельности, которая была характерна для мировоззрения великих русских демократов середины прошлого века, страдало эклектичностью. Традиции просветителей XVIII в. с их культом разума революционные народники обогатили демократическими традициями Чернышевского и Добролюбова, но вместе с тем отдали дань становившемуся модным в их время позитивизму, и в особенности субъективному идеализму; их социалистические убеждения дополнялись у Бакунина анархизмом, а у Ткачева бланкизмом. У Лаврова в заграничный период его деятельности возростал интерес к марксизму, что способствовало усилению материалистических тенденций в его историко-социологических воззрениях. Но в конечном итоге увлечение Лаврова марксизмом лишь дополнило его эклектизм новым элемен-

²⁰ В. А. Малинин. Философия революционного народничества. М., 1972, стр. 12.

том. Преодолеть же позитивизм и субъективный идеализм он оказался не в состоянии²¹.

Все сказанное привело к тому, что крупнейшие идеологи народничества не смогли достаточно глубоко осознать противоречия своей эпохи, не смогли их научно осмыслить и наметить реальные пути их преодоления. Сильные в критике, в отрицании, они оказались слабыми в своих позитивных построениях. Так, идеологи народничества не сумели понять исторической прогрессивности капитализма, постичь историческую роль пролетариата, продолжая признавать возможность некапиталистического развития России и уповать на особую роль сельской общины. Груз «самобытных» традиционных представлений о перспективах исторического развития России так и не был ими преодолен. Во всем этом сказался, конечно, решающий объективный фактор — то, что идеологи революционного народничества являлись выразителями интересов крестьянства, а не пролетариата. С этих позиций научно объяснить сложные процессы, протекавшие в пореформенной России, было невозможно.

В итоге теоретический уровень воззрений идеологов революционного народничества, несмотря на их частные достижения, снизился сравнительно с воззрениями Герцена и Чернышевского, а народническая идеология в целом не выдержала испытания временем, практикой революционной борьбы и должна была уступить место единственно научной идеологии революционного пролетариата — марксизму.

В соответствии с этим выводом находится и оценка разработки революционными народниками конкретных исторических проблем, раскрывающих понимание ими общего хода всемирной и русской истории. Революционная историческая мысль, представленная революционными народниками, в целом находилась уже на ущербе,

²¹ В оценке народнической идеологии в целом и историко-социологических воззрений революционных народников в том числе среди советских исследователей в настоящее время нет полного единства. Изложенная нами точка зрения разделяется большинством исследователей. Иные позиции занимают В. Ф. Антонов, Н. М. Пирумова, В. А. Твардовская, которые склонны сглаживать присущие взглядам идеологов революционного народничества противоречия и слабые стороны, их эклектичность на том основании, что эти деятели успешно разрешали некоторые новые проблемы, выдвинутые их временем.

клонилась к упадку, что также знаменовало необходимость ее смены единственно научным объяснением истории с позиций диалектического и исторического материализма.

Историографическая ситуация в России 60-х годов, которая была охарактеризована нами в предшествующей главе, сохранилась в своей основе и в 70-х годах. В эти годы еще более утвердилась буржуазная историография, все отчетливее проявлялась тенденция ее сближения с официально-монархической историографией.

Демократическая историография благодаря деятельности целой плеяды своих представителей в 60-х годах укрепила позиции. Многие из представителей этой историографии продолжали свою деятельность и в 70-х годах и даже в последующие десятилетия, выступая совместно с революционными народниками, что можно проиллюстрировать примером Н. В. Шелгунова. Но представители народнической историографии придали демократическому направлению новую окраску, сохраняя одновременно все ее основные принципы — истолкование исторического процесса с революционных позиций, изучение деятельности народных масс, интерес к тем проблемам истории, которые так или иначе перекликались с актуальными проблемами современности. Разделяли и даже усугубляли они и слабые стороны воззрений своих предшественников — убеждение в самобытности исторического развития России, веру в особую роль сельской общины, дополняя эти иллюзии еще надеждой на деятельность интеллигенции как наиболее активной исторической силы, будто бы способной даже предотвратить капиталистическое развитие России.

Есть все основания поэтому говорить о единой революционно-демократической исторической концепции, которая развивалась и в 70-х годах, приобретая, однако, существенно новые особенности. Что же касается разработок конкретных исторических проблем, то в этом отношении революционные народники 70-х годов были слабее своих предшественников прежде всего потому, что они уделяли им значительно меньшее внимание, занятые напряженной героической борьбой с самодержавием. В центре их внимания находились острые политические проблемы современности, и лишь при их разрешении народнические публицисты обращались к историческому

опыту, используя его (как правило, в форме экскурсов) в своих произведениях.

Более других народнических деятелей проблемам истории уделял внимание Лавров, занимаясь преимущественно вопросами новейшей истории. Достаточно сослаться на его труд «Парижская Коммуна 1871 г.», свидетельствующий о Лаврове как глубоком историке, признавшем величие и значение этого выдающегося события мировой истории. Имеются у Лаврова и общие обзоры мировой истории, отдельные работы, посвященные ее важным явлениям. Значительно меньше, однако, Лавров уделял в 70-х годах внимания разработке проблем отечественной истории, ограничившись в этом отношении схематическими набросками.

Идеологом революционного народничества, также немало занимавшимся вопросами истории, был В. В. Берви-Флеровский. Исторические экскурсии содержались в его известном произведении «Положение рабочего класса в России» (1869), привлечшем внимание К. Маркса. Другим произведением Берви-Флеровского; в котором он сумел в более систематической форме, опираясь преимущественно на данные истории человечества, изложить свою историческую концепцию, была «Азбука социальных наук» (1871).

Но если работы Лаврова, раскрывающие его исторические воззрения, были в основном опубликованы после выезда из России, т. е. после 1870 г., и были более известны преимущественно в среде революционной эмиграции, то работа Берви-Флеровского «Азбука социальных наук» (первые две части) была издана в России кружком «чайковцев».

Окончательное же свое выражение историческая концепция Берви-Флеровского получила в его позднейших работах периода эмиграции — в третьей части «Азбуки социальных наук» (1894) и в работе «Три политические системы» (1897). В этих произведениях Берви-Флеровский не только попытался изложить систему своих исторических воззрений, но и представить деятельность народников как воплощение в жизнь высших духовных идеалов, выработанных длительным и трудным развитием человечества.

Впервые, как уже отмечалось, развернутый анализ сложной и противоречивой исторической концепции Бер-

ви-Флеровского осуществлен с марксистских позиций Н. М. Дружининым.

Суть исторической концепции В. В. Берви-Флеровского заключается в том, что, по его мнению, вся всемирная история представляет собой арену борьбы двух начал: инстинктивного, животного, обусловленного зависимостью человека от природы, и духовного как результата мыслительной деятельности людей. Исторический прогресс, по Берви-Флеровскому, сводится к процессу постепенного возобладания в этой борьбе человеческой мысли, духовного начала, нравственных ценностей, выработанных человечеством. Н. М. Дружинин так определяет главное содержание этой концепции: «цель существования человека, его назначение в мире — «плодить жизнь на земле», но, размножаясь, поднимать себя выше животных, развивать в себе сознательность стремлений, укреплять солидарность между людьми и тем самым приобщать себя к мировой жизни»²².

Человечество развивается, по мнению Берви-Флеровского, от стихийно возникших «инстинктивных цивилизаций» к «сознательным цивилизациям», причем создание «сознательной социальной организации» — дело будущего.

Носителем высших моральных ценностей у Берви-Флеровского выступает в соответствии с канонами народнической идеологии интеллигенция как представительница человеческого интеллекта и защитница угнетенных на всех этапах всемирной истории. Представителями же животных инстинктов хищничества, жажды богатства и власти, препятствующих историческому прогрессу, выступают привилегированные сословия, с которыми ведет борьбу интеллигенция, защищая интересы угнетенных масс. Как видим, Берви-Флеровский исходил из демократических устремлений, но идеалистически искажал всемирную историю, сводя ее социальные конфликты к борьбе инстинктов и мысли, нравственных ценностей и животных стремлений.

Заключая анализ первых двух частей «Азбуки социальных наук» Берви-Флеровского, Н. М. Дружинин справедливо указывает: «Книга была пронизана сочувствием

²² «Проблемы истории общественного движения в историографии», стр. 315.

трудящимся массам, требованием всеобщего образования и равноправия полов, культом труда и строгой морали.

Однако в научном отношении исторический обзор Флеровского страдал всеми недостатками народнической идеологии. Автору была чужда идея закономерности общественного развития, он не ставил себе вопроса о глубокой причинной связи описываемых явлений и поэтому не мог увидеть движущих сил человеческого прогресса. Субъективно построенная философско-историческая схема была подкреплена фактами, извлеченными из обширной литературы, но без всякой критики источников, эклектически подобранными в соответствии с выдвинутой морально-политической задачей»²³.

Более того, атеистически настроенный Берви-Флеровский предложил для успешности пропаганды народников среди крестьян план завоевания их «умов и сердец» при помощи «религии равенства». Идеалистически переоценивал он и возможности мирного разрешения социальных противоречий путем воздействия передового «общественного мнения». Были свойственны ему и анархистские тенденции.

Еще более сложными и противоречивыми были позднейшие труды Берви-Флеровского, изданные в годы эмиграции, о которых мы говорили выше. Но в них в целом была сохранена та концепция всемирной истории, которая получила отражение в раннем труде Берви-Флеровского. Важной особенностью этих трудов является попытка их автора раскрыть основные черты истории России в связи с всемирной историей и дать краткий очерк отечественной истории²⁴.

Более содержательными и менее противоречивыми были работы П. Л. Лаврова, посвященные проблемам всемирной истории, которыми он живо интересовался и глубоко изучал на протяжении всей своей жизни. Лавров был мыслителем более крупного масштаба, чем Берви-Флеровский, более философски подготовленным и энциклопедически образованным теоретиком, что сказалось

²³ Там же, стр. 318—319.

²⁴ См. изложение содержания поздних трудов Берви-Флеровского в статье Н. М. Дружинина («Проблемы истории общественного движения в историографии», стр. 320—329).

на уровне его работ. Большую роль в его идейном развитии в период эмиграции, когда и создавались его важнейшие работы, сыграло общение с К. Марксом, изучение его трудов и усвоение некоторых положений марксизма. Благодаря этому крепили материалистические тенденции в исторических воззрениях Лаврова, хотя он так и не сумел преодолеть слабых сторон своих воззрений — позитивизма и субъективного идеализма.

Следует подчеркнуть, что Лавров до конца своих дней оставался революционным деятелем и противостоял либеральным народникам 80—90-х годов, что также не могло не отражаться на его исторических взглядах.

На протяжении своей длительной жизни Лавров написал серию работ, в которых широко отражена тематика всемирной истории. Таковы «Исторические письма» (1868—1869), «Философия истории славян» (1870), «Научные основы истории цивилизации» (1872), «Опыт истории мысли» (1875), «Опыт истории мысли нового времени» (1888), «Задачи понимания истории» (1898) и ряд других менее значительных работ. В них подробно изложено понимание Лавровым всех основных этапов всемирной истории и ее событий преимущественно в социологическом плане. Однако мы не ставим своей задачей систематическое исследование концепции всемирной истории Лаврова, поскольку эта специальная задача в значительной мере уже решена в обстоятельном философско-историческом исследовании В. Ф. Антонова²⁵.

Кроме того, наше исследование хронологически ограничено в основном 70-ми годами прошлого века, т. е. до марксистским этапом в развитии революционной исторической мысли, и потому в сфере нашего внимания должны по существу находиться лишь ранние работы Лаврова, изданные до 80-х годов, а последующие могут привлекаться только для определения перспектив развития его исторических воззрений.

Важной особенностью не только ранних, но и более поздних работ Лаврова, в которых получила отражение проблематика всемирной истории, было то, что эта про-

²⁵ В. Ф. Антонов. Философско-исторические взгляды П. Л. Лаврова. — «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской». Кафедра философии, т. 221, вып. 12, стр. 165—316.

блематика ограничивалась у него преимущественно историей мысли, шире — историей культуры, цивилизации. Такой подход был характерен для этого идеолога народничества как идеалиста в истории. Он был связан и с явной переоценкой Лавровым роли носителей мысли — интеллигенции и вообще субъективного фактора в истории. Это свойственно народнической идеологии в целом и роднит Лаврова с Берви-Флеровским и другими идеологами революционного народничества.

Отмеченная особенность ярко проявилась в попытках Лаврова наметить периодизацию всемирной истории. В целом она не расходилась с традиционной для времени Лаврова периодизацией истории человечества (древняя, средняя и новая история). Но раскрывал он ее своеобразно, сводя к истории мысли: 1) до появления науки (греческая и римская цивилизации); 2) период выработки науки (средние века) и 3) начало научной социологии (новое время)²⁶.

Идеалистический характер исторических воззрений П. Л. Лаврова не исключал, конечно, наличия в них крепнущих и развивающихся материалистических элементов — в их развитии и постепенном утверждении заключалась эволюция исторических взглядов Лаврова. Так, он указывал на значение географической среды, народонаселения и экономической жизни как важных факторов исторического процесса. Но материалистические элементы в исторических воззрениях Лаврова не заняли того места, которое они приобрели в воззрениях Чернышевского, тем более что Лавров даже экономические интересы пытался интерпретировать идеалистически — как элемент общественной солидарности. Кроме того, говоря о характере исторических воззрений Лаврова, не следует забывать, что их эволюция совершалась в то время, когда уже была выработана материалистическая теория общественного развития Марксом и Энгельсом, с трудами которых Лавров был превосходно знаком да и лично общался с основоположниками марксизма, но так и не смог до конца понять их подлинно научных выводов и обобщений.

Существенной особенностью исторических работ Лав-

²⁶ См. характеристику этих периодов в названной работе В. Ф. Антонова, стр. 189—190.

рова являлась концентрация в них внимания на вопросах нового и новейшего времени, теснее связанных с проблемами современности. Мы не раз отмечали, что эта особенность была свойственна всем представителям революционной исторической мысли.

Показательны в этом отношении некоторые статьи Лаврова, опубликованные в редактировавшихся им периодических изданиях. К числу таких статей относится прежде всего статья Лаврова «1773—1873. В память столетия пугачевщины», первоначально опубликованная в выпускаемом Лавровым печатном органе «Вперед» (1873), а затем изданная отдельной брошюрой. Посвящая статью столетию Крестьянской войны под водительством Пугачева, Лавров рассматривает эту крестьянскую войну в России в связи с современными ей войной за независимость Северной Америки и французской революцией конца XVIII в. Названные события, раскрывающие, по мнению Лаврова, особенности «политических революций», противопоставляются им «революции социальной», которая получила выражение, по убеждению Лаврова, в восстании под руководством Емельяна Пугачева.

Оценивая события в Северной Америке и во Франции как политические революции, признавая их выдающееся значение в мировой истории как явлений, несомненно способствовавших историческому прогрессу, отдавая должное и великим историческим деятелям, принявшим в них участие, прежде всего Вашингтону и Робеспьеру, Лавров тем не менее заявлял, что общественные отношения, утвердившиеся в результате этих революций, непрочны, уже принадлежат прошлому. «Но ни гений, ни самоотверженное убеждение деятелей не могут придать прочности тому, что не имеет будущего, — утверждал Лавров, — тому, что составляет эфемерный базис в развитии человечества, тому, что не коренится в самой сущности сплывающих, нравственных, развивающих потребностей человека. Этот блестящий период человеческой истории, со всеми великими деятелями его воплощавшими в жизнь человечества, принадлежит невозвратному прошедшему» (*Л. ИС, II, 124*)²⁷.

²⁷ Здесь и далее цит. по: *П. Л. Лавров. Избранные сочинения на социально-политические темы в 8-ми томах* (фактически издано

В соответствии с такой концепцией Лавров дает подробную характеристику войны Северной Америки за независимость и французской революции XVIII в. в специальном разделе своей статьи, носящем выразительное наименование «Прошедшее» (*Л. ИС, II, 125—132*).

Эта оценка отражала глубокое разочарование революционных народников в политических или, как бы мы сейчас сказали, буржуазных революциях, которые утвердили в передовых странах Европы и Америки капиталистический строй, отдали власть буржуазии и оставили в нищете угнетенные народные массы.

Вместе с тем Лавров в своих суждениях о конкретных событиях XVIII в. соблюдает принцип историзма. Он высоко ценит завоевание буржуазных свобод в XVIII в., лозунг буржуазных революций — «свобода, равенство и братство», за осуществление которого боролись участники революционных событий того времени, отмечает влияние этих революций на все европейские государства. Но с глубоким разочарованием подчеркивает: «Цель гениальных и самоотверженных стараний политических революционеров обоих полушарий оказалась не только не достигнута, но недостижима» (*Л. ИС, II, 129*). Лавров справедливо объясняет это тем, что «все политические революционеры, как все политические реформаторы, оставили в стороне один вопрос, до которого они не смели касаться в своих революционных программах, в своих реформаторских начинаниях. То был вопрос социальный. То была святыня личной собственности» (*Л. ИС, II, 129—130*).

Лавров гневно бичует пороки капиталистического строя, упорное нежелание буржуазных правительств разрешить социальный вопрос, пороки, которые особенно четко определились после революции 1848 г. в странах Западной Европы, — безудержную капиталистическую эксплуатацию, страдания миллионов трудящихся, наглые биржевые спекуляции, куплю и продажу во всех сферах жизни, даже в семейных отношениях, продажность законов, утверждение реакционных режимов.

Все эти пороки могут быть уничтожены, по убеждению Лаврова, лишь социальной революцией. В условиях За-

четыре тома). М., 1934 (*Л., ИС, т. — римская цифра, стр. — арабская цифра*).

падной Европы ее мог осуществить, полагал Лавров, лишь пролетариат.

Провозвестником победы социальной революции в Европе Лавров считал Парижскую коммуну 1871 г., в событиях которой он принял личное деятельное участие, а затем посвятил ей одно из лучших своих произведений. На содержании и выводах этого произведения П. Л. Лаврова с особой отчетливостью сказалось влияние идей марксизма.

Не считая возможным в нашей работе подробно анализировать обширное произведение Лаврова, посвященное Парижской коммуне, ограничимся воспроизведением содержания его статьи 1875 г. о том же событии, тем более что она в более отчетливой форме передает чувство восхищения Лаврова подвигом парижских пролетариев.

Уже начало этой статьи знаменательно. «Поговорим же об этом великом дне, — писал Лавров, — о его роли в истории человечества, об отблеске, который падает от красного знамени Парижской Коммуны на ближайшее будущее, о луче света, который бросает пламя этой Коммуны в мрак более отдаленного будущего...» (*Л. ИС, IV, 22*).

Вся статья Лаврова проникнута революционным пафосом. Лавров опровергает утверждения о том, что победа версальцев уничтожила дело Коммуны, и подчеркивает, что это дело живет даже в самой ненависти к Коммуне ее палачей, которые после своей «победы» находятся в таком смятении, какого не испытывали никогда ранее. «Раздавленные пролетарии, — заявлял Лавров, — заставляют до сих пор дрожать законодателей громадных держав, царей биржевого и промышленного капитала. — Где красное знамя социальной революции? — Оно развевается во всю свою широту перед мыслью Мак-Магонов и Бисмарков, Дизраэли и Александров, и им никуда не укрыться от кровавого блеска этого вечно присутствующего перед их глазами, все растущего символа завтрашней их судьбы» (*Л. ИС, IV, 23*).

Лавров высказывает непоколебимую веру в конечную победу пролетариата, социализма и называет день 18 марта великим днем, предreshившим неизбежность победы угнетенных.

История Парижской коммуны позволила Лаврову под новым углом зрения взглянуть на всю предшествующую

историю человечества, подняться до широких обобщений, подчеркнуть в мировой истории великое значение борьбы трудящихся за свое освобождение даже и в тех случаях, когда результатами их борьбы пользовались угнетатели. Правда, как и у всех народников, у Лаврова нет четкости определений: под пролетариями он подразумевает угнетенных вообще. Но и в такой форме Лавров настойчиво подчеркивал решающую роль народных масс во всемирной истории, т. е. реализовал важнейший принцип революционно-демократической исторической концепции.

«Без пролетариата не могли происходить никакие революции, кроме дворцовых», — утверждал Лавров, «...но все революции, произведенные до 1871 г., были произведены лишь с помощью пролетариата» (*Л. ИС, IV, 24*) — и вслед за этим перечислял все европейские революции с 1789 г. Лишь Парижская коммуна представляла собой первую революцию, в которой пролетариат боролся за свои собственные интересы, и в этом заключалось ее выдающееся значение. И представители рабочих, возглавлявшие Парижскую коммуну, доказали, что «рабочий класс может выставить для распоряжения общественными делами лиц, которые нисколько не хуже распорядятся ими, чем работники интеллигенции, считавшие до тех пор администрацию своей специальностью» (*Л. ИС, IV, 24—25*). И это написал человек, который ранее да и позднее, проявляя определенную непоследовательность, неизменно подчеркивал особую роль интеллигенции в истории. Важно отметить и другое — приведенный вывод Лаврова совпадал с оценкой значения Парижской коммуны Марксом.

Не менее интересно и то, что небольшая статья Лаврова завершалась анализом причин поражения Парижской коммуны, осуществленным с большой лаконичностью и точностью. Лавров указывал на военную неподготовленность Коммуны, потерю времени, нерешительность в борьбе с врагами, политическую разнородность восставших (*Л. ИС, IV, 25—26*). И снова можно напомнить, что К. Маркс в «Гражданской войне во Франции» указывал на те же слабые стороны и ошибки восставших, конечно рассмотрев их значительно разностороннее и глубже Лаврова. Но самое совпадение в ряде существенных моментов оценки Парижской коммуны опять-таки зна-

менательно. Много общего у Маркса и Лаврова также в понимании уроков Парижской коммуны (*Л. ИС, IV, 26—27*).

В целом же можно констатировать, что никогда ранее Лавров не поднимался на такие высоты анализа и обобщения событий с революционных позиций, как он сделал это в освещении Парижской коммуны. Он наиболее приблизился при этом к выводам К. Маркса, что лишний раз высоко характеризует революционную направленность исторических воззрений Лаврова. Это был вместе с тем высший взлет революционно-народнической исторической мысли в анализе проблем новейшей мировой истории.

Вопросы истории России в работах идеологов революционного народничества не занимали такого места, как у шестидесятников, что объяснялось рядом причин.

Прежде всего среди революционных народников 70-х годов не было историков-профессионалов в подлинном смысле этого определения, тем более не было среди них таких крупных величин, как А. П. Щапов или как впоследствии среди либеральных народников В. И. Семевский, которые осуществляли бы фундаментальную разработку проблем истории России в качестве историков-специалистов.

Главное же заключается в том, что в 70-х годах революционные народники от теоретической работы, осуществленной в основном в 50—60-х годах, перешли к попыткам практической реализации ранее выработанных революционных теорий и программ, что и делалось ими начиная с «хождения в народ». В этих условиях преобладающей стала форма непосредственной революционной пропаганды и история стала рассматриваться в качестве одного из наиболее ее действенных средств. Кстати говоря, в этом направлении усилия шестидесятников и семидесятников в рассматриваемый период по существу объединялись. Мы уже ссылались на пример деятельности Н. В. Шелгунова, которая продолжалась и в 70-х годах, и в последующие десятилетия примерно в той же форме — в форме исторической публицистики. Другой пример — обращение к истории России И. А. Худякова, сформировавшегося в качестве революционного деятеля, безусловно, в 60-х годах, но продолжавшего свою литературную деятельность и в 70-х годах.

В разрешении вопросов исторического прошлого России революционные народники занимали ярко выраженные критические позиции по отношению ко всей политической истории России, нередко в пропагандистских целях сводя ее к истории ненавистой им самодержавной власти как главного врага революционного движения. Проблемы экономического развития России сравнительно мало затрагивались революционными народниками — основополагающего значения экономики в историческом процессе они понять не смогли. К тому же экономическая история России в их время изучалась слабо. Больше внимания уделяли революционные народники социальной истории России, борьбе народных масс за социальное освобождение, но и этим вопросам они не смогли дать до конца верного разрешения.

Вклад идеологов революционного народничества в изучение истории России был неравноценен. Наибольшее значение и в этом отношении имели работы П. Л. Лаврова — не столько в том смысле, что он больше других занимался освещением вопросов истории России, но прежде всего потому, что их разработка осуществлялась им на более высоком теоретическом уровне, чем у других идеологов революционного народничества.

П. Лавров продолжал традиции шестидесятников и в борьбе с буржуазной историографией, в его время — в борьбе главным образом с представителями государственной школы в русской историографии. Об этом, в частности, достаточно убедительно свидетельствует статья Лаврова «Ученые фантазии либеральных оптимистов», опубликованная в 1875 г.

Вопросы, затронутые Лавровым в данной статье, были далеко не академичными. Это был его ответ на выступление редактора либерального журнала «Вестник Европы» (в разделе «Внутреннее обозрение») профессора М. М. Стасюлевича, видного историка, представителя государственной школы в русской историографии.

М. М. Стасюлевич, буржуазный либерал, сторонник сильной власти, пытался доказать, опираясь на тенденциозно трактуемый им «исторический опыт», неизбежность неудачи развернувшейся в России в середине 70-х годов — в разгар «хождения в народ» — революционной пропаганды. Для доказательства этого тезиса Стасюлевич пытался убедить читателей журнала на основе

догматов государственной школы в преданности русского народа идее государственности, т. е. самодержавной власти, в его будто бы неустанной вековой борьбе за «государственное единство».

Опровергая эти доводы, Лавров доказывал насильственный характер самодержавной власти. При этом Лавров ссылался на то, что «государственники» — «западники» и даже в какой-то мере «конституционалисты», обосновывая свои утверждения, во многом воспроизводили аргументацию былых своих идейных противников — славянофилов. Лавров в этой связи напомнил о статье славянофильствующего историка-слависта А. Ф. Гильфердинга, опубликованной в том же «Вестнике Европы» в конце 60-х годов, в которой содержались вымышленные доводы о каких-то особых национальных качествах славян как племени якобы «государственного», будто бы противостоявшего в этом смысле другим, «негосударственным» народам Европы. Лавров верно уловил тенденцию, отмечавшуюся нами выше, к сближению буржуазной и дворянской историографии в России в пореформенный период.

Рассматривая государственность России с революционных позиций, Лавров писал о ее антинародном характере, о «механической связи подданных с властью, вооруженною многочисленною администрацией, полицией, войском; с властью, поглотившею всю политическую жизнь общества, оставляя подданным лишь покорность и молчание» (*Л. ИС, IV, 175*). Лавров полагал вслед за Герценом, что такую государственность дал стране «петербургский период» русской истории. Против этой государственности, подчеркивал Лавров, русский народ боролся всеми силами: «Русский народ протестовал против нее миллионами раскольников, объявивших императора антихристом, протестовал непрекращавшимися крестьянскими бунтами, резнею помещиков, убийством чиновников во время пугачевщины» (*там же*).

История России и сводилась Лавровым, как и другими идеологами революционного народничества, преимущественно к процессу установления антинародной государственности и к борьбе с нею народных масс. Благодаря этому суждения народников об истории России приобретали ярко выраженный обличительный характер, их произведения превращались в сущности в революцион-

ный памфлет, что отражало резко обострившуюся в 70-х годах борьбу народнических организаций с самодержавием.

Однако яркие обличительные произведения народников не были основаны на критической переработке источников, не сопровождалась глубокой и последовательной критикой методологических принципов буржуазной историографии, той же государственной школы как ее ведущего направления. В итоге по иронии судьбы народническая историография не только на либеральном этапе ее развития, но и на революционном оказалась неспособной до конца опровергнуть принципы государственной школы, и даже обнаружила свою зависимость от некоторых из них: в большей степени на втором этапе, когда она утратила свою революционную направленность, и в меньшей мере на первом, когда она еще была революционной.

Этот вывод, уже сформулированный в советской историографической литературе²⁸, мы постараемся раскрыть в последующем изложении.

Народническая литература по русской истории в общей сложности достаточно обширна. Она довольно широко представлена пропагандистской литературой революционных народников²⁹. Вопросы истории России затрагивали в своих работах, преимущественно в публицистической форме, кроме П. Л. Лаврова и В. В. Берви-Флеровского П. Н. Ткачев, М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин, О. В. Аптекман. У каждого из них, конечно, имелись черты индивидуального своеобразия в понимании хода русской истории, ее основных этапов и конкретных событий. Так, у Берви-Флеровского и М. А. Бакунина проявлялись анархистские тенденции, у Ткачева — бланкистские устремления, получавшие у того и другого «историческое» обоснование. Но преобладали все же моменты общности и революционной направленности в исторических взглядах деятелей 70-х годов. При этом труды идеологов революционного народничества дополнялись работами, затрагивавшими в той или иной мере вопросы рус-

²⁸ См. главу А. М. Станиславской «Народническая историография в 70-х — 90-х годах» в «Очерках истории исторической науки в СССР», т. II, стр. 187—189.

²⁹ В. Ф. Захарина. Голос революционной России. М., 1971 (гл. I и II).

ской истории, созданными революционерами-практиками, как правило, для целей революционной пропаганды. Наиболее показательна среди последних книга «Россия под властью царей» С. М. Степняка-Кравчинского, изданная, правда, уже в 80-х годах (впервые на английском языке в 1885 г.), но отражавшая убеждения революционных народников 70-х годов.

Трактовка в этой работе вопросов русской истории во многом напоминает нам Н. В. Шелгунова, И. А. Худякова, И. Г. Прыжова. Отличие заключается не столько в обогащении проблематики — в этом смысле революционные народники сделали сравнительно мало, — сколько в усилении разоблачительного тона в отношении самодержавия и крепостничества. Названное произведение С. М. Степняка-Кравчинского — книга пропагандистско-популярного характера — открывается первой частью, имеющей характерное наименование — «Развитие самодержавия». Эта часть содержит, пожалуй, наиболее обширное и систематическое изложение истории России под указанным углом зрения. Изложение истории России начинается с древнейших времен и доведено до крестьянской реформы 1861 г. включительно. Часть состоит из глав: «Мир»; «Вече»; «Русская республика»; «Пережитки самоуправления»; «Становление деспотизма»; «Власть церкви»; «Русская теократия»; «Великий реформатор»; «Освобождение крестьян». Правда, в изложении истории России содержатся фактические ошибки, подчас грубые, хотя автор и предупреждает, что использовал труды «наших известнейших историков — Костомарова, Соловьева, Сергеевича и Беляева» (С.-К., стр. 25)³⁰.

Характеристика древнейшего периода истории России в книге Степняка-Кравчинского не представляет чего-либо существенно нового. Автор учитывал уровень познаний в русской истории и запросы английских читателей своего времени. Но книга малооригинальна и в другом отношении. Подобно многим шестидесятиникам и вслед за Костомаровым и даже отчасти за славянофилами Степняк-Кравчинский идеализировал сельское самоуправление славян в форме общины, «мира»: «Мир не господин,

³⁰ Здесь и далее цит. по: С. М. Степняк-Кравчинский. Россия под властью царей. М., 1965. (С.-К., стр. ...). Книга сопровождается очень неполным историческим комментарием Н. Пирумовой.

а любящий отец, одинаково благодетельный ко всем своим сынам» (С.-К., стр. 33). Древние славяне «верят, что свобода слова — это право, данное каждому разумному существу!» (С.-К., стр. 35), заявляет Степняк-Кравчинский, не удерживаясь от модернизации общинного строя у далеких предков русского народа.

Вслед за этим Степняк-Кравчинский еще более подробно характеризует вечевое управление русских городов как модификацию общинных отношений, рассматривая и его в качестве изначальной формы самоуправления древних славян: «На вечевой сход собирались свободные граждане без различия имущества и звания, и князь был всего лишь на службе у народа и подчинялся его воле» (С.-К., стр. 37).

Уже в главе о вече выявляется, несмотря на явно выраженную революционную заостренность всей книги, зависимость Степняка-Кравчинского от буржуазной историографии, некоторые принципы которой он заимствует, явно не сознавая их несовместимости со своей революционной, антисамодержавной концепцией. Так, он повторяет либеральную теорию Сергеевича о договорном характере власти древнерусских князей, призываемых вечевыми собраниями, утверждает, что «княжества в средневековой Руси вопреки монархической форме правления в действительности были отдельными свободными республиками» (С.-К., стр. 39), и здесь же ссылается на Н. И. Костомарова. Буквально на следующей странице Степняк-Кравчинский без всякой критики повторяет надуманную теорию буржуазных историков о «бродяжничестве» русского народа вплоть до конца XVI в. и называет его «полуоседлым» (С.-К., стр. 40).

В бесхитростном изложении русской истории Степняком-Кравчинским его зависимость от буржуазной историографии, эклектическое совмещение революционных принципов с теориями, созданными подчас монархически настроенными историками, выступает более отчетливо и определенно, тогда как такая зависимость у других, более искусственных в историческом анализе теоретиков народничества, например у Лаврова, обнаруживается не столь явственно и определенно, хотя также, несомненно, присутствует.

В духе Костомарова Степняк-Кравчинский характеризует вечевой строй Новгорода — «Русской республики»,

в которой «народ был властелином, даже деспотом... подчас гневным и вспыльчивым, но неизменно благородным и добрым, как легендарный восточный царь, отец своего народа, всегда доступный самому худородному из своих подданных, всегда готовый исправить причиненное зло и сурово наказать извергов — богатых и сильных» (С.-К., стр. 43).

Однако перед народническими деятелями вставала трудная задача объяснить утверждение царистских настроений у русского крестьянства (с которыми народники воочию столкнулись, пытаясь вести революционную пропаганду среди крестьян) в условиях векового развития свободных общинных учреждений в России как институтов народной жизни, чуждых деспотическим началам. Степняк-Кравчинский разрешает эту задачу довольно просто: он полагает, что «монархизм русских крестьян — это концепция, относящаяся исключительно к государству в целом, ко всему государственному организму» (С.-К., стр. 48), а в своей внутренней жизни русские крестьяне продолжали оставаться преданными общинным порядкам.

Однако в дальнейшем изложении, в главах «Становление деспотизма», «Власть церкви», «Русская теократия», Степняк-Кравчинский уже характеризует довольно сложный процесс утверждения абсолютизма в России на протяжении веков, отмечая значение как внутренних, так и внешних факторов — политики московских великих князей, а затем русских царей, заинтересованности привилегированных сословий, интересов церкви, византийских и татарских влияний, борьбы с внешними врагами. В итоге, согласно утверждению Степняка-Кравчинского, «роковой результат» — утверждение деспотизма в России — «не является случайным или маловажным» (С.-К., стр. 49).

Но и в объяснении этого процесса наряду с верными и глубокими соображениями Степняк-Кравчинский снова ссылается на «кочевание» населения, притом не только крестьян, но в еще большей мере служилых людей (С.-К., стр. 53), и на противоположность русского исторического процесса западноевропейскому, повторяя несостоятельные утверждения буржуазных историков.

Важно подчеркнуть, что противоположность истории России истории стран Западной Европы Степняк-Крав-

чинский усматривает в том, что в России якобы надклассовое государство равно укрепляло и крестьян, и служивых людей — дворян, т. е. воспроизводит «теорию укрепления» Б. Н. Чичерина и других «государственников».

Конечно, у Степняка-Кравчинского, как у всех революционных народников, такой вывод отнюдь не служил оправданию процесса утверждения самодержавного государства, как у буржуазных историков, а, напротив, был основой стремлений показать антинародность самодержавного государства, якобы сверху укреплявшего все сословия. Известно, что подобный тезис обосновывался и П. Л. Лавровым, и особенно упорно защищался П. Н. Ткачевым, который отказывался признавать классовый характер русского самодержавного государства и даже считал его «висящим в воздухе»³¹. Эта совершенно несостоятельная точка зрения получила, как известно, резко полемическую оценку у Ф. Энгельса, назвавшего Ткачева в связи с этим «зеленым, на редкость незрелым гимназистом»³².

В результате народнические теоретики исказили не только важный вопрос об утверждении абсолютизма в России, не раскрывая его классовых корней, но и не менее важную для понимания русского исторического процесса проблему образования классов в нашей стране и связанную с нею проблему укрепления крестьянства. Нельзя не подчеркнуть, что в разрешении всех этих вопросов идеологи революционного народничества сделали шаг назад сравнительно с Чернышевским и Добролюбовым, а также своим современником Н. В. Шелгуновым.

Но все эти ошибочные выводы сочетались у революционных народников с резким разоблачением антинародной политики самодержавного государства во всех ее проявлениях. В духе своих революционных предшественников они гневно осуждали деспотический произвол Ивана Грозного, которого Степняк-Кравчинский называл «бешеным зверем», превратившим «свое царствование в подлинную оргию жестокости, убийств и похоти» (С.-К., стр. 59).

³¹ П. Н. Ткачев. Избранные сочинения, т. III. М., 1932, стр. 69, 91—92, 220.

³² «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 49.

Интересно отметить, что Степняк-Кравчинский счел необходимым особо подчеркнуть и подробно охарактеризовать роль церкви в утверждении самодержавного деспотизма в России. Он утверждал, что «всесильные церковники, опутав своими тенетами бесхитростную, доверчивую душу народа, стали верными прислужниками самодержца и ревностными приверженцами деспотии» (С.-К., стр. 57). Церковники «узрели в безудержном культе абсолютизма свою историческую миссию, миссию, которую они кстати и некстати преданно выполняют среди всех слоев населения» (С.-К., стр. 58). Степняк-Кравчинский отметил и то, что «клерикальный фанатизм», разжигаемый православным духовенством против католицизма, «воздвигал барьер между Россией и остальной частью христианской Европы» (С.-К., стр. 62).

Оценивая исторические взгляды революционных народников и отмечая их специфические особенности, нельзя не указать на то, что в их работах по истории России, имевших специфическую форму разоблачительного памфлета, не оставалось по существу места для освещения прогрессивных моментов в истории нашей страны, таких, например, как борьба народных масс за национальную независимость русского народа. Не случайно в суждениях Степняка-Кравчинского, Лаврова и других народнических деятелей, касавшихся вопросов истории России, упоминания о борьбе русского народа с татаро-монгольскими завоевателями, с польско-шведскими интервентами и о последующих актах подобного рода или крайне скудны, или полностью отсутствуют. Но тем самым революционные народники существенно обедняли свои исторические воззрения, а главное — лишали себя возможности во всем величии и значении показать роль народных масс в истории и в решении столь важного вопроса снова отступали от традиций таких своих предшественников, как В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов.

Что касается социальных движений — борьбы крестьянских масс за освобождение, то в освещении этой проблемы революционные народники в целом следовали традициям своих предшественников. Правда, у отдельных из них были свои особенности. Так, Степняк-Кравчинский достаточно верно оценивал характер восстания под предводительством Степана Разина: «Неистовый казачий ата-

ман и народный герой Стенька Разин возглавил грозное восстание, поднял против царского правительства всю юго-западную (юго-восточную — одна из характерных для Стеньяка-Кравчинского ошибок в его произведении. — В. И.) часть страны; он захватил ряд городов, предал мечу всех богатых и знатных, попавших ему в руки, и потряс Московское государство до основания» (С.-К., стр. 64). Но, раскрывая причины этого восстания, а также ранее вспыхнувших восстаний в Новгороде и Пскове, Стеньяк-Кравчинский неумеренно и односторонне подчеркивал в качестве важнейшей причины всех этих движений непомерный податный гнет, а не протест народа против крепостных порядков и своих притеснителей, как это было в действительности. Тем самым значение народных движений ограничивалось столкновением народных масс лишь с одной из сторон политики правительства. Мы знаем, что Н. В. Шелгунов оценивал эти движения, их причины и характер более глубоко.

Но безусловной заслугой Стеньяка-Кравчинского было то, что народные движения в России XVII в. он связал с общим положением страны накануне преобразований Петра I. Эту мысль ранее высказывал, как известно, Добролюбов.

Из всех революционных народников Стеньяк-Кравчинский дал, пожалуй, наиболее развернутую характеристику реформам в России, осуществленным Петром I.

Для оценки отношения Стеньяка-Кравчинского к этим реформам знаменательно наименование главы его книги «Россия под властью царей», посвященной реформам Петра I. Эта глава носит название — «Великий реформатор».

В своей книге Стеньяк-Кравчинский достаточно полно рассмотрел исторические истоки преобразований Петра I и их непосредственные причины. Он подчеркивал прежде всего вековую отсталость России от передовых европейских государств, которая явно обнаружилась в XVII в. По мнению Стеньяка-Кравчинского, был один путь для ее преодоления — «путь европейской цивилизации», развитие промыслов, науки, увеличение производительности труда. «Необходимость в этом была столь явной и безотлагательной, что даже жестокий и суеверный обскурантизм Московского правительства не мог более противиться прогрессу. В царствование Алексея Михайловича евро-

пейская цивилизация приобрела первую опору в стране» (С.-К., стр. 65).

Международная обстановка также диктовала необходимость преобразований: «Россия так сильно отстала от других стран, что, если бы она еще несколько поколений погрязла бы в своей суеверной косности, ей никогда уже не удалось бы восстановить утраченные позиции. У ее границ быстро усиливались германские государства» (С.-К., стр. 65).

Конечно, в этих утверждениях Степняка-Кравчинского не содержалось ничего нового. Обо всем им сказанном уже много было написано исторических исследований. Задолго до Степняка-Кравчинского об этом же больше и лучше писали Белинский и Герцен. Но не забудем, что Степняк-Кравчинский выступал в ту пору, когда в России резко обострилась борьба с самодержавием. Ему легко было впасть в нигилистическое отрицание необходимости реформ Петра I, как это делали другие. И в этих условиях оценка Степняком-Кравчинским реформ Петра I, осуществленная им с позиций историзма, свидетельствовала о том, что в разрешении некоторых вопросов ему было свойственно глубокое их понимание.

Но Степняк-Кравчинский не впал и в крайность идеализации реформ Петра I. Он указывал на практический, утилитарный подход Петра I к заимствованиям из Западной Европы, первостепенное значение тех из них, которые способствовали укреплению государства и особенно мощи военных сил: «Петр покровительствовал тем наукам и основывал те школы, которые обещали готовить ему хороших офицеров, инженеров и администраторов. Он особенно благоприятствовал отраслям промышленности, удовлетворявшим потребности его армии и флота и больше всего способствовавшим увеличению доходов казны» (С.-К., стр. 66).

Степняк-Кравчинский отмечал и напряженную обстановку в стране в период осуществления реформ, когда в условиях войны яростное сопротивление Петру I оказали реакционеры, зачастую поддерживаемые народными массами, страдавшими от тяжести реформ и подталкиваемыми к противодействию им церковниками. Вот почему «победа Петра, хотя и полная, была завоевана не без потерь» (С.-К., стр. 67).

Попытался Степняк-Кравчинский оценить и социаль-

ные реформы Петра I, справедливо указав на жестокое отягощение народных масс, на ухудшение положения крепостного крестьянства, но раскрыл последний вопрос в духе славянофильствующего историка И. Д. Беляева, с трудом которого «Крестьяне на Руси» он, по-видимому, был знаком. Вслед за Беляевым он приписал Петру I превращение крестьянства в рабов, которое будто бы «до возвышения Московского царства» было совершенно свободно и оказалось впервые подвергнуто легким формам закрепощения лишь в XVI в., а со времени Петра I крестьяне «в полном смысле слова превратились в рабов дворян, и с этого времени ведет начало подлинное порабощение русского народа». Здесь же он заявляет вслед за «государственниками», что самодержавное государство «всех в равной мере держало в своих цепях» (*С.-К., стр. 71*). Совершенно ясно, что Степняку-Кравчинскому, как и его предшественникам, недоставало понимания классовой сущности реформ Петра I.

В итоговой оценке петровских преобразований Степняк-Кравчинский отметил, что «царствование Петра воистину было тяжелым временем для его подданных. Никогда еще ни один народ не вынуждался правителем приносить столь великие жертвы — отдавать свою жизнь и имущество» (*С.-К., стр. 72*). Отметил Степняк-Кравчинский, что и методы осуществления реформ Петра I были «часто далеко не благоразумны. Он предпочитал насилие умеренности даже тогда, когда насилие не только противоречило его интересам, но было губительно для его планов. Но он сделал свое дело — Россия стала могущественной державой» (*С.-К., стр. 72*).

Несколько ранее Степняка-Кравчинского дал оценку реформам Петра I П. Л. Лавров в статье «Счеты русского народа» (1873). Точнее, Лавров рассматривал исторические последствия реформ Петра I, выделяя среди них отрицательные. К их числу Лавров относил прежде всего насильственное расчленение русского народа, как он полагал, на «две нации» — чиновное дворянство и бесправное крестьянство. При этом характерно, что Лавров разделял общее заблуждение народников в том, что самодержавие в России выступило в качестве силы надклассовой, равно угнетающей весь народ, поэтому он писал: «В России стали рядом две нации, у которых не было ничего общего, кроме рабства под одной и той же властью.

С одной стороны, выработалась нация со внешнею культурою, не имеющая никакого основания в народе... С другой стороны, стала масса, обреченная на невежество, отрезанная от всякой цивилизующей мысли, от всякого политического значения, от всякого соприкосновения с общечеловеческим прогрессом» (*Л. ИС, II, 45*).

На протяжении всей статьи Лавров доказывает основной вывод, согласно которому антинародная самодержавная власть никогда и ни в чем не могла принести блага народу — даже в лице своих, безусловно, выдающихся носителей, каким был Петр I: «Петр был ум гениальный и проникнутый желанием блага России. Но при всей его гениальности, при всем его желании добра на нем, как на всех самодержцах, лежала неизбежная судьба бессилия к добру и могущества для зла» (*Л. ИС, II, 46*). Такой вывод приобретал у Лаврова общее значение: «В самой сущности императорской власти заключалась неизбежность этого результата» (там же), — утверждал он.

Развивая свой вывод, Лавров на ярких примерах из истории всей послепетровской России доказывал, что то усвоение европейской культуры, которое началось с Петра I, было крайне односторонним, формальным и внешним, так как подлинные плоды европейской цивилизации — уважение к законности, свободомыслию, к легальной оппозиции, к научной критике — не могли развиваться в самодержавной России. Лавров утверждал: «В России... наука и закон были истечением шаловливого каприза самой власти» (*Л. ИС, II, 49*). «Императорство по сущности враждебно легальности. Оно стоит за закон лишь до тех пор, пока это еще не закон, а узаконенный произвол» (*Л. ИС, II, 49*). Во всех этих отношениях Лавров противопоставлял самодержавную Россию более просвещенной и цивилизованной Западной Европе, не удерживаясь в данном случае от некоторой ее идеализации.

Лавров клеймит самодержавие за преследование передовой общественной мысли и науки. На поставленный им вопрос о том, как Романовы содействовали развитию критической мысли и уважению легальности, он сам отвечал: «Пусть ответят на это Радищевы и Новиковы, гонимые автором «Наказа», приятельницей Вольтера и Дидро; пусть ответят на это жертвы Магницких, пусть ответит

тридцатилетнее удушающее царствование Николая; пусть ответит современная русская литература с Герценом и Огаревым в изгнании, с Чернышевским и Михайловым на каторге, с кафедрами без профессоров! Вот европейская наука, европейская критика, которую дали нам Романовы, обещающие вести Россию по пути европейской цивилизации» (*Л. ИС, II, 48*).

Приведя перечень других фактов преследования передовой мысли в сочетании с произволом Романовых в раздаче земель и крепостных своим фаворитам, фактами произвола временщиков и всей царской администрации, Лавров ставит вопрос: «Можно ли внушить уважение к легальности народу, который должен боготворить произвол императора?» (*Л. ИС, II, 49*) — и отвечает на него категорически отрицательно.

Завершив обзор внутреннего состояния России при Романовых, Лавров в последующем разделе своей статьи дал обзор их внешней политики. Выделив разделы Польши, установление реакции в Европе в период Священного союза, Лавров подчеркнул: и это в то время, когда Романовы могли выступить пособниками прогресса в европейских делах, так как «во внешних делах Романовы были особенно счастливы до половины XIX столетия. Им удалось противопоставить генералам французской республики единственно замечательного полководца тогдашней Европы (Суворова. — *В. И.*). Им удалось сломить непрерывный ряд военных успехов повелителя Европы и низвергнуть «тяготеющий над царствами кумир» Наполеона. В 1814 и 1815 годах русский император мог, по-видимому, быть общечеловеческим деятелем» (*Л. ИС, II, 51*).

Вместо этого русский царизм явился наиболее реакционной силой в Европе, особенно при «узкоголовом» Николае I, который опозорил себя борьбой с революцией в Европе и интервенцией в Венгрию. «И вся эта отвратительная политика реакции и хищничества, — заключал Лавров, — вся эта грязь и кровь, набросанная Романовыми на русское имя, на русскую историю, не выкупалась даже физической силой, техническим военным умением. . .

. . . В Крымской войне они отдали свою державу на позор Европы перед армией несогласных между собой союзников, не имевших даже ни одного особенно замечательного генерала» (*Л. ИС, II, 52*).

Заключительный раздел своей статьи Лавров посвятил крестьянской реформе 1861 г., о чем мы будем говорить ниже.

Конечно, характеристика истории России, общий очерк которой дал Лавров в статье «Счеты русского народа», была не свободна от крайностей и односторонних заключений. Так, Лавров неумеренно подчеркивал субъективные устремления русских самодержцев, не раскрывал классового характера их политики, не учитывал национальных интересов, игравших определенную роль во внешней политике России, — словом, обнаруживал все характерные особенности народнической субъективно-идеалистической историографии, проявившиеся также у Берви-Флеровского и Степняка-Кравчинского.

Однако следует учитывать политические мотивы, руководившие Лавровым и другими народническими теоретиками: стремление развенчать самодержавие, показать его историческую несостоятельность, обнажить язвы и пороки реакционной внутренней и внешней политики царизма и этим вооружить революционную пропаганду в борьбе с исторически изжившим себя самодержавным строем.

Но Лавров совсем не создавал впечатления, что реакционная политика Романовых не встречала осуждения. В рассмотренной статье «Счеты русского народа» он ссылался на факты протеста против нее со стороны передовой интеллигенции. Еще более действенный отпор она вызвала со стороны угнетенных народных масс. Особенно внушительно было в этом отношении крестьянское восстание под водительством Емельяна Пугачева, которое потрясло самодержавно-крепостническую Россию. Оно обстоятельно рассмотрено и глубоко оценено Лавровым во второй части (упоминавшейся нами в другой связи) статьи «1773—1873 гг. К столетию пугачевщины». Вторая часть этой статьи имеет знаменательное наименование — «Будущее» (противопоставленное, как мы помним, первой части — «Прошедшее», посвященной характеристике американских и французских революционных событий второй половины XVIII в.).

Важно отметить, что статья Лаврова была опубликована буквально накануне «хождения в народ» и проникнута широко распространенным тогда убеждением всех народников в готовности крестьянства подняться на борь-

бу для уничтожения всех пережитков крепостничества. В этих условиях обращение к истории движения, возглавленного Пугачевым, было весьма злободневным³³.

Кратко остановившись в статье на истории восстания, Лавров подчеркнул, что первоначально казалось, будто для успеха Пугачева условия были крайне неблагоприятными. Движение развернулось в пределах представлявшейся тогда неизмеримо могущественной империи, во главе которой находилась «умная и ловкая» императрица, популярная среди дворянства, в то время как Пугачев принял имя чрезвычайно непопулярного сторонника немецких порядков и потому свергнутого с престола Петра III, при этом не только не имея политического опыта, но даже и не обладая необходимыми для вождя движения личными качествами. Думается, что Лавров даже принизил Пугачева в отличие, например, от Шелгунова, отказывая ему в силе характера и в умении организовать движение (*Л. ИС, II, 134*), чтобы с тем большей силой подчеркнуть мощь стихийного возмущения народа, доведенного до массового восстания в ответ на вековое жестокое угнетение.

«При этой отсталости мотивов, — резюмировал Лавров, — при несостоятельности предводителя, при несимпатичности призрака, им вызванного, казалось бы, что успех самозванца, даже временный, был совершенно невозможен, что самая попытка безумна» (*Л. ИС, II, 134*). Между тем в действительности «безграмотный казак в несколько месяцев поставил великолепную империю северной Семирамиды на край гибели. Одно имя Петра III поднимало народ, парализовало войска, отворяло Пугачеву города и не раз волновало Русь» (*там же*).

Объясняя этот неожиданный размах и успех движения, Лавров заключал: «Дело было в том, что выступал не один претендент на императорский престол на место другого, но народ на место императорства. Начиналось не царство Емельяна Пугачева или «великого государя, Петра III всероссийского»: начиналась пугачевщина, вос-

³³ Следует указать на то, что в тот же период народники нелегально издали ряд брошюр популярно-агитационного характера, посвященных народным движениям прошлого, среди них «Вольный атаман Степан Тимофеевич Разин» (1872), «Пугачевщина» (1873) и др. (см. об этом: В. Ф. Захарина. Голос революционной России. М., 1971, стр. 48—55).

стание народа русского против его вековых притеснителей и кровопийц» (*там же*).

Лавров, как в свое время Герцен, полагал, что среди восставших не было прочного убеждения в том, что Емельян Пугачев действительно является Петром III, и это не имело особого значения: «Чья бы подпись ни стояла под манифестами, лишь бы в них была «воля», «вечная вольность», «истребление помещиков» — народу было бы все равно» (*Л. ИС, II, 135*). Этим П. Л. Лавров подчеркивал первенствующее значение социальных мотивов в движении.

Далее Лавров подробно раскрывает этот основной тезис статьи, подчеркивая, что в манифестах «безграмотного казака... было более жизненных общественных начал» (*Л. ИС, II, 135*), чем во всех либеральных декларациях, созданных во всех странах Европы и Америки, и в дальнейшем изложении противопоставляет социальные начала, отвечающие жизненным интересам народных масс, декларациям либералов, которые отвечали интересам только меньшинства и потому принадлежат прошлому, а требования манифестов Пугачева, несмотря на поражение восстания, принадлежат будущему. «... Именно о потребностях и правах большинства не думали борцы-просветители в Европе и Америке, — писал Лавров. — ... Просты и грубы были манифесты Пугачева, но они имели в виду вопросы, которые одни были важны, одни были понятны для этих масс — вопросы «воли» и «земли», вопросы о дешевой соли, об истреблении помещиков. Эти основные, элементарные вопросы справедливого общественного строя не нуждались в научной и философской обработке» (*Л. ИС, II, 136*).

В связи с таким пониманием характера движения Пугачева как отвечающего жизненным интересам народных масс находился вывод Лаврова о том, что «победа Пугачева не была вовсе невозможна» (*там же*). Правда, в дальнейшем он сводит разрешение этого вопроса лишь к личным качествам Пугачева — отсутствию у него «организаторского ума», «сильной воли» и т. д., полагая, возможно, что при ином руководителе восстание могло быть победоносным, т. е. крайне переоценивая роль субъективного фактора. Лавров тем самым лишает разрешение вопроса о причинах поражения восстания Пугачева необходимой глубины, не учитывает важных объективных

исторических условий, определивших неблагоприятный исход этого движения.

Общая оценка характера и исторического значения восстания под предводительством Пугачева дается Лавровым в следующих выразительных определениях: «Оно вспыхнуло кровавым, пожирающим, истребительным пламенем, охватившим на несколько месяцев обширный край; осветило пропасть бедствий русского народа, непрочность и лицемерие русского императорства; грозило уничтожением всему господствующему общественному строю. Но через год это пламя потухло, и прошедшее осталось жить лишь в памяти народной, в легенде бедного люда, в озлоблении приверженцев власти, на минуту им поколебленной» (*Л. ИС, II, 124*).

Лавров снова и снова подчеркивает, что, несмотря на такой исход, движение, возглавленное Пугачевым, имело великое историческое значение. Оно предвещало «социальную революцию» в отличие от «политических революций» Западной Европы и Северной Америки, и в этом смысле было обращено к будущему, поскольку отражало жизненные интересы угнетенного народа, которые непременно должны быть удовлетворены: «Сущность пугачевщины лежала в требовании массаи народа, массаи тружеников себе господства на земле, где они одни трудятся; в требовании для всего народа средств существовать и развиваться. . .

И этим началам принадлежит будущее.

Во-первых, будущее России. . .

Во-вторых, будущее человечества. . .» (*Л. ИС, II, 139*).

Другой важной проблемой, которой коснулся в своих произведениях Лавров, была история освободительного движения и передовой общественной мысли в России. Рассматривать эту проблему Лавров мог только в годы эмиграции.

Следует, однако, сразу же указать, что выступления Лаврова на эту тему не могут идти в сравнение с выступлениями Герцена. Этот вывод можно распространять и на других представителей революционной эмиграции 70-х годов и последующих десятилетий XIX в.

Казалось бы, что условия у них были те же — возможность использовать бесцензурную печать. Позднее, покинув Россию, Лавров, Ткачев и другие революционные эмигранты имели даже больше впечатлений и сведений

о развитии передовой общественной мысли в своей стране в 50—60-х годах, чем Герцен, выехавший из России в 1847 г. Конечно, рассматриваемая тема была все же в значительной мере исчерпана Герценом, причем освещена она была с присущим ему талантом и изумительным блеском, в чем ни Лавров, ни Ткачев не могли сравняться со своим великим предшественником.

Но и в той мере, в какой Лавров касался данной темы, он недостаточно затрагивал историю освободительного движения, ограничиваясь преимущественно историей общественной мысли.

Так, у него имеются лишь разрозненные упоминания о декабристах — вопрос этот почти исчерпывающе в пределах возможностей того времени был освещен Герценом и Огаревым, мало упоминаний у Лаврова о Белинском, о кружках 30-х годов, общественном движении 40-х годов. Правда, в статье «Счеты русского народа» Лавров указал на протест против крепостничества, утверждая, что «свобода рабов не могла осуществиться по воле императорства, пока под ним не зашевелилась настоящая оппозиционная мысль, пока не высказался чахоточный Белинский, пока не загудел в Лондоне «Колокол» Герцена, пока подцензурный «Современник» не стал будящею силою для русской молодежи в руках Чернышевского» (*Л. ИС, II, 50*). Но таких экскурсов в произведениях Лаврова не так много.

Более обстоятельно раскрыл свое отношение к передовой общественной мысли Лавров в статье «Александр Иванович Герцен» (1875), опубликованной в связи с началом издания наследниками Герцена его первого собрания сочинений — начинания, вполне одобренного Лавровым.

Кстати, в этой статье Лавров объясняет, почему он так мало касается в своих изданиях вопросов современной литературы и общественной мысли. Он ссылается на то, что не хотел бы солидарностью с оппозиционными настроениями, изредка и в подцензурной форме высказываемыми в русской литературе, осложнять положение тех, кто их высказывает, привлекая внимание к ним цензурных органов и русских властей. Лавров здесь же объясняет и причины того, что он не вступает намеренно в полемику с теми из заграничных революционных изданий других направлений, чтобы не нарушать единства в борьбе с са-

модержавием — общим врагом всех революционеров (*Л. ИС, IV, 116—117*).

В статье Лаврова, посвященной Герцену, содержится попытка общего обзора истории русской общественной мысли, ее периодизации и стремление отметить характерные особенности каждого из этапов. Но в их оценке у Лаврова немало ошибок.

Первый период — начало 20-х годов, т. е. декабристский период, «энергичное стремление к лучшему политическому строю по иностранным образцам, с большою неопределенностью программы, с отрывочными, не ясно продуманными задачами, с крайней шаткостью даже в замечательнейших талантах и личностях» (*Л. ИС, IV, 124*). Подобная характеристика — результат слабого знакомства с программными документами декабристов.

«Затем тридцатые годы — эпоха подавленных, изломанных, изуродованных личностей, готовых судорожно ухватиться за католичество и за православие из ненависти к николаевщине» (*там же*). Лавров имеет в виду Чаадаева и славянофилов.

«Затем, в конце тридцатых и в сороковых годах, — продолжает Лавров, — возрождение мысли путем горячей и разносторонней полемики, которая велась и по поводу реализма в эстетике, и по поводу значения разных эпох в истории, и по поводу терминов метафизической философии, и по поводу реальных общественных задач; тяжелая пора, когда Белинскому и Бакунину приходилось ломать в собственной мысли старые идеалы, чтобы дать место уясняющейся реальной мысли. . . когда так жаль было старого мира, к которому так привыкли, но неотразимо росло убеждение в необходимости нового, совсем иного» (*Л. ИС, IV, 124*). Лавров свел историю общественной мысли к психологическим контрастам, не улавливая ее объективных исторических основ.

Несколько больше учитывается историческая действительность Лавровым в характеристике двух последующих периодов освободительного движения в России: «Затем, в 50-х годах и в начале 60-х, параллельно с крахом николаевщины и с карикатурными реформами первых времен александровщины, ожесточенный разрыв со старым, насмешливая карманьола «нигилизма» над разбитыми идеалами прошедшего с постановкой практических вопросов все более резкой, с озлоблением партий, которые уже

не могли ни уважать, ни выносить друг друга. Затем, в настоящую эпоху, полное уяснение программы и начало битвы. . . где враги имеют определенную задачу. . .» (*там же*).

Что же касается непосредственной задачи статьи — характеристики мировоззрения и деятельности Герцена, то, во-первых, статья ограничилась периодом до выезда Герцена за границу и не имела продолжения и, во-вторых, характеристика Герцена дана на фоне развития в России преимущественно лишь философской мысли, что было ближе Лаврову. Он, например, отвергал сравнение Герцена с Вольтером, данное издателями его сочинений в предисловии к первому тому, справедливо подчеркивая различие эпох и задач, стоящих перед этими деятелями.

Лавров отмечал энергию, обширный ум, громадный талант Герцена, революционность его убеждений, благотворность его влияния на идейное развитие Белинского, которому Герцен помог избавиться от «примирительных настроений» (*Л. ИС, IV, 120*).

Но статья все же была ниже возможностей Лаврова. Следует предполагать, что он сам остался ею недоволен и потому не опубликовал ее продолжения, в котором следовало дать оценку значительно более сложному — заграничному периоду деятельности Герцена.

Уделил Лавров внимание и другому выдающемуся деятелю русского освободительного движения — Н. Г. Чернышевскому, которого он ценил еще выше Герцена.

Впервые самую общую оценку деятельности Чернышевского Лавров дал в предисловии к «Письмам без адреса» — замечательному произведению Чернышевского, которое не могло быть напечатано в России и впервые было опубликовано Лавровым в 1874 г., когда Чернышевский находился в Сибири.

В кратком предисловии к этому изданию Лавров отметил исключительный авторитет Чернышевского, особенно в среде молодежи. Он называл Чернышевского «влиятельным публицистом», «любимцем молодежи», «одним из передовых мыслителей Европы по социологии в данную эпоху», «одним из самых светлых имен России» (*Л. ИС, III, 169*). «Николай Гаврилович Чернышевский, — писал Лавров, — был заметным уяснителем сложных задач со-

циологии в эпоху между главными произведениями Прудона и основными трудами Маркса» (там же).

Лавров гневно заклеил палачей Чернышевского — царское правительство и жандармов, не остановившихся перед подлогом, чтобы заточить Чернышевского; указывал, что он стал жертвой «высочайшего произвола, высочайшей ненависти», и выражал твердую уверенность, что он «не согнетса» (*Л. ИС, III, 170*).

Выступление Лаврова имело широкий резонанс в среде прогрессивной общественности Европы и являлось его несомненной заслугой.

Однако более развернутую характеристику деятельности Чернышевского Лавров дал в речи, ему посвященной, которую он произнес 18 ноября 1889 г., после кончины великого русского демократа. В этой речи Лавров оценил значение деятельности Чернышевского в связи с «ходом развития русской мысли».

Оценка Чернышевского дана в речи Лаврова на основе общих представлений оратора о роли выдающихся деятелей, как бы в порядке конкретизации социологических воззрений Лаврова. Среди выдающихся деятелей он выделил три категории: «ранние угадчики будущих истин», «полусознательные продукты своего времени, вынесшего их в первые ряды истории» и «деятели, понявшие основные задачи своего времени и сознательно двигавшие современное им общество по пути прогресса, возможному для этого общества»³⁴.

Лавров отнес Чернышевского к деятелям третьей категории, утверждая, что в его лице «историческая среда и историческая личность оказались... в гармоническом взаимодействии»³⁵, и подробно обосновал этот вывод в последующем изложении. Он охарактеризовал с этой целью эпоху, предшествующую началу деятельности Чернышевского, — 40-е годы, когда формировались воззрения выдающегося мыслителя. Эта эпоха отличается сочетанием различных влияний на оппозиционную мысль русской интеллигенции того времени: «В этой оппозиционной мысли смутно путались традиции Конвента, либерализма 30-х и 40-х годов, утопического и революционного социализма, экономические и политические элементы общест-

³⁴ П. Л. Лавров. *Философия и социология*, т. 2. М., 1965, стр. 659.

³⁵ Там же.

венной жизни. . . Даже самые передовые и трезвые представители русской мысли в эту эпоху, как автор «Кто виноват?» и «Писем об изучении природы», соединяли в одно: идеальное поклонение традиции радикализма 30-х годов с новыми задачами рабочего социализма, борьбу наций за освобождение — с борьбой общественных классов. То, что стояло или пыталось стать вне западноевропейского влияния, смешивало в народничестве элементы демократических и смутно социалистических требований с маскарадным славянофильством и романтическим поклонением формам быта, которые представляли не более как грустные переживания старого»³⁶.

Чернышевский с начала своей деятельности подверг решительному пересмотру эту амальгаму идей и теорий, преодолев «под грозным наблюдением цензуры все фетиши Запада», отыскал «прочную и здоровую почву теоретической и практической критики идей, людей и событий», «ясность и простоту» в построении нового мирозерцания³⁷. «Именно эти три задачи взял на себя «Современник» под руководством Николая Гавриловича Чернышевского»³⁸, который собрал вокруг себя талантливых сотрудников общего с ним направления.

Осветив далее различные стороны деятельности Чернышевского и вдохновляемого им «Современника», Лавров сделал вывод, что «Современник» «подготовил новые поколения людей, которые отреклись от всех идеалов старины, но для того, чтобы принести в жертву своим социально-революционным идеалам»³⁹. Статья завершается общим выводом — Чернышевский «выдвигается перед нами как одна из самых крупных исторических личностей по своему пониманию потребностей эпохи и по своему умению влиять на нее»⁴⁰.

Дав столь высокую оценку деятельности Чернышевского, Лавров нечетко определил его социальную позицию и политическую программу, но статья передает глубокое уважение Лаврова к великому демократу, раскрывает достаточно конкретно обусловленность деятельности Чернышевского его эпохой и содержит ценные суждения

³⁶ Там же, стр. 662.

³⁷ Там же, стр. 663.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, стр. 667.

⁴⁰ Там же, стр. 669.

Лаврова об идейной жизни России в середине прошлого века.

Революционные народники дали содержательную оценку крестьянской реформе 1861 г. Она замыкала для них историю, была ее итогом и вместе с тем определяла, по их убеждению, все те особенности современности, в условиях которой протекала вся их деятельность⁴¹.

Народники были продолжателями шестидесятников в своей резко отрицательной оценке крестьянской реформы, подчеркивая ее крепостнический характер, ограбление крестьянства. Некоторые вопросы истории реформы революционные народники могли представить и в действительности представляли яснее шестидесятников, в частности экономические предпосылки реформы⁴².

С другой стороны, признавая экономические причины реформы, Степняк-Кравчинский, например, преувеличивал роль в ее осуществлении «гуманных чувств» передовых людей России — «общественного мнения» (С.-К., стр. 75—76).

П. Л. Лавров в уже не раз цитированной статье «Счеты русского народа», с исключительной силой показав бедственное положение русского крестьянства после реформы в результате ее осуществления «сверху» (Л. ИС, III, 55—56), подчеркивал, что от Романовых и невозможно было ожидать иной реформы. В связи с этим он решительно противопоставлял реформам «сверху» социальную революцию как единственный способ радикального преобразования общественных отношений «снизу», в интересах угнетенных народных масс (Л. ИС, II, 192—194).

Революционные народники не сумели определить буржуазного содержания крестьянской реформы 1861 г. в отличие от Чернышевского, который сделал это именно в тех «Письмах без адреса», которые впервые опубликовал Лавров.

Известно, что народники и после реформы 1861 г. продолжали надеяться на крестьянскую земельную общину

⁴¹ Взгляды революционных народников на крестьянскую реформу 1861 г. получили достаточно разностороннее освещение в советской исследовательской литературе (см., например, «Историю русской экономической мысли», т. II, ч. I. М., 1959, гл. 12, 14, 15), и потому нами высказываются лишь общие соображения.

⁴² П. Н. Ткачев. Избранные сочинения, т. I. М., 1932, стр. 276; т. V. М., 1935, стр. 208—297.

в духе теории «русского социализма» как на оплот еще возможного, по их мнению, некапиталистического развития России и основу для утверждения социалистических отношений в ней в результате или народной крестьянской революции, или захвата власти заговорщиками.

При всем этом оценка крестьянской реформы 1861 г. революционными народниками решительно отличалась от ее оценки либеральными народниками, прославлявшими эту реформу как основу сохранения в России «народного производства». Позднее народники, оставшиеся верными революционным идеалам, резко критиковали такую оценку реформы, справедливо считая ее реакционной.

В литературном наследии Лаврова и других лидеров революционного народничества, его теоретиков и практиков содержится немало ценных материалов для характеристики истории самого революционного народничества, первыми исследователями которого они выступили. Однако это настолько большая, сложная и самостоятельная проблема, что она требует специального изучения.

Как мы убедились, революционные народники в своем понимании истории продолжали и развивали традиции революционно-демократической мысли 60-х годов.

Как и их непосредственные предшественники, революционные народники лучшими сторонами своих исторических воззрений были обязаны влиянию исторической концепции Чернышевского и Добролюбова. Но в истолковании исторического процесса у народников 70-х годов в большей мере, чем у демократических деятелей 60-х годов, обнаружились философский эклектизм, увлечение позитивистскими идеями, субъективно-идеалистические тенденции в решении ряда важных социологических проблем. В этой связи, очевидно, находился и тот факт, что у народников 70-х годов в большей мере проявилась зависимость от некоторых принципов либерально-буржуазной историографии (или сходство их выводов с этими принципами), притом не только от Костомарова, но и от представителей «государственной школы». Таковы, например, представления о надклассовом характере самодержавного государства, о создании им сословий в России и некоторые другие.

Вместе с тем революционным народникам принадлежала заслуга целенаправленного резкого разоблачения

реакционной внутренней и внешней политики московских князей и царей, в особенности представителей династии Романовых. Историческая публицистика революционных народников зачастую приобретала характер разоблачительных памфлетов, не свободных, разумеется, от крайностей и одностороннего освещения некоторых проблем истории России.

Революционная направленность исторических воззрений народников 70-х годов несомненна, и они в свое время имели немалое пропагандистское и агитационное значение. При всем этом в народнической историографии 70-х годов, опиравшейся на несостоятельные теоретические принципы, познавательные научные возможности, которые заключались в революционно-демократической исторической концепции на предшествующем этапе ее развития, начали иссякать.

Народническая историография 70-х годов представляла собой завершающий этап в развитии революционной исторической мысли в России в домарксистский период. Историческую науку в подлинном ее смысле в России с 80-х годов прошлого века стал представлять марксизм.

Заключение

Вопрос о необходимости изучения становления и развития революционной исторической мысли в России впервые был поставлен советскими исследователями. К настоящему времени достигнуты значительные успехи в этом направлении.

От накопления материала по отдельным вопросам и от изучения воззрений крупнейших представителей революционной исторической мысли исследователи перешли к изучению основных этапов в ее развитии, что сделало возможным освещение революционной исторической мысли в целом. Соединение разрозненных звеньев в единую цепь позволило определить условия возникновения революционной исторической мысли, ее специфику, этапы развития, преемственность идей и обогащение ее традиций, а также показать важнейшее значение революционной исторической мысли как предшественницы марксистской историографии в нашей стране.

Изучение революционной исторической мысли тем не менее не может считаться завершенным, оно, несомненно, должно продолжаться, но есть основание подвести ему некоторые итоги.

Революционная историческая мысль закономерно возникла в России в условиях кризиса феодальной системы как отражение протеста передовых людей страны против самодержавия и крепостничества. Ее зачинателем был первый русский революционер и республиканец А. Н. Радищев. В его произведениях она получила свое первоначальное выражение как следствие распространения революционных социально-политических воззрений Радищева на познание истории.

Но Радищев обосновал лишь исходные принципы ре-

волюционной исторической мысли в нашей стране. Еще довольно ограничен круг исторических проблем, привлекавших его внимание, некоторые из них отражены в его произведениях эпизодически. Он ограничивался преимущественно проблемами социологическими. Важнейшей среди них была проблема революции в общественном развитии, признание необходимости революционного обновления России, а также постановка вопроса о творческой роли народных масс в истории. В разрешении этих проблем Радищевым выявились демократические черты его исторических воззрений.

Более существенный вклад в развитие революционной исторической мысли внесли дворянские революционеры — декабристы. Историческая концепция декабристов опиралась на наследство Радищева, но была уже результатом коллективной мысли. Декабристы обращались и к передовой философско-исторической мысли Западной Европы. Они много сделали не только в революционно-патриотическом освещении широкого круга проблем истории России, находившейся в центре их внимания, но и в разработке вопросов всемирной истории, в осмыслении богатого исторического опыта человечества с революционных позиций. Они рассматривали историю России в тесной связи с европейской и мировой. Со времени декабристов это стало традицией революционной исторической мысли.

В движении декабристов были представлены, как известно, неоднородные течения, и это нашло отражение в исторических взглядах их представителей. Тем не менее есть основания говорить о единой в своих существенных чертах исторической концепции декабристов. Одной из ее характерных особенностей была направленность этой революционной концепции против официальной дворянской историографии в лице Н. М. Карамзина, считавшего самодержавие основной силой в русском историческом процессе. Начало борьбы с реакционной дворянской историографией было выдающейся заслугой декабристов.

Декабристы умели связывать вопросы истории с разрешением актуальных проблем современности, ставили исторический опыт на службу революционной борьбе, заложив этим основы новой замечательной традиции революционной исторической мысли в России. При всем этом в исторических воззрениях декабристов обнаруживались и черты их классовой ограниченности как революционе-

ров, страшно далеких от народа. Эти черты в дальнейшем преодолевались последующим поколением революционных деятелей в России.

Важнейшим этапом в развитии революционной мысли был революционно-демократический, когда на смену дворянским революционерам пришли революционеры-разночинцы. Но этот процесс, как известно, начался еще в пределах дворянского этапа освободительного движения и нашел свое отражение в деятельности великого русского демократа В. Г. Белинского. Он был первым представителем нового поколения революционеров, и с его именем связано первоначальное оформление революционно-демократического направления исторической мысли в России.

Белинский существенно углубил философские основы революционного понимания истории, применив для ее истолкования идеалистическую диалектику и представляя в соответствии с этим исторический процесс как развивающийся в борьбе нового со старым. В исторических воззрениях Белинского впервые воплотились его утопическо-социалистические убеждения. Они получили отражение в представлении Белинского об историческом процессе как бесконечном общественном прогрессе, который неизбежно приведет к утверждению социалистических отношений. Признание Белинским творческой и решающей роли народных масс в истории и важного значения экономических факторов свидетельствовало о его материалистических догадках в истолковании исторического процесса, что, однако, не означало преодоления им идеалистического понимания истории.

В произведениях Белинского дано более полное освещение проблем всеобщей истории, чем у декабристов, получили оценку ее важнейшие этапы. Повышенный интерес проявлял Белинский, как и все революционные деятели, к событиям новейшей истории стран Западной Европы. Во взглядах Белинского на современные явления западноевропейской жизни отразились его антибуржуазные, социалистические убеждения в защите интересов угнетенных народных масс.

В изучение проблем истории России, которым Белинский уделял преобладающее внимание, он также внес весьма существенный вклад, развивая и обогащая традиции своих революционных предшественников.

Во многом единомышленниками и продолжателями Белинского являлись петрашевцы, исторические взгляды которых до сих пор не изучались. Единство взглядов петрашевцев и Белинского выражалось в трактовке ими ряда важных историко-социологических проблем, а также конкретных вопросов всеобщей и русской истории. Особое внимание петрашевцы уделяли истории революционной борьбы Западной Европы, а также социальным проблемам, в чем отразились их утопическо-социалистические устремления. Кружки петрашевцев были неоднородны. Однако большинство петрашевцев во главе с самим М. В. Буташевичем-Петрашевским содействовали обогащению революционной исторической мысли в России.

Особое место в развитии революционной исторической мысли занимают исторические взгляды выдающихся представителей освободительного движения в России А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Своей деятельностью они связали дворянский и разночинский этапы освободительного движения и передовой общественной мысли в России. Процесс смены этих этапов во всей его сложности и противоречивости отразился в развитии их мировоззрения, в частности в исторических взглядах.

Ведущая роль в разработке исторических проблем принадлежала, несомненно, Герцену. Он глубоко и основательно освещал теоретические проблемы исторической науки. Герцен не только применил диалектический метод к познанию истории, но саму диалектику истолковал как «алгебру революции». В центре внимания Герцена и Огарева находились переломные этапы мировой истории, и в особенности революционные события новейшего времени.

В понимании перспектив исторического развития человечества у Герцена и Огарева отчетливо выявились их социалистические убеждения. Более того, в заграничный период своей деятельности они разработали утопическую теорию «русского социализма» и были убеждены в том, что эта теория указывает пути утверждения социалистических отношений в России. В заграничный же период у Герцена более четко определились антибуржуазные убеждения, чему способствовало осмысление им опыта революции 1848 г. в Западной Европе. Тогда же выявились и глубокие материалистические догадки Герцена в истолковании истории, что выразилось в трактовке им роли

народных масс и личности в истории, роли государственной организации, признании значения революционной борьбы пролетариата, в том, что Герцен в последние годы жизни «обратил свой взор к I Интернационалу».

Наибольшие заслуги Герцена и Огарева, несомненно, связаны с разработкой ими проблем истории России, особенно в заграничный период их деятельности. В отличие от декабристов и Белинского они подвергли критике не только дворянскую, но уже и буржуазную историографию, противопоставив той и другой свои принципы изучения истории. Они были сильны не только в критике исторических теорий, но и в позитивной разработке исторических проблем, внося много нового в истолкование вопросов истории России с древнейших времен и до своего времени. Особенно важны заслуги Герцена и Огарева в широком и во многом первоначальном изучении истории так называемого петербургского периода, освещение которого было крайне затруднено для революционных деятелей в самой России. Публикация ценнейших материалов, имевших большое значение для исторической науки, освещение народных антикрепостнических восстаний, освободительного движения в России, особенно героического выступления декабристов, истории передовой общественной мысли в России, установление теснейшей связи этих проблем с разрешением важнейших вопросов революционной борьбы с самодержавно-крепостническим строем — таков вклад Герцена и Огарева в развитие революционной исторической мысли. Значение этого вклада еще более усиливалось блестящей пропагандой Герценом революционных исторических воззрений, которые благодаря этому приобретали широкую европейскую известность.

Герцен и Огарев, наиболее обстоятельно разрабатывая историю освободительного движения в России, заложили основы еще одной славной традиции революционной исторической мысли, которая была воспринята и развита марксистской историографией.

Но при всех своих выдающихся заслугах Герцену и Огареву не удалось все же создать цельной и стройной исторической концепции с последовательно развитыми революционно-демократическими принципами. Эта заслуга принадлежала Н. Г. Чернышевскому и Н. А. Добролюбову, исторические взгляды которых знаменовали вер-

шину в развитии революционной домарксистской исторической мысли в России. Никто из революционных деятелей домарксистского периода не достигал такой глубины в критике дворянской и в особенности либерально-буржуазной историографии, как Чернышевский и Добролюбов. Они осознали социальную сущность буржуазной историографии и связали ее критику с критикой политических позиций буржуазного либерализма.

Чернышевский и Добролюбов наиболее полно определили задачи демократической исторической науки, ее содержание и перспективы развития. Они дали наиболее глубокое истолкование всех важнейших теоретических проблем исторической науки, закономерностей и движущих сил истории с революционно-демократических позиций. Чернышевский и Добролюбов рассматривали важнейшие исторические вопросы в связи с актуальными политическими проблемами современности, прежде всего с обоснованием необходимости народной, крестьянской революции в России. В решении Чернышевским и Добролюбовым таких важнейших проблем, как роль народных масс и личности в истории, значение экономического фактора, государственной организации, соотношения реформ и революции в историческом процессе и некоторых других, с наибольшей определенностью выявились материалистические тенденции в их воззрениях, хотя и им не удалось в конечном итоге преодолеть исторический идеализм.

Главнейшая заслуга Чернышевского и Добролюбова, несомненно, заключалась в разработке ими теоретических проблем исторической науки. Но весьма значителен их вклад в разработку конкретных вопросов истории России и Западной Европы. Однако для Чернышевского и Добролюбова оказались в условиях самодержавной России запретными многие темы новейшей русской истории. Тем не менее они умели и в подцензурных произведениях связывать вопросы истории России с разрешением актуальных проблем современности. Некоторые же из этих проблем Чернышевский освещал с исключительной глубиной и демократической последовательностью в трудах, избежавших цензурных преследований. В этом убеждают в особенности его «Письма без адреса», в которых дан гениальный анализ крестьянской реформы в России, высоко оцененный В. И. Лениным.

Революционная устремленность воззрений Чернышевского и Добролюбова и обусловленная этим публицистическая заостренность их исторических работ не мешала им соблюдать принцип историзма, научную объективность в анализе исторических явлений в пределах, доступных идеологам демократического движения, и это составляло ценную особенность исторических взглядов виднейших идеологов русской демократии. В результате такого осмысления истории революционная мысль приобретала важное научное значение, раскрывая новые стороны исторического процесса и обогащая историческую науку разработкой кардинальных проблем.

Таким образом, развитие революционной исторической мысли в России, как мы убедились, — процесс все более глубокого постижения ее крупнейшими представителями закономерностей истории, процесс непрерывного расширения и более полного разрешения проблем истории и современности с революционных и демократических позиций, т. е. процесс развития по восходящей линии.

Историческая концепция Чернышевского и Добролюбова оказала значительное влияние на их соратников и последователей, а также на демократически настроенных историков, деятельность которых развернулась в 60-е годы и в последующие десятилетия. Среди них следует выделить Н. В. Шелгунова, Д. И. Писарева, профессионального историка А. П. Щапова. В 60-х годах испытал воздействие идей Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова Г. З. Елисеев. Каждый из этих деятелей отличался своеобразием интересов, характером разработки исторических проблем. Так, Писарев внес вклад преимущественно в изучение теоретических проблем исторической науки и вопросов всеобщей истории; Шелгунов сверх этого уделил много внимания вопросам русской истории и выступал наиболее последовательным продолжателем идей Чернышевского не только в 60-х годах, но и в последующие десятилетия. Щапов разрабатывал вопросы истории раскола в России, освоение народом новых пространств страны, о роли народных масс в развитии общественных учреждений и этим обогащал демократическую историческую мысль. Взгляды Елисеева характерны совмещением в них демократических и либеральных тенденций, причем последние в конечном счете возобладали. Много сделали для пропаганды революционно-демократи-

ческих воззрений на историю России И. А. Худяков и И. Г. Прыжов.

Однако наряду с несомненными заслугами этих деятелей в обогащении демократической исторической мысли теоретический уровень их исторических взглядов был ниже воззрений Чернышевского и Добролюбова. Все они в той или иной мере страдали эклектизмом, склонностью к позитивизму, что свидетельствует о том, что в революционной исторической мысли в 60-х годах стали впервые проявляться признаки упадка.

Эти тенденции усилились в исторических воззрениях революционных народников. Среди идеологов народничества 70-х годов своим интересом к изучению проблем социологии и истории выделялся П. Л. Лавров. Он разрабатывал широкий круг теоретических и конкретных проблем истории, в особенности всеобщей, и внес заметный вклад в их изучение с революционно-демократических позиций, что особенно ярко выразилось в анализе Лавровым итогов буржуазных революций в Западной Европе и Северной Америке и глубоко сочувственной оценке Парижской коммуны. Лавров испытал и некоторое влияние отдельных положений марксизма. Тем не менее в его исторических взглядах проявились не только элементы позитивизма, но и в особенности субъективный идеализм, что выразилось в преувеличении им роли интеллигенции («критически мыслящих личностей») в истории. У других идеологов революционного народничества — М. А. Бакунина, П. Н. Ткачева, В. В. Берви-Флеровского в трактовке исторических проблем очевидны анархистские и волюнтаристские устремления.

Что же касается вопросов русской истории, то, стремясь разоблачить царизм, на борьбу с которым революционные народники направляли все свои усилия, они все более сводили историю России к противоборству народных масс и передовой интеллигенции с самодержавием. В этой связи идеологи революционного народничества высоко оценивали народные движения, особенно восстание, возглавленное Е. И. Пугачевым, а также освободительное движение в России и ее передовую общественную мысль. Однако освещение политической истории России они все более сводили к разоблачительному памфлету, отступая от принципов историзма и всестороннего освещения исторических проблем. Более того, эклектиче-

ский характер воззрений народников на историю России подчеркивался тем, что они революционную трактовку ее причудливо сочетали с зависимостью от буржуазной историографии, с утверждениями о надклассовом характере самодержавия, о борьбе всех классов России с ним и т. п. Поэтому, несмотря на определенные успехи, достигнутые в разработке проблем отечественной и в особенности вопросов новейшей западноевропейской истории, в революционной исторической мысли этого периода все заметнее элементы упадка. Народническая историография 70-х годов знаменует завершающий этап в развитии революционной исторической мысли в России в домарксистский период.

Достижения революционных деятелей России в разработке исторических проблем доказывают исключительную широту и многообразие их исторических интересов, содержательность и глубину их исторических взглядов, а также плодотворность их деятельности для русской исторической науки. История последней немыслима без оценки содержания и развития революционной исторической мысли.

Мы убедились, что в трактовке исторических проблем у идеологов революционного движения в России, даже у крупнейших из них — у Чернышевского и Герцена, обнаруживались слабые стороны — исторический идеализм, одностороннее освещение некоторых исторических проблем. В исторических взглядах деятелей 60—70-х годов эти слабые стороны усилились. В сложных и противоречивых условиях пореформенной России, особенно на новом этапе развития освободительного движения, когда его основной силой становился пролетариат, научное объяснение истории могло быть дано лишь с позиций марксистской теории, выражавшей интересы революционного пролетариата. На основе этой теории исследователи выявили слабые стороны домарксистской революционной исторической мысли. Но эта же теория позволила им научно оценить и позитивное значение революционной исторической мысли, преемственность ее важнейших революционных идей и традиций и, что особенно существенно, сделать важнейший вывод о том, что революционная историческая мысль идейно подготовила почву для утверждения марксистской историографии в России. Последняя, как известно, начала развиваться с 80-х годов прошлого века.

Революционная историческая мысль в России вместе с тем была и остается наиболее близкой к марксистскому пониманию истории своим демократическим содержанием и революционной направленностью взглядов ее виднейших представителей — идеологов революционной демократии, материалистическими тенденциями в разрешении теоретических проблем исторической науки и научными элементами в истолковании отечественной и всемирной истории.

Указатель имен

- Аксаков К. С.** — 193
Александр I — 61, 168, 176, 179, 180
Александр II — 152, 178, 306
Александр Македонский — 30, 256
Алексей Михайлович, царь — 59, 103, 277, 317
Алпатов М. А. — 24
Аничков Е. В. — 8, 14
Антонов В. Ф. — 286—287, 297, 302—303
Антонович М. А. — 204, 247
Аполлоний Тианский (Ἄπολλωνίος ὁ Τυανεύς) — 253, 255
Аптекман О. В. — 311
Аракчеев А. А. — 179
Аристов Н. Я. — 243
Аристотель (Ἀριστοτέλης) — 56, 255
Ашхарумов Д. Д. — 118, 121, 124
Бабёф (Babeuf) Гракх — 251
Бакунин М. А. — 213, 288, 290, 292—293, 296, 311, 327, 341
Баласогло А. П. — 118, 121, 132, 133—134
Баскаков В. Г. — 11
Батеньков Г. С. — 64
Белецкий П. И. — 116
Белинский В. Г. — 3, 6, 8, 11—12, 16, 18, 35, 67—113, 115—116, 118—120, 124—126, 128, 130, 133—136, 141, 144, 147, 156, 160, 168, 192—193, 195—196, 199—200, 203—204, 207—208, 214—215, 227, 231—237, 239, 257, 267, 269, 278, 316, 318, 326—328, 336—338
Беляев И. Д. — 312, 319
Берви-Флоровский В. В. — 286—288, 299—301, 303, 311, 322, 341
Бестужев А. А. — 40, 55, 58
Бестужев Н. А. — 40, 44—45, 50, 57, 63—64, 176—177
Бирон Эрнст Иоганн — 169
Бисмарк (Bismarck) Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен — 306
Блан (Blanc) Луи — 94, 127, 131, 223
Блудов Д. Н. — 181
Бокль (Buckle) Генри Томас — 202, 206, 210
Боншоз (Bonpechoso) Франсуа Поль Эмиль де — 126
Борджиа (Borgia) Лукреция — 170
Бордюков И. И. — 221
Борис Годунов, царь — 58, 162—163, 237, 271, 274
Боткин В. П. — 76, 80—81, 110, 193
Булгарин Ф. В. — 72
Буташевич-Петрашевский М. В. — 115—120, 122—130, 132, 134, 135, 196, 337
Бушуев С. К. — 137
Вадковский Ф. Ф. — 177
Валлон (Wallon) Анри — 125

- Вашингтон (Washington) Джордж — 304
- Венюков М. И. — 286
- Виленская Э. С. — 11, 21, 23—24
- Владимир I (Владимир Свято-славич), кн. — 56, 98
- Волк С. С. — 11—12, 21, 39—41
- Володин А. И. — 79, 202
- Вольтер (Voltaire) Франсуа Мари Аруэ — 92, 320, 328
- Воронцов А. Р. — 23
- Гавацци (Gavazzi) Алессандро — 224
- Галактионов А. А. — 288
- Галилей (Galilei) Галилео — 30
- Галлуа (Gallois) Люсьен — 127
- Гарибальди (Garibaldi) Джузеппе — 224
- Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих — 22, 47, 78—79, 87, 152, 198, 202, 216
- Гервинус (Gervinus) Георг Готфрид — 206, 210
- Гердер (Herder) Иоганн Готфрид — 72
- Геродот (Ἡρόδοτος) — 56
- Герцен А. И. — 3, 6—9, 11—12, 16, 18, 56, 62—63, 67—68, 70, 77, 115—116, 119, 124—125, 136—200, 203—204, 207—208, 214, 222—223, 231, 233, 235, 237, 239, 242, 244, 247, 267, 269, 280, 284, 295—297, 316, 318, 321, 324—328, 337—338, 342
- Гиббон (Gibbon) Эдуард — 87, 125
- Гизо (Guizot) Франсуа Пьер Гийом — 50, 72, 74, 87, 125, 142, 147, 202, 216—217, 229, 230
- Гильфердинг А. Ф. — 310
- Глинка Ф. Н. — 61—62
- Гоголь Н. В. — 68, 98, 108, 116, 168, 197
- Годунов Борис — см. Борис Годунов
- Головинский В. А. — 121, 124, 126
- Гомер (Ἵμῆρος) — 56
- Горбунов М. А. — 21, 23
- Грановский Т. Н. — 78, 125—126, 192—193, 202, 206, 216
- Греч Н. И. — 72
- Грибоедов А. С. — 197
- Григорьев Н. П. — 118, 136
- Гус (Hus) Ян — 256, 276
- Данилов Кирша — 164
- Дантон (Danton) Жорж Жак — 129
- Дашкова Е. Р. — 168
- Дебу И. М. — 129
- Демулен (Desmoulins) Камилл — 259
- Державин Г. Р. — 135
- Десницкий С. Е. — 21, 30
- Дидро (Diderot) Дени — 31, 320
- Дизраэли (Disraeli) Бенджамин — 306
- Дмитрий Донской, кн. — 58
- Добролюбов Н. А. — 3, 5—8, 10—12, 15—16, 18, 67, 87, 113, 139—140, 156, 158, 160, 199—210, 212, 251, 253, 260, 264—265, 268, 272, 278, 280—281, 283—284, 287, 290, 296, 315—317, 332, 338—341
- Довнар-Запольский М. В. — 39
- Дружинин Н. М. — 56, 287—288, 300—301
- Евграфов В. Е. — 114
- Екатерина II — 28, 34, 60, 63, 110—111, 135, 163, 168—172, 265, 280—281
- Елизавета Петровна, имп. — 37
- Елисеев Г. З. — 204, 243, 247, 262, 265, 340
- Ермак — 36
- Желвакова И. А. — 138, 168, 177
- Жеребцов Н. А. — 227
- Завалишин Д. И. — 48, 63—64, 136
- Захарина В. Ф. — 311, 323
- Зильберман И. Б. — 288
- Зильберфарб И. И. — 114
- Иван Калита, кн. — 97, 159
- Иван III — 34—35, 57, 100—102, 132, 237, 269
- Иван IV (Грозный) — 34—35,

- 57, 101—102, 170, 237, 269—271, 315
- Иванов-Разумник Р. В. — 7
- Иллерицкий В. Е. — 11—12, 69—70
- Иловайский Д. И. — 263
- Ишимова А. О. — 97
- Кабе (Cabet) Этьенн — 94, 131
- Кавелин К. Д. — 101, 157, 165, 193, 217—218, 267
- Кавеньяк (Cavaignac) Луи Эжен — 221, 223
- Кавур (Cavour) Камилло Бенсо — 224
- Кайданов И. К. — 75
- Камков Б. Д. — 285
- Каразин В. Н. — 176
- Карамзин Н. М. — 43, 50, 54—55, 57, 72, 74, 99—101, 108—109, 116, 132, 156, 335
- Кареев Н. И. — 285
- Карл I, англ. король — 32
- Карл X, франц. король — 221
- Карл Великий (лат. Carolus Magnus, франц. Charlemagne) — 256, 280
- Карлейль (Carlyle) Томас — 250
- Каррель (Carrel) Алексис — 147
- Карякин Ю. Ф. — 20, 23
- Кафенгауз Б. Б. — 24, 40
- Каченовский М. Т. — 72, 74
- Кашкин Н. С. — 118, 119, 136
- Кинглек (Kinglake) Александер Уильям — 225—227
- Кине (Quinet) Эдгар — 127
- Клейнмихель П. А. — 169
- Клочков М. В. — 8, 14
- Ключевский В. О. — 8
- Козельский Я. П. — 21
- Козьмин Б. П. — 137
- Колумб (Columbus) Христофор — 257
- Кольцов А. В. — 192
- Константин Павлович, вел. кн. — 188
- Конт (Cointe) Огюст — 115, 120, 291
- Корнилович А. О. — 40, 44—45, 49, 56—57, 59
- Корф М. А. — 62, 175—176, 181, 183, 218
- Костомаров Н. И. — 227, 263—265, 269, 312—313, 332
- Критские, братья (Петр, Михаил, Василий) — 191
- Кромвель (Cromwell) Оливер — 32
- Кропоткин П. А. — 311
- Кружков В. С. — 11—12
- Крупская Н. К. — 287, 302
- Кутузов М. И. — 62
- Кутузов Н. И. — 48—49
- Кюхельбекер В. К. — 45, 52
- Лавров П. Л. — 285—287, 290—292, 296, 299, 301—311, 313, 315—316, 319—332, 341
- Ламанский Е. И. — 125
- Лебедев П. И. (В. Полянский) — 10
- Ледрю-Роллен (Ledru-Rollin) Александр Огюст — 223
- Лейкина-Свирская В. Р. — 114
- Лейнадье К. — 127
- Лелевель (Lelewel) Иоахим — 54
- Ленин В. И. — 6, 8—10, 42, 47, 50, 68—69, 82, 140, 144, 148, 152, 156, 184, 201, 209—210, 223, 228—229, 231, 290, 292, 294—295, 339
- Лермонтов М. Ю. — 101, 168, 197
- Леру (Leroux) Пьер Анри — 94, 131
- Лжедмитрий I — 274
- Ломоносов М. В. — 30, 34, 36—37, 54, 110, 135, 160
- Лопухин И. В. — 168
- Лоренц Ф. К. — 84
- Луини М. С. — 44, 49, 55—57, 63, 177
- Людовик XV, франц. король — 30
- Людовик XVIII, франц. король — 221
- Лютер (Luther) Мартин — 256
- Мабли (Mably) Габриель Бонно де — 45
- Магницкий М. Л. — 320
- Мажен И. — 125
- Мак-Магон (Mac-Mahon) Мари Эдм Патрис Морис — 306
- Макогоненко Г. П. — 21, 23

- Маколей (Macauley) Томас
 Бабингтон — 217, 229
 Малинин В. А. — 288, 296
 Марат (Marat) Жан Поль —
 129, 259
 Маркевич Н. А. — 97, 101
 Маркина Н. Л. — 286
 Маркс (Marx) Карл — 82, 88,
 154, 221, 223—224, 228, 241,
 245, 252, 260, 299, 302—303,
 307—308, 315, 329
 Марсель (Marcel) Этьенн — 220
 Мартыновская В. С. — 114
 Мессалина — 170
 Меттерних (Metternich-Winne-
 burg) Клеменс Венцель Ло-
 тар — 253
 Миллер Г. Ф. — 36
 Милюков П. Н. — 7, 20
 Милютин В. А. — 123
 Минин, Захарьев-
 Сухорук К. М. — 102, 162,
 261
 Миних Б. К. (X. A.) — 169
 Минье (Mignet) Франсуа Огюст
 Мари — 50, 74, 142
 Мирзоев В. Г. — 64, 136
 Мирославский (Miroslaw-
 ski) Л. — 127
 Миртов П. — см. Лавров П. Л.
 Михаил Федорович, царь — 58,
 103, 162, 277
 Михайлов М. И. — 19, 204, 232,
 321
 Михайловский Н. К. — 290, 292
 Мицкевич (Mickiewicz) Адам —
 136
 Момбелли Н. А. — 118, 126, 130,
 136
 Монтескье (Montesquieu)
 Шарль Луи — 170
 Муравьев В. А. — 243
 Муравьев Н. М. — 16, 40, 43—
 44, 52, 54—57, 60, 63, 177
 Муравьев-Апостол М. И. — 63
 Муханов П. А. — 61
 Мюнцер (Münzer) Томас — 128,
 256
 Наполеон I (Napoléon Bona-
 parte) — 42—43, 61—62, 92,
 123, 129—130, 173, 212, 240,
 256, 261, 321
 Наполеон III (Napoléon III)
 Шарль Луи Наполеон Бона-
 парт — 221, 223, 230
 Насонкина Л. И. — 71, 141
 Некрасов Н. А. — 246
 Нерон Клавдий Цезарь (Clau-
 dius Caesar Nero), римск.
 имп. — 30
 Нессельроде К. В. — 169
 Нечаева В. С. — 71
 Нечкина М. В. — 21, 41
 Нибуэр (Niebuhr) Бартольд Ге-
 орг — 216
 Никандров П. Ф. — 288
 Николай I — 63, 157, 175—176,
 185, 194, 320—321
 Ницш (Nitsch) К. В. — 125
 Новиков Н. И. — 320
 Норов В. С. — 61, 62
 Ньютон (Newton) Исаак — 30
 Огарев Н. П. — 6—7, 12, 18—
 19, 56, 63, 137—139, 143, 155—
 156, 168, 175—181, 183, 187—
 189, 191—193, 195—200, 203—
 204, 208, 214—215, 222, 233,
 235—236, 242, 244, 247, 269,
 280, 284, 321, 326, 337, 338
 Орлов М. Ф. — 61
 Остерман А. И. (Генрих Иоганн
 Фридрих) — 169
 Островский А. Н. — 8
 Оуэн (Owen) Роберт — 206
 Павел I — 61, 172
 Панин Н. И. — 60
 Паприц Е. — 241
 Парис (Parish) М. — 126
 Пестель П. И. — 16, 44, 49, 51—
 53, 63, 178, 182—186
 Петр I — 30, 35, 37, 58, 59, 63,
 65, 73, 81, 97, 99, 101—110,
 132—135, 138, 142, 158, 160,
 163—170, 227, 237—240, 269,
 272, 274, 277—279, 317—320
 Петр III — 323
 Петр III—323, см. Пугачев Е. И.
 Петрашевский М. В. — см. Бу-
 ташевич-Петрашевский М. В.
 Пиндар (Πυδαρος) — 56
 Пирумова Н. М. — 12, 138, 297,
 312
 Писарев Д. И. — 18, 204, 222,
 244—255, 257—262, 266—267,
 278—279, 283—284, 340

- Платон (Πλάτων) — 56, 255
Плеханов Г. В. — 8, 69, 294
Плимак Е. Г. — 20, 23
Погодин М. П. — 72, 74, 116, 144, 157, 218, 227, 234
Поджио А. В. — 53, 60, 63, 136
Пожарский Д. М., кн. — 58, 162
Покровский М. Н. — 10
Покровский С. А. — 11, 12
Полевой К. А. — 110
Полевой Н. А. — 71, 72, 101, 116, 142, 191
Полежаев А. И. — 194
Полянский В. — см. П. И. Лебедев
Предтеченский А. В. — 11, 40
Приказчикова Е. В. — 23
Прыжов И. Г. — 242, 247, 262, 266, 268—272, 284, 312, 341
Пугачев В. В. — 65
Пугачев Е. И. — 20, 26, 28, 60, 64, 110—111, 163—164, 171—172, 231—232, 280—283, 304, 322—325, 341
Пушкин А. С. — 60, 63—64, 71—72, 111, 168—169, 172, 191, 197
Пушин И. И. — 177
- Радищев А. Н. — 3, 6, 9, 11—12, 16, 20—38, 41, 44—47, 51—52, 54—55, 57, 65, 67, 70, 72, 95, 116, 127, 133, 160, 168, 171—172, 182, 198—200, 269, 320, 334, 335
Разин С. Т. — 30, 37, 58, 163—164, 171, 231, 263, 274—277, 282, 316—317, 323
Ранке (Ranke) Леопольд фон — 87
Рейналь (Raynal) Гийом — 31, 45
Робеспьер (Robespierre) Максимилиен Мари Изидор де — 81, 129, 304
Романовы, царская династия — 320—322, 331, 333
Рубинштейн Н. Л. — 14, 15, 39
Руссо (Rousseau) Жан Жак — 45, 47, 118, 213
Рюрик, кн. — 34, 55, 234
Рылев К. Ф. — 40, 44, 52—53, 58, 168, 172, 176, 182, 184, 188, 194
- Салтыков-Щедрин М. Е. — 246
Светлов Л. Б. — 23, 45
Семевский В. И. — 39, 116—117, 308
Семенников В. П. — 23
Сен-Жюст (Saint-Just) Луи Антуан Леон — 81
Сен-Симон (Saint-Simon) Клод Анри де Рувруа — 47, 78, 93, 130—131, 142, 198
Сергеевич В. И. — 312, 313
Серно-Соловьевич Н. А. — 19, 204, 247
Сиповский В. В. — 109
Смарагдов С. Н. — 79, 83, 84, 86
Смирнова З. В. — 138, 145
Соловьев С. М. — 78, 100—101, 103, 108, 116, 132, 157, 161, 165, 202, 217—218, 226, 262, 267, 312
Спешнев Н. А. — 120, 122
Сперанский М. М. — 283
Станиславская А. М. — 286, 311
Станкевич Н. В. — 72, 191, 192, 227
Стасюлевич М. М. — 309
Стеклов Ю. М. — 10
Степняк-Кравчинский С. М. — 312—319, 322, 331
Струве П. Б. — 294
Суворов А. В. — 111, 173, 321
Сунгуров Н. П. — 191
Сухоруков В. Д. — 44, 57—58
Сю (Sue) Эжен — 83, 93, 94, 130
- Тараканов Н. Г. — 138, 139
Татарнинова Л. Е. — 71
Татищев В. Н. — 33, 36, 132
Твардовская В. А. — 297
Тиссо (Tissot) Пьер-Франсуа — 127
Ткачев П. Н. — 290, 293, 296, 311, 315, 325—326, 331, 341
Толь Ф. Г. — 116—117
Третьяков И. Я. — 30
Трубецкой С. П. — 177
Тургенев А. И. — 65
Тургенев Н. И. — 40, 44, 49, 51, 57, 64—65, 132

- Тьер (Thiers) Луи-Адольф — 127, 130
 Тьерри (Thierry) Жак Никола Огюстен — 50, 72, 74, 87, 125, 142, 202, 217
 Турго (Turgot) Анн Робер Жак — 220, 221
 Уваров С. С. — 72, 157
 Усакина Т. — 114
 Устрялов Н. Г. — 16, 116, 132, 157, 218, 227, 238
 Федор Алексеевич, царь — 103
 Федоров М. Г. — 138
 Федосов И. А. — 114
 Фейербах (Feuerbach) Людвиг Андреас — 115, 118, 202
 Филипп II, исп. король — 256
 Филиппов П. Н. — 118
 Фонвизин М. А. — 59—61
 Фонвизин Д. И. — 60
 Франклин (Franklin) Бенджамин — 37
 Фукидид (Θουκυδίδης) — 56
 Фурье (Fourier) Франсуа Мари Шарль — 78, 93, 114, 115, 117, 118, 120, 130, 131
 Ханыков А. В. — 117, 120—121, 124, 133—134
 Хмельницкий Богдан — 263—264
 Хомяков А. С. — 193
 Худяков И. А. — 242, 247, 262, 265—266, 268—272, 284, 308, 312, 341
 Цамутали А. Н. — 242—243, 247, 262, 266—267, 269—270, 272
 Цебриков Н. Р. — 177
 Чаадаев П. Я. — 107, 190—191, 327
 Черепнин Л. В. — 24, 29, 64
 Чернышевский Н. Г. — 3, 5—12, 14—15, 18—19, 67—68, 87, 108, 113, 136, 139—140, 150, 156, 158, 160, 196, 199—251, 253, 259—260, 264—265, 267—268, 272, 280—281, 283—284, 287, 290, 295—297, 303, 315—316, 321, 326, 328—332, 338—342
 Чесноков Д. И. — 11, 12, 137
 Чичерин Б. Н. — 206, 217—218, 226—227, 229—230, 234, 262—263, 267, 315
 Шапиро А. Л. — 11
 Шахназаров И. Д. — 10
 Пашков С. С. — 242, 262
 Шевырев С. П. — 72, 144
 Шелгунов Н. В. — 12, 19, 204, 222, 243—245, 247—262, 265—277, 279—284, 298, 308, 312, 315, 317, 323, 340
 Шеллинг (Schelling) Фридрих Вильгельм Йозеф — 47, 72, 144, 152
 Шлоссер (Schlosser) Фридрих Кристоф — 147, 202, 216, 221
 Штейнгель В. И. — 45, 59—61, 64
 Штранге М. М. — 29
 Шапов А. П. — 204, 246—247, 262, 265, 308, 340
 Щербатов М. М. — 33—34, 36, 168
 Эверс Иоганн Филипп Густав — 47
 Эйдельман Н. Я. — 138, 177
 Эльсберг Я. И. — 137
 Энгельс (Engels) Фридрих — 82, 88, 155, 223, 228, 241, 245, 252—253, 260, 303, 315
 Якушин В. Е. — 63
 Якушкин И. Д. — 177

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	3
<i>Глава I. А. Н. Радищев — зачинатель революционной исторической мысли в России</i>	20
<i>Глава II. Основные черты исторических воззрений декабристов</i>	39
<i>Глава III. У истоков революционно-демократической исторической мысли. В. Г. Белинский</i>	67
<i>Глава IV. Исторические взгляды петрашевцев</i>	114
<i>Глава V. Исторические взгляды А. И. Герцена и Н. П. Огарева</i>	137
<i>Глава VI. Высший этап в развитии революционно-демократической исторической мысли. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов</i>	200
<i>Глава VII. Проблемы истории в оценке революционных деятелей 60-х годов</i>	242
<i>Глава VIII. Завершающий этап в развитии домарксистской революционной исторической мысли в России</i>	285
<i>Заключение</i>	334
<i>Указатель имен</i>	344

Иллерицкий В. Е.

И 43 Революционная историческая мысль в России
(Домарксистский период). М., «Мысль», 1974.

350 с.

Данная книга — первое обобщенное исследование, посвященное развитию революционной исторической мысли в России со времени ее зарождения и до утверждения марксизма в нашей стране. В ней рассматриваются теоретические основы исторической концепции выдающихся революционных деятелей: А. Н. Радищева, декабристов, В. Г. Белинского, петрашевцев, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, плеяды деятелей 60-х годов, а также идеологов революционного народничества.

И $\frac{10604-259}{004(01)-74}$ 86-75

1 ФС

Иллерицкий, Владимир Евгеньевич

***Революционная
историческая
мысль
в России***

(Домарксистский период)

Редактор *Ю. В. Мочалова*

Младший редактор *Е. Р. Зазульская*

Оформление художника *А. Ф. Сергеева*

Художественный редактор *А. А. Брантман*

Технический редактор *Л. П. Гришина*

Корректор *Л. Ф. Кирилина*

Сдано в набор 17 мая 1974 г. Подписано в печать 20 сентября 1974 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Усл. печатных листов 18,48. Учетно-издательских листов 19,18. Тираж 9000 экз. А 08129. Заказ № 466. Цена 1 р. 36 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.

1р.38и

В.Е.ИЛЬЕРИЦКИЙ